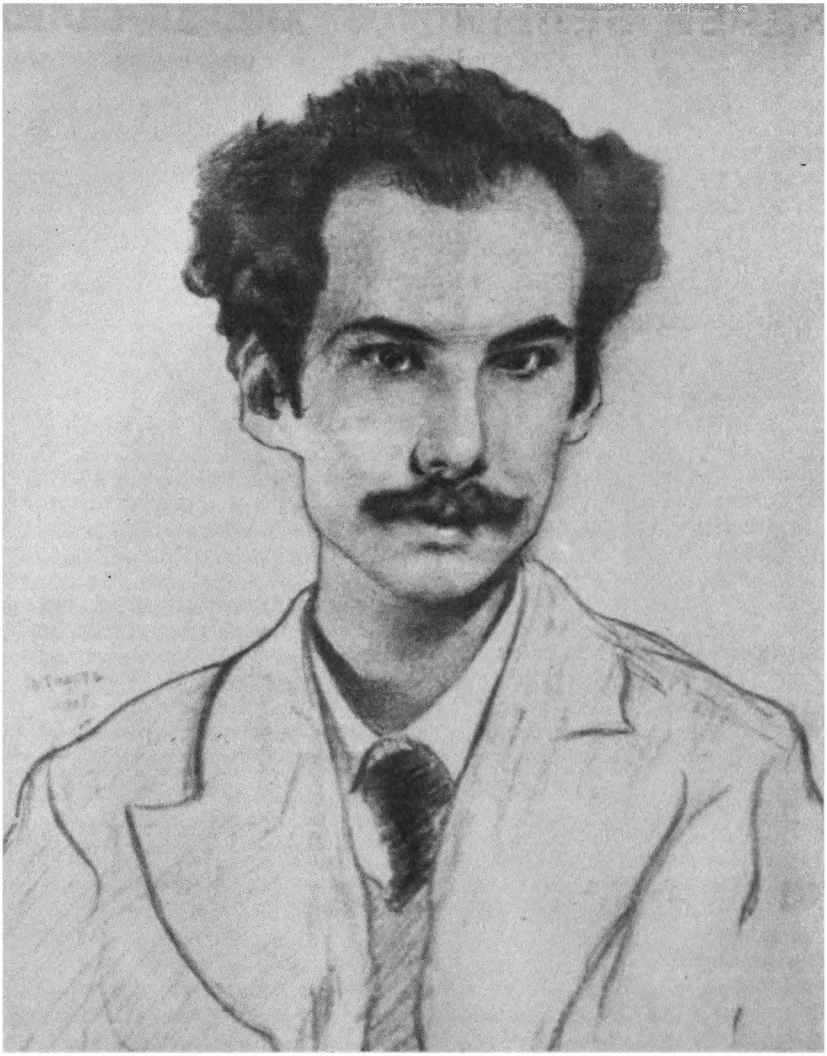
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ



АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Собрание сочинений

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Москва
Издательство «Республика»
1994

ББК 84Р7
Б43

Собрание сочинений под общей редакцией
проф. *В. М. Пискунова*

Составление тома и предисловие
В. М. Пискунова

Комментарии
С. И. Пискуновой и В. М. Пискунова

Оформление художника
Андрея Платонова

На фронтисписе —
портрет Андрея Белого работы Л. Бакста. 1905

Белый А.

Б43 Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы / Сост., предисл. В. М. Пискунова; Коммент. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова.— М.: Республика, 1994.— 559 с.
ISBN 5—250—02477—7

Андрей Белый (1880—1934) едва ли не единственный из великих русских символистов, который так и не был удостоен Собрания сочинений ни при жизни, ни в течение шести десятилетий, миновавших после его смерти. Между тем не случайно уже среди его современников слово «гений» служило едва ли не постоянным эпитетом Белого, а с его личностью и творчеством связывали целую эпоху русской культуры. Лирик, прозаик, мемуарист, исследователь стиха, блестящий полемист — таким предстает перед читателем Андрей Белый в настоящем, по сути первом, Собрании сочинений. В эту книгу вошли в наиболее полном объеме стихотворения, написанные им за тридцать лет — с 1901 по 1931 г., поэмы «Христос воскрес» и «Первое свидание», а также авторские предисловия к сборникам стихов.

Справочный аппарат книги включает обширный комментарий.

Издание адресовано всем интересующимся творческим наследием Андрея Белого.

Б 4702010000—054
079(02)—94

ББК 84Р7

ISBN 5—250—02477—7

© Издательство «Республика», 1994
© *Скан и обработка: glarus63*

ЛИКИ ПОЭЗИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

1

«Мировые события, идя на землю, бросают вперед свои тени» — в кругу символистов любили эти слова немецкого историка Теодора Моммзена, относили их к себе *. И были правы: символисты оказались провозвестниками многих «мировых событий», предсказателями «неслыханных перемен». Андрею Белому (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева, 1880—1934) — наряду с Александром Блоком — здесь по праву принадлежит первое место. Даже современники не уставали удивляться его дару предвидения, так много им было напророчено: и Григорий Распутин задолго до того, как о нем узнала Россия, и страшная гримаса Евно Азефа, и «всеобщая провокация», и первая мировая война, и даже атомная бомба, когда никто о ней и не помышлял: «Мир рвался в опытах Кюри // Атомной лопнувшею бомбой» — строки из поэмы «Первое свидание», датированной 1921 годом.

Но вот парадокс: Белый умел пророчествовать о дальнем и часто ошибался в ближнем, обманывался в прогнозах, касающихся собственной судьбы. История издания (вернее, неиздания) Собрания сочинений писателя — наглядное тому свидетельство. Сколько раз заключались и перезаключались договора, составлялись планы и проспекты будущего издания (грандиозного — целых 22 тома!), сколько писалось предисловий ко всему изданию в целом и отдельным томам, был даже случай выхода двух разрозненных томов, но дальше дело не продвинулось **. Белого преследовал прямо-таки злой рок: единственный из великих русских символистов он не удостоился Собрания сочинений ни при жизни, ни после смерти. Белый был явно не ко двору торопящимся новым временам: он мыслил эпохами, а не ударными темпами, его понимание человека как «части мирового природного тела» казалось вызовом общественности.

Не без суеверного страха (сколько было несбывшихся мечтаний, обманутых надежд, неудач!) мы приступаем — в канун шестидесятилетия смерти писателя — к изданию, по сути, первого, будем надеяться, реального Собрания его сочинений. Конечно, сегодня беловедение, начавшее становиться на ноги сравнительно недавно, не готово к тому, чтобы предложить читателю полное академическое Собрание сочинений писателя, подобное известным изданиям классиков XIX века. Огромное творческое наследие Белого — поэзия, проза, философско-эстетические сочинения, критика, мемуары, пьесы — нуждается в дальнейшем изучении и систематизации. Но любитель литературы «серебряного века» вправе иметь на своей книжной полке если не «полного», то «всего» Андрея Белого — свод самых значительных его

* См. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Брюссель: 1971. Т. I. С. 84.

** История планов и замыслов Собрания сочинений Белого изложена в обзоре К. Бугаевой, А. Петровского (Д. Пинеса) «Литературное наследство Андрея Белого» (см. кн.: Литературное наследство. Символизм. М.: 1937. Т. 27—28).

творений, и тех, что выходили в последние годы *, и тех, что не переиздавались с 10—30-х годов (а среди них имеются подлинные шедевры!), и тех, что на многие годы осели в архивах. Все это и вошло в настоящее Собрание сочинений Андрея Белого.

«Весь» Белый должен открываться томом стихов. Хотя его первыми опубликованными произведениями были прозаические «симфонии» и критические статьи (дата литературного рождения писателя — 1902 год!), Белый все-таки начинается с поэзии — с «магии слова», заговора, призыва, воления, воплощенных в звуке, в ритме, в мелодии:

О поэт — говори
о неслышном полете столетий.
(Бальмонту, 1903)

Душа, остановись — замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копья!
(Отчаянье, 1904)

Встань, возликуй, восторжествуй, Россия!
Грянь, как в набат,—
Народная, свободная стихия
Из града в град!
(Декабрь 1916 года)

Услышит ли исстрадавшаяся Россия конца XX века все эти заклинания, рожденные в его начале — в годы мистических прозрений и утопических упований? Или единственным поэтическим посланием Белого, дошедшим до нас, его потомков, останется надрывно-отчаянное:

Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!
(Отчаянье, 1908)

да поэма «Первое свидание» (1921) — реквием по сгоревшему в буревой стихии миру, по своей молодости, по гибнущей русской культуре?

Ответы на эти вопросы — в многомерном пространстве, в котором вершится судьба самой России. Поэзия Андрея Белого, все его творчество, его личность — ярчайший феномен русской культуры первых десятилетий XX века — служат доказательством того, что сама культура русского символизма — не только «письмо», как теперь модно выражаться, не только «текст» или «знаковая система», но и с о б ы т и е, далеко выходящее за границы любых знаковых систем, с о б ы т и е, несущее в себе сакральный смысл, до конца не разгаданный ни самими его участниками, ни нами, вышедшими следом на подмостки истории.

* Главные вехи, отмечающие возвращение Андрея Белого к читателю: выход в 1966 году большого тома его «Стихотворений и поэм», составленного Т. Хмельницкой и открывающегося ее же обстоятельной статьей; публикация в 1981 году в серии «Литературные памятники» романа «Петербург», подготовленного к изданию Л. Долгополовым; научное переиздание в 1989—1990 годах мемуарной трилогии Белого — книг «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций»,— осуществленное А. Лавровым. В зарубежной русистике осмысление творческого наследия Белого началось значительно раньше и до поры до времени шло значительно интенсивнее, что подтверждается библиографией, которая систематически публикуется на страницах выходящего в США с 1981 г. ежегодного бюллетеня «The Andrej Belyj Society Newsletter».

Вслед за Владимиром Соловьевым понимание истории как мистериального действа, пронизанного тайным смыслом события, в котором участвуют и люди, и высшие силы, навсегда останется основой философии жизни, философии истории и философии искусства Андрея Белого, утверждавшего в программной статье «Эмблематика смысла» (1909): «Мистерия есть расширенная драма; вместе с тем наша индивидуальная жизнь при попытках определить ее со стороны эстетики есть расширенная мистерия; наконец, такой мистерией является вся история человечества» *.

Жизнь — мистерия, если «определить ее со стороны эстетики». Она обретает цель и смысл, будучи увиденной глазами художника, более того, не просто увиденной, а ежедневно и ежечасно подвергаемой творческой переработке, постоянно пребывающей в состоянии переформирования, движения, метаморфозы. Такое «приписывание реальности свойств художественного текста» А. Лавров справедливо называет «характерной особенностью символистского мироощущения» **.

Итак, жизнь — это своего рода «произведение искусства», «художник — творец вселенной», а «художественная форма» — сотворенный мир! И не в каком-то условном, метафорическом смысле слова. «Творчество жизни», сотворение нового человека — вот высшая ценность и главная цель символизма, возникшего в русской культуре в один из наиболее драматических, кризисно-переломных моментов общественной истории, в 90 — 900-е годы.

Символизм, ставящий перед собой подобную цель, был прежде всего культурным явлением, а не просто направлением в литературе, театре, музыке. «Символистами» могли быть и люди, не пишущие стихов, не сочиняющие симфоний, не рисующие картин, но «делающие» свою жизнь по законам символистского вероисповедания. То есть остро переживающие «конец века», конец человеческой истории вообще, вслед за которой начнется новая жизнь — жизнь в Вечности, которая снимет и разрешит все противоречия, весь трагизм человеческого существования, отданного во власть времени.

Вместе с тем символисты понимали, что «новый мир» и «новый человек» не возникнут до тех пор, пока «старый мир» и «старый человек» не будут принесены в жертву — именно таким жертвенным началом и должно быть пронизано сознание человека-творца. Ритуальное жертвоприношение, совершаемое на алтаре — «в сакральном центре мира», — как раз и было символическим актом, который знаменовал гибель Старого мира и собирание Нового из его останков. Поэт-символист застает мир в точке перехода из одного состояния в другое, в состояние кризиса накануне космической (как ему чудится) катастрофы. И подобно участникам древнего ритуального действа, он отвечает на вызов актом жертвенного жизнесозидания:

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия,—
Безумствуй, сжигая меня!
(Родина, 1917)

Когда осенью 1922 года, находясь в берлинском далеке, Белый взялся за подготовку собственного Собрания стихотворений, призванного представить все им написанное как целостный «роман в стихах», в центр этого романа, в нарушение всякой хронологии, была поставлена поэма «Христос Воскрес» (1918). Ее ритуально-воскрешающий смысл подчеркнут контрастным соседством с поэмой «Мертвец», заново составленной из самых мрачных стихотворений сборника «Пепел».

---

* *Белый Андрей.* Символизм. Книга статей. М., 1910. С. 74.

** *Лавров А. В.* Мифотворчество аргонавтов (см.: Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 140).

Уже и в годы работы над «романом в стихах» Белый жаловался, что «мотивы политические» заслонили от критиков «основной момент поэмы» и что «появись «Нагорная проповедь» в 1918 году, то и она рассматривалась бы с точки зрения «большевизма» и «антибольшевизма» *. Традиция прочтения поэмы «как вдохновенного отклика на события Октябрьской революции», сохранилась вплоть до наших дней. Однако если это и вдохновение, то скорее «вдохновение ужаса» (прибегая к названию статьи Вяч. Иванова, посвященной «Петербургу»).

Сквозные образы поэмы — железная дорога и лающая тьма — старые, еще времен «Пепла» знаки смерти в поэзии Белого. Смерти, которая собирает на страницах поэмы обильный урожай, грозит каждому, уравнивает всех, обесценивая саму жизнь. Характерно, что главный символ происходящего «какое-то ужасное О н о / С мотающимися / Руками», какое-то «жалкое, желтое тело». Но если в пещере «безверия» вспомнить о «благой вести» — о том, что именно в эти дни и часы «Совершается / Мировая / Мистерия»,— то заклание — распятие — этого тела может восприниматься и как сакральное жертвоприношение. Ведь там, где страдание всего сильнее, смерть — властнее, безверие — чернее, именно в э п и ц е н т р е зла, ужаса и смерти должен в первую очередь свершиться акт распятия и воскресения.

Поэма «Христос воскрес» — заклинание о спасении и возрождении России в час растерзания-жертвоприношения ее народного тела. И демонстрация веры в ее спасение — в ее избранничество, унаследованной Белым прежде всего от Гоголя, ответившего на свои же «Мертвые души» «Выбранными местами из переписки с друзьями», где в финале — «Светлое Воскресенье» — звучит, несмотря на то что «все глухо, могила повсюду», «пусто и страшно становится в... мире», надежда на воскресенье: «У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспразднуется Светлое Воскресенье Христово!» **

2

Составляя книгу «Стихотворений» (1923), Белый преследовал цель представить свой поэтический путь как нечто целостное, связавшее воедино «творчество» и «жизнь». «События» одного раздела плавно перетекают в другой, подготавливая следующие. Ведь поэт всю жизнь так стремился к связности, к цельности, к е д и н с т в у! Однако внимательный взгляд на поэзию Белого развеивает этот миф. Его поэтический путь — величина дискретная: годы интенсивной работы сменяются годами поэтического бесплодия, творческая энергия постоянно переключается то на создание повестей и романов, на сочинение критических статей и философско-эстетических трудов, то на самопознание, то на обучение в антропософских «классах» доктора Штейнера.

Путь поэта был блистательно начат в 1904 году книгой стихов «Золото в лазури» — его самой обширной и вдохновенно-раскованной поэтической книгой, вместившей в себя и восторженные предчувствия грядущей Вечности, и тоскливое ощущение существования в безвременье, и одержимость идеей собственного избранничества, и разочарование во взятой на себя миссии... Причем, когда Белый составлял эту книгу из стихотворений, сочиненных в 1900—1904 годах, он меньше всего думал об идее «пути», распределял стихи по четырем разделам, совершенно игнорируя хронологию.

* *Белый Андрей.* Стихотворения. М., 1988. С. 349—350.
** *Гоголь Н. В.* Духовная проза. М., 1992. С. 276.

Первую поэтическую книгу Белого определяет волительная, призывная направленность в будущее, наиболее вдохновенно прозвучавшая в цикле «Золотое руно» (1903), который стал программным для объединившегося вокруг Белого в 1902—1905 годах кружка молодых людей, преимущественно студентов Московского университета, именовавших себя «аргонавтами». Имя было подсказано строками цикла, в котором поэт преобразует древнегреческий миф о Ясоне и его спутниках, отправившихся на корабле «Арго» в далекую Колхиду за золотым руном, использует его как символическое иносказание о жизненных целях своего поколения — поколения рубежа веков.

Целостность книги «Золото в лазури», а все стихотворные сборники Белого вовсе не «сборники» в точном значении слова, но именно поэтические книги, создается не столько композицией (этот принцип выдвигается на первый план, начиная с «Пепла»), сколько единством символически воплощенного переживания. Переживание — эта важнейшая категория эстетики Белого — отнюдь не эмоциональное состояние, как правило, преходящее, но глубинное интуитивное ощущение присутствия в мире некоего объединяющего начала, в котором исчезает разделенность небесного и земного, бытия и сознания, «я» и мира. Единство, названное Андреем Белым — Символом!

Известно, что Белый-поэт любил живописать солнце, закатное небо, изобретая для передачи всех оттенков красок новые и новые метафоры, эпитеты, сравнения. Но если бы его творческая цель ограничивалась только этим, перед нами был бы не поэт-символист, а поэт-импрессионист, сделавший ставку на мгновенное впечатление — импрессию. Конечно, следует признать, что импрессионистический строй в стихах молодого Белого присутствует. Не случайно одним из вдохновителей «Золота в лазури», адресатом цикла, открывающего книгу, является неоромантик-импрессионист Константин Бальмонт. Не случайно и то, что наставником Белого в начале его литературного поприща стал Валерий Брюсов, видевший задачу искусства в том, чтобы «воплотить мгновения», которые в обыденной жизни «отходят в могилу без надежды воскреснуть» *.

Разве не отвечает беловский цикл «Три стихотворения» (1902) или знаменитое «В полях» (1904), многие другие строки «Золота в лазури» этому — импрессионистическому — идеалу? Однако то же стихотворение «В полях» поставлено в к н и г е «Золото в лазури» в такую позицию, когда оно не просто соседствует, но соприкасается с отменяющим его настроение стихотворением «Душа мира» (1902), в котором все мгновенное, преходящее — серебристая гряда туч, шелестящая трава, забытая улыбка — форма воплощения Вечного, разлитой в мире, царящей в ней Мировой Души.

Быстробегущему «настоящему», которое обречено исчезнуть, завершиться, навсегда отойти (подобно берегу, от которого вот-вот отчалит бьющий крылами «Арго»), Белый противопоставляет вечное «теперь» мира культуры. Прошлое, запечатленное в разделе «Прежде и теперь», если пристально вглядеться,— это не историческое прошлое, подчас стилизованное в духе живописных полотен «мирискусников». Это прошлое, навсегда ставшее будущим: пролетят столетия, а все так же будет сидеть в своем кабинете «временщик», все так же будет склоняться перед «красавицей с мушкой на щечках» маркиз «с малиновой розой в руке», все так же будет лететь вдоль аллеи золоченая карета... К вечному миру культуры относятся и почти все персонажи и образы раздела «Образы», подчеркнуто взятые в двойном культурном преломлении: персонажи древнегреческой и

* *Брюсов В.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 45.

древнегерманской мифологии, воплощенные в полотнах и рисунках художников-модернистов, в философии Ницше, в музыке Вагнера...

Но и в образах «старины», и в сквозной метафоре золота-солнца, и в аргонавтическом мифоритуале Белый не может обрести всей полноты символистского воплощения, вполне достижимого — как он сам понимал — лишь за границами искусства. Поэт-символист, нацеленный на высшую символическую воплощенность — пресуществленность! — бытия, волей-неволей берет на себя роль самого Мессии:

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз...

Хохотали они надо мной,
над безумно-смешным лжехристом.

(Вечный зов, 1903)

Двоящийся образ отвергнутого пророка-лжехриста, одновременно и трагический, и шутовской, появляющийся в цикле «Вечный зов» — первом разделе книги,— образует центр ее заключительного раздела «Багряница в терниях». Но если в цикле «Возмездие» (1901) — наиболее раннем из «христологических» циклов «Золота в лазури» — к своей пророческой, равно как и жертвенной, участи поэт относится патетически-серьезно, то и цикл «Безумец» (1904), и стихотворения «Жертва вечерняя» (1903), «Забота» (1903) демонстрируют тему Голгофы — генеральную тему всего творчества Белого — в трагико-ироническом регистре. Поэт все отчетливее и отчетливее проникается давно мучившим его сомнением о невозможности отличить подлинного Мессию от лжемессии, пришествие которого на землю также предсказано в Апокалипсисе. Соответственно и поэт, отождествляющий себя с Христом, может оказаться всего лишь одураченным безумцем, жертвой провокации: «Будь проклят, Вельзевул / — лукавый соблазнитель — / не ты ли мне шепнул, / что новый я Спаситель?..» Так уже в 1903 году «аргонавтические зори» начинают гаснуть (экстатический порыв — не то состояние, в котором можно находиться вечно). Свою роль здесь сыграло и «личное». Впрочем, в «Золоте в лазури» практически отсутствует любовная лирика — а ведь перед нами книга, написанная 22—23-летним юношей. Единственное свидетельство интимных переживаний поэта этой поры цикл «Преданье» (1903), навеянный романом с Ниной Петровской; быть может, самое шаблонно-безвкусное сочинение из всех, включенных в книгу. Однако именно крушение порожденных этим увлечением мистериальных чаяний о гармоническом соединении «земного» и «небесного» во многом послужило толчком к развитию первого духовного кризиса в жизни Белого.

Но подлинная драма ожидала его впереди.

3

О влюбленности Андрея Белого в Любовь Дмитриевну Блок — не просто Прекрасную Даму, но и жену ближайшего друга,— об этой любви, зародившейся летом 1904 года и прошедшей, быть может, через всю жизнь Белого, написаны сотни страниц воспоминаний (включая мемуары самой Л. Д. Блок) и даже специальные исследования. Трагическая кульминация любви пришлась на 1906 год. А годом раньше, в день приезда Белого в Петербург (именно в этот приезд ритуальное поклонение Любови Дмитриевне переросло в душе Белого в мучительную

страсть), Россия вошла в полосу великих испытаний. В истории этот день — 9 января 1905 года — известен как «Кровавое воскресенье».

Личная драма и национальная трагедия определили весь душевный настрой Белого в течение 1905—1908 годов. Чувство «единства личного и мирового» (по формулировке З. Г. Минц), личного и космического, личного и национального именно в эти годы выявляется как доминанта жизнеощущения всех «младосимволистов», в особенности Белого и Блока, сложившихся в 1907—1908 годы как национальные поэты.

Личная драма, непосредственно не отразившаяся на страницах второго поэтического сборника Белого — «Пепел» (1908) *, обогатила поэта бесценным человеческим опытом — опытом «прохождения» (см. одноименное стихотворение) через страдание. Этот опыт осветил для него путь нисхождения в бездну мучения, отчаяния и смерти его Родины, с которой он чувствовал мистическую связь, то необъяснимое чувство, которым наделены далеко не все дети своей отчизны.

«Родина-мать» — этот образ фигурирует в первом же стихотворении «Пепла»:

Века нищеты и безволья.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать...
(Отчаянье, 1908)

Но если самые древние, архетипические представления, связанные с образом матери, ведут в замкнутое, защищенное со всех сторон — защищающее дитя! — пространство (об этом прекрасно писал Андрей Платонов), то «Родина-мать» Белого — это бесконечное, открытое со всех сторон, иссеченное дождями и ветрами «пустое раздолье», где никому нет ни укрытия, ни защиты от гибели. Не образ времени (в разных его ипостасях — мига, безвременья, вечности), а образ пространства, время полностью поглотившего, стершего черты различия между его отрезками («Дни за днями, год за годом: / вновь за годом год»), образ пространства, в котором исчезает, растворяется живое,— властвует в России Белого.

Однако художественное пространство самой книги четко организовано. «Целое» сборника, писал Белый в предисловии к «Пеплу», «беспредметное пространство, и в нем оскудевший центр России» **. Композиционное пространство «Пепла» — это система вписанных друг в друга кругов, все более и более смыкающихся по мере приближения к «центру», чем-то напоминающих круги Дантова ада, выводящие к горе чистилища. Первый «круг», самый большой,— это те самые безграничные, «пустые», «страшные», голодные пространства России, в которых обречен на рассеяние измученный болезнями, голодом и пьянством народ.

Тема хаоса — сквозная тема книги — особенно акцентирована в этом первом разделе. Лейтмотивными словами «Пепла» становятся, по наблюдениям Т. Хмельницкой, определения «косматый» (т. е. бесформенный) и «злой» (хаос всегда враждебен благому, доброму). К ним, в свою очередь, примыкают образы-знаки воплощенного хаоса: бурьян, сухорукий куст, лоскут, взмывающий «с огородов над полями», «ледяные клоки» облаков, осенний бурелом, «едва прозябающий день», лихая пурга и т. д. Впрочем, хаос по сути противится даже столь зыбкому

* Белый явно не годился на роль поэта-трубадура, и шедевры любовной лирики выходили из-под его пера крайне редко.— *Примеч. авт.*

** *Белый Андрей.* Стихотворения и поэмы. С. 544.

воплощению. Поэтому Белый вообще стремится уйти от предметности, и существительные в «Пепле» все чаще вытесняются глаголами:

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.
Солнце: — меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью ракит.

(Вечерком, 1908)

Именно об этом Андрее Белом М. Цветаева говорила, что главное в нем — полет «в родной и страшной его стихии — пустых пространств...» *.

Естественная реакция человека на встречу с хаосом — первобытное чувство священного у ж а с а. Его Белый пытается выразить в образах «оторопи», что «по полю... рыщет / Восстав сухоруким кустом», «неизвестности», глядящей «упорно в лицо», прилипшей «к окнам ночью злой», в образе «силы-прелести бесовской», которая подкарауливает людей и нападает на них. Неведомая угроза разгулялась не только в злом поле, но и затаилась в самых, казалась бы, защищенных местах — там, где теплится затерянная в пространствах жизнь, там, откуда уставились в душу лирического героя «жестокие, желтые очи» «безумных» кабаков, где глядят в простор «огоньками злых поверий» ощетинившиеся избы, где «мигают злые стрелки / зелененьким глазком...». От смерти нет спасения, она властвует повсюду и распоряжается судьбами всех: отчаявшегося чиновника, что «улегся на рельсах железных», беглого каторжника, изнывающего от тоски телеграфиста, скитальцев, богомольцев, праведников и грешников — «над страной моей родною / Встала Смерть».

Пространство следующего «круга» — раздела «Деревня» — имеет более четкие очертания, а сам раздел — даже нечто, похожее на фабулу (недаром Белый позднее пытался выстроить стихотворения раздела в поэму). Сюжетные мотивы и ситуации стихов «Деревни» прямо ориентированы на сюжеты «жестоких романсов»: неразделенная любовь, ревность, убийство соперника... Пространство «Деревни» уже не пусто, а насыщено подчеркнуто обыденными предметами:

Средь горшков, помой, корытец
Роет землю хряк.
Уж алеет алый ситец
Там в дверной косяк.

(Свидание, 1908)

Но от этого художественный мир «Деревни» не становится ни реальным, ни тем более «эпическим». Все стихи раздела написаны в ракурсе мировосприятия персонажей «поэмы», сам образ сознания которых оказывается предметом авторского изображения и сопереживания. В «Деревне» Белый предпринимает первую за всю свою писательскую деятельность попытку изобразить чужое, чуждое ему сознание, посмотреть на мир глазами человека иной культуры, иного социального статуса, человека «трех измерений». Смерть в предыдущем разделе сборника — «Россия» — обретала космические масштабы. Здесь, в «Деревне», она обыденный, чуть ли не физиологический акт:

Подвели: зажмурюсь, нет ли —
Думать поотвык.
Вот и высунул из петли
Красный свой язык.

(Виселица, 1908)

---

* *Цветаева Марина.* Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 284.

Однако в контексте общего замысла сборника и высунутый «красный язык» висельника, и стаи то черных, то изумрудных мух, так и вьющихся над строками «Деревни» (эти же «злые горсти мух» рассыпаются по страницам повести «Серебряный голубь»), и кровь, свищущая пеной «из-под красной рукоятки»,— не натуралистические детали, а символы безысходной, тупиковой, совершающейся в одномерном пространстве смерти. Смерти, настигающей людей, которые не видят, как «подъемлет тонкий месяц / Неба бирюза», как «одиноко плещет ива / В голубую твердь», как, «взвивая блеском кольца, / Прыщет в небо змей», т. е. не видят всего того, что видит поэт.

Эта же разность точек зрения, столь характерная для романа и необычная для лирики того времени (единственный здесь предшественник Белого — Н. А. Некрасов, которому и посвящена книга «Пепел», знаменательно открывающаяся некрасовским эпиграфом), продолжена в разделе «Паутина», также обладающем неким подобием сюжета. Пространство «Паутины» — тоже «деревенское», как и в предыдущем разделе, однако суженное до границ помещичьей усадьбы да сельской церкви.

Пространство-время следующего раздела — «Город» еще конкретнее: Москва 1905 года, Москва «пира во время чумы», Москва, ликующая «над распахнувшеюся бездной». Именно вокруг образа революционной Москвы группируются все другие стихотворения раздела, в том числе написанные и в 1904, и в 1906 годах. Такие, как «Старинный дом» — символ умирания послепетровской России. Или такие, как «Маскарад», того же времени, прямо предваряющий образ-символ романа «Петербург» — «огневое домино».

Ритуальная пляска Смерти перенесена в «Городе» с открытых бесконечных пространств России в замкнутый мирок квартир, где «колобродят» беспечные богатые люди, не желающие слышать грозного предупреждения: «Вам погибнуть суждено», не видящие пожара, которым охвачено все окрест, не внимающие кипению и хохоту пурги, этих проходящих через стихи раздела контрастных символов хаоса.

Раздел «Безумие», написанный в самые тяжелые для Белого месяцы конца 1906 — начала 1907 годов, казалось бы, вновь выводит читателя на просторы полей, куда бежит из города измученный, побитый камнями пророк. Но хотя это такие же, как и в «России», туманные, бедные, сиротливые поля, где над поникнувшими хижинами «подымается тусклый дымок», они не враждебны, напротив, для лирического героя они — **спасение**, исход, приют, который хотя и не укроет «от дождя и градин», тем не менее послужит местом последнего отдохновения:

Лежу... засыпан в забытье
И тающим, и нежным снегом,
Слетающим — на грудь ко мне,
К чуть прозябающим побегам.
(Успокоение, 1904—1906)

Особое значение вновь приобретают мотивы, связанные с темой жертвенности и крестного страдания: венок из «колючей крапивы», приложенный к «челу пучок / Колючего чертополоха», бегущая со лба «кровавая струя», мотивы, которые возвращают надежду. Она слабо забрезжит в последнем стихотворении раздела «Друзьям» (1907),— зато укрепится и усилится в следующем разделе «Просветы»:

Кто зовет благоуханной клятвою,
Вздохом сладко в даль зовет идти,
Чтобы в день безветренный над жатвою
Жертвенною кровью изойти?
(Жизнь, 1906)

Образы жертвы и жертвоприношения, все явственнее дающие о себе знать в «Пепле», начиная с раздела «Безумие», и есть то жизнеутверждающее начало, которое поэт может противопоставить образу «оскудевшего центра» России. Но общая тональность книги, завершаемой разделом «Горемыка», остается трагической в присущем поэту и его кругу понимании слова «трагедия», точнее всего сформулированного Вяч. Ивановым: «...трагическая Муза говорит всегда о целом и всеобщем, являет своих героев в аспекте извечной жертвы и осияивает частный образ космического мученичества священным литургическим венцом» *.

4

О значении, которое автор придавал композиционному плану книги «Пепел», свидетельствует и то, что он не включил в нее многие стихотворения, написанные в тех же 1906—1908 годах и составившие отдельный поэтический сборник «Урна» (1909). Большинство стихотворений «Урны» носит философско-медитативный характер, хотя внутри ее и запрятаны глубоко личные, почти дневниковые записи, запечатлевшие пережитую драму. Но поэт делает все, чтобы выстроить между собой и пережитым барьер отчуждения.

Этому, прежде всего, служит первый из разделов сборника, состоящий из стихотворений, адресованных Валерию Брюсову, чья роль в жизни и творческой судьбе Белого была очевидно двусмысленной. В данном случае важно, однако, не то, кем был Брюсов для Белого и в жизни вообще, важен о б р а з Брюсова или, говоря словами Белого, его «прототип», воссоздаваемый автором «Урны», тот идеал, ориентируясь на который Брюсов «с чувством, с пафосом» играл «перед целой Россией» роль демонической личности, черного мага и пророка, шествующего «люциферическим путем».

Цикл «В. Брюсову» — талантливое «поддакивание» всем этим претензиям старшего «поэта и брата», как он поименован в стихотворении «Встреча» (1909), живописующем встречу на «непобедимой высоте» жреца-посвятителя и «я», посвящаемого в некое мистериальное таинство:

И кто-то темный из провала
Выходит, пересекши путь,
И острое вонзилось жало
В мою взволнованную грудь...

Основные, сквозные мотивы раздела — мотивы снега, холода, тьмы, хаоса, туманов, всего того, что позднее войдет в «Петербург» (1913) для создания образа гибельного, античеловеческого, антиличностного начала, воцарившегося на просторах Российской империи и сконцентрировавшегося в эпицентре романа — «ледовом» доме сенатора Аблеухова и в сердце его сына, замышляющего отцеубийство. А вот в стихах, адресованных Брюсову, все вариации темы холода звучат в утвердительной тональности. Для автора «Урны» холод — анестезия, средство унять не покидающую его душевную боль; для Брюсова — человека, совершенно лишенного дара любви,— защита от любовных страданий. Этот Брюсов явно рассчитан на узнавание по знаменитому врубелевскому его портрету со скрещенными руками:

Грустен взор. Сюртук застегнут,
Сух, серьезен, строен, прям...
(Созидатель, 1904)

---

* *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. II. С. 76.

Изображая т а к о г о Брюсова, автор «Урны» как бы примерял на себя его роль. Но сколь Белому ни импонировало последовать за «воспитателем вкуса» «в зеркальные чертоги льда / Хрустальною дорогой фирна», это было чуждо для его человеческого и поэтического темперамента.

Самый непосредственный, самый личностный раздел сборника — «Зима» * — полон отзвуков несчастной любви, боли разрыва и одиночества. Как и написанная одновременно 4-я симфония «Кубок метелей» (1908), он весь пронизан образами пурги, метели, которые ассоциируются с хаосом, смертью, безумием. Но тот же образ зимы — не только символ разрушительной стихии, омертвения живого, скованного стужей. На «снежных» стихах Белого лежит явный отпечаток классически-прозрачной пушкинской поэзии о зиме:

Снега синей, снега туманней;
Вновь освеженней дышим мы.
Люблю деревню, вечер ранний
И грусть серебряной зимы.
(Зима, 1907)

Как раз на годы создания «Урны» приходится увлечение Белого стиховедческими проблемами, его штудии о стихе Пушкина, Тютчева, Баратынского, Жуковского, собранные в книге статей «Символизм». Следы упорных занятий русским классическим стихом, вплоть до прямых стилизаций, очевидны также в «Урне». Но несмотря на обращенность к прошлому русского стиха, а быть может, благодаря этому, есть в сборнике Белого стихотворения, прямо предваряющие вершины лирики середины XX столетия, например «Смерть» (1908) из раздела «Зима», все построенное на образе летящего снега — символа быстротечности человеческой жизни:

Взлетая в сумрак шаткий,
Людская жизнь течет,
Как нежный, снежный, краткий
Сквозной водоворот **.

В том же стихотворении «Смерть» есть еще одна характерная примета поэтики Белого конца 900-х годов: следы его интереса к звукописанию, к сотворению образа из форсированного повтора одного или нескольких звуков, наделенных особым символическим смыслом:

В край ночи зарубежной,
В разорванную твердь,
Как некий иней снежный,
Сметает смехом смерть.

Из звуков, обретших автономный статут, может быть сотворен и отдельный образ (как в нашем случае), и целый художественный мир, например, повести «Серебряный голубь» (1909), над которым Белый работал одновременно с подготовкой «Урны» к печати. Это было время, когда переживания, сожженные в «Пепле» и собранные — уже сгоревшими! — в «Урне», были позади.

---

* Этот раздел создает и общий — зимний — фон сборника, завершающий «годовой цикл» поэзии Белого 1900-х годов: от весенне-летнего «Золота в лазури» — через позднеосенний «Пепел» — к очищающей зиме «Урны».

** Конечно же, Борис Пастернак, называвший Белого в числе своих учителей, постоянно думавший о нем, использовавший факты его биографии и черты духовного облика для характеристики одного из центральных героев «Доктора Живаго» — Николая Николаевича Веденяпина, носил в глубине души эти поэтические строки, как и образ «двух крыл» — отражение игры огня,— пророчески распахнувшихся во время любовного свидания (цикл «Сестра» 1907—1908).

Январь 1909 года знаменует начало нового периода в жизни Белого. Знаком его обновления стала встреча с юной художницей Асей Тургеневой, будущей женой, королевной сборника «Королевна и рыцари» (опубликован в 1919 году, в нем собраны стихи 1910—1914 годов).

5

Рубеж 10-х годов сам Белый называл эпохой «вторых зорь». Стихи, посвященные Асе и составившие сборник «Королевна и рыцари», естественно, связаны с воскрешением образной системы «первых зорь», поэтической атмосферы времен создания «Северной симфонии» (1904), «Образов», «Прежде и теперь»: средневековый «забытый замок», рыцарь «в стальной броне», плачущий звук рога, горбатый шут, подкидывающий свой колпак «в вечерние туманы». Ну как тут не вспомнить знаменитого горбуна из «На горах» (1903), запустившего «в небеса ананасом», и «колпак ярко-алый» гнома («Гном», 1902)! Вновь возвращаются в поэзию Белого «...зори, зори! Ясно огневые, / Как старое, кровавое вино»... Только все это теперь — стилизация; мир, некогда воспринимаемый не как «искусство», а как «жизнь», как плод жизнетворчества, вновь замыкается в себе, заключенный в раму старой картины. Открывающее эту самую маленькую по объему поэтическую книгу Белого стихотворение «Перед старой картиной» (1910) задает именно такую — игровую (в высоком значении слова) — тональность прочтения сборника. Но вернувшиеся было «зори» стали прологом новых духовных и душевных испытаний для Белого.

В конце 1910 года Белый вместе с Асей отправляется в заграничное путешествие — сначала в Западную Европу, а затем в Тунис, Египет и Палестину. Вскоре после возвращения весной 1911 года в Россию он принимается за создание «Петербурга» — труд, который почти целиком поглотил его вплоть до осени 1913 года и который поставил его в один ряд с величайшими романистами-новаторами XX века (чаще всего «Петербург» сравнивают с «Улиссом» Джойса). Таким образом, «вторые зори» совпали со становлением Белого как крупнейшего русского прозаика-символиста, что, конечно, не могло не сказаться на продуктивности Белого-поэта.

Не менее значимым для его творчества оказался и другой факт: отправившись с Асей весной 1912 года в новую заграничную поездку, Белый и его спутница знакомятся с тем, кого они до конца своих дней будут считать Учителем и духовным наставником,— с основоположником антропософского учения и основателем антропософской школы доктором Рудольфом Штейнером. С этого памятного им обоим дня Белый и Ася следуют — с небольшими интервалами — по городам Западной Европы вслед за доктором, читающим свои лекционные курсы, а с весны 1914 года поселяются в швейцарском местечке Дорнах близ Базеля, где многоязычная антропософская община возводила свой храм-театр Гетеанум.

Начиная с 1912 года они усиленно занимаются медитациями по методу доктора Штейнера, добиваясь, как им кажется, некоторых успехов... Но подобного рода уход во внутренний мир из мира внешнего неизбежно ставил под сомнение саму концепцию слова-символа как начала, объединяющего в себе мир материальной предметности и мир переживаний, как знака единства внутреннего и внешнего, всеобщей связи вещей, онтологической целостности бытия. И весьма характерно, что сборник «Звезда», подытоживающий духовный и душевный опыт Белого 1914—1918 годов (вышел в Берлине в 1922 году),— его первый стихотворный сборник, лишенный

какой-либо внутренней организации. За редким исключением (цикл «Карма», стихотворения в форме «танка») Белый избегает выстраивать стихи в циклы даже тогда, когда они, казалось бы, циклизируются сами собой («Звезда» — «Самосознание» — «Дух» — «Инспирация», или ряд стихотворений с общим названием «Асе», или стихи «Россия» — «К России» — «Родина» («В годины праздных испытаний») — «Родине» («Рыдай буревая стихия...»)... Более того, он рассредоточивает эти стихи, написанные не только об одном и том же, но и в одно время, в одном месте, по всему сборнику, перемежая их другими стихотворениями. И как бы ни учил Штейнер в своих переживаниях высших миров отвлекаться не только от своего чувственного опыта, но даже и от воспоминаний о пережитом, воспоминания то и дело врываются в стихи «Звезды» — воспоминания... о своих прежних, аргонавтических стихах:

В волне
Золотистого
Хлеба
По-прежнему ветер бежит.

По-прежнему
Нежное
Небо
Над зорями грустно горит.
(Инспирация, 1914)

Оживают в «Звезде» и далекие, казалось бы, совсем забытые шопенгауэровско-буддистские темы иллюзорности, бренности бытия. Но возникает и новое — образ неодухотворенного, бездушного тела-туши, существованию коего на «мертвенной планете» уподоблена жизнь современного человечества и человека:

Все грани чувств, все грани правды стерты:
В мирах, в годах, в часах
Одни тела, тела, тела простерты
И — праздный прах...
(Развалы, 1916)

Тяжелые, тоскливые строки, достаточно точно передающие настроения Белого в 1916 году. Именно на фоне этих стихов можно понять другие, написанные тогда же и адресованные «Родине», «огневой стихии», в которой жаждет очищения сам поэт, можно понять его искания великого смысла в «нечеловеческих днях» и в «нечеловеческих бойнях», его упорное отождествление России с Небесной Женой.

Эта тема находит развитие в стихах, адресованных Асе и написанных в стиле медитативно-элегических стихотворений «Урны». В них поэт возвышается над отчаянием, над тоской одинокого человека, потерявшего путь во «мгле миров», окруженного наваждениями и преследователями. Он вновь готов принять и благословить Бытие:

Благословенны: — жизни ток,
И стылость смерти непреложной,
И — зеленеющий листок,
И — ветхий корень придорожный.

Стихи «Асе» («Едва яснеют огоньки») датированы июнем 1916 года и написаны в Дорнахе. А в августе Белый уже был в России. Он вез с собой повесть «Котик Летаев», заканчивающуюся словами: «Шумы времени ожидают меня, ожидает Россия меня, ожидает история...»

6

Несмотря на тяжелейшие бытовые условия, в которых оказался Белый на родине, он много работал: читал лекции, составлял программу Театрального университета, вел семинарий с рабочими, писал повести «Записки чудака» и «Крещеный китаец», публиковал написанные за границей философские работы, готовил к изданию сборник «Королевна и рыцари»... Но в декабре 1920 года Белый тяжело заболевает. Физические мучения усугубляются душевными страданиями: еще в 1918 году он получает письмо от Аси из Дорнаха, в котором она уведомляет о своем решении расстаться с ним. Но Белый не теряет надежды удержать свою «королевну»: он решает поехать за границу, чтобы вернуть Асю. Получить, однако, визу на выезд оказалось не столь простым делом. Белый мечется. «Духоподъемные» дни сменяются у него месяцами глубокой депрессии. В марте 1921 года, немного поправившись, он уезжает в Петроград, живет в гостинице, подолгу гостит в Царском у Иванова-Разумника... Вновь возникает возможность творить...

В Духов день 20 июня 1921 года Белый начинает поэму «Первое свидание» (1922). Поэму-молитву, поэму-заклинание (так было бы точнее всего определить ее жанр). И в знак верности русской культуре, сбрасываемой на его глазах с «парохода современности», Белый — величайший новатор и реформатор среди поэтов своего поколения! — пишет поэму традиционным пушкинским стихом.

Несложная автобиографическая фабула «Первого свидания» воссоздает тот же эпизод, что лежит в основе первого опубликованного творения Белого — его «Драматической симфонии» (1902): встречу 19-летнего студента Московского университета с женой богатого фабриканта, меценаткой, красавицей М. К. Морозовой — первым в его жизни воплощением Вечной Женственности. А сюжет поэмы — сотворение из звука, слова (Язык!.. Запрядай: тайной слов!») того мира, в котором жил молодой Белый: «Год девятьсотый: зори! зори!.. / Вопросы, брошенные в зори...» Это — время п е р в о т в о р е н ь я, время «молодого, зеленого шума», мифическое время, подобное тем стародавним временам, в которых «жил бородатый, грубоватый / Богов белоголовый рой». И так же, как в зоревые «аргонавтические» годы космогонический миф сливается в строфах «Первого свидания» с мифом эсхатологическим: «Мир — рвался в опытах Кюри / Атомной, лопнувшею бомбой...» Гибель мира разделяет свидетель этой гибели:

Из летаргического сна
В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна!),—
Я, ахнув, дрогнул в сумрак хмурый...

И все же, все же это небезвозвратная еще гибель, она чревата возрождением: мотивы «взрыва» и «бездны» по законам симфонического контрапункта тут же сменяются темой полета:

В душе, органом проиграв,
Дни, как орнамент, полетели,
Взвиваясь запахами трав,
Взвиваясь запахом метели.

Еще цветут соловьевские белые колокольчики надежды, еще жизнь поет, еще жива детская вера, словно возвращающая нас на вершины творчества Белого — поэта-символиста. Этим просветленным аккордом завершается первая часть поэмы. И ее жизнесоздающий (теургический) пафос не могут разрушить ни апокалипсические пророчества, ни иронический тон, в котором Белый повествует о себе студенте: меланхолике и «немного франте», запойном читателе Упанишад и любителе коти-

льона, «пророке», примеряющем венец «таинственного дара», и острослове, любящем интриговать дам «своим резвящимся рассудком». Ирония, к которой прибегает здесь Белый,— это жизнесоздающая, а не уничижительно-разрушительная ирония. Она дает автору возможность взглянуть на себя, бывшего, и на своих близких со стороны, однако не исключает сопереживания, соучастия по отношению к изображаемым в первой и во второй частях поэмы лицам (в третьей части поэмы, где будут описаны «чужие» — «шпалеры кавалеров: купцов, ученых, мильонеров»,— иронию потеснит откровенно злой сатирический смех!).

Возвращаясь в духовный мир своей юности, Белый возрождает и эстетические принципы символизма. «Первое свидание» — поэма символистская, начиная с заглавия, перефразирующего название поэмы Вл. Соловьева «Три свидания», сюжет которой три видения Софии — Вечной Женственности своему служителю. Именно потому, что «Первое свидание» — поэма символистская, автор в заключительной, четвертой ее части, части философско-медитативного характера, дает развернутое обоснование символистской концепции индивидуума, пребывающего на скрещении «я» и отражений этого «я» в окружающих людях. В строфе, начинающейся словами: «О, обступите — люди, люди: / Меня спасите от меня...» Белый вычерчивает свой знаменитый символистский треугольник: идеал — мир грубой материальности — символ! Вечным идеалом для него останется та, что «сходила с нами / Из миротворной глубины...». Навсегда неприемлемым остается мир, в котором царит «рассудок, свинорылый комик», мир, где,

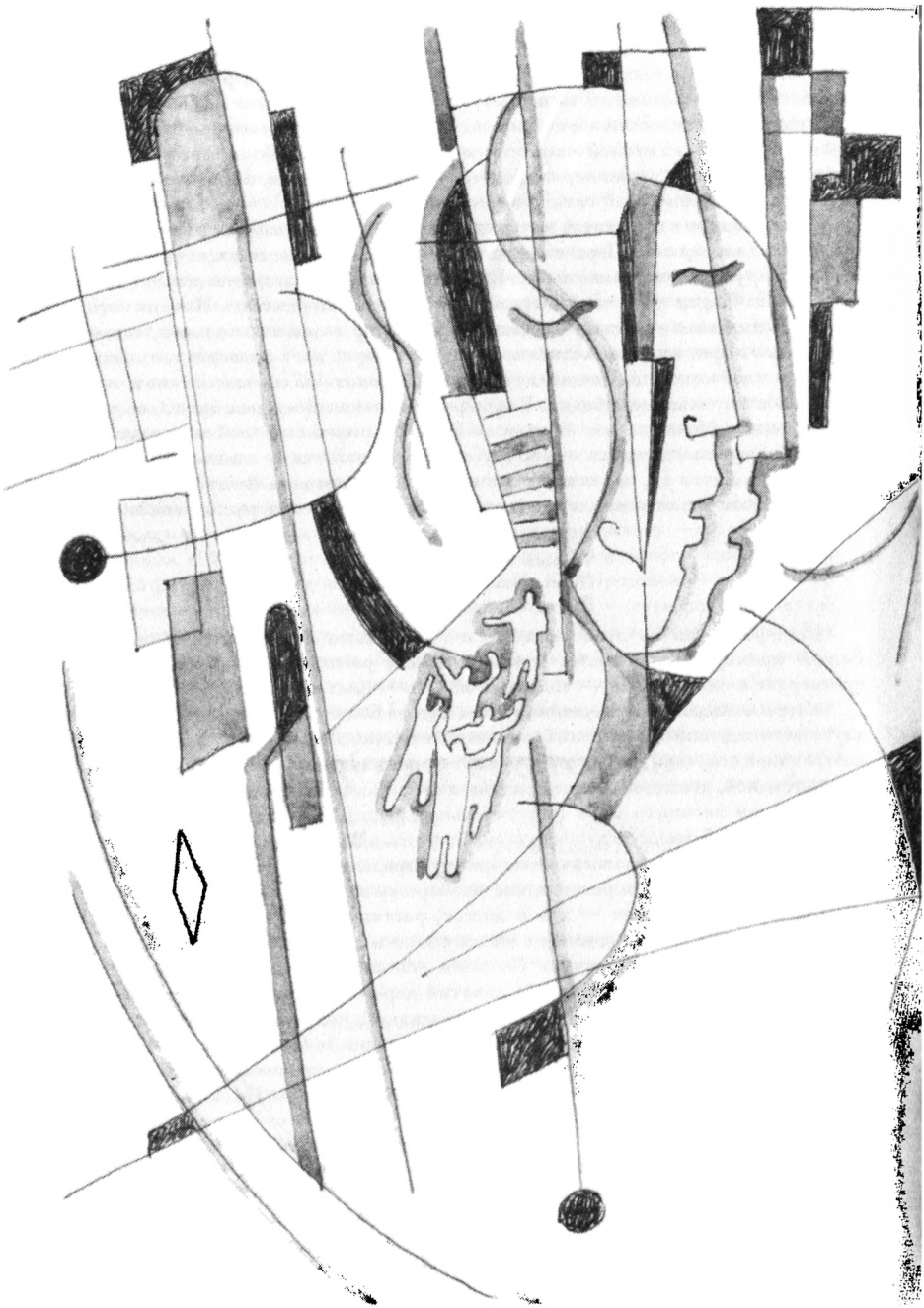
Переварив дары природы
Тупыми животами,— мы
Перетопатываем годы;
И — утопатываем в тьмы.

Поэт-романтик на этой антитезе и остановился бы, застыл. Поэт-символист Белый примеряет крайности; предварительно расплавив их в световой пляске, претворяет в символ: «Не — ты, не — я!.. Но — мы: но — Он!»

«Первое свидание» — вершина поэзии Андрея Белого 20-х годов. Дальше начинается «путь нисхождения»: смятенный берлинский песенник «После разлуки» (1922), в котором поэт, с одной стороны, демонстрирует виртуозное владение «техникой» стиха (звукописью, ритмикой, неожиданными образами и неологизмами), а с другой — свое бессилие перед хаосом внешнего мира («Мутительная мгла / Являет ворохи / Разбросанных предметов») и собственную душевную смятенность. «Магия слова» вытеснена футуристически-обнаженным, физиологическим криком-страданием — тем, что сам Белый в статье «Жезл Аарона» (1917) определял как «набор звучащих кричаний».

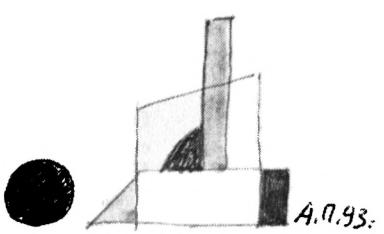
«Путь нисхождения» — это и долгое, растянувшееся на годы переделывание всех написанных ранее, начиная с эпохи «Золота в лазури», стихов... Было во всем этом что-то самосожженческое. Но хотя линия творчества Белого-поэта почти пресеклась, а центр литературных занятий переместился в сферу прозы и теории культуры, поэзия Белого продолжалась: магию его поэтического слова испытали на себе В. Маяковский и Б. Пастернак, В. Хлебников и С. Есенин, О. Мандельштам и Н. Заболоцкий. И сегодня — после стольких лет замалчивания и непечатания — предсказанные О. Мандельштамом «молодые, грядущие» открывают для себя Андрея Белого — прозу, статьи, поэзию, которые оставил этот «первенец, веком гонимый взашей / Под морозную пыль образуемых вновь падежей».

В. ПИСКУНОВ



ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

Посвящаю эту книгу
дорогой матери



Бальмонту

1

В золотистой дали
облака, как рубины,—
облака, как рубины, прошли,
как тяжелые, красные льдины.

Но зеркальную гладь
пелена из туманов закрыла,
и душа неземную печать
тех огней — сохранила.

И, закрытые тьмой,
горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
еще с нами, о братья!»

Не бояся луны,
прожигавшей туманные сети,
улыбались — священной весны
все задумчиво грустные дети.

Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятеньем неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным.

Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.
И заластился к нам
голубеющий бархат эфира.

Апрель 1903
Москва

2

Огонечки небесных свечей
снова борются с горестным мраком.
И ручей
чуть сверкает серебряным знаком.

О поэт — говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.

Говори о безумье миров,
завертевшихся в танцах,
о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах.

Говори
о полете столетий.
Голубые восторги твои
чутко слышат притихшие дети.

Говори...

Май 1903
Москва

3

Поэт,— ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность.

С тобой, над тобою она,
ласкает, целует беззвучно.
Омыта лазурью, весна
над ухом звенит однозвучно.
С тобой, над тобою она.
Ласкает, целует беззвучно.

Хоть те же всё люди кругом,
ты — вечный, свободный, могучий.
О, смейся и плачь: в голубом,
как бисер, рассыпаны тучи.

Закат догорел полосой,
огонь там для сердца не нужен:
там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.
Там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.

1903
Москва

Золотое руно

Посвящено Э. К. Метнеру

1

Золотея, эфир просветится
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий, солнечный щит.

И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.

Встали груди утесов
средь трепещущей, солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:

«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно —
золотое, старинное счастье —
золотое руно!»

Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня.

Апрель 1903
Москва

2

Пожаром склон неба объят...
И вот аргонавты нам в рог отлетаний
трубят...
Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!

Зовет за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой
золотою:
«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!..»

Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
трубя
в золотеющий мир.

Всё небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Всё небо в рубинах
над нами.
На горных вершинах
наш Арго,
наш Арго,
готовясь лететь, золотыми крылами
забил.

Земля отлетает...
Вино
мировое
пылает
пожаром
опять:
то огненным шаром
блистать
выплывает
руно
золотое,
искрясь.

И, блеском объятый,
светило дневное,
что факелом вновь зажжено,
несясь,
настигает
наш Арго крылатый.

Опять настигает
свое золотое
руно...

Октябрь 1903
Москва

Солнце

Автору «Будем как Солнце»

Солнцем сердце зажжено.
Солнце — к вечному стремительность.
Солнце — вечное окно
в золотую ослепительность.

Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
красным жаром разливается.

В сердце бедном много зла
сожжено и перемолото.
Наши души — зеркала,
отражающие золото.

1903
Серебряный Колодезь

Закаты

1

Даль — без конца. Качается лениво,
шумит овес.
И сердце ждет опять нетерпеливо
всё тех же грез.
В печали бледной, виннозолотистой,
закрывшись тучей
и окаймив дугой ее огнистой,
сребристо жгучей,
садится солнце красно-золотое...
И вновь летит
вдоль желтых нив волнение святое,
овсом шумит:
«Душа, смирись: средь пира золотого
скончался день.
И на полях туманного былого
ложится тень.
Уставший мир в покое засыпает,
и впереди
весны давно никто не ожидает.
И ты не жди.
Нет ничего... И ничего не будет...
И ты умрешь...
Исчезнет мир, и Бог его забудет.
Чего ж ты ждешь?»
В дали зеркальной, огненно-лучистой,
закрывшись тучей
и окаймив дугой ее огнистой,
пунцово-жгучей,
огромный шар, склонясь, горит над нивой
багрянцем роз.
Ложится тень. Качается лениво,
шумит овес.

Июль 1902
Серебряный Колодезь

2

Я шел домой согбенный и усталый,
главу склонив.
Я различал далекий, запоздалый
родной призыв.
Звучало мне: «Пройдет твоя кручина,
умчится сном».
Я вдаль смотрел — тянулась паутина
на голубом
из золотых и лучезарных ниток...
Звучало мне:
«И времена свиваются, как свиток...
И всё — во сне...
Для чистых слез, для радости духовной,
для бытия,
мой падший сын, мой сын единокровный,
зову тебя...»
Так я стоял счастливый, безответный.
Из пыльных туч
над далью нив вознесся златосветный
янтарный луч.

Июнь 1902
Серебряный Колодезь

3

Шатаясь, склоняется колос.
Прохладой вечерней пахнёт.
Вдали замирающий голос
в безвременье грустно зовет.

Зовет он тревожно, невнятно
туда, где воздушный чертог,
а тучек скользящие пятна
над нивой плывут на восток.

Закат полосою багряной
бледнеет в дали за горой.
Шумит в лучезарности пьяной
вкруг нас океан золотой.

И мир, догорая, пирует,
и мир славословит Отца,
а ветер ласкает, целует.
Целует меня без конца.

Март 1902
Москва

За Солнцем

Пожаром закат златомирный пылает,
лучистой воздушностью мир пронизав,
над нивою мирной кресты зажигает
и дальние абрисы глав.

Порывом свободным воздушные ткани
в пространствах лазурных влачася, шумят,
обвив нас холодным атласом лобзаний,
с востока на запад летят.

Горячее солнце — кольцо золотое —
твой контур, вонзившийся в тучу, погас.
Горячее солнце — кольцо золотое —
ушло в неизвестность от нас.

Летим к горизонту: там занавес красный
сквозит беззакатностью вечного дня.
Скорей к горизонту! Там занавес красный
весь соткан из грез и огня.

1903

Вечный зов

Д. С. Мережковскому

1

Пронизала вершины дерев
желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
«Объявись — зацелую тебя...»

Старина, в пламенеющий час
обуявшая нас мировым,—
старина, окружившая нас,
водопадом летит голубым.

И веков струевой водопад,
вечно грустной спадая волной,
не замоет к былому возврат,
навсегда засквозив стариной.

Песнь всё ту же поет старина,
душит тем же восторгом нас мир.
Точно выплеснут кубок вина,
напоившего вечным эфир.

Обращенный лицом к старине,
я склонился с мольбою за всех.
Страстно тянутся ветви ко мне
золотых, лучезарных дерев.

И сквозь вихрь непрерывных веков
что-то снова коснулось меня,—
тот же грустно задумчивый зов:
«Объявись — зацелую тебя...»

2

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз.

В небе гас золотистый пожар.
Я смеялся фонарным огням.
Запрудив вкруг меня тротуар,
удивленно внимали речам.

Хохотали они надо мной,
над безумно-смешным лжехристом.
Капля крови огнистой слезой
застывала, дрожа над челом.

Гром пролеток и крики, и стук,
ход бесшумный резиновых шин...
Липкой грязью окаченный вдруг,
побледневший утих арлекин.

Яркогазовым залит лучом,
я поник, зарыдав как дитя.
Потащили в смирительный дом,
погоняя пинками меня.

3

Я сижу под окном.
Прижимаюсь к решетке, молясь.
В голубом
всё застыло, искрясь.

И звучит из дали:
«Я так близко от вас,
мои бедные дети земли,
в золотой, янтареющий час...»

И под тусклым окном
за решеткой тюрьмы

ей машу колпаком:
«Скоро, скоро увидимся мы...»

С лучезарных крестов
нити золота тешат меня...
Тот же грустно задумчивый зов:
«Объявись — зацелую тебя...»

Полный радостных мук,
утихает дурак.
Тихо падает на пол из рук
сумасшедший колпак.

Июнь 1903
Серебряный Колодезь

Гроза на закате

Вижу на западе волны я
облачно-грозных твердынь.
Вижу — мгновенная молния
блещет над далью пустынь.
Грохот небесного молота.
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего золота
в небе опять разлилось.
Плачу и жду несказанного,
плачу в порывах безмирных.
Образ колосса туманного
блещет в зарницах сапфирных.
Держит лампаду пурпурную.
Машет венцом он зубчатым.
Ветер одежду лазурную
рвет очертаньем крылатым.
Молньи рубинно-сапфирные.
Грохот тяжелого молота.
Волны лазури эфирные.
Море вечернего золота.

Июнь, 1903
Серебряный Колодезь

Три стихотворения

1

Всё тот же раскинулся свод
над нами лазурно-безмирный,
и тот же на сердце растет
восторг одиночества пирный.

Опять золотое вино
на склоне небес потухает.
И грудь мою слово одно
знакомою грустью сжимает.

Опять заражаюсь мечтой,
печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонт золотой
подернулся дымкой багряной.

Смеюсь — и мой смех серебрист,
и плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

Апрель 1902
Москва

2

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.

Не веришь, что ясен так день,
что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.

Венок возложил я, любя,
из роз — и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.

И мнится — я этой мечтой
всю бездну восторга измерю.
Ты скажешь — восторг тот святой...
Не верю!

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

Апрель 1902
Москва

3

Звон вечерний гудит, уносясь
в вышину. Я молчу, я доволен.

Светозарные волны, искрясь,
зажигают кресты колоколен.

В тучу прячется солнечный диск.
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
белогрудых счастливых касаток.

Пусть туманна огнистая даль —
посмотри, как всё чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.

О, что значат печали мои!
В чистом небе так ясно, так ясно...
Белоснежный кусок кисеи
загорелся мечтой виннокрасной.

Там касатки кричат, уносясь.
Ах, полет их свободен и волен...
Светозарные волны, искрясь,
озаряют кресты колоколен.

1902

Путь к невозможному

Мы былое окинули взглядом,
но его не вернуть.
И мучительным ядом
сожаленья отравлена грудь.
Не вздыхай... Позабудь...
Мы летим к невозможному рядом.
Наш серебряный путь
зашумел временным водопадом.
Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей!
Серебро, серебро
омывает струей нас звенящей.
Это — к Вечности мы
устремились желанной.
Засиял после тьмы
ярче свет первозданный.
Глуше вопли зимы.
Дальше хаос туманный...
Это к Вечности мы
полетели желанной.

1903

Не тот

В. Я. Брюсову

I

Сомненье, как луна, взошло опять,
и помысл злой
стоит, как тать,—
осенней мглой.

Над тополем, и в небе, и в воде
горит кровавый рог.
О, где Ты, где,
великий Бог!..

Откройся нам, священное дитя...
О, долго ль ждать,
шутить, грустя,
и умирать?

Над тополем погас кровавый рог.
В тумане Назарет.
Великий Бог!..
Ответа нет.

II

Восседает меж белых камней
на лугу с лучезарностью кроткой
незнакомец с лазурью очей,
с золотою бородкой.

Мглой задернут восток...
Дальний крик пролетающих галок...
И плетет себе белый венок
из душистых фиалок.

На лице его тени легли.
Он поет — его голос так звонок.
Поклонился ему до земли.
Стал он гладить меня, как ребенок.

Горбуны из пещеры пришли,
повинуясь закону.
Горбуны поднесли
золотую корону.

«Засиял ты, как встарь...
Мое сердце тебя не забудет.

В твоем взоре, о царь,
все что было, что есть и что будет.

И береза, вершиной скользя
в глубь тумана, ликует...
Кто-то, Вечный, тебя
зацелует!»

Но в туман удаляться он стал.
К людям шел разгонять сон их жалкий.
И сказал,
прижимая, как скипетр, фиалки:

«Побеждаеши сим!»
Развевалась его багряница.
Закружилась над ним,
глухо каркая, черная птица.

III

Он — букет белых роз.
Чаша он мировинного зелья.
Он, как новый Христос,
просиявший учитель веселья.

И любя, и грустя,
всех дарит лучезарностью кроткой.
Вот стоит, как дитя,
с золотисто-янтарной бородкой.

«О, народы мои,
приходите, идите ко мне.
Песнь о новой любви
я расслышал так ясно во сне.

Приходите ко мне.
Мы воздвигнем наш храм.
Я грядущей весне
свое жаркое сердце отдам.

Приношу в этот час,
как вечернюю жертву, себя...
Я погибну за вас,
беззаветно смеясь и любя...

Ах, лазурью очей
я омою вас всех.
Белизною моей
успокою ваш огненный грех»...

IV

И он на троне золотом,
весь просиявший, восседая,
волшебно-пламенным вином
нас всех безумно опьяняя,

ускорил ужас роковой.
И хаос встал, давно забытый.
И голос бури мировой
для всех раздался вдруг, сердитый.

И на щеках заледенел
вдруг поцелуй желанных губок.
И с тяжким звоном полетел
его вина червонный кубок.

И тени грозные легли
от стран далекого востока.
Мы все увидели вдали
седобородого пророка.

Пророк с волненьем грозовым
сказал: «Антихрист объявился»...
И хаос бредом роковым
вкруг нас опять зашевелился.

И с трона грустный царь сошел,
в тот час повитый тучей злою.
Корону сняв, во тьму пошел
от нас с опущенной главою.

V

Ах, запахнувшись в цветные тоги,
восторг пьянящий из кубка пили.
Мы восхищались, и жизнь, как боги,
познаньем новым озолотили.

Венки засохли и тоги сняты,
дрожащий светоч едва светится.
Бежим куда-то, тоской объяты,
и мрак окрестный бедой грозится.

И кто-то плачет, охвачен дрожью,
охвачен страхом слепым: «Ужели
все оказалось безумством, ложью,
что нас манило к высокой цели?»

Приют роскошный — волшебств обитель,
где восхищались мы знаньем новым,—

спалил нежданно разящий мститель
в час полуночи мечом багровым.

И вот бежим мы, бежим, как тати,
во тьме кромешной, куда — не знаем,
тихонько ропщем, перечисляем
недостающих отсталых братий.

VI

О, мой царь!
Ты запуган и жалок.
Ты, как встарь,
притаился средь белых фиалок.

На закате блеск вечной свечи,
красный отсвет страданий —
золотистой парчи
пламезарные ткани.

Ты взываешь, грустя,
как болотная птица...
О, дитя,
вся в лохмотьях твоя багряница.

Затуманены сном
наплывающей ночи
на лице снеговом
голубые безумные очи.

О, мой царь,
о, бесцарственно-жалкий,
ты, как встарь,
на лугу собираешь фиалки.

Июнь 1903
Серебряный Колодезь

Во храме

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовых блеск и тихий возглас:
«Боже...»

И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим,

лицо суровое чернеет из киота
да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...
Всё просветилось вдруг, всё солнцем зажжено:

и «Свете тихий» с клиросов воззвали,
и лики золотом пунцовым заблистали.

Восторгом солнечным зажженный иерей,
повитый ладаном, выходит из дверей.

Июнь 1903
Серебряный Колодезь

Старец

Исчезает долин
беспокойная тень,
и средь дымных вершин
разгорается день.

Бесконечно могуч
дивный старец стоит
на востоке средь туч
и призывно кричит:

«Друг, ко мне! Мы пойдем
в бесконечную даль.
Там развеется сном
и болезнь, и печаль»...

Его риза в огне...
И, как снег, седина.
И над ним в вышине
голубая весна.

И слова его — гром,
потрясающий мир
неразгаданным сном...
Он стоит, как кумир,

как весенний пророк,
осиянный мечтой.
И кадит на восток,
на восток золотой.

И все ярче рассвет
золотого огня.
И все ближе привет
беззакатного дня.

Сентябрь 1900

Образ Вечности

Бетховену

Образ возлюбленной — Вечности —
встретил меня на горах.
Сердце в беспечности.
Гул, прозвучавший в веках.
В жизни загубленной
образ возлюбленной,
образ возлюбленной — Вечности,
с ясной улыбкой на милых устах.

Там стоит,
там манит рукой...
И летит
мир предо мной —
вихрь крутит
серых облак рой.

Полосы солнечных струй златотканые
в облачной стае горят...
Чьи-то призывы желанные,
чей-то задумчивый взгляд.

Я стар — сребрится
мой ус и темя,
но радость снится.
Река, что время:
летит — кружится...

Мой челн сквозь время,
сквозь мир помчится.

И умчусь сквозь века в лучесветную даль...
И в очах старика
не увидишь печаль.

Жизни не жаль
мне загубленной.
Сердце полно несказанной беспечности —
образ возлюбленной,
образ возлюбленной —
— Вечности!..

Апрель 1903

Усмиренный

Молчит усмиренный, стоящий над кручей отвесной,
любовно охваченный старым пьянящим эфиром,
в венке серебристом и в мантии бледнонебесной,
простерший свои онемевшие руки над миром.

Когда-то у ног его вечные бури хлестали.
Но тихое время смирило вселенские бури.
Промчались столетья. Яснеют безбурные дали.
Крылатое время блаженно утонет в лазури.

Задумчивый мир напоило немеркнущим светом
великое солнце в печали янтарно-закатной.
Мечтой лебединой, прощальным вечерним приветом
сидит, умирая, с улыбкой своей невозвратной.

Вселенная гаснет... Лицо приложив восковое
к холодным ногам, обнимая руками колени...
Во взоре потухшем волненье безумно-немое,
какая-то грусть мировых, окрыленных молений.

1903

Последнее свидание

Она улыбнулась, а иглы мучительных терний
ей голову сжали горячим, колючим венцом —
сквозь боль улыбнулась, в эфир отлетая вечерний...
Сидит — улыбнулась бескровно-туманным лицом.

Вдали — бирюзовость... А ветер тоскующий гонит
листы потускневшие в медленно гаснущий час.
Жених побледнел. В фиолетовом трауре тонет,
с невесты не сводит осенних, задумчивых глаз.

Над ними струятся пространства, лазурны и чисты.
Тихонько ей шепчет: «Моя дорогая, усни...
Закатится время. Промчатся, как лист золотистый,
последние в мире, безвременьем смытые, дни».

Склонился — и в воздухе ясном звучат поцелуи.
Она улыбнулась, закрыла глаза, чуть дыша.
Над ними лазурней сверкнули последние струи,
над ними помчались последние листья, шурша.

1903
Серебряный Колодезь

Таинство

Мне слышались обрывки слов святых.
Пылала кровь в сосудах золотых.
Возликовав, согбенный старый жрец
пред жертвой снял сверкающий венец.

Кадильницей взмахнул, и фимиам
дыханьем голубым наполнил храм.
Молельщикам раздал венки из роз.
Пал ниц и проливал потоки слез.

Прощальным сном, нетленною мечтой
погас огонь небесно-золотой.
В цветных лампадах засиял чертог.
Заговорил у жертвенника рог.
Возликовав, согбенный старый жрец
из чаш пролил сверкающий багрец.
Средь пряных трав, средь нежных чайных роз
пал ниц и проливал потоки слез.

1901

Вестники

В безысходности нив
онемелый овес
дремлет, колос склонив,
средь несбыточных грез...

Тишину возмутив,
весть безумно пронес
золотой перелив,
что идет к нам Христос.

Закивал, возопив,
исступленный овес.

Тихий звон. Сельский храм
полон ропота, слез.
Не внимая мольбам
голос, полный угроз,
все твердит: «Горе вам!»

Кто-то свечи принес
и сказал беднякам:

«Вот Спаситель-Христос
приближается к нам»...
Среди вздохов и слез
потянулись к дверям.

1903

В полях

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
спускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

1904

Священный рыцарь

Посвящается «бедным рыцарям»

Я нарезал алмазным мечом
себе полосы солнечных бликов.
Я броню из них сделал потом
и восстал среди криков.

Да избавит Царица меня
от руки палачей!

Золотая кольчуга моя
из горячих, воздушных лучей.

Белых тучек нарвал средь лазури,
приковал к мирозлатному шлему.
Пели ясные бури
из пространств дорогую поэму.

Вызывал я на бой
ослепленных заразой неверья.
Холодеющий вихрь, золотой,
затрепал мои белые перья.

1903

Душа мира

Вечной
тучкой несется,
улыбкой
беспечной,
улыбкой зыбкой
смеется.
Грядой серебристой
летит над водою —
— лучисто —
волнистой
грядою.

Чистая,
словно мир,
вся лучистая —
золотая заря,
мировая душа.
За тобою бежишь,
весь
горя,
как на пир,
как на пир
спеша.
Травой шелестишь:
«Я здесь,
где цветы...
Мир
вам...»
И бежишь,
как на пир,
но ты —
Там...

Пронесясь
ветерком,
ты зелень чуть тронешь,
ты пахнёшь
холодком
и смеясь
вмиг
в лазури утонешь,
улетишь на крыльях стрекозовых.
С гвоздик
малиновых,
с бледно-розовых
кашек —
ты рубиновых
гонишь
букашек.

1902

Опала

Посвящается А. А. Блоку

Блестящие ходят персоны,
повсюду фаянс и фарфор,
расписаны нежно плафоны,
музы́ка приветствует с хор.

А в окнах для взора угодный,
прилежно разбитый цветник.
В своем кабинете дородный
и статный сидит временщик.

В расшитом камзоле, при шпаге,
в андреевском ордене он.
Придворный, принесший бумаги,
отвесил глубокий поклон,—

Приветливый, ясный, речистый,
отдавшийся важным делам.
Сановник платочек душистый
кусает, прижавши к устам.

Докладам внимает он мудро,
Вдруг перстнем ударил о стол.
И с буклей посыпалась пудра
на золотом шитый камзол.

«Для вас, государь мой, не тайна,
что можете вы пострадать:
и вот я прошу чрезвычайно
сию неисправность изъять...»

Лицо утонуло средь кружев.
Кричит, раскрасневшись: «Ну что ж!..
Татищев, Шувалов, Бестужев —
у нас есть немало вельмож —

Коль вы не исправны, законы
блюсти я доверю другим...

Повсюду, повсюду препоны
моим начинаньям благим!..»

И, гневно поднявшись, отваги
исполненный, быстро исчез.
Блеснул его перстень и шпаги
украшенный пышно эфес.

Идет побледневший придворный...
Напудренный щеголь в лорнет
глядит — любопытный, притворный:
«Что с вами? Лица на вас нет...

В опале?.. Назначен Бестужев?»
Главу опустил — и молчит.
Вкруг море камзолов и кружев,
волнуясь, докучно шумит.

Блестящие ходят персоны,
музы́ка приветствует с хор,
окраскою нежной плафоны
ласкают пресыщенный взор.

Апрель 1903
Москва

Объяснение в любви

Посвящается дорогой матери

Сияет роса на листочках.
И солнце над прудом горит.
Красавица с мушкой на щечках,
как пышная роза, сидит.

Любезная сердцу картина!
Вся в белых, сквозных кружевах,
мечтает под звук клавесина...
Горит в золотистых лучах

под вешнею лаской фортуны
и хмелью обвитый карниз,
и стены. Прекрасный и юный,
пред нею склонился маркиз

в привычно заученной роли,
в волнисто-седом парике,
в лазурно-атласном камзоле,
с малиновой розой в руке.

«Я вас обожаю, кузина!
Извольте цветок сей принять...»
Смеется под звук клавесина
и хочет кузину обнять.

Уже вдоль газонов росистых
туман бледно-белый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
луна золотая плывет.

Март 1903
Москва

Менуэт

Вельможа встречает гостью.
Он рад соседке.
Вертя драгоценною тростью,
стоит у беседки.

На белом атласе сапфиры.
На дочках — кисейные шарфы.

Подули зефиры —
воздушный аккорд
Эоловой арфы.

Любезен, но горд,
готовит изящный сонет
старик.
Глядит в глубь аллеи, приставив лорнет,
надев треуголку на белый парик.

Вот... негры вдали показались —
все в красном — лакеи...
Идет в глубь аллеи
по старому парку.

Под шепот алмазных фонтанов
проходят сквозь арку.

Вельможа идет для встречи.
Он снял треуголку.
Готовит любезные речи.
Шуршит от шелку.

Март 1903
Москва

Прощание

Посвящается Эллису

Красавец Огюст,
на стол уронив табакерку,
задев этажерку,
обнявши подругу за талью, склонился
на бюст.

«Вы — радости, кои
Фортуна несла — далеки!..»

На клумбах левкои.
Над ними кружат мотыльки.

«Прости, мое щастье:
уйдет твой Огюст...»

Взирает на них без участья
холодный и мраморный бюст.
На бюсте сем глянец...

«Ах, щастье верну!..
Коль будет противник, его, как гишпанец,
с отвагою, шпагой проткну...

Ответишь в день оный,
коль, сердце, забудешь меня».

Сверкают попоны
лихого коня.

Вот свистнул по воздуху хлыстик.
Помчался
и вдаль улетел.

И к листику листик
прижался:
то хладный зефир прошумел.

«Ах, где ты, гишпанец мой храбрый?
Ах, где ты, Огюст?»
Забыта лежит табакерка...
Приходят зажечь канделябры...

В огнях этажерка
и мраморный бюст.

Апрель 1903
Москва

Полунощницы

Посвящается А. А. Блоку

На столике зеркало, пудра, флаконы,
что держат в руках купидоны,
белила,
румяна...

Затянута туго корсетом,
в кисейном девица в ладоши забила,
вертясь пред своим туалетом:
«Ушла... И так рано!..
Заснет и уж нас не разгонит...
Ах, котик!..»

И к котику клонит
свой носик и ротик...

Щебечет другая
нежнее картинки:
«Ma chère, дорогая —
сережки, корсажи, ботинки!..
Уедем в Париж мы...
Там спросим о ценах...»

Блистают
им свечи.
Мелькают
на стенах
их фижмы
и букли, и плечи...

«Мы молоды были...
Мы тоже мечтали,
но кости заныли,
прощайте!..» —
старушка графиня сказала им басом...

И все восклицали:
«Нет, вы погадайте...»
И все приседали,
шуршали атласом...
«Ведь вас обучал Калиостро...»

— «Ну, карты давайте...»
Графиня гадает, и голос звучит ее трубный,
очами сверкает так остро:
«Вот трефы, вот бубны...»

На стенах портреты...
Столпились девицы с ужимками кошки.
Звенят их браслеты,
горят их сережки...

Трясется чепец, и колышатся лопасти кофты.
И голос звучит ее трубный:
«Беги женихов ты...
Любовь тебя свяжет и сетью опутает вервий.
Гаси сантимента сердечного жар ты...
Опять те же карты:
Вот бубны,
вот черви...»

Вопросы... Ответы...
И слушают чутко...
Взирают со стен равнодушно портреты...
Зажегся взор шустрый...
Темно в переходах
и жутко...

И в залах на сводах
погашены люстры...
И в горнице тени трепещут...

И шепчутся: «Тише,
вот папа
услышит, что дочки ладонями плещут,
что возятся ночью, как мыши,
и тешат свой норов...
Вот папа
пришлет к нам лакея «арапа».

Притихли, но поздно:
в дали коридоров
со светом в руках приближаются грозно...
Шатаются мраки...

Арапы идут и — о Боже! —
вот шарканье туфель доносится грубо,
смеются их черные рожи,
алеют их губы,
мелькают пунцовые фраки...

1903
Серебряный Колодезь

Променад

Красотка летит вдоль аллеи
в карете своей золоченой.
Стоят на запятках лакеи
в чулках и в ливрее зеленой.

На кружевах бархатной робы
всё ценные камни сияют.
И знатные очень особы
пред ней треуголку снимают.

Карета запряжена цугом...
У лошади в челке эгретка.
В карете испытанным другом
с ней рядом уселась левретка.

На лошади взмыленно снежной
красавец наездник промчался;
он, ветку акации нежной
сорвав на скаку, улыбался.

Стрельнул в нее взором нескромно...
В час тайно условленной встречи,
напудренно-бледный и томный,—
шепнул ей любовные речи...

В восторге сидит онемелом...
Карета на запад катится...
На фоне небес бледно-белом
светящийся пурпур струится.

Ей грезится жар поцелуя...
Вдали очертаньем неясным
стоит неподвижно статуя,
охвачена заревом красным.

1903
Серебряный Колодезь

Ссора

Посвящается
М. И. Балтрушайтис

Заплели косицы змейкой
графа старого две дочки.
Поливая клумбы, лейкой
воду черпают из бочки.

Вот садятся на скамейку,
подобрав жеманно юбки,
на песок поставив лейку
и сложив сердечком губки.

Но лишь скроется в окошке
образ строгий гувернантки,—
возникают перебранки
и друг другу кажут рожки.

Замелькали юбки, ножки,
кудри, сглаженные гребнем...
Утрамбованы дорожки
мелким гравием и щебнем.

Всюду жизнь и трепет вешний,
дух идет от лепесточков,
от голубеньких цветочков,
от белеющей черешни.

И в разгаре перебранки
языки друг другу кажут...
Строгий возглас гувернантки:
«Злые дети, вас накажут!..»

Вечер. Дом, газон, кусточек
тонут в полосах тумана.
«Стонет сизый голубочек»,—
льется звонкое сопрано.

И субтильные девицы,
подобрав жеманно юбки,
как нахохленные птицы,
в дом идут, надувши губки.

Апрель 1903
Москва

Заброшенный дом

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, по редкий.
Грущу о былом:
«Ах, где вы — любезные предки?»

Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
над домом шумят.

И лист за листом,
тоскуя о неге вчерашней,
кружится под тусклым окном
разрушенной башни.

Как стерся изогнутый серп
средь нежно белеющих лилий —
облупленный герб
дворянских фамилий.

Былое, как дым...
И жалко.
Охрипшая галка
глумится над горем моим.

Посмотришь в окно —
часы из фарфора с китайцем.
В углу полотно
с углем нарисованным зайцем.

Старинная мебель в пыли,
да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали —
равнины, равнины.

Среди многоверстных равнин
скирды золотистого хлеба.
И небо...
Один.

Внимаешь с тоской
обвеянный жизнию давней,
как шепчется ветер с листвой,
как хлопает сорванной ставней.

Июнь 1903
Серебряный Колодезь

Сельская картина

М. А. Эртелю

Сквозь зелень воздушность одела
их пологом солнечных пятен.
Старушка несмело
шепнула: «День зноен, приятен...»

Девица
клубнику варила средь летнего жара.
Их лица
омыло струею душистого пара.

В морщинах у старой змеилась
как будто усмешка...

В жаровне искрилась,
дымя, головешка.

Зефир пролетел тиховейный...
Кудрявенький мальчик
в пикейной
матроске к лазури протягивал пальчик:
«Куда полетела со стен ты,
зеленая мушка?»

Чепца серебристого ленты,
вспотев, распускала старушка.

Чирикнула птица.

В порыве бескрылом
девица
грустила о милом.
Тяжелые косы,
томясь, через плечи она перекинула разом.

Звенящие, желтые осы
кружились над стынущим тазом.

Девица за ласточкой вольной
следила завистливым оком,
грустила невольно
о том, что разлу́чены роком.
Вдруг что-то ей щечку ужалило больно —
она зарыдала,
сорвавши передник...
И щечка распухла.

Варенье убрали на ледник,
жаровня потухла.

Диск солнца пропал над лесною опушкой,
ребенка лучом искрометным целуя.

Ребенок гонялся
за мушкой
средь кашек.
Метался,
танцуя,
над ним столб букашек.

И вот дуновенье
струило прохладу
волною.
Тоскливое пенье
звучало из тихого саду.

С распухшей щекою
бродила мечтательно дева.
Вдали над ложбиной —
печальный, печальный —
туман поднимался к нам призраком длинным.

Из птичьего зева
забил над куртиной
фонтанчик хрустальный,
пронизанный златом рубинным.

Средь розовых шапок левкоя
старушка тонула забытым мечтаньем.
И липы былое
почтили вздыханьем.
Шептала
старушка: «Как вечер приятен!»

И вот одевала
заря ее пологом огненных пятен.

1904
Москва

Воспоминание

Посвящается
Л. Д. Блок

Задумчивый вид:
Сквозь ветви сирени
сухая известка блестит
запущенных барских строений.

Всё те же стоят у ворот
чугунные тумбы.
И нынешний год
всё так же разбитые клумбы.

На старом балкончике хмель
по ветру качается сонный,
да шмель
жужжит у колонны.

Весна.
На кресле протертом из ситца
старушка глядит из окна.
Ей молодость снится.

Всё помнит себя молодой —
как цветиком ясным, лилейным
гуляла весной
вся в белом, в кисейном.

Он шел позади,
шепча комплименты.
Пылали в груди
ее сантименты.

Садилась, стыдясь,
она вон за те клавикорды.
Ей в очи, смеясь,
глядел он, счастливый и гордый.

Зарей потянуло в окно.
Вздохнула старушка:
«Всё это уж было давно!..»
Стенная кукушка,

хрипя,
кричала.
А время, грустя,
над домом бежало, бежало...

Задумчивый хмель
качался, как сонный,
да бархатный шмель
жужжал у колонны.

1903
Москва

Отставной военный

Вот к дому, катя по аллеям,
с нахмуренным Яшкой —
с лакеем,
подъехал старик, отставной генерал с деревяшкой.

Семейство,
чтя русский
обычай, вело генерала для винного действа
к закуске.

Претолстый помещик, куривший сигару,
напяливший в полдень поддевку,
средь жару
пил с гостем вишневку.

Опять вдохновенный,
рассказывал, в скатерть рассеянно тыча окурок,
военный
про турок:
«Приехали в Яссы...
Приблизились к Турции...»
Вились вкруг террасы
цветы золотые настурции.

Взирая
на девку блондинку,
на хлеб полагая
сардинку,
кричал
генерал:
«И под хохот громовый
проснувшейся пушки
ложились костьми батальоны...»

В кленовой
аллее носились унылые стоны
кукушки.

Про душную страду
в полях где-то пели
так звонко.
Мальчишки из саду
сквозь ели,
крича, выгоняли теленка.

«Не тот, так другой
погибал,
умножались
могилы»,—
кричал,
от вина огневой...
Наливались
на лбу его синие жилы.

«Нам страх был неведом...
Еще на Кавказе сжигали аул за аулом...»

С коричневым пледом
и стулом
в аллее стоял,
дожидаясь,
надутый лакей его, Яшка.

Спускаясь
с террасы, военный по ветхим ступеням стучал
деревяшкой.

1904
Москва

Незнакомый друг

Посвящается П. Н. Батюшкову

I

Мелькают прохожие, санки...
Идет обыватель из лавки
весь бритый, старинной осанки...
Должно быть, военный в отставке.
Калошей стучит по панели,
мальчишкам мигает со смехом
в своей необъятной шинели,
отделанной выцветшим мехом.

II

Он всюду, где жизнь,— и намедни
Я встретил его у обедни.
По церкви ходил он с тарелкой...
Деньгою позвякивал мелкой...
Все знают: про замысел вражий,
он мастер рассказывать страсти...
Дьячки с ним дружатся — и даже
квартальные Пресненской части.
В мясной ему все без прибавки —
Не то что другим — отпускают...
И с ним о войне рассуждают
хозяева ситцевой лавки...

Приходит, садится у окон
с улыбкой, приветливо ясный...
В огромный фулярово-красный
сморкается громко платок он.
«Китаец дерется с японцем...
В газетах об этом писали...
Ох, что ни творится под солнцем...
Недавно... купца обокрали»...

III

Холодная, зимняя вьюга.
Безрадостно-темные дали.
Ищу незнакомого друга,
исполненный вечной печали...

Вот яростно с крыши железной
рукав серебристый взметнулся,
как будто для жалобы слезной
незримый в хаосе проснулся,—
как будто далекие трубы...

Оставленный всеми, как инок,
стоит он средь бледных снежинок,
подняв воротник своей шубы...

IV

Как часто средь белой метели,
детей провожая со смехом,
бродил он в старинной шинели,
отделанной выцветшим мехом...

1903
Москва

Весна

Всё подсохло. И почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облачка, как барашки.
Громче, громче весенняя весть.

Я встревожен назойливым писком:
Подткнувшись, ворчливая Фекла,
нависая над улицей с риском,
протирает оконные стекла.

Тут известку счищают ножом...
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью крутит за окном.

Окна настежь — и крик, разговоры,
и цветочный качается стебель,
и выходят на двор полотеры
босиком выколачивать мебель.

Выполз кот и сидит у корытца,
умывается бархатной лапкой.
Вот мальчишка в рубашке из ситца,
пробежав, запустил в него бабкой.

В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.
Небеса всё синей и синей,
Облачка, как барашки, волнисты.

В синих далях блуждает мой взор.
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
с громом ввозит тяжелые балки.

1903
Москва

Из окна

Гляжу из окна я вдоль окон:
здесь — голос мне слышится пылкий
и вижу распущенный локон...
Там вижу в окне я бутылки...

В бутылках натыкана верба.
Торчат ее голые прутья.
На дворике сохнут лоскутья...
И голос болгара иль серба

гортанный протяжно рыдает...
И слышится: «Шум на Марица...»
Сбежались. А сверху девица
с деньгою бумажку бросает.

Утешены очень ребята
прыжками цепной обезьянки.
Из вечно плаксивой Травьяты
мучительный скрежет шарманки.

Посмотришь на даль — огороды
мелькнут перед взором рядами,
заводы, заводы, заводы!..
Заводы блестят уж огнями.

Собравшись пред старым забором,
портные расселись в воротах.
Забыв о тяжелых заботах,
орут под гармонику хором.

1903

Свидание

На мотив из Брюсова

Время плетется лениво.
Всё тебя нету да нет.

Час простоял терпеливо.
Или больна ты, мой свет?

День-то весь спину мы гнули,
а к девяти я был здесь...

Иль про меня что шепнули?..
Тоже не пил праздник весь...

Трубы гремят на бульваре.
Пыль золотая летит.

Франтик в истрепанной паре,
знать, на гулянье бежит.

Там престарелый извозчик
парня в участок везет.

Здесь оборванец разносчик
дули и квас продает.

Как я устал, поджидая!..
Злая, опять не пришла...

Тучи бледнеют, сгорая.
Стелется пыльная мгла.

Вечер. Бреду одиноко.
Тускло горят фонари.

Там... над домами... далеко
узкая лента зари.

Сердце сжимается больно.
Конка протяжно звенит.

Там... вдалеке... колокольня
образом темным торчит.

1902

Кошмар среди бела дня

Солнце жжет. Вдоль тротуара
под эскортом пепиньерок
вот идет за парой пара
бледных, хмурых пансионерок.

Цепью вытянулись длинной,
идут медленно и чинно —
в скромных, черненьких ботинках,
в снежно-белых пелеринках...

Шляпки круглые, простые,
заплетенные косицы —
точно все не молодые,
точно старые девицы.

Глазки вылупили глупо,
спины вытянули прямо.
Взглядом мертвым, как у трупа,
смотрит классная их дама.

«Mademoisell Nadine, tenez voue
Droit» *... И хмурит брови строже.
Внемлет скучному напеву
обернувшийся прохожий...

Покачает головою,
удивленно улыбаясь...
Пансион ползет, змеею
между улиц извиваясь.

1903
Москва

На окраине города

Был праздник: из мглы
неслись крики пьяниц.
Домов огибая углы,
бесшумно скользил оборванец.

Зловещий и черный,
таская короткую лесенку,
забе́гал фонарщик проворный,
мурлыча веселую песенку.

Багрец золотых вечеров
закрыли фабричные трубы
да пепельно-черных домов
застывшие клубы.

1904

* Мадемуазель Надин, держитесь прямо *(фр.)*.— *Ред.*

Великан

1

«Поздно уж, милая, поздно... усни:
это обман...
Может быть, выпадут лучшие дни.

Мы не увидим их... Поздно... усни...
Это — обман».

Ветер холодный призывно шумит,
холодно нам...
Кто-то, огромный, в тумане бежит...

Тихо смеется. Рукою манит.
Кто это там?

Сел за рекою. Седой бородой
нам закивал
и запахнулся в туман голубой.

Ах, это, верно, был призрак ночной...
Вот он пропал.

Сонные волны бегут на реке.
Месяц встает.
Ветер холодный шумит в тростнике.

Кто-то, бездомный, поет вдалеке,
сонный поет.

«Всё это бредни... Мы в поле одни.
Влажный туман
нас, как младенцев, укроет в тени...

Поздно уж, милая, поздно. Усни.
Это — обман...»

Март 1901
Москва

2

Сергею Михайловичу Соловьеву

Бедные дети устали:
сладко заснули.
Сонные тополи в дали
горько вздохнули,

мучимы вечным обманом,
скучным и бедным...
Ветер занес их туманом
мертвенно-бледным.

Там великан одинокий,
низко согнувшись,
шествовал к цели далекой,
в плащ запахнувшись.

Как он, блуждая, смеялся
в эти минуты...
Как его плащ развевался,
ветром надутый.

Тополи горько вздохнули...
Абрис могучий,
вдруг набежав, затянули
бледные тучи.

3

Средь туманного дня,
созерцая минувшие грезы,
близ речного ручья
великан отдыхал у березы.

Над печальной страной
протянулись ненастные тучи.
Бесприютной главой
он прижался к березе плакучей.

Горевал исполин.
На челе были складки кручины.
Он кричал, что один,
что он стар, что немые годины

надоели ему...
Лишь заслышат громовые речи,—
точно встретив чуму,
все бегут и дрожат после встречи.

Он — почтенный старик,
а еще не видал теплой ласки.
Ах, он только велик...
Ах, он видит туманные сказки.

Облака разнесли
этот жалобный крик великана.
Говорили вдали:
«Это ветер шумит средь тумана».

Проходили века.
Разражались ненастные грозы.
На щеках старика
заблистали алмазные слезы.

4

Потянуло грозой.
Горизонт затянулся.
И над знойной страной
его плащ растянулся.

Полетели, клубясь,
грозно вздутые скалы.
Замелькал нам, искрясь,
из-за тучи платок его алый.

Вот плеснул из ведра,
грозно ухнув на нас для потехи:
«Затопить вас пора...
А ужо всем влетит на орехи!»

Вот нога его грузным столбом
где-то близко от нас опустилась,
и потом
вновь лазурь просветилась.

«До свиданья! — кричал.—
Мы увидимся летними днями...»
В глубину побежал,
нам махнув своей шляпой с полями.

5

В час зари на небосклоне,
скрывши лик хитоном белым,
он стоит в своей короне
замком грозно-онемелым.

Солнце сядет. Всё притихнет.
Он пойдет на нас сердито.

Ветром дунет, гневом вспыхнет,
сетью проволок повитый

изумрудно-золотистых,
фиолетово-пурпурных.
И верхи дубов ветвистых
зашумят в движеньях бурных.

Не успев нас сжечь огнями,
оглушить громовым ревом,
разорвется облаками
в небе темно-бирюзовом.

1902

Не страшно

Боль сердечных ран,
и тоска растет.
На полях — туман.
Скоро ночь сойдет.

Ты уйдешь, а я
буду вновь один...

И пройдет, грозя,
меж лесных вершин
великан седой:
закачает лес,
склон ночных небес
затенит бедой.

Страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
не оставь меня!..

Буйный ветер спит.
Ночь летит на нас...

Сквозь туман горит
пара красных глаз —

страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
не оставь меня!

Мне не страшно, нет...
Ты как сон... как луч...
Брызжет ровный свет
из далеких туч...

Надо спать... Всё спит...
Я во сне...
...Вон там
великан стоит
и кивает нам.

Май 1900
Москва

Поединок

Посвящается
Эллису

1

Из дали грозной Тор воинственный
грохочет в тучах.
Пронес огонь — огонь таинственный
на сизых кручах.

Согбенный викинг встал над скатами,
над темным бором,
горел сияющими латами
и спорил с Тором.

Бродил по облачному городу,
трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
он Тору-богу.

И ухнул Тор громовым молотом,
по латам медным,
обсыпав шлем пернатый золотом
воздушно-бледным:

«Швырну расплавленные гири я
с туманных башен...»
Вот мчится в пламени валькирия.
Ей бой не страшен.

На бедрах острый меч нащупала.
С протяжным криком
помчалась с облачного купола,
сияя ликом.

2

Ослепший викинг встал над скалами,
спаленный богом.
Трубит печально над провалами
загнутым рогом.

Сердитый Тор за белым глетчером
укрылся в туче.
Леса пылают ясным вечером
на дальней круче.

Извивы лапчатого пламени,
танцуя, блещут:
так клочья палевого знамени
в лазури плещут.

Октябрь 1903
Москва

Битва

В лазури проходит толпа исполинов на битву.
Ужасен их облик, всклокоченный, каменно-белый.

Сурово поют исполины седые молитву.
Бросают по воздуху красно-пурпурные стрелы.

Порою товарищ, всплеснув мировыми руками,
бессильно шатается, дружеских ищет объятий:
порою, закрывшись от стрел дымовыми плащами,
над телом склоняются медленно гибнущих братий!..
. . . . . .

Дрожала в испуге земля от тяжелых ударов.
Метались в лазури бород снеготлещущих клоки
— и нет их... пронизанный тканью червонных пожаров,
плывет многобашенный город, туманно-далекий.

Июль 1903
Серебряный Колодезь

Пригвожденный ужас

Давно я здесь в лесу — искатель счастья.
В душе моей столетние печали.
Я весь исполнен ужасом ненастья.
На холм взошел, чтоб лучше видеть дали.

Глядит с руин в пурпурном карлик вещий
с худым лицом, обросшим белым мохом.

Торчит изломом горб его зловещий.
Сложив уста, он ветру вторит вздохом.

Так горестно, так жалобно взывает:
«Усни, мечтатель жалкий,— поздно, поздно»...
Вампир пищит, как ласточка, шныряет
вокруг него безжизненно и грозно.

Ревут вершины в ликованье бурном.
Погасли в тучах горние пожары.
Горбун торчит во мгле пятном пурпурным.
На горб к нему уселся филин старый...

Молился я... И сердце билось, билось.
С вампирным карлом бой казался труден...
Был час четвертый. Небо просветилось.
И горизонт стал бледно-изумруден.

Я заклинал, и верил я заклятью.
Молил творца о счастии безбурном.
Увидел вдруг — к высокому распятью
был пригвожден седой вампир в пурпурном.

Я возопил восторженно и страстно:
«Заря, заря!.. Вновь ужас обессилен!»
И мне внимал распятый безучастно.
Вцепившись в крест, заплакал старый филин.

1903

На горах

Горы в брачных венцах.
Я в восторге и молод.
У меня на горах
очистительный холод.

Вот ко мне на утес
притащился горбун седовласый.
Мне в подарок принес
из подземных теплиц ананасы.

Он в малиново-ярком плясал,
прославляя лазурь.
Бородою взметал
вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
низким басом.
В небеса запустил
ананасом.

И, дугу описав,
озаряя окрестность,
ананас ниспадал, просияв,
в неизвестность,

золотую росу
излучая столбами червонца.
Говорили внизу:
«Это — диск пламезарного солнца...»

Низвергались, звеня,
омывали утесы
золотые фонтаны огня —
хрусталя
заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
и, подкравшися боком,
горбуна окатил
светопенным потоком.

1903
Москва

Вечность

Шумит, шумит знакомым перезвоном
далекий зов, из Вечности возникший.
Безмирнобледная, увитая хитоном
воздушночерным, с головой поникшей
и с урной на плечах, глухим порывом
она скользит бесстрашно над обрывом.

Поток вспененный мчится
серебряной каймой.
И ей все то же снится
над бездной роковой.
Провалы, кручи, гроты
недвижимы, как сон.
Суровые пролеты
тоскующих времен.

Все ближе голос Вечности сердитой...
Оцепенев, с улыбкою безбурной,
с душой больной над жизнию разбитой —
над старой, опрокинутою урной —
она стоит у пропасти туманной
виденьем черным, сказкою обманной.

1902

Маг

В. Я. Брюсову

Я в свите временных потоков,
мой черный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, ищу пророков,
о тайне неба вопиющих.

Иду вперед я быстрым шагом.
И вот — утес, и вы стоите
в венце из звезд упорным магом,
с улыбкой вещею глядите.

У ног веков нестройный рокот,
катясь, бунтует в вечном сне.
И голос ваш — орлиный клекот —
растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,
над временем вознесены —
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

1903

Кентавр

Посвящается В. В. Владимирову

Был страшен и холоден сумрак ночной,
когда тебя встретил я, брат дорогой.
В отчаянье грозном я розы срывал
и в чаще сосновой призывно кричал:
«О где ты, кентавр, мой исчезнувший брат —
с тобой, лишь с тобою я встретиться рад!..
Напрасен призыв одичалой души:
Ведь ты не придешь из сосновой глуши».

И тени сгустились... И тени прошли...
Блеснуло кровавое пламя вдали...
Со светочем кто-то на слезы бежал,
копытами землю сырую взрывал.
Лукаво подмигивал. Взором блеснул
и длинные руки ко мне протянул:
«Здорово, товарищ... Я слышал твой зов...
К тебе я примчался из бездны веков».

Страданье былое, как сон, пронеслось.
Над лесом огнистое солнце зажглось.
Меж старых камней засиял ручеек.

Из красной гвоздики надел я венок.
Веселый кентавр средь лазурного дня
дождем незабудок осыпал меня.

Весь день старый в золоте солнца играл,
зеленые ветви рукой раздвигал,
а ночью туманной простился со мной
и с факелом красным ушел в мир иной.
Я счастья не мог позабыть своего:
всё слышал раскатистый хохот его.

Июль 1901
Серебряный Колодезь

Игры кентавров

Кентавр бородатый,
мохнатый
и голый
на страже
у леса стоит.
С дубиной тяжелой
от зависти вражьей
жену и детей сторожит.

В пещере кентавриха кормит ребенка
пьянящим
своим молоком.
Шутливо трубят молодые кентавры над звонко
шумящим
ручьем.

Вскочивши один на другого,
копытами стиснувши спину,
кусают друг друга, заржав.
Согретые жаром тепла золотого,
другие глядят на картину,
а третьи валяются, ноги задрав.

Тревожно зафыркал старик, дубиной корнистой
взмахнув.
В лес пасмурно-мглистый
умчался, хвостом поседевшим вильнув.

И вмиг присмирели кентавры, оставив затеи,
и скопом,
испуганно вытянув шеи,
к пещере помчались галопом.

1903

Битва кентавров

Холодная буря шумит.
Проносится ревом победным.
Зарница беззвучно дрожит
мерцаньем серебряно-бледным.

И вижу — в молчанье немом
сквозь зелень лепечущих лавров
на выступе мшистом, крутом
немой поединок кентавров.

Один у обрыва упал,
в крови весь, на грунте изрытом.
Над ним победитель заржал
и бьет его мощным копытом.

Не внемлет упорной мольбе,
горит весь огнем неприязни.
Сраженный, покорный судьбе,
зажмурил глаза и ждет казни.

Сам вызвал врага и не мог
осилить стремительный приступ.
Под ними вспененный поток
шумит, разбиваясь о выступ...

Воздушно-серебряный блеск
потух. Всё во мраке пропало.
Я слышал лишь крики да всплеск,
как будто что в воду упало.

. . . . . .

Холодная буря шумит.
Проносится ревом победным.
И снова зарница дрожит
мерцаньем серебряно-бледным.

Смотрю — колыхается лавр...
За ним удаленным контуром
над пенною бездной кентавр
стоит изваянием хмурым.

Под ним серебрится река.
Он взором блистает орлиным.
Он хлещет крутые бока
и спину хвостом лошадиным.

Он сбросил врага, и в поток
бессильное тело слетело.

И враг больше выплыть не мог,
и пена реки заалела.

Он поднял обломок скалы,
Чтоб кинуть в седую пучину.

. . . . . .

И нет ничего среди мглы,
объявшей немую картину.

Кругом только капли стучат.
Вздыхаешь об утре лазурном.
И слышишь, как лавры шумят
в веселье неслыханно бурном.

Апрель 1902
Москва

Песнь кентавра

Над речкой кентавр полусонный поет.
Мечтательным взором кого-то зовет.
На лире играет. И струны звенят.
В безумных глазах будто искры горят.
В морщинах чела притаилась гроза.
На бледных щеках застывает слеза.
Вдали — точно Вечность. Все то же вдали.
Туманы синеют. Леса залегли.
Уснет и проснется порыв буревой,
и кто-то заблещет, бездонно-немой.

Над речкой кентавр полусонный стоит.
В тревоге главу опустил и молчит.
Мечтатель со дна приподнялся реки,
раздвинув дрожащей рукой тростники.
И шепчет чуть слышно: «Я понял тебя...
Тоскую, как ты, я. Тоскую, любя...
Безумно люблю и зову, но кого?
Не вижу, как ты, пред собой никого.
Учитель, учитель, мы оба в тоске —
бездомные волны на шумной реке...

Как ты, одинок я. Ты робок, как я.
Учитель, учитель! Я понял тебя»...
Уснул и проснулся порыв буревой.
В волнах захлебнулся мечтатель речной.
Кентавр — хоть бы слово: в затишье гроза.
На бледных щеках застывает слеза.
Над речкой кентавр возмущенный зовет.

Уставшую землю копытами бьет.
Он вытянул шею. Он лиру разбил.
Он руки в безумстве своем заломил.
И крик его — дикое ржанье коня.
И взор его — бездна тоски и огня.
В волнах набегающих машет рукой
двойник, опрокинутый вниз головой.

1902

Утро

1

Грядой пурпурной
проходят облачка всё той же сменой.
В них дышит пламень.
Отхлынет прочь волна, разбившись бурной
шипучей пеной
о камень.

Из чащи вышедший погреться, фавн лесной,
смешной
и бородатый,
копытом бьет
на валуне.
Поет
в волынку гимн весне,
наморщив лоб рогатый.

У ног его вздохнет
волна и моется.
Он вдаль бросает взгляды.
То плечи, то рука играющей наяды
меж волн блеснет
и скроется...

2

В небе туча горит янтарем.
Мглой курится.
На туманном утесе забила крылом
белоснежная птица.

Водяная поет.
Волоса распускает.
Скоро солнце взойдет,
и она, будто сказка, растает.

И невольно грустит.
И в алмазах ресницы.
Кто-то, милый, кричит.
Это голос восторженной птицы.

Над морскими сапфирами рыбьим хвостом
старец старый трясет, грозовой и сердитый.
Скоро весь он рассеется призрачным сном,
желто-розовой пеной покрытый.

Солнце тучу перстом
огнезарным пронзило.
И опять серебристым крылом
эта птица забила.

1902
Москва

Пир

Поставил вина изумрудного кубки.
Накрыл я приборы. Мой стол разукрашен.

Табачный угар из гигантовой трубки
на небе застыл в виде облачных башен.

Я чую поблизости поступь гиганта.
К себе всех зову я с весельем и злостью.

На пир пригласил горбуна-музыканта.
Он бьет в барабан пожелтевшею костью.

На мшистой лужайке танцуют скелеты
в могильных покровах неистовый танец.

Деревья листвой золотою одеты.
Меж листьев блистает закатный багрянец.

Пахучей гвоздикой мой стол разукрашен.
Закат догорел среди облачных башен.

Сгущается мрак... Не сидеть нам во мгле ведь?
Поставил на стол я светильников девять.

Пришел, нацепив ярко-огненный бант,
мастито присев на какой-то обрубок,

от бремени лет полысевший гигант
и тянет вина изумрудного кубок.

1902
Москва

Старинный друг

Посвящается Э. К. Метнеру

1

Старинный друг, к тебе я возвращался,
весь поседев от вековых скитаний.
Ты шел ко мне. В твоей простертой длани
пунцовый свет испуганно качался.

Ты говорил: «А если гном могильный
из мрака лет нас разлучить вернется?»
А я в ответ: «Суровый и бессильный,
уснул на веки. Больше не проснется»...

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Ты пел слова божественной молитвы.
Ты вел меня торжественно в чертоги.

Надев одежды пышно-золотые,
мы, старики, от счастья цепенели.
Вперив друг в друга очи голубые,
у очага за чашами сидели.

Холодный ветер раздувал мятежно
пунцовый жар и шелковое пламя.
Спокойно грелись... Затрепался нежно
одежды край, как золотое знамя.

Вдруг видим — лошади в уборе жалком
к чертогу тащат два железных гроба.
Воскресший гном кричит за катафалком:
«Уйдете вы в свои могилы оба»...

В очах сверкнул огонь смертельной муки.
Коротко было расставанье наше.
Мы осушили праздничные чаши.
Мы побрели в гроба, сложивши руки.

2

Янтарный луч озолотил пещеры...
Я узнаю тебя, мой друг старинный!
Пусть между нами ряд столетий длинный,
в моей душе так много детской веры.

Из тьмы идешь, смеясь: «Опять свобода,
опять весна, и та же радость снится»...
Суровый гном, весь в огненном, у входа
в бессильной злобе на тебя косится.

Вот мы стоим, друг другу улыбаясь...
Мы смущены все тем же тихом зовом.
С тревожным визгом ласточки, купаясь,
в эфире тонут бледно-бирюзовом.

О, этот крик из бездн, всегда родимый.
О друг, молчи, не говори со мною!..
Я вспомнил вновь завет ненарушимый,
волной омыт воздушно-голубою...

Вскочил, ногой стуча о крышку гроба,
кровавый карлик с мертвенным лицом:
«Все улетит... Все пронесется сном...
Вернетесь вы в свои могилы оба!»

И я очнулся... Старые мечтанья!..
Бесцелен сон о пробужденье новом.
Бесцельно жду какого-то свиданья.
Касатки тонут в небе бирюзовом.

3

Над гробом стоя, тосковал бездонно.
Пещера той же пастью мне зияла.
К провальной бездне мчащийся исконно,
поток столетий Вечность прогоняла.

Могильный гном, согнувшийся у входа,
оцепенев, дремал в смертельной скуке.
«О где ты, где, старинная свобода!»
Я зарыдал, крича, ломая руки,

порывом диким, трепетно-бескрылым,
с тупым отчаяньем безвинной жертвы.
И пронеслось шептаньем грустно-милым:
«Пройдут века, и ты восстанешь, мертвый...

В гробах сквозь сон услышите вы оба
сигнальный рог, в лазури прогремевший.
Старинный друг придет к тебе из гроба,
подняв на солнце лик запламеневший».

Текла лазурь. Поток столетий шаткий
в провалах темных Вечность прогоняла.
Дремавший гном уткнулся в покрывало.
Рвались по ветру огненные складки.

И я молчал, так радостно задетый
крылами черных, шелковых касаток.
Горели славой меркнущие светы.
Горел щита червонного остаток.

4

Старела Вечность. Исполнялись сроки.
И тихо русла смерти иссякали.
Лазурные, бессмертные потоки
железные гробницы омывали.

Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою
стоял один в своей одежде льняной,
обвитый золотистою парчою.

Число столетий в безднах роковое
бесследным вихрем в Вечность пролетело.
Его лицо янтарно-восковое
в лазурно-ясном счастье цепенело.

Две ласточки с любовным трепетаньем
уселися к Спасителю на плечи.
И он сказал: «Летите с щебетаньем
в страну гробов — весенние предтечи»...

На тверди распластался, плача слезно,
пятном кровавым гном затрепетавший.
Христу вручил он смерти ключ железный,
услышав рог, в лазури прозвучавший.

5

Лежал в гробу, одетый в саван белый,
Гроб распахнулся. Завизжала скоба.
Мне улыбался грустно-онемелый,
старинный друг, склонившийся у гроба.

Друг другу мы блаженно руки жали.
Мой друг молчал, бессмертьем осиянный.
Две ласточки нам в уши завизжали
и унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестясь, отправились мы оба
сквозь этот мир на праздник воскресенья.
И восставали мертвые из гроба.
И раздавалось радостное пенье.

Сияло небо золотой парчою.
Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою
стоял вдали в одежде снежно-льняной.

1903

Возврат

Посвящается А. С. Петровскому

1

Я вознесен, судьбе своей покорный.
Над головой полет столетий быстрый.
Привольно мне в моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры.

Мои друзья упали с выси звездной.
Забыв меня, они живут в низинах.
Кровавый факел я зажег над бездной.
Звездою дальней блещет на вершинах.

Я позову теперь к вершинам брата.
Пусть зазвучат им дальние намеки.
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата.
И гном трубит, надув худые щеки.

Вином волшебств мы встретим их, как маги.
Как сон, мелькнет поток столетий быстрый.
Подай им кубки пенно-пирной влаги,
в которой блещут золотые искры.

Колпак слетел, но гном трубит — ученый.
В провал слетели камни под ногою.
Трубою машет. Плащ его зеленый
над бездною полощется седою.

Шепну тебе: из стран обетованных
в долину скорби суждено уйти им...
Цветами, гном, осыпь гостей желанных,
зеленый плащ под ноги расстели им.

2

На пир бежит с низин толпа народу.
Стоит над миром солнца шар янтарный.
Таинственно протянутый к восходу,
на высях блещет жезл мой светозарный.

Подножье пира — льдистая вершина.
Пылает скатерть золотом червонца.
В сосудах ценных мировые вина:
вот тут — лазурь, а там — напиток солнца.

Одетый в плащ зари вечерне-темный
и в туфли изумрудные обутый,
идет мой гном, приветливый и скромный,
над головой держа свой рог загнутый.

Он жемчуга дарит, как поцелуи,
то здесь, то там тяжелый рог нагнувши,
журчащие, ласкающие струи
между собой и гостем протянувши.

Меж них хожу в небесно-бледной тоге.
То здесь, то там мелькает жезл волшебный.
«Друзья, пируйте — будете как боги»,
то там, то здесь твержу: «Мой стол — целебный.

До ночи мы пробудем на высотах.
А ночью, взяв пунцовые лампады,
отправимся в таинственные гроты,
где выход нам завесят водопады».

Венчая пир, с улыбкой роковою
вкруг излучая трепет светозарный,
мой верный гном несет над головою
на круглом блюде солнца шар янтарный.

3

В очах блеснул огонь звериной страсти.
С налитыми, кровавыми челами
разорванные солнечные части
сосут дрожаще-жадными губами.

Иной, окончив солнечное блюдо,
за лишний кус ведет шумливо торги.
На льду огнисто-блещущею грудой
отражена картина диких оргий.

Я застил свет во гневе. Тенью длинной
легла на них моей одежды лопасть.
Над головою Вечностью старинной,
бездонно-темной, разверзалась пропасть.

Безмолвно ждал я алчущего брата,
в толпе зверей ища высот намеки...
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата!..
И гном трубит, надув худые щеки.

Идите прочь!.. И ужасом безумным
объятые, спускаются в провалы.
Сорвавши плащ, в негодованье шумном
мой верный гном им вслед бросает скалы.

Лазурь, темнея, рассыпает искры...
Ряд льдистых круч блестит грядой узорной.
Я вновь один в своей пещере горной.
Над головой полет столетий быстрый.

1903

Уж этот сон мне снился

Посвящается А. П. Печковскому

На бледно-белый мрамор мы склонились
и отдыхали после долгой бури.
Обрывки туч косматых проносились.
Сияли пьяные куски лазури.
В заливе волны жемчугом разбились.

Ты грезила. Прохладой отдувало
сквозное золото волос душистых.
В волнах далеких солнце утопало.
В слезах вечерних, бледно-золотистых,
твое лицо искрилось и сияло.

Мы плакали от радости с тобою,
к несбыточному счастию проснувшись.
Среди лазури огненной бедою
опять к нам шел скелет, блестя косою,
в малиновую тогу запахнувшись.

Опять пришел он. Над тобой склонился.
Опять схватил тебя рукой костлявой.
Тут ряд годов передо мной открылся...
Я закричал: «Уж этот сон мне снился!..»
Скелет веселый мне кивнул лукаво.

И ты опять пошла за ним в молчанье.
За холм скрываясь, на меня взглянула,
сказав: «Прощай, до нового свиданья»...
И лишь коса в звенящем трепетанье
из-за холма, как молния, блеснула.

У ног моих вал жемчугом разбился.
Сияло море пьяное лазури.
Туманный клок в лазури проносился.
На бледно-белый мрамор я склонился
и горевал, прося грозы и бури.

Да, этот сон когда-то мне уж снился.
1902

Преданье

Посвящается С. А. Соколову

1

Он был пророк.
Она — сибилла в храме.
Любовь их, как цветок,
горела розами в закатном фимиаме.

Под дугами его бровей
сияли взгляды
пламенно-святые.
Струились завитки кудрей —
вина каскады
пенно-золотые.

Как облачко, закрывшее лазурь,
с пролетами лазури
и с пепельной каймой —
предтеча бурь —
ее лицо, застывшее без бури,
волос омытое волной.

Сквозь грозы
и напасти
стремились, и была в чертах печальных
нега.
Из багряницы роз многострадальных
страсти
творили розы
снега.

К потокам Стикса приближались.
Их ветер нежил, белыми шелками
вея,—
розовые зори просветлялись
жемчугами —
умирали, ласково бледнея.

2

На башнях дальних облаков
ложились мягко аметисты.
У каменистых берегов
челнок качался золотистый.

Диск солнца грузно ниспадал,
меж тем как плакала сибилла.
Средь изумрудов мягко стлал
столбы червонные берилла.

Он ей сказал: «Любовью смерть
и смертью страсти победивший,
я уплыву, и вновь на твердь
сойду, как бог, свой лик явивший».

Сибилла грустно замерла,
откинув пепельный свой локон.
И ей надел поверх чела
из бледных ландышей венок он.

Но что их грусть перед судьбой!
Подул зефир, надулся парус,
помчался челн и за собой
рассыпал огневой стеклярус.

3

Тянулись дни. Он плыл и плыл.
От берегов далеких Стикса,
всплывая тихо, месяц стыл
обломком матовым оникса.

Чертя причудливый узор,
лазурью нежною сквозили
стрекозы бледные. И взор
хрустальным кружевом повили.

Вспенял крылатый, легкий челн
водоворот фонтанно-белый.
То здесь, то там средь ясных волн
качался лебедь онемелый.

И пряди длинные кудрей,
и бледно-пепельные складки
его плаща среди зыбей
крутил в пространствах ветер шаткий.

4

И била временем волна.
Прошли года. Под сенью храма
она состарилась одна
в столбах лазурных фимиама.

Порой, украсивши главу
венком из трав благоуханных,
народ к иному божеству
звала в глаголах несказанных.

В закатный час, покинув храм,
навстречу богу шли сибиллы.
По беломраморным щекам
струились крупные бериллы.

И было небо вновь пьяно
улыбкой брачною закатов.
И рдело золотом оно
и темным пурпуром гранатов.

5

Забыт теперь, разрушен храм,
И у дорической колонны,
струя священный фимиам,
блестит росой шиповник сонный.

Забыт алтарь. И заплетен
уж виноградом дикий мрамор.
И вот навеки иссечен
старинный лозунг: «Sanctus amor».

И то, что было, не прошло...
Я там стоял оцепенелый.
Глядясь в дрожащее стекло,
качался лебедь сонный, белый.

И солнца диск почил в огнях.
Плясали бешено на влаге,—
на хризолитовых струях
молниеносные зигзаги.

«Вернись, наш бог»,— молился я,
и вдалеке белелся парус.
И кто-то, грустный, у руля
рассыпал огненный стеклярус.

Ноябрь 1903
Москва

Гном

1

Вихрь северный злился,
а гном запоздалый
в лесу приютился,
надвинув колпак ярко-алый.

Роптал он: «За что же,
убитый ненастьем,
о Боже,
умру — не помянут участьем!»

Чредою тягучей
года протекали.
Морщинились тучи.
И ливни хлестали.

Всё ждал, не повеет ли счастьем.
Склонился усталый.
Качался с участьем
колпак ярко-алый.

2

Не слышно зловещего грома.
Ненастье прошло — пролетело.
Лицо постаревшего гнома
в слезах заревых огневело.

Сказал он: «Довольно, довольно...»
В лучах борода серебрилась.
Сказал — засмеялся невольно,
улыбкой лицо просветилось.

И вот вдоль заросшей дороги
Неслась песнь старинного гнома:
«Несите меня, мои ноги,
домой, заждались меня *дома*».

Так пел он, смеясь сам с собою.
Лист вспыхнул сияньем червонца.
Блеснуло прощальной каймою
зеркальное золото солнца.

1902

Серенада

Посвящается П. Н. Батюшкову

Ты опять у окна, вся доверившись снам, появилась...
Бирюза, бирюза
заливает окрестность...
Дорогая,
луна — заревая слеза —
где-то там в неизвестность
скатилась.

Беспечальных седых жемчугов
поцелуй, о пойми ты!..
Меж кустов, и лугов, и цветов
струй
зеркальных узоры разлиты...

Не тоскуй,
грусть уйми ты!

Дорогая,
о пусть
стая белых, немых лебедей
меж росистых ветвей
на струях серебристых застыла —
одинокая грусть нас туманом покрыла.

От тоски в жажде снов нежно крыльями плещут.
Меж цветов светляки изумрудами блещут.

Очерк белых грудей
на струях точно льдина:

это семь лебедей,
это семь лебедей Лоэнгрина —

лебедей
Лоэнгрина.

Март 1904
Москва

Одиночество

Сирый, убогий в пустыне бреду.
Всё себе кров не найду.
Плачу о дне.
Плачу... Так страшно, так холодно мне.

Годы проходят. Приют не найду.
Сирый иду.

Вот и кладбище... В железном гробу
чью-то я слышу мольбу.
Мимо иду...
Стонут деревья в холодном бреду...

Губы бескровные шепчут мольбу...
Стонут в гробу.

Жизнь отлетела от бедной земли.
Темные тучи прошли.
Ветер ночной
рвет мои кудри рукой ледяной.

Старые образы встали вдали.
В Вечность ушли.

Апрель 1900
Москва

Утешение

Скрипит под санями сверкающий снег.
Как внятен собак замирающий бег...

Как льдины на море, сияя, трещат...
На льдинах, как тени, медведи сидят...

Хандру и унынье, товарищ, забудь!..
Полярное пламя не даст нам уснуть...

Вспомянем, вспомянем былую весну...
Прислушайся — скальды поют старину...

Их голос воинственный дик и суров...
Их шлемы пернатые там, меж снегов,

зажженные светом ночи ледяной...
Бесследно уходят на север родной.

1901

Жизнь

Посвящается Г. К. Балтрушайтису

1

Сияя перстами, заря рассветала
над морем, как ясный рубин.
Крылатая шхуна вдали утопала.
Мелькали зубцы белых льдин.

Душа молодая просила обмана.
Слеза нам туманила взор.
Бесстрашно отчалил средь хлопьев тумана
от берега с песней помор.
Мы сдвинули чаши, наполнив до краю
душистым, янтарным вином.
Мы плакали молча, о чем, я не знаю.
Нам весело было вдвоем.

2

Года проходили... Угрозой седою
полярная ночь шла на нас.
Мы тихо прощались с холодной зарею
в вечерний, тоскующий час.

Крылатая шхуна в туман утопала,
качаясь меж водных равнин.
Знакомым пятном равнодушно сияла
стена наплывающих льдин...

Старушка, ты робко на друга взглянула,—
согбенный, я был пред тобой.
Ты, прошлое вспомнив, тихонько вздохнула,
поникла седой головой.

3

Я глухо промолвил: «Наполним же чаши...
Пусть сердце забьется опять...
Не мы, так другие, так правнуки наши
зарю будут с песней встречать...

Пускай же охватит нас тьмы бесконечность —
сжимается сердце твое?
Не бойся: засветит суровая Вечность
полярное пламя свое!..»

Знакомую песню вдали затянули.
Снежинки мелькали кругом...
Друг другу в глаза мы с улыбкой взглянули...
Наполнили чашу вином.

Июль 1901
Серебряный Колодезь

Тоска

Вот на струны больные, скользнувши, упала слеза.
Душу грусть обуяла.
Все в тоске отзвучало.
И темны небеса.

О Всевышний, мне грезы, мне сладость забвенья подай.
Безнадежны моленья.
Похоронное пенье
наполняет наш край.

Кто-то Грустный мне шепчет, чуть слышно вздыхая: «Покой»...
Свищет ветер, рыдая...
И пою, умирая,
от тоски сам не свой...

1903

Один

Посвящается
Сергею Львовичу
Кобылинскому

Окна запотели.
На дворе луна.
И стоишь без цели
у окна.

Ветер. Никнет, споря,
ряд седых берез.
Много было горя...
Много слез...

И встает невольно
скучный ряд годин.
Сердцу больно, больно...
Я один.

Декабрь 1900
Москва

Осень

Пролетела весна.
Лес багрянцем шумит.
Огневая луна
из тумана глядит.

Или вспомнила вновь
ты весенние дни,
молодую любовь,
заревые огни?

Пролетела весна —
вечно горький обман...
Побледнела луна.
Серебрится туман.

Отвернулась... Глядишь
с бесконечной тоской,
как над быстрой рекой
покачнулся камыш.

1901
Москва

Грезы

Кто ходит, кто бродит за прудом в тени?..
Седые туманы вздыхают.

Цветы, вспоминая минувшие дни,
холодные слезы роняют.

О сердце больное, забудься, усни...
Над прудом туманы вздыхают.

Кто ходит, кто бродит на той стороне
за тихой, зеркальной равниной?..

Кто плачет так горько при бледной луне,
кто руки ломает с кручиной?

Нет, нет... Ветерок пробежал в полусне...
Нет... Стелится пар над трясиной...

О сердце больное, забудься, усни...
Там нет никого... Это — грезы...

Цветы, вспоминая минувшие дни,
роняют холодные слезы...

И только в свинцовых туманах они —
грядущие, темные грозы...

Январь 1899
Москва

Северный марш

Ты горем убит,
измучен страданьем —
Медведица в небе горит
бесстрастным сияньем.

Вся жизнь — лишь обман,
а в жизни мы гости...
Метель набросает курган
на старые кости.

Снеговый шатер
протянется скучно...
На небе огнистый костер
заблещет беззвучно.

Алмазом сверкнет
покров твой морозный.
Медведь над могилой пройдет
походкою грозной.

Тоскующий вой
в сугробах утонет.
Под льдистой, холодной броней
вдруг кто-то застонет.

Июль 1901
Серебряный Колодезь

Кладбище

Осенне-серый меркнет день.
Вуалью синей сходит тень.
Среди могил, где все — обман,
вздыхая, стелится туман.
Береза желтый лист стряхнет.
В часовне огонек блеснет.
Часовня заперта. С тоской
там ходит житель гробовой.
И в стекла красные глядит,
и в стекла красные стучит.

Умерший друг, сойди ко мне:
мы помечтаем при луне,
пока не станет холодна
кроваво-красная луна.

В часовне житель гробовой
к стеклу прижался головой...
Кроваво-красная луна
уже печальна и бледна...

Ноябрь 1898
Москва

БАГРЯНИЦА В ТЕРНИЯХ

Разлука

1

Мы шли в полях. Атласом мягким рвало
одежды наши в дуновенье пьяном.
На небесах восторженно пылало
всё в золоте лиловом и багряном.

Я волновался страстно и мятежно.
Ты говорил о счастье бытия.
Твои глаза так радостно, так нежно
из-под очков смотрели на меня.

Ты говорил мне: «Будем мы, как боги,
над миром встанем... Нет, мы не умрем».
Смеялись нам лазурные чертоги,
озарены пурпуровым огнем.

Мы возвращались... Ты за стол садился.
Ты вычислял в восторге мировом.
В твое окно поток червонцев лился,
ложился на́ пол золотым пятном.

2

Вот отчетливо спит в голубом
контур башни застывший и длинный.
Бой часов об одном
неизменно-старинный.

Так недавно бодрил ты меня,
над моею работой вздыхая,
среди яркого дня
раскаленного мая.

Знал ли я, что железный нас рок
разведет через несколько суток...
Над могилой венок
голубых незабудок.

Не замоет поток долгих лет
мое вечное, тихое горе.
Ты не умер — нет, нет!..
Мы увидимся вскоре.

На заре черных ласточек лёт.
Шум деревьев и грустный, и сладкий...
С легким треском мигнет
огонечек лампадки.

Закивает над нами сирень...
Не смутит нас ни зависть, ни злоба...
И приблизится день —
день восстаний из гроба.

3

За опустевший стол я вновь садился.
Тоскуя, думал, думал об одном.
В твое окно поток червонцев лился,
ложился на пол золотым пятном...

Казалось мне, что ты придешь из сада
мне рассказать о счастье бытия...
И я шептал: «Тебя, тебя мне надо...
О, помолись! О, не забудь меня!..

Я вечно жду... Сегодня ты мне снился...
О жизнь, промчись туманно-грустным сном!»
Я долго ждал... Поток червонцев лился
в твое окно сияющим пятном.

1903

Незабвенной памяти
М. С. и О. М. Соловьевых

Могилу их украсили венками.
Вокруг без шапок мы в тоске стояли.
Восторг снегов, крутящийся над нами,
в седую Вечность вихри прогоняли.

Последний взмах бряцавшего кадила.
Последний вздох туманно-снежной бури.
Вершину ель мечтательно склонила
в просвете ослепительной лазури.

1903
Москва

Св. Серафим

Посвящается Нине Петровской

Плачем ли тайно в скорбях,
грудь ли тоскою теснима —
в яснонемых небесах
мы узнаем Серафима.

Чистым атласом пахнет,
в небе намотанном.
Облаком старец сойдет,
нежно разметанным.

«Что с тобой, радость моя,—
радость моя?..»

Смотрит на нас
ликом туманным, лилейным.
Бледно-лазурный атлас
в снежно-кисейном.

Бледно-лазурный атлас
тихо целует.
Бледно-лазурный атлас
в уши нам дует:

«Вот ухожу в тихий час...
Снова узнаете горе вы!..»
С высей ложится на нас
отблеск лазоревый.

Легче дышать
после таинственных знамений.
Светит его благодать
тучкою алого пламени.

/1903/

Владимир Соловьев

Посвящается М. С. Соловьеву

Задохлись мы от пошлости привычной.
Ты на простор нас звал.
Казалось им — твой голос необычный
безумно прозвучал.

И вот, когда надорванный угас ты
над подвигом своим,
разнообразные, бессмысленные касты
причли тебя к своим.

В борьбе с рутиною свои потратил силы,
но не разрушил гнет...
Пусть вьюга снежная венок с твоей могилы
с протяжным стоном рвет.

Окончилась метель. Не слышен голос злобы.
Тиха ночная мгла.
Над гробом вьюга белые сугробы
с восторгом намела.

Тебя не поняли... Вон там сквозь сумрак шаткий
пунцовый свет дрожит.
Спокойно почивай: огонь твоей лампадки
мне сумрак озарит.

1903
Москва

Ожидание

Посвящается С. М. Соловьеву

Как невозвратная мечта,
сверкает золото листа.

Душа полна знакомых дум.
Меж облетающих аллей
призывно-грустный, тихий шум
о близости священных дней.

Восток печальный мглой объят.
Над лесом, полные мечты,
благословенные персты
знакомым заревом стоят.

Туманный, красно-золотой
на нас блеснул вечерний луч
безмирно-огненной струей
из-за осенних, низких туч.

Душе опять чего-то жаль.
Сырым туманом сходит ночь.
Багряный клен, кивая вдаль,
с тоской отсюда рвется прочь.

И снова шум среди аллей
о близости священных дней.

Август 1901
Серебряный Колодезь

Призыв

Памяти М. С. Соловьева

Призывно грустный шум ветров
звучит, как голос откровений.
От покосившихся крестов
на белый снег ложатся тени.

И облако знакомых грез
летит беззвучно с вестью милой.
Блестя сквозь ряд седых берез,
лампада светит над могилой

пунцово-красным огоньком.
Под ослепительной луною
часовня белая, как днем,
горит серебряной главою.

Там... далеко... среди равнин
старинный дуб в тяжелой муке
стоит затерян и один,
как часовой, подъявший руки.

Там, далеко... в полях шумит
и гонит снег ночная вьюга...
И мнится — в тишине звучит
давно забытый голос друга...

Старинный дуб порой вздохнет
с каким-то тягостным надрывом...
И затрепещет, и заснет
среди полей глухим порывом.

1903
Москва

Знаю

Посвящается О. М. Соловьевой

Пусть на рассвете туманно
знаю — желанное близко...
Видишь, как тает нежданно
Образ вдали василиска?
Пусть всё тревожно и странно...

Пусть на рассвете туманно
знаю — желанное близко.

Нежен восток побледневший.
Знаешь ли — ночь на исходе?
Слышишь ли — вздох о свободе —
вздох ветерка улетевший —
весть о грядущем восходе?

Спит кипарис онемевший.
Знаешь ли — ночь на исходе?

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

Эти мечты золотые,
эти улыбки святые
в сердце вонзаются больно...

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

Август 1901

Возмездие

Посвящается Эллису

1

Пусть вокруг свищет ветер сердитый,
облака проползают у ног.
Я блуждаю в горах,— позабытый,
в тишине замолчавший пророк.

Горький вздох полусонного кедра.
Грустный шепот: «Неси же свой крест...»
Черный бархат истыкан так щедро
бесконечностью огненных звезд.

Великан, запахнувшийся в тучу,
как утес, мне грозится сквозь мглу.
Я кричу, что осилю все кручи,
не отдам себя в жертву я злу.

2

И всё выше и выше всхожу я.
И всё легче и легче дышать.
Крутизны и провалы минуя,
начинаю протяжно взывать.

Се, кричу вдохновенный и дикий:
«Имману́ил грядет! С нами Бог!»

Но оттуда, где хаос великий,
раздается озлобленный вздох.

И опять я подкошен кручиной.
Еще радостный день не настал.
Слишком рано я встал над низиной,
слишком рано я к спящим воззвал.

И бегут уж с надеждою жгучей
на безумные крики мои,
но стою я, как идол, над кручей,
раздирая одежды свои.

3

Там... в низинах... ждут с верой денницу.
Жизнь мрачна и печальна, как гроб.
Облеките меня в багряницу!
Пусть вонзаются тернии в лоб.

Острым тернием лоб увенчайте!
Обманул я вас песнью своей.
Распинайте меня, распинайте.
Знаю — жаждете крови моей.

На кресте пригвожден. Умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: «Я знаю»,
поцелуем смыкает глаза.

Ах, я знаю — средь образов горных
пропадет сиротливой мечтой,
лишь умру,— стая воронов черных,
что кружилась всю жизнь надо мной.

Пригвожденный к кресту, умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: «Я знаю».
Поцелуем смыкает уста.

4

Черный бархат, усеянный щедро
миллионами огненных звезд.
Сонный вздох одинокого кедра.
Тишина и безлюдье окрест.

Октябрь 1901
Москва

Безумец

Посвящается А. С. Челищеву

1

«Вы шумите. Табачная гарь
дымно-синие стелет волокна.
Золотой мой фонарь
зажигает лучом ваши окна.

Это я в заревое стекло
к вам стучусь в час вечерний.
Снеговое чело
разрывают, вонзясь, иглы терний.

Вот скитался я долгие дни
и тонул в предвечерних туманах.
Изболевшие ноги мои
в тяжких ранах.

Отворяют. Сквозь дымный угар
задают мне вопросы.
Предлагают, открыв портсигар,
папиросы.

Ах, когда я сижу за столом
и, молясь, замираю
в неземном,
предлагают мне чаю...

О, я полон огня,
предо мною виденья сияют...
Неужели меня
никогда не узнают?..»

2

Помним всё. Он молчал,
просиявший, прекрасный.
За столом хохотал
кто-то толстый и красный.

Мы не знали тогда ничего.
От пирушки в восторге мы были.
А его,
как всегда, мы забыли.

Он, потупясь, сидел
с робким взором ребенка.
Кто-то пел
звонко.

Вдруг
он сказал, преисполненный муки,
побеждая испуг,
взявши лампу в дрожащие руки:

«Се дарует нам свет
Искупитель,
я не болен, нет, нет:
я — Спаситель...»

Так сказал, наклонил
он свой лик многодумный...
Я в тоске возопил:
«Он — безумный».

3

Здесь безумец живет.
Среди белых сиреней.
На террасу ведет
ряд ступеней.

За ограду на весь
прогуляться безумец не волен...
Да, ты здесь!
Да, ты болен!

Втихомолку, смешной
кто-то вышел в больничном халате,
сам не свой,
говорит на закате.

Грусть везде...
усмиренный, хороший,
пробираясь к воде,
бьет в ладоши.

Что ты ждешь у реки,
еле слышно колебля
тростники,
горьких несен зеленого стебля?

Что, в зеркальность глядясь,
бьешь в усталую грудь ты тюльпаном?
Всплеск, круги... И, смеясь,
утопает, закрытый туманом.

Лишь тюльпан меж осоки лежит
весь измятый, весь алый...

Из больницы служитель бежит
и кричит, торопясь, запоздалый.

Март 1904
Москва

Жертва вечерняя

Стоял я дураком
в венце своем огнистом,
в хитоне золотом,
скрепленном аметистом —
один, один, как столб,
в пустынях удаленных,—
и ждал народных толп
коленопреклоненных...
Я долго, тщетно ждал,
в мечту свою влюбленный...
На западе сиял,
смарагдом окаймленный,
мне палевый привет
потухшей чайной розы.
На мой зажженный свет
пришли степные козы.
На мой призыв завыл
вдали трусливый ша́кал...
Я светоч уронил
и горестно заплакал:
«Будь проклят, Вельзевул —
лукавый соблазнитель,—
не ты ли мне шепнул,
что новый я Спаситель?..
О проклят, проклят будь!..
Никто меня не слышит...»
Чахоточная грудь
так судорожно дышит.
На западе горит
смарагд бледно-зеленый...
На мраморе ланит
пунцовые пионы...
Как сорванная цепь
жемчужин, льются слезы...

Помчались быстро в степь
испуганные козы.

Август 1903
Серебряный Колодезь

Мания

Из царских дверей выхожу.
Молитва в лазурных очах.
По красным ступеням схожу
со светочем в голых руках.

Я знаю безумий напор.
Больной, истеричный мой вид,
тоскующий взор,
смертельная бледность ланит.

Безумные грезы свои
лелеете с дикой любовью,
взглянув на одежды мои,
залитые кровью.

Поете: «Гряди же, гряди».
Я грустно вздыхаю,
бескровные руки мои
на всех возлагаю.

Ну, мальчики, с Богом,
несите зажженные свечи!..
Пусть рогом
народ созывают для встречи.

Ну что ж — на закате холодного дня
целуйте мои онемевшие руки.
Ведите меня
на крестные муки.

Август 1903
Серебряный Колодезь

Забота

1

Весь день не стихала работа.
Свозили пшеницу и рожь.
Безумная в сердце забота
бросала то в холод, то в дрожь.

Опять с несказанным волненьем
я ждал появленья Христа.
Всю жизнь меня жгла нетерпеньем
старинная эта мечта.

Недавно мне тайно сказали,
что скоро вернется Христос...
Телеги, скрипя, подъезжали...
Поспешно свозили овес.

С гумна возвращался я к дому,
смотря равнодушно на них,
грызя золотую солому,
духовный цитируя стих.

2

Сегодня раздался вдруг зов,
когда я молился, тоскуя,
средь влажных, вечерних лугов:
«Холодною ночью приду я...»

Всё было в дому зажжено...
Мы в польтах осенних сидели.
Друзья отворили окно...
Поспешно калоши надели.

Смарагдовым светом луна
вдали озаряла избушки.
Призывно раздался с гумна
настойчивый стук колотушки.

«Какие-то люди прошли»,—
сказал нам пришедший рабочий.
И вот с фонарями пошли,
воздевши таинственно очи.

Мы вышли на холод ночной.
Луна покраснела над степью.
К нам пес обозленный, цепной
кидался, звеня своей цепью.

Бледнели в руках фонари...
Никто нам в ночи не ответил...
Кровавую ленту зари
встречал пробудившийся петел.

1903
Серебряный Колодезь

Блоку

1

Один, один средь гор. Ищу Тебя.
В холодных облаках бреду бесцельно.
Душа моя
скорбит смертельно.

Вонзивши жезл, стою на высоте.
Хоть и смеюсь, а на душе так больно.
Смеюсь мечте
своей невольно.

О, как тяжел венец мой золотой!
Как я устал!.. Но даль пылает.
Во тьме ночной
мой рог взывает.

Я был меж вас. Луч солнца золотил
причудливые тучи в яркой дали.
Я вас будил,
но вы дремали.

Я был меж вас печально-неземной.
Мои слова повсюду раздавались.
И надо мной
вы все смеялись.

И я ушел. И я среди вершин.
Один, один. Жду знамений нежданных.
Один, один
средь бурь туманных.

Всё как в огне. И жду, и жду Тебя.
И руку простираю вновь бесцельно.
Душа моя
скорбит смертельно.

Сентябрь 1901
Москва

2

Из-за дальних вершин
показался жених озаренный.
И стоял он один,
высоко над землей вознесенный.

Извещалось не раз
о приходе владыки земного.

И в предутренний час
запылали пророчества снова.

И лишь света поток
над горами вознесся сквозь тучи,
он стоял, как пророк,
в багрянице, свободный, могучий.

Вот идет. И венец
отражает зари свет пунцовый.
Се — венчанный телец,
основатель и Бог жизни новой.

Май 1901
Москва

3

Суждено мне молчать.
Для чего говорить?
Не забуду страдать.
Не устану любить.

Нас зовут
без конца...
Нам пора...
Багряницу несут
и четыре колючих венца.

Весь в огне
и любви
мой предсмертный, блуждающий взор...
О, приблизься ко мне —
распростертый, в крови,
я лежу у подножия гор.

Зашатался над пропастью я
и в долину упал, где поет ручеек.
Тяжкий камень, свистя,
неожиданно сбил меня с ног —
тяжкий камень, свистя,
размозжил мне висок.

Среди ландышей я —
зазиявший, кровавый цветок.
Не колышется больше от мук
вдруг застывшая грудь.

Не оставь меня, друг,
не забудь!..

1903
Москва

Одиночество

Посвящается В. С. Соловьеву

Я вновь один. Тоскую безнадежно.
Виденья прежних дней,
нас звавшие восторженно и нежно,
рассеялись, лишь стало холодней.

Стою один. Отчетливей, ясней
ловлю полет таинственных годин.
Грядущее мятежно.

Стою один.
Тоскую безнадежно.

Не возродить... Что было, то прошло —
всё время унесло.
Тому, кто пил из кубка огневого,
не избежать безмолвия ночного.

Недолго. Близится. С питьем идет
ко мне. Стучит костями.

Уста мои кровавый огнь сожжет.
Боюсь огня... вдали, над тополями
двурогий серп вон там горит огнями
средь онемело-мертвенных вершин.
Туман спустился низко.

Один, один,
а смерть так близко.

Сентябрь 1901
Москва

Осень

1

Огромное стекло
в оправе изумрудной
разбито вдребезги под силой ветра чудной —

огромное стекло
в оправе изумрудной.

Печальный друг, довольно слез — молчи!
Как в ужасе застывшая зарница,
луны осенней багряница.

Фатою траурной грачи
несутся — затенили наши лица.

Протяжно дальний визг
окрестность опояшет.
Полынь метлой испуганно нам машет.

И красный лунный диск
в разбитом зеркале, чертя рубины, пляшет.

2

В небесное стекло
с размаху свой пустил железный молот...
И молот грянул тяжело.
Казалось мне — небесный свод расколот.

И я стоял,
как вольный сокол.
Беспечно хохотал
среди осыпавшихся стекол.

И что-то страшное мне вдруг
открылось.
И понял я — замкнулся круг,
и сердце билось, билось, билось.

Раздался вздох ветров среди могил: —
«Ведь ты, убийца,
себя убил,—
убийца!»
Себя убил.

За мной пришли. И я стоял,
побитый бурей сокол —
молчал
среди осыпавшихся стекол.

Август 1903
Серебряный Колодезь

Священные дни

Посвящается П. А. Флоренскому

Ибо в те дни будет такая скорбь,
какой не было от начала творения.
Марк XIII, 19

Бескровные губы лепечут заклятья.
В рыданье поднять не могу головы я.

Тоска. О, внимайте тоске, мои братья.
Священна она в эти дни роковые.

В окне дерева то грустят о разлуке
на фоне небес неизменно свинцовом,

то ревмя ревут о Пришествии Новом,
простерши свои суховатые руки.

Порывы метели суровы и резки.
Ужасная тайна в душе шевелится.

Задерни, мой брат, у окна занавески:
а то будто Вечность в окошко глядится.

О, спой мне, товарищ! Гитара рыдает.
Прекрасны напевы мелодии страстной.

Я песне внимаю в надежде напрасной...
А там... за стеной... *тот* же голос взывает.

Не раз занавеска в ночи колыхалась.
Я снова охвачен напевом суровым,

Напевом веков о Пришествии Новом...
И Вечность в окошко грозой застучалась.

Куда нам девать свою немощь, о братья?
Куда нас порывы влекут буревые?

Бескровные губы лепечут заклятья.
Священна тоска в эти дни роковые.

1901

На закате

Бледно-красный, весенний закат догорел.
Искрометной росою блистала трава.
На тебя я так грустно смотрел.
Говорил неземные слова.

Замерла ты, уйдя в бесконечный простор.
Я все понял. Я знал, что расстанемся мы.
Мне казалось — твой тающий взор
видел призрак далекой зимы.

Замолчала... А там степь цвела красотой.
Все, синея, сливалось с лазурью вдали.
Вдоль заката тоскливой мечтой
догоревшие тучки легли.

Ты, вставая, сказала мне: «Призрак... обман...»
Я поник головой. Навсегда замолчал.
И холодный, вечерний туман
над сырыми лугами вставал.

Ты ушла от меня. Между нами года.
Нас с тобой навсегда разлучили они.
Почему же тебя, как тогда,
я люблю в эти серые дни?

Апрель 1901
Москва

Подражание Вл. Соловьеву

Тучек янтарных гряда золотая
в небе застыла, и дня не вернуть.
Ты настрадалась: усни, дорогая...
Вечер спустился. В тумане наш путь.

Пламенем желтым сквозь ветви магнолий
ярко пылает священный обет.
Тают в душе многолетние боли,
точно звезды пролетающий след.

Горе далекою тучею бурной
к утру надвинется. Ветром пахнёт.
Отблеск зарницы лилово-пурпурной
вспыхнет на небе и грустно заснет.

Здесь отдохнем мы. Луна огневая
не озарит наш затерянный путь.
Ты настрадалась, моя дорогая,
Вечер спускается. Время уснуть.

1902
Москва

Любовь

Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья...»
То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
средь нежных, изумрудно-пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно-золотистом
вдруг облако туманное взошло
и запылало ярким аметистом.

1901 или 1902
Москва

Ясновидение

Милая,— знаешь ли — вновь
видел тебя я во сне?..
В сердце проснулась любовь.
Ты улыбалася мне.

Где-то в далеких лугах
ветер вздохнул обо мне.
Степь почивала в слезах.
Ты замечталась во сне.

Ты улыбалась, любя,
помня о нашей весне.
Благословляя тебя,
был я весь день как во сне.

Май 1902
Москва

Мои слова

Мои слова — жемчужный водомет,
средь лунных снов, бесцельный,
но вспененный,—
капризной птицы лёт,
туманом занесенный.

Мои мечты — вздыхающий обман,
ледник застывших слез, зарей горящий,—
безумный великан,
на карликов свистящий.

Моя любовь — призывно-грустный звон,
что зазвучит и улетит куда-то,—
неясно-милый сон,
уж виданный когда-то.

Май 1901
Серебряный Колодезь

С. М. Соловьеву

Сердце вещее радостно чует
призрак близкой, священной войны.
Пусть холодная вьюга бунтует —
Мы храним наши *белые* сны.
Нам не страшно зловещее око
великана из туч буревых.
Ах, восстанут из тьмы два пророка.
Дрогнет мир от речей огневых.
И на северных бедных равнинах
разлетится их клич боевой
о грядущих, священных годинах,
о последней борьбе мировой.
Сердце вещее радостно чует
призрак близкой, священной войны.
Пусть февральская вьюга бунтует —
мы храним наши *белые* сны.

Февраль 1901
Москва

Раздумье

Посвящается памяти
Вл. С. Соловьева

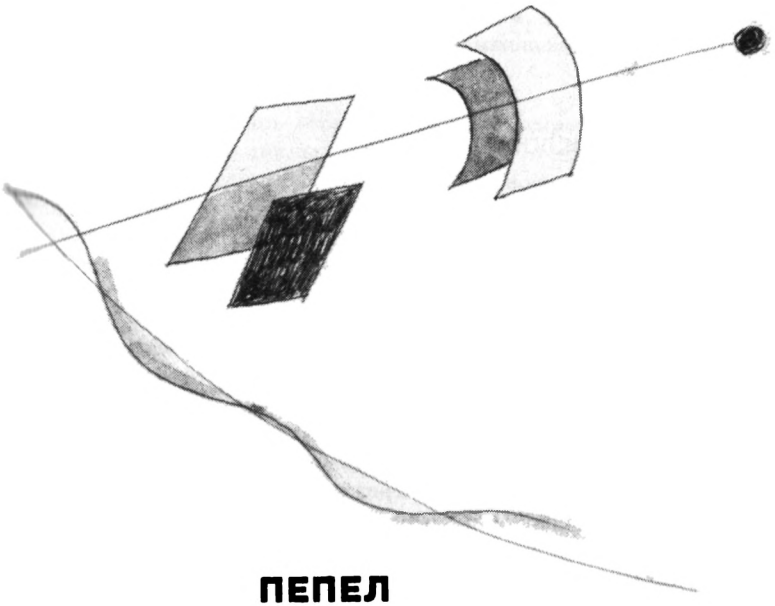
Ночь темна. Мы одни.
Холод. Ветер ночной
деревами шумит. Гасит в поле огни.
Слышен зов: «Не смущайтесь... я с вами...
за мной!..»

И не знаешь, кто там.
И стоишь, одинок.
И боишься довериться радостным снам.
И с надеждой следишь, как алеет восток.

В поле зов: «Близок день.
В смелых грезах сгори!»
Убегает на запад неверная тень.
И всё ближе, всё ярче сиянье зари.

Дерева шелестят:
«То не сон, не обман...»
Потухая, вверху робко звезды блестят...
И взывает пророк, проходя сквозь туман.

Февраль 1901

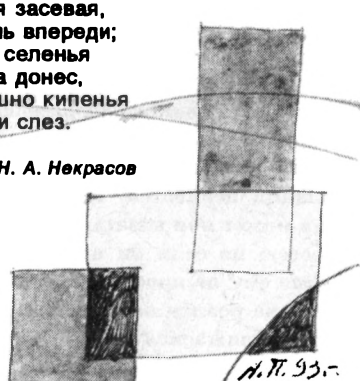


ПЕПЕЛ

Посвящаю эту книгу
памяти Некрасова

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! Дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди;
Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

Н. А. Некрасов



ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Да, и жемчужные зори, и кабаки, и буржуазная келья, и надзвездная высота, и страдания пролетария — все это объекты художественного творчества. Жемчужная заря не выше кабака, потому что и то и другое в художественном изображении — символы некоей реальности: фантастика, быт, тенденция, философическое размышление предопределены в искусстве живым отношением художника. И потому-то *действительность* всегда выше искусства; и потому-то художник — прежде всего *человек*. Но чтобы жизнь была действительностью, а не хаосом синематографических ассоциаций, чтобы жизнь была жизнью, а не прозябанием, необходимо служение вечным ценностям; такими ценностями могут быть и идеальные стремления нашего духа, и неизменность в переживании факторов реального бытия — и заря, и келья — символы ценностей, если художник вкладывает в них свою душу; то, что создает из случайного переживания, мысли или конкретного факта ценность, есть долг. Основные ценности не могут меняться, меняется форма их: идти к этим ценностям — долг человека, а потому и художника. Долг пуст и формален, взятый безотносительно к жизни; жизнь хаотична и бессмысленна, не оформленная определенным волевым устремлением, соединение долга с жизнью — вот ценность. Своеобразное соединение художественного переживания (объект этого переживания безразличен) с внутренним велением долга определяет путь художника, создает из него символиста: *художник всегда символист; символ всегда реален* (в каких бы образах ни выражался он); символизм — всегда есть показатель того, что формой образа художник указывает нам на свой сокровенный, незыблемый путь; эзотеризм присущ искусству: под *маской* (эстетической формой) таится указание на то, что самое искусство есть один из путей достижения высших целей. В высочайшей тайне своей, укрытой под эстетикой, художник *опять, вторично* возвращается к людям; и потому-то в заявлении художника о своем праве быть свободным кроется огромная тяжесть ответственности; и если он восстает против той или иной формы символизации ценностей, то вовсе не потому, что не верит в ценности; художник может нам казаться кощунственным, когда он называет идолами наших богов; но если он назовет идолом и свое божество, то *«последнее кощунство»* ему не простится; тут он перестает быть человеком, тут он не символист, не реален он. Тут мы ему не прощаем, потому что *«не во имя свое»* мы приближаемся к нему, *«не во имя свое»* он зовет нас: нас соединяет с ним общий путь, общий долг, как *людей*.

Теперь, когда понятие о свободе и долге, искусстве и жизни, молитве и кощунстве, символизме и реализме, заре и кабаке перепутались, я считаю нужным сказать эти простые слова о том, что я требую от искусства, чего жду от художника и как понимаю символизм.

В предлагаемом сборнике собраны скромные, незатейливые стихи, объединенные в циклы; циклы, в свою очередь, связаны в одно целое: целое — беспредметное пространство, и в нем оскудевающий центр России. Капитализм еще не создал у нас таких центров в городах, как на Западе, но уже разлагает сельскую общину; и потому-то картина растущих оврагов с бурьянами, деревеньками — живой символ разрушения и смерти патриархального быта. Эта смерть и это разрушение широкой волной подмывают села, усадьбы; а в городах вырастает бред капиталистической культуры. Лейтмотив сборника определяет невольный пессимизм, рождающийся из взгляда на современную Россию (пространство давит, беспредметность страшит — вырастают марева: горе-гореваньице, осинка, бурьян и т. д.). Спешу оговориться: преобладание мрачных тонов в предлагаемой книге над светлыми вовсе не свидетельствует о том, что автор — пессимист.

В свой сборник я поместил до 40 еще не напечатанных стихотворений, а также до 20 стихотворений, значительно переработанных с точки зрения основного лейтмотива, как-то: *«Поповна»*, *«Телеграфист»*, *«Бурьян»*, *«Каторжник»*, *«Осинка»* и многие другие.

Сюда не вошли почти все стихотворения 1907 года, а также ряд стихотворений 1908 года, как не согласные с идеей сборника.

Считаю нужным заметить, что в «Пепле» собраны наиболее доступные по простоте произведения мои, долженствующие составить подготовительную ступень к *«Симфониям»;* и что смысл моих переживаний в данной книге периферичен по отношению к *«Симфониям»*, особенно к *«Кубку Метелей»*, единственной книге, которой я более или менее доволен и для которой надо быть немного *«эзотериком»*. Брань, которой встретила критика мою книгу, и непонимание ее со стороны лиц, сочувствовавших доселе моей литературной деятельности,— все это укрепляет меня в мысли, что оценка этого произведения (окончательное осуждение или признание) в будущем; судить можно то, что понимаешь, а наиболее сокровенные символы души требуют вдумчивого отношения со стороны критиков; неудивительно, что произведение, выношенное годами, они встретили только как забавный парадокс.

АВТОР

Отчаянье

З. Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволья.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой,—
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков,—

Туда,— где смертей и болезней
Лихая прошла колея,—
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Июль 1908
Серебряный Колодезь

Деревня

Г. А. Рачинскому

Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет за селом.

Плещут облаком косматым
По полям седым
Избы, роем суковатым
Изрыгая дым.

Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них седую персть.

Огоньками злых поверий
Там глядят в простор,
Как растрепанные звери
Пав на лыс-бугор.

Придавила их неволя,
Вы — глухие дни.
За бугром с пустого поля
Мечут головни,

И над дальним перелеском
Просверкает пыл:
Будто змей взлетает блеском
Искрометных крыл.

Журавель кривой подъемлет,
Словно палец, шест.
Сердце Оторопь объемлет,
Очи темень ест.

При дороге в темень сухо
Чиркает сверчок.
За деревней тукнет глухо
Дальний колоток.

С огородов над полями
Взмоется лоскут.
Здесь встречают дни за днями:
Ничего не ждут.

Дни за днями, год за годом:
Вновь за годом год.
Недород за недородом.
Здесь — немой народ.

Пожирают их болезни,
Иссушает глаз...
Промерцают в синей бездне —
Продрожит — алмаз,

Да заря багровым краем
Над бугром стоит.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет; и молчит.

1908
Серебряный Колодезь

Шоссе

Д. В. Философову

За мною грохочущий город
На склоне палящего дня.
Уж ветер в расстегнутый ворот
Прохладой целует меня.

В пространство бежит — убегает
Далекая лента шоссе.
Лишь перепел серый мелькает,
Взлетая, ныряя в овсе.

Рассыпались по полю галки.
В деревне блеснул огонек.
Иду. За плечами на палке
Дорожный висит узелок.

Слагаются темные тени
В узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колени
На груде дорожных камней.

Сплетается сумрак крылатый
В одно роковое кольцо.
Уставился столб полосатый
Мне цифрой упорной в лицо.

Август 1904
Ефремов

На вольном просторе

Муни

Здравствуй,—
Желанная
Воля —
Свободная,
Воля
Победная,
Даль осиянная,—
Холодная,
Бледная.

Ветер проносится, желтые травы колебля,—
Цветики поздние, белые.
Пал на холодную землю.

Странны размахи упругого стебля,
Вольные, смелые.
Шелесту внемлю.
Тише...
Довольно:
Цветики
Поздние, бледные, белые,
Цветики,
Тише...
Я плачу: мне больно.

Август 1904
Серебряный Колодезь

На рельсах

Кублицкой-Пиоттух

Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном утонула
Там сеть телеграфных столбов.

Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

Привязанность, молодость, дружба
Промчались: развеялись сном.
Один. Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.

Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век провлачу?
Улегся на рельсах железных,
Затих: притаился — молчу.

Зажмурил глаза, но слезою —
Слезой овлажнился мой взор.
И вижу: зеленой иглою
Пространство сечет семафор.

Блеснул огонек, еле зримый,
Протяжно гудит паровоз.
Взлетают косматые дымы
Над купами чахлых берез.

1908
Москва

Из окна вагона

Эллису

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают — вон там и вон здесь —
Пролетают — за селами села,
Пролетает — за весями весь; —

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у грудей: —
Там — убогие стаи избенок,
Там — убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни,—
О немая, суровая мать! —
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть —
Там — в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

Август 1908
Суйда

Телеграфист

С. Н. Величкину

Окрестность леденеет
Туманным октябрем.
Прокружится, провеет
И ляжет под окном,—

И вновь взметнуться хочет
Большой кленовый лист.
Депешами стрекочет
В окне телеграфист.

Служебный лист исчертит.
Руками колесо
Докучливое вертит,
А в мыслях — то и се.

Жена болеет боком,
А тут — не спишь, не ешь,
Прикованный потоком
Летающих депеш.

В окне кустарник малый,
Окинет беглый взгляд —
Протянутые шпалы
В один тоскливый ряд,

Вагон, тюки, брезенты
Да гаснущий закат...
Выкидывает ленты,
Стрекочет аппарат.

В лесу сыром, далеком
Теряются пески,
И еле видным оком
Мерцают огоньки.

Там путь пространства чертит...
Руками колесо
Докучливое вертит;
А в мыслях — то и се.

Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять!):
С семьей прожить легко ли
Рублей на двадцать пять: —

На двадцать пять целковых —
Одежа, стол, жилье.
В краях сырых, суровых
Тянись, житье мое! —

Вновь дали мерит взором: —
Сырой, осенний дым
Над гаснущим простором
Пылит дождем седым.

У рельс лениво всхлипнул
Дугою коренник,
И что-то в ветер крикнул
Испуганный ямщик.

Поставил в ночь над склоном
Шлагбаум пестрый шест:
Ямщик ударил звоном
В простор окрестных мест.

Багрянцем клен промоет —
Промоет у окна.
Домой бы! Дома поет,
Без дел сидит жена,—

В который раз, в который,
С надутым животом!..
Домой бы! Поезд скорый
В полях вопит свистком;

Клокочут светом окна —
И искр мгновенный сноп
Сквозь дымные волокна
Ударил блеском в лоб.

Гремя, прошли вагоны.
И им пропел рожок.
Зеленый там, зеленый,
На рельсах огонек...—

Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной,—
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.

Слезою взор туманит.
В костях озябших — лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.

Идет (приподнял ворот)
К дежурству — изнемочь.
Вдали уездный город
Кидает светом в ночь.

Всю ночь над аппаратом
Он пальцем в клавиш бьет.
Картонным циферблатом
Стенник ему кивнет.

С речного косогора
В густой, в холодный мрак —
Он видит — семафора
Взлетает красный знак.

Вздыхая, спину клонит;
Зевая над листом,
В небытие утонет,
Затянет вечным сном

Пространство, время, Бога
И жизнь, и жизни цель —
Железная дорога,
Холодная постель.

Бессмыслица дневная
Сменяется иной —
Бессмыслица дневная
Бессмыслицей ночной.

Листвою желтой, блеклой,
Слезливой, мертвой мглой
Постукивает в стекла
Октябрьский дождик злой.

Лишь там на водокачке
Моргает фонарек.
Лишь там в сосновой дачке
Рыдает голосок.

В кисейно-нежной шали
Девица средних лет
Выводит на рояли
Чувствительный куплет.

1906—1908
Серебряный Колодезь

В вагоне

Т. Н. Гиппиус

Жандарма потертая форма,
Носильщики, слезы. Свисток —
И тронулась плавно платформа;
Пропел в отдаленье рожок.

В пустое, раздольное поле
Лечу, свою жизнь загубя:
Прости, не увижу я боле —
Прости, не увижу тебя!

На дальних обрывах откоса
Прошли — промерцали огни;
Мостом прогремели колеса...
Усни, мое сердце, усни!

Несется за местностью местность —
Летит: и летит — и летит.

Упорно в лицо неизвестность
Под дымной вуалью глядит.

Склонилась и шепчет: и слышит
Душа непонятную речь.
Пусть огненным золотом дышит
В поля паровозная печь.

Пусть в окнах — шмели искряные
Проносятся в красных роях,
Знакомые лица, дневные,
Померкли в суровых тенях.

Упала оконная рама.
Очнулся — в окне суетня:
Платформа — и толстая дама
Картонками душит меня.

Котомки, солдатские ранцы
Мелькнули и скрылись... Ясней
Блесни, пролетающих станций
Зеленая россыпь огней!

Август 1905
Ефремово

Станция

Г. А. Рачинскому

Вокзал: в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

С ним дама мило шутит,
Обдернув свой корсаж,—
Кокетливо закрутит
Изящный сак-вояж.

А там: — сквозь кустик мелкий
Бредет он большаком *.
Мигают злые стрелки
Зелененьким глазком.

Отбило грудь морозом,
А некуда идти:—
Склонись над паровозом
На рельсовом пути!

* Большая дорога.

Никто ему не внемлет.
Нигде не сыщет корм.
Вон: — станция подъемлет
Огни своих платформ.

Выходят из столовой
На волю погулять.
Прильни из мглы свинцовой
Им в окна продрожать!

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

Туда, туда — далеко,
Уходит полотно,
Где в ночь сверкнуло око,
Где пусто и темно.

Один... Стоит у стрелки.
Свободен переезд.
Сечет кустарник мелкий
Рубин летящих звезд.

И он на шпалы прянул
К расплавленным огням:
Железный поезд грянул
По хряснувшим костям —

Туда, туда — далеко
Уходит полотно:
Там в ночь сверкнуло око,
Там пусто и темно.

А всё: в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

А всё: — среди лакеев,
С сигары армянин
Пуховый пепел свеяв,—
Глотает гренадин.

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

1908
Серебряный Колодезь

Каторжник

Н. Н. Русову

Бежал. Распростился с конвоем.
В лесу обагрилась земля.
Он крался над вечным покоем,
Жестокую месть утоля.

Он крался, безжизненный посох
Сжимая холодной рукой.
Он стал на приволжских откосах —
Поник над родною рекой.

На камень упал бел-горючий.
Закутался в серый халат.
Глядел на косматые тучи.
Глядел на багровый закат.

В пространствах, где вспыхивал пламень,
Повис сиротливый дымок.
Он гладил и землю, и камень,
И ржавые обручи ног.

Железные обручи звоном
Упали над склоном речным:
Пропели над склоном зеленым —
Гремели рыданьем родным.

Навек распростился с Сибирью:
Прости ты, родимый острог,
Где годы над водною ширью
В железных цепях изнемог.

Где годы на каменном, голом
Полу он валяться привык:
Внизу — за слепым частоколом —
Качался, поблескивал штык;

Где годы встречал он со страхом
Едва прозябающий день,
И годы тяжелым размахом
Он молот кидал на кремень;

Где годы так странно зияла
Улыбка мертвеющих уст,
А буря плескала-кидала
Дрожащий, безлиственный куст;

Бросали бренчавшие бревна,
Ругаясь, они на баржи,

И берегом — берегом, ровно
Влекли их, упав на гужи;

Где жизнь он кидал, проклиная,
Лихой, клокотавшей пурге,
И едко там стужа стальная
Сжигала ветрами в тайге,

Одежду в клочки изрывая,
Треща и плеща по кустам; —
Визжа и виясь — обвивая,—
Прощелкав по бритым щекам,

Где до крови в холоде мглистом,
Под жалобой плачущий клич,
Из воздуха падая свистом,
Кусал его бешеный бич,

К спине прилипая и кожи
Срывая сырые куски...
И тучи нахмурились строже.
И строже запели пески.

Разбитые плечи доселе
Изъел ты, свинцовый рубец.
Раздвиньтесь же, хмурые ели!
Погасни, вечерний багрец!

Вот гнезда, как черные очи,
Зияя в откосе крутом,
В туман ниспадающей ночи
Визгливо стрельнули стрижом.

Порывисто знаменьем крестным
Широкий свой лоб осенил.
Промчался по кручам отвесным,
Свинцовые воды вспенил.

А к телу струя ледяная
Прижалась колючим стеклом.
Лишь глыба над ним земляная
Осыпалась желтым песком.

Огни показались. И долго
Горели с далеких плотов;
Сурово их темная Волга
Дробила на гребнях валов.

Там искры, провеяв устало,
Взлетали, чтоб в ночь утонуть;

Да горькая песнь прорыдала
Там в синюю, синюю муть.

Там темень протопала скоком,
Да с рябью играл ветерок.
И кто-то стреляющим оком
Из тучи моргнул на восток.

Теперь над волной молчаливо
Качался он желтым лицом.
Плаксивые чайки лениво
Его задевали крылом.

1906—1908
Серебряный Колодезь

Вечерком

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.
Солнце меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью ракит.

Иссыхают в зыбь лохмотьев
Сухо льющих нив
Меж соломы, меж хоботьев,
Меж зыбучих ив —

Иссыхают избы зноем,
Смотрят злым глазком
В незнакомое, в немое
Поле вечерком,—

В небо смотрят смутным смыслом,
Спины гневно гнут;
Да крестьянки с коромыслом
Вниз из изб идут;

Да у старого амбара
Старый дед сидит.
Старый ветер нивой старой
Исстари летит.

Тенью бархатной и черной
Размывает рожь,
Вытрясает треском зерна;
Шукнет — не поймешь:

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.

Солнце: — меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью ракит.

Протопорщился избенок
Кривобокий строй,
Будто серых старушонок
Полоумный рой.

1908
Ефремов

Бурьян

Г. Г. Шпету

Вчера завернул он в харчевню,
Свой месячный пропил расчет.
А нынче в родную деревню,
Пространствами стертый, бредет.

Клянет он, рыдая, свой жребий.
Друзья и жена далеки.
И видит, как облаки в небе
Влекут ледяные клоки.

Туманится в сырости — тонет
Окрестностей никнущих вид.
Худые былинки наклонит,
Дождями простор запылит —

Порыв разгулявшейся стужи
В полях разорвется, как плач.
Вон там: — из серебряной лужи
Пьет воду взлохмаченный грач.

Вон там: — его возгласам внемлет
Жилец просыревших полян —
Вон: — колкие руки подъемлет
Обсвистанный ветром бурьян.

Ликует, танцует: «Скитальцы,
Ища свой приют, припадут
Ко мне: мои цепкие пальцы
Их кудри навек оплетут.

Вонзаю им в сердце иглу я...
На мертвых верхах искони.
Целю я, целуя-милуя,
Их раны и ночи, и дни.

Здесь падают иглы лихие
На рыхлый, рассыпчатый лёсс;
И шелестом комья сухие
Летят, рассыпаясь в откос.

Здесь буду тебя я царапать,—
Томить, поцелуем клонясь...»
Но топчет истрепанный лапоть
Упорнее жидкую грязь.

Но путник, лихую сторонку
Кляня, убирается прочь.
Бурьян многолетний вдогонку
Кидает свинцовую ночь.

Задушит — затопит туманом:
Стрельнул там летучей иглой...
Прокурит над дальним курганом
Тяжелого олова слой.

Как желтые, грозные бивни,
Размытые в россыпь полей,
С откосов оскалились в ливни
Слои вековых мергелей.

Метется за ним до деревни,
Ликует — танцует репье:
Пропьет, прогуляет в харчевне
Растертое грязью тряпье.

Ждут: голод да холод — ужотко;
Тюрьма да сума — впереди.
Свирепая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!

1905—1908
Ефремов

Арестанты

В. П. Поливанову

Много, брат, перенесли
На веку с тобою бурь мы.
Помнишь — в город нас свезли.
Под конвоем гнали в тюрьмы.

Била ливнем нас гроза:
И одежда перемокла.
Шел ты, в даль вперив глаза,
Неподвижные, как стекла.

Заковали ноги нам
В цепи.
Вспоминали по утрам
Степи.

За решеткой в голубом
Быстро ласточки скользили.
Коротал я время сном
В желтых клубах душной пыли.

Ты не раз меня будил.
Приносил нам сторож водки.
Тихий вечер золотил
Окон ржавые решетки.

Как с убийцей, с босяком,
С вором
Распевали вечерком
Хором.

Здесь, на воле, меж степей
Вспомним душные палаты,
Неумолчный лязг цепей,
Наши серые халаты.

Не кручинься, брат, о том,
Что морщины лоб изрыли.
Всё забудем: отдохнем —
Здесь, в волнах седой ковыли.

1904
Серебряный Колодезь

Веселье на Руси

Как несли за флягой флягу —
Пили огненную влагу.

Д' накачался —
Я.
Д' наплясался —
Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок
Повалили на лужок.

Эх —
Людям грех!
Эх — курам смех!

Трепаком-паком размашисто пошли: —
Трепаком, душа, ходи-валяй-вали:

Трепака да на лугах,
Да на межах, да во лесах —

Да обрабатывай!

По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли,
Да по дороженьке вали-вали-вали —

Да притопатывай!

Что там думать, что там ждать:
Дунуть, плюнуть — наплевать:
Наплевать да растоптать:
Веселиться, пить да жрать.

Гомилетика, каноника —
Раздувай-дува-дувай, моя гармоника!

Дьякон пляшет —
— Дьякон, дьякон —
Рясой машет —
— Дьякон, дьякон —
Что такое, дьякон, смерть?

— «Что такое? То и это:
Носом — в лужу, пяткой — в твердь...»
. . . . . .

Раскидалась в ветре,— пляшет —
Полевая жердь: —

Веткой хлюпающей машет
Прямо в твердь.

Бирюзовою волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала Смерть.

1906
Серебряный Колодезь

Осинка

А. М. Ремизову

1

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам
Спешит бобыль-сиротинка
Ко святым местам —

Бежит в пространство
Излечиться от пьянства.
Присел под осинкой
Бобыль-сиротинка.
«Сломи меня в корне»,—
Осинка лепечет листвяная —
Лепечет
Ветром пьяная —

Над откосами
В ветре виснет;
Слезными росами
Праздно прыснет —
— «Сломи меня в корне»,—

Осинка лепечет.
Осинка — кружев узорней —
Лепечет
В лес, в холод небес,
В холод горний —
— «Сломи меня в корне»,—

Осинка лепечет.
Листики пламенные
Мечет
В провалы каменные,—
Всё злей, всё упорней
— «Сломи меня в корне»,—

Лепечет:
Бормочет
В сердитой сырости,
Листами трескочет:

«Свой посох
Скорей —
Багрецом перевитый,
Свой посох —

Скорее
Сломи ты: —

Твой посох
В серебре
Да в серебряных росах.

Твой посох
Тебе не изменит: —
Врагов одорожных в пространство
Размечет —
От пьянства
Излечит».

Молчит сиротинка
Да чинит
Свой лапоть
Над склоном зеленым.

Согнется поклоном,—
И хочет
Его молодая осинка
Слезами своими окапать.

2

И срезал осинку
Да с ней и пошел в путь-дороженьку —

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам
Ко святым местам —

Славит господа-боженьку:
«Господи-боженька,
Мой посох
Во слезах —
Во серебряных росах.

Ныне, убоженький,
С откосов
В пустыни
Воздвигаю свой посох.

Господи-боженька,
Ныне сим посохом
Окропляю пространства:
Одеваю пространства:

В золотые убранства —

Излечи меня от пьянства!

В путь-дороженьку
Уносите меня, ноженьки,—
По полям, по кустам
Ко святым местам».

3

Привели сиротинку кривые
Ноги
Под склон пологий.

Привели сиротинку сухие
Ветви
В места лихие.

— «Замолю здесь грехи я»,

Зашел в кабачишко —
Увязали бутыль
С огневицею —
С прелюбезной сестрицею.

Курил табачишко.
Под вышкой песчаной
Склонил нос багряный
В пыль.

Бобыль —
Пьяница!
У бобыля нос —
Румянится!

— «Ты скажи мне, былиночка,
Как величают места сии?»

Отвечала былиночка:

«Места сии —
Места лихие,
Песчаные:
Здесь шатаются пьяные —

Места лихие
Зеленого Змия».

— «Замолю здесь грехи я!»

4

Плыла из оврага
Вечерняя мгла;
И, булькая, влага
Его обожгла.

Картуз на затылок надвинул,
Лаптями взвевая ленивую пыль.
Лицо запрокинул,
К губам прижимая бутыль.

Шатался детина —
Шатался дорогой кривой;
Вскипела равнина
И взвеяла прах над его головой;

Кивала кручина
Полынной метлой; —

Подсвистнула ей хворостина
В руках багряневшей листвой:
«Ты — мой, сиротина,
Ты — мой!»

Рванулась,
Метнулась,
Помчалась в поля —

Кружится,
Пляшет
Вокруг бобыля:

«Бобыль —
Пьяница:
У бобыля —
Нос румянится» —

Кружится,
Пляшет,—

Руками своими
Сухими,
Колючими машет.

На́ смех тучам —
Шутам полевым и шутихам —
Пляшет
По кручам!

———

Гой еси, широкие поля!
Гой еси, всея Руси поля! —
Не поминайте лихом
Бобыля!

1906
Дедово

Песенка комаринская

Шел калика, шел неведомой дороженькой: —
Тень ползучую бросал своею ноженькой.

Протянулись страны хмурые, мордовские —
Нападали силы-прелести бесовские.

Приключилось тут с каликою мудреное:
Уж и кипнем закипала степь зеленая.

Тень возговорит калике гласом велием:
«Отпусти меня, калика, со веселием.

Опостылело житье мне мое скромное,
Я пройдусь себе повадочкою темною».

Да и втапоры калику опрокидывала;
Кафтанишко свой по воздуху раскидывала.

Кулаками-тумаками бьет лежачего —
Вырастает выше облака ходячего.

Над рассейскими широкими раздольями
Как пошла кидаться в люд хрестьянский кольями.

Мужикам, дьякам, попам она поповичам
Из-под ног встает лихим Сморчом-Сморчовичем.

А и речи ее дерзкие, бесовские:
«Заведу у вас порядки не таковские;

Буду водочкой опаивать-угащивать:
Свое брюхо на напастях отращивать.

Мужичище-кулачище я почтеннейший:
Подпираюсь я дубиной здоровеннейшей!»

Темным вихорем уносит подорожного
Со пути его прямого да не ложного.

Засигает он в кабак кривой дорожкою;
Загуторит, засвистит своей гармошкою:

«Ты такой-сякой комаринский дурак:
Ты ходи-ходи с дороженьки в кабак.

Ай люли-люли люли-люли-люли:
Кабаки-то по всея Руси пошли!..»

А и жизнь случилась втапоры дурацкая:
Только ругань непристойная, кабацкая.

Кабаки огнем моргают ночкой долгою
Над Сибирью, да над Доном, да над Волгою.

То и свет, родимый, видеть нам прохожего —
Видеть старого калику перехожего.

Всё-то он гуторит, всё-то сказы сказывает,
Всё-то посохом, сердешный, вдаль указывает:

На житье-бытье-де горькое да о́ховое
Нападало тенью чучело гороховое.

Июнь 1907
Петровское

На скате

Я всё узнал. На скате ждал.
Внимал: и всхлипнула осинка.
Под мертвым верхом пробежал
Он подовражною тропинкой.

Над головой седой простер
Кремня зубчатого осколок.
Но, побледнев, поймав мой взор,
Он задрожал: пропал меж елок.

Песок колючий и сухой —
Взвивается волной и стонет.
На грудь бурьян, кривой, лихой,
Свой поздний пух — на грудь уронит.

Тоску любви, любовных дней —
Тоску рассей: рассейся, ревность!
Здесь меж камней, меж зеленей
Пространств тысячелетних древность.

Прозябли чахлою травой
Многогребенчатые скаты.

Над ними облак дымовой,
Ворча, встает, как дед косматый.

В полях плывет, тенит, кропит
И под собою даль означит.
На бледной тверди продымит.
Уходит вдаль — дымит и плачет.

Август 1906
Серебряный Колодезь

Пустыня

В. Ф. Эрну

Укройся
В пустыне:
Ни зноя,
Ни стужи зимней
Не бойся
Отныне.

О, ток холодный,
Скажи,
Скажи мне —
Куда уносишь?

О брег межи
Пучок
Бесплодный
Колосьев бросишь.

Туда ль, в безмерный
Покой пустынь?
Душа, от скверны,—
Душа — остынь!

И смерти зерна
Покорно
Из сердца вынь.

— А ток холодный
Ковыль уносит.
У ног бесплодный
Пучок
Колосьев бросит...

Эфир; в эфир —
Эфирная дорога.
И вот —

Зари порфирная стезя
Сечет
Сафир сафирного
Чертога.

В пустыне —
Мгла. И ныне
Славит Бога
Душа моя!

Остынь,—
Страстей рабыня,—
Остынь,
Душа моя!

Струи эфир,
Эфирная пустыня!
Влеки меня,
Сафирная стезя!

— А ток холодный
Ковыль уносит.
У ног бесплодный
Пучок
Колосьев бросит...—

1907
Серебряный Колодезь

Горе

Солнце тонет.
Ветер: — стонет,
Веет, гонит
Мглу.

У околицы,
Пробираясь к селу,
Паренек вздыхает, молится
На мглу.

Паренек уходит во скитаньице;
Белы руки сложит на груди:

«Мое горе,—
Горе-гореваньице:
Ты за мною,
Горе,
Не ходи!»

Красное садится, злое око.
Горе гложет
Грудь,
И путь —
Далекий.

Белы руки сложит
На груди:
И не может
Никуда идти:

«Ты за мною,
Горе,
Не ходи».
Солнце тонет.
Ветер стонет,
Ветер мглу
Гонит.

За избеночкой избеночка.
Парень бродит
По селу.
Речь заводит
Криворотый мужичоночка:

«К нам —
В хаты наши!
Дам —
Щей да каши...»

— «Оставь:
Я в Воронеж».
—«Не ходи:
В реке утонешь».

— «Оставь:
Я в Киев».
—«Заходи —
В хату мою:
До зеленых змиев
Напою».

— «Оставь:
Я в столицу».
— «Придешь в столицу:
Попадешь на виселицу...»

Цифрами оскалились версты полосатые,
Жалят ноги путника камни гребенчатые.

Ходят тучи по небу, старые-косматые.
Порют тело белое палки суковатые.

Дорога далека: —
Бежит века.

За ним горе
Гонится топотом.

«Пропади ты, горе,
Пропадом».

Бежит на воле:
Холмы, избенки,
Кустарник тонкий
Да поле.

Распылалось в небе зарево.

——— —

Как из сырости
Да из марева
Горю горькому не вырасти!

Январь 1906
Москва

Русь

Поля моей скудной земли
Вон там преисполнены скорби.
Холмами пространства вдали
Изгорби, равнина, изгорби!

Косматый, далекий дымок.
Косматые в далях деревни.
Туманов косматый поток.
Просторы голодных губерний.

Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?

От голода, холода тут
И мерли, и мрут миллионы.
Покойников ждали и ждут
Пологие скорбные склоны.

Там Смерть протрубила вдали
В леса, города и деревни,
В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

1908
Серебряный Колодезь

Родина

В. П. Свентицкому

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: «Умирай —

Как и все умирают...» Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи несытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятàя железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

1908
Москва

Купец

Прогуляй со мною лето:
Я тебе, дружок,
Канареечного цвета
Заколю платок.

Коль отдашь тугие косы
Мне на ночь одну,—
Сапожки на ноги босы
Сам я натяну.

Коли нонче за целковый
Груди заголишь,—
Под завесою шелкóвой
Ночь со мной поспишь,—

Так ужо из крепких бревен
Сколочу наш дом,
Так ужо с села поповен
В гости призовем.

Ты сумей меня растрогать:
Я — купец богат —
Сею лен, скупаю деготь
И смолю канат.

Борода моя — лопата,
Волосата грудь.
Не гоняюсь за богатой:
Ты моею будь.

Плачет девка, ручки сложит:
«Не томи меня».
Без него прожить не может
Ни едина дня.

Он — высокий, чернобровый,
Статный паренек,
За целковый ей ковровый
Подарил платок.

1908
Серебряный Колодезь

Свидание

Сергею Соловьеву

Ряд соломой крытых хижин
Встал со всех сторон.
Под одною, неподвижен,
Притаился он.

Над сквозным зеленым роем
Лепет льющих лоз.
Вьет и моет дымным зноем
Рой сквозных стрекоз.

Средь горшков, помой, корытец
Роет землю хряк *.
Уж алеет алый ситец
Там в дверной косяк.

Рдеет россыпь кос размытых,
Позументов блеск,
Бирюзовых глаз, несытых,
Бирюзовый всплеск.

Средь развешанных лохмотьев
Топчут ноги грязь.
Горсть провеянных хоботьев
Сыплет в коновязь.

Груди матовым опалом
Дышат из монист.
Под плетнем — навесцем малым —
Молодецкий свист.

Тает трепет слов медовых
В трепетных устах —
В бледно-розовых, в вишневых,
В сладких лепестках.

Под соломенный навесец
Листья льет лоза;
И подъемлет тонкий месяц
Неба бирюза.

1908
Серебряный Колодезь

---

* Боров.

Стар

Выглянут лихие очи
Из-под камня; вновь
Выглянет грозней, жесточе
Сдвинутая бровь.

И целует, и милует
Девку паренек.
На лужок летит и дует,—
Дышит: ветерок,

Стелет травные атласы.
Не отходит прочь
Старичище седовласый:
«Сердце, не морочь!»

Парень девичий упругий
Обнимает стан.
Перешукнется в испуге
С лебедой бурьян.

Выглянут лихие очи
Из-под камня; вновь
Выглянет грозней, жесточе
Сдвинутая бровь.

Задымят сырые росы
Над сырой травой.
Заплетает девка в косы
Цветик полевой.

Парень девичий упругий
Оплетает стан.
Перешукнется в испуге
С лебедой бурьян.

Отуманен, в сердце ранен,
Стар отходит прочь,
Пал на камень бездыханен:
«Ты пролейся, ночь!

Борода моя — лопата;
Стар купчина я.
Всё — мое: сребро и злато.
Люба — не моя!

И богатство мне — порука ль?»
Ветр летит с реки;
А вокруг танцует куколь,
Плещут васильки.

Тяжело дыша от зноя,
Сел в густую рожь:
«Отточу-точу ужо я,—
Отточу я нож».

Задымят сырые росы
Над сырой травой.
Заплетает девка в косы
Цветик полевой: —

Улыбнется, рассмеется.
Жаворонок — там —
Как взовьется, изольется
Песнью к небесам.

Знойный ток и жжет, и жарит.
Парит: быть грозе.
Тучей встав, она ударит
Молньей в бирюзе.

Светоч бешено багровый
Грохнет, тучи взрыв: —
С кручи куст многовенцовый
Хряснет под обрыв.

1908
Серебряный Колодезь

На откосе

Вот прошел леса и долы.
Подо мной откос.
На реке огонь веселый
Блещет с дальних кос.

В зеленях меж гнезд и норок
Протоптал я стезь.
Берегись ты, лютый ворог,
Берегись, я — здесь.

Близок час: падешь в крови ты
На груди земли,
Здесь падешь, ножом пробитый.
(Ай, люли-люли!)

Ты не бейся, сердце-знахарь.
(Ай, люли-люли!)
За сохой плететься пахарь
Там вдали, вдали.

Отнесу тебя, сердешный,
В прибережный ров.
Будут дни: смиренный, грешный,
Поплетусь в Саров.

День пройдет: вечор на воле!
Лягу под лопух.
Не усну от горькой боли
Да от черных мух.

1906
Москва

Предчувствие

Паренек плетется в волость
На исходе дня.
На лице его веселость.
Перед ним — поля.

Он надвинул разудало
Шапку набекрень.
На дорогу тень упала: —
Встал корявый пень.

Паренек, сверни с дороги,—
Паренек, сверни!
Ближе черные отроги,
Буераки, пни.

Где-то там тоскливый чибис
Пролетает в высь.
Миловались вы, любились
С девкою надысь —

В колокольчиках, в лиловых,
Грудь к груди прижав,
Средь медвяных, средь медовых,
Средь шелко́вых трав.

Что ж ты вдруг поник тоскливо,
Будто чуя смерть?
Одиноко плещет ива
В голубую твердь.

Вечер ближе. Солнце ниже.
В облаках — огни.
Паренек, сверни — сверни же,
Паренек, сверни!

1908
Суйда

Убийство

Здравствуй, брат! За око око.
Вспомни: кровь за кровь.
Мы одни. Жилье далеко.
Ей, не прекословь!

Как над этой над лужайкой
Кровь пролью твою...
Забавляюсь балалайкой,
Песенки пою.

Веселей ходите, ноги,
Лейся, говор струн!
Где-то там — в пологом логе —
Фыркает табун.

Где-то там — на скате — тройка
В отходящий день
Колокольцем всхлипнет бойко:
Тень-терень-терень!..

Протеренькай, протеренькай
Прямо на закат!
Покалякаем маленько
Мы с тобою, брат.

Отстегни-ка ворот пестрый:
К делу — что там ждать!
И всадил я ножик вострый
В грудь по рукоять.

Красною струею прыснул
Красной крови ток.
Ножик хряснул, ножик свистнул —
В грудь, в живот и в бок.

Покрывая хрип проклятий,
В бархатную новь
Из-под красной рукояти
Пеной свищет кровь.

Осыпаясь прахом, склоны
Тихо шелестят;
Галки, во́роны, вороны
Стаей налетят.

Неподвижные, как стекла,
Очи расклюют.

Там — вдали, над нивой блеклой,
Там — вдали: поют.

С богом, в путь! Прости навеки!
Ну, не обессудь.
Я бегу, смеживши веки.
Ветер свищет в грудь.

К ясным девкам, к верным любам
Не придет авось,—
Как его стальным я зубом
Просадил насквозь.

1908
Серебряный Колодезь

Бегство

Ноет грудь в тоске неясной.
Путь далек, далек.
Я приду с зарею красной
В тихий уголок.

Девкам в платьицах узорных
Песнь сыграю я.
Вот на соснах — соснах черных —
Пляшет тень моя.

Как ты бьешься, как ты стонешь —
Вижу, слышу я.
Скоро, друг сердечный, сгонишь
Стаю воронья.

Веют ветры. Никнут травки.
Петухи кричат.
Через лес, через канавки —
Прямо на закат.

Ей, быстрей! И в душном дыме
Вижу — городок.
Переулками кривыми
Прямо в кабачок.

1906
Москва

В городке

Руки в боки: ей, лебедки,
Вам плясать пора.
Наливай в стакан мне водки —
Приголубь, сестра!
Где-то там рыдает звуком,
Где-то там — орган.
Подавай селедку с луком,
Расшнуруй свой стан.

Ты не бойся — не израню:
Дай себя обнять.
Мы пойдем с тобою в баню
Малость поиграть.

За целковым я целковый
В час один спущу,
Как в семейный, как в рублевый
Номер затащу.

Ты, чтоб не было обмана,
Оголись, дружок.
В шайку медную из крана
Брызнет кипяток.

За мое сребро и злато
Мне не прекословь: —
На груди моей косматой
Смой мочалом кровь.

Растрепи ты веник колок,
Кипяток размыль.
Искусает едкий щелок,
Смоет кровь и пыль.

Обливай кипящим пылом.
На́чисто скреби
Спину, грудь казанским мылом:
Полюби — люби!

Я девчоночку другую —
Не тебя — люблю,
Но обновку дорогую
Для тебя куплю.

Хошь я черный вор-мерзавец,—
Об заклад побьюсь,
Что на вас, моих красавиц,
В ночь раскошелюсь.

Ей, откуда, ей — узнай-ка,
Заявился я?
Трынды-трынды, балалайка,
Трыкалка моя!

По крутым речным излукам
Пролетит туман...
Где-то там рыдает звуком —
Где-то там — орган.

1908
Серебряный Колодезь

В деревне

Ходят плечи, ходят трясом,
Стонет в ночь она,—
Прошушукнет поздним класом
Стебель у окна.

«Ты померкни, свет постылый,—
В вечный темень сгинь!
Нет, не встанет из могилы
Сокол мой: аминь!

Как проходят дни за днями.
Палец жжет кольцо».
Мухи черными роями
Плещут ей в лицо.

Прошушукнет поздним класом
Стебель у окна.
Ходят плечи, ходят трясом,—
Стонет в ночь она.

Стар садится под оконцем
Любу обнимать:
«Задарю тебя червонцем,—
Дай с тобой поспать!»

Но в оправе серебрёной
Стукнул грозен перст.
«Сгинь»,— и молоньей зеленой
Небосвод отверст.

«Ты, обитель, богомольца
В скит принять сумей!»
Но, взвивая блеском кольца,
Прыщет в небо змей.

1907
Москва

Виселица

Жизнь свою вином расслабил
Я на склоне лет.
Скольких бил и что я грабил,
Не упомню — нет.

Под железной под решеткой
Вовсе не уснуть.
Как придут они ужотко
Узел затянуть.

Как там столб дубовый нонче
Врыли в лыс бугор.
Заливайся, песня, звонче!
Вдаль лети же, взор!

Всё не верю — не поверю...
Поздно: срок истек;
И шаги,— шаги у двери;
Заскрипел замок.

Офицер кричит конвойным:
«Сабли наголо!»
И полдневным солнцем, знойным,
Темя обожгло.

Привели. Сухою пылью
Ветер в выси взвил.
Золотой епитрахилью
Поп меня накрыл.

Вот сурово мне холодный
Под нос тычут крест.
Сколько раз я шел, свободный,
Ширью этих мест.

Сколько раз встречал, как зверь, я
В логе белый день,
Прошибал со свистом перья
Меткий мой кремень —

Скольким, скольким певчим птицам.
Вкруг окрестных сел
Скольким, скольким молодицам
Вскидывал подол.

Закрутили петлю ловко.
Леденеет кровь.

Перекипулась веревка.
«Ей, не прекословь!»

Под ногой — сухие корни,
А под носом — смерть.
Выше, виселица, вздерни
В голубую твердь!

Подвели: зажмурюсь, нет ли —
Думать поотвык.
Вот и высунул из петли
Красный свой язык.

1908
Серебряный Колодезь

С высоты

Руки рвут раскрытый ворот,
Через строй солдат
Что глядишь в полдневный город,
Отходящий брат?

В высь стреляют бриллиантом
Там церквей кресты.
Там кутил когда-то франтом
С ней в трахтире ты.

Черные, густые клубы
К вольным небесам
Фабрик каменные трубы
Изрыгают там.

Там несется издалека,
Как в былые дни —
«Распрямись ты, рожь высока,
Тайну сохрани».

Вольный ветр гудит с востока.
Ты и нем, и глух.
Изумрудом плещут в око
Злые горсти мух.

1908
Серебряный Колодезь

Калека

Там мне кричат издалека,
Что нос мой — длинный, взор — суровый,
Что я похож на паука
И страшен мой костыль дубовый,
Что мне не избежать судьбы,
Что злость в моем потухшем взгляде,
Что безобразные горбы
Торчат и спереди, и сзади...
Так глухо надо мной в дупло
Постукивает дятел пестрый...
Глаза — как ночь; как воск — чело;
На сердце — яд отравы острый;
Угрозою кривится рот;
В ресницах стекленеют слезы...

С зарей проносится и гнет
Едва зеленые березы
Едва запевший ветерок
И кружится на перекрестках,
И плещется там мотылек
На кружевных, сребристых блестках
В косматых лапах паука;
Моя дрожащая рука
Протянется и рвет тенета...
В душе — весенняя тоска:
Душа припоминает что-то.

Подглядываю в мягких мхах,
Весь в лиственном, в прозрачном пухе,
Ребенок в голубых цветах
Там крылья обрывает мухе,—
И тянется к нему костыль,
И вскрикивает он невольно,
И в зацветающую пыль
Спасается — мне стыдно, больно: —
Спасается, в кулак свистя,
И забирается в валежник.

Я вновь один. Срываю я
Мой нежный, голубой подснежник,—

А вслед летят издалека
Трусливые и злые речи,
Что я похож на паука
И что костыль мне вздернул плечи,
Что тихая моя жена,
Потупившись, им рассказала,
Когда над цветником она,
Безропотная, умирала,
Как в мраке неживом, ночном
Над старым мужем — пауком —
Там плакала в опочивальне,
Как изнывала день за днем,
Как становилась всё печальней; —
Как безобразные горбы
С ней на постель ложились рядом,
Как, не снеся своей судьбы,
Утаивала склянку с ядом,
И вот...

Так медленно бреду.
Трещат и цикают стрекозы
Хрустальные — там, на пруду.
В ресницах стекленеют слезы;
Душа потрясена моя.
Похрустывает в ночь валежник.

Я вновь один. Срываю я
Цветок единственный, подснежник.

1908
Москва

Весенняя грусть

Одна сижу меж вешних верб.
Грустна, бледна: сижу в кручине.
Над головой снеговый серп
Повис, грустя, в пустыне синей.

А были дни: далекий друг,
В заросшем парке мы бродили.
Молчал: но пальцы нежных рук,
Дрожа, сжимали стебли лилий.

Молчали мы. На склоне дня
Рыдал рояль в старинном доме.
На склоне дня ты вел меня,
Отдавшись ласковой истоме,

В зеленоватый полусвет
Прозрачно зыблемых акаций,
Где на дорожке силуэт
Обозначался белых граций.

Теней неверная игра
Под ним пестрила цоколь твердый.
В бассейны ленты серебра
Бросали мраморные морды.

Как снег бледна, меж тонких верб
Одна сижу. Брожу в кручине.
Одна гляжу, как вешний серп
Летит, блестит в пустыне синей.

Март 1905
Москва

Предчувствие

Чего мне, одинокой, ждать?
От радостей душа отвыкла...
И бледная старушка мать
В воздушном капоре поникла,—

У вырезанных в синь листов
Завившегося винограда...
Поскрипывающих шагов
Из глубины немого сада

Шуршание: в тени аллей
Урод на костылях, с горбами,
У задрожавших тополей,
Переливающих листами,

Подсматривает всё за мной,
Хихикает там незаметно...
Я руки к выси ледяной
Заламываю безответно.

1906
Москва

Паук

Нет, буду жить — и буду пить
Весны благоуханной запах.
Пусть надо мной, где блещет нить,
Звенит комар в паучьих лапах.
Пусть на войне и стон, и крик,

И дым пороховой — пусть ёдок: —
Зажгу позеленевший лик
В лучах, блеснувших напоследок.
Пусть веточка росой блеснет;
Из-под нее, горя невнятно,
Пусть на меня заря прольет
Жемчужно-розовые пятна...
Один. Склонился на костыль.
И страстного лобзанья просит
Душа моя...

И ветер пыль
В холодное пространство бросит,—
В лазуревых просторах носит.

И вижу: —
Ты бежишь в цветах
Под мраморною, старой аркой
В пурпуровых своих шелках
И в шляпе с кисеею яркой.
Ты вот: застенчиво мила,
Склоняешься в мой лед и холод;
Ты не невестой мне цвела:
Жених твой и красив, и молод.
Дитя, о улыбнись,— дитя!
Вот рук — благоуханных лилий —
Браслеты бледные,— блестя,
Снопы лучей озолотили.
Но урони, смеясь сквозь боль,
Туда, где облака-скитальцы,—
Ну, урони желтофиоль
В мои трясущиеся пальцы!
Ты вскрикиваешь, шепчешь мне:
«Там, где ветвей скрестились дуги,
Смотри,— крестовик в вышине
Повис на серебристом круге...»
Смеешься, убегаешь вдаль;
Там улыбнулась в дали вольной.

Бежишь — а мне чего-то жаль.
Ушла — а мне так больно, больно...

Так в бирюзовую эмаль
Над старой, озлащенной башней
Касатка малая взлетит —
И заюлит, и завизжит,
Не помня о грозе вчерашней;
За ней другая — и смотри:
За ней, повизгивая окол,
В лучах пурпуровой зари

Над глянцем колокольных стекол —
Вся черная ее семья...

Грызет меня тоска моя.
И мне кричат издалека,—
Из зарослей сырой осоки,
Что я похож на паука:
Прислушиваюсь... Смех далекий,
Потрескиванье огонька...
Приглядываюсь... Спит река...
В туманах — берегов излучья...

Туда грозит моя рука,
Сухая, мертвая... паучья...

Иду я в поле за плетень.
Рожь тюкает перепелами;
Пред изумленными очами
Свивается дневная сень.
И разольется над лугами
В ночь умножаемая тень —
Там отверзаемыми мглами,
Испепеляющими день.

И над обрывами откоса,
И над прибрежною косой
Попыхивает папироса,
Гремит и плачет колесо.
И зеленеющее просо
Разволновалось полосой...
Невыразимого вопроса —
Проникновение во всё...
Не мирового ль там хаоса
Забормотало колесо?

1908
Москва

Мать

Она и мать. Молчат — сидят
Среди алеющих азалий.
В небес темнеющих глядят
Мглу ниспадающей эмали.

«Ты милого,— склонив чепец,
Прошамкала ей мать,— забудешь,
А этот будет, как отец:
Не с костылями век пробудешь».

Над ними мраморный амур.
У ног — ручной, пуховый кролик.
Льет ярко-рдяный абажур
Свой ярко-рдяный свет на столик.

Пьет чай и разрезает торт,
Закутываясь в мех свой лисий;
Взор над верандою простер
В зари порфировые выси.

Там тяжкий месяца коралл
Зловещий вечер к долам клонит.
Там в озера литой металл
Темноты тусклые уронит; —

Тускнеющая дымом ночь
Там тусклые колеблет воды:—
Там — сумерками кроет дочь,
Лишенную навек свободы.

1908
Серебряный Колодезь

Судьба

Меж вешних камышей и верб
Отражена ее кручина.
Чуть прозиявший, белый серп
Летит лазурною пустыней —
В просветах заревых огней
Сквозь полосы далеких ливней.

Урод склоняется над ней.
И всё видней ей и противней
Напудренный, прыщавый нос,
Подтянутые, злые губы,
Угарный запах папирос,
И голос шамкающий, грубый,
И лоб недобрый, восковой,
И галстук ярко огневой;
И видит: —
где зеленый сук
Цветами розовыми машет
Под ветром,— лапами паук
На паутинных нитях пляшет;
Слетает с легкой быстротой,
Качается,— и вновь слетает,
И нитью бледно-золотой
Качается, а нить блистает:
Слетел, и на цветок с цветка

Ползет по росянистым кочкам.
И падает ее рука
С атласным кружевным платочком;
Платочек кружевной дрожит
На розовых ее коленях;
Беспомощно она сидит
В лиловых, в ласковых сиренях.

Качается над нею нос,
Чернеются гнилые зубы;
Угарной гарью папирос
Растянутые дышат губы;
Взгляд оскорбительный и злой
Впивается холодной мглой,
И голос раздается грубый:
«Любовницей моею будь!»
Горбатится в вечернем свете
В крахмал затянутая грудь
В тяжелом, клетчатом жилете.

Вот над сафьянным башмачком
В лиловые кусты сирени
Горбатым клетчатым комком
Срывается он на колени.
Она сбегает под откос;
Безумие в стеклянном взгляде...
Стеклянные рои стрекоз
Летят в лазуревые глади.

На умирающей заре
Упала (тяжко ей и дурно)
В сырой росе, как серебре,
Над беломраморною урной.

Уж в черной, лаковой карете
Уехал он...
В чепце зеленом,
В колеблемом, в неверном свете,
Держа флакон с одеколоном,
Старушка мать над ней сидит,
Вся в кружевах,— молчит и плачет.

То канет в дым, то заблестит
Снеговый серп; и задымит
Туманами ночная даль;
Извечная висит печаль;

И чибис в полунощи плачет...

1906
Москва

Свадьба

Мы ждем. Ее всё нет, всё нет...
Уставившись на паперть храма
В свой черепаховый лорнет,
Какая-то сказала дама.

Завистливо: «Si jeune... Quelle ange...» *
Гляжу — туманится в вуалях:
Расправила свой флер д'оранж,—
И взором затерялась в далях.

Уж регент, руки вверх воздев,
К мерцающим, златым иконам,
Над клиросом оцепенев,
Стоит с запевшим камертоном.

Уже златит иконостас
Вечеровая багряница.
Вокруг уставились на нас
Соболезнующие лица.

Блеск золотых ее колец...
Рыдание сдавило горло
Ее, лишь свадебный венец
Рука холодная простерла.

Соединив нам руки, поп
Вкруг аналоя грустно водит,
А шафер, обтирая лоб,
Почтительно за шлейфом ходит.

Стою я, умилен, склонен,
Обмахиваясь «Chapeau claque'ом» **.
Осыпала толпа княжон
Нас лилиями, мятой, маком.

Я принял, разгасясь в углу,
Хоть и не без предубежденья,
Напечатленный поцелуй —
Холодный поцелуй презренья.

Между подругами прошла
Со снисходительным поклоном.
Пусть в вышине колокола
Нерадостным вещают звоном,—

---

* Такая молодая... Какой ангел... *(фр.).— Ред.*
** Складная шляпа, цилиндр на пружинах *(фр.).— Ред.*

Она моя, моя, моя...
Она сквозь слезы улыбнулась.
Мы вышли... Ласточек семья
Над папертью, визжа, метнулась.

Мальчишки, убегая вдаль,
Со смеху прыснули невольно.
Смеюсь,— а мне чего-то жаль.
Молчит,— а ей так больно, больно.

А колокольные кресты
Сквозь зеленеющие ели
С непобедимой высоты
На небесах заогневели.

Слепительно в мои глаза
Кидается сухое лето;
И собирается гроза,
Лениво громыхая где-то.

1905—1908
Серебряный Колодезь

После венца

Глядят — невеста и жених
Из подвенечной паутины,
Прохаживаясь вдоль куртины,
Колеблемой зефиром; их —

Большой серебряный дельфин,
Плюющийся зеркальным блеском,
Из пурпуро́вых георгин
Окуривает водным блеском.

Медлительно струит фонтан
Шушукающий в выси лепет...
Жених, охватывая стан,
Венчальную вуаль отцепит;

В дом простучали костыли;
Слетела штора, прокачавшись.
Он — в кружевной ее пыли,
К губам губами присосавшись.

Свой купол нежно-снеговой
Хаосом пепельным обрушит —
Тот облак, что над головой
Взлетающим зигзагом душит;

И вспучилась его зола
В лучей вечеровые стрелы;
И пепел серый сеет мгла,
Развеивая в воздух белый;

Чтоб неба темная эмаль
В ночи туманами окрепла,—
Там водопадом топит даль
Беззвучно рушимого пепла.

1908
Москва

Старинный дом

В. Ф. Ходасевичу

Всё спит в молчанье гулком.
За фонарем фонарь
Над Мертвым * переулком
Колеблет свой янтарь.

Лишь со свечою дама
Покажется в окне: —
И световая рама
Проходит на стене;

Лишь дворник встрепенется,—
И снова головой
Над тумбою уткнется
В тулуп бараний свой.

Железная ограда;
Старинный барский дом;
Белеет колоннада
Над каменным крыльцом.

Листвой своей поблеклой
Шушукнут тополя.
Луна алмазит стекла,
Прохладный свет лия.

Проходят в окнах светы: —
И выступят из мглы
Кенкэты и портреты,
И белые чехлы.

Мечтательно Полина
В ночном дезабилье
Разбитое пьянино
Терзает в полумгле.

Припоминает младость
Над нотами: «Любовь,

---

* Переулок в Москве.

Мечта, весна и сладость —
Не возвратитесь вновь.

Вы где, условны встречи
И вздох: Je t'aime, Poline...» *
Потрескивают свечи,
Стекает стеарин.

Старинные куранты
Зовут в ночной угар.
Развеивает банты
Атласный пеньюар.

В полуослепшем взоре
Воспоминаний дым,
Гардемарин, и море,
И невозвратный Крым.

Поездки в Дэрикоэ,
Поездки к Учан-Су...
Пенснэ лишь золотое
Трясется на носу.

Трясутся папильотки,
Колышется браслет
Напудренной красотки
Семидесяти лет.

Серебряные косы
Рассыпались в луне.
Вот тенью длинноносой
Взлетает на стене.

Рыдает сонатина
Потоком томных гамм.
Разбитое пьянино
Оскалилось — вон там.

Красы свои нагие
Закрыла на груди,
Как шелесты сухие
Прильнули к ней: «Приди,—

Я млею, фея, млею...»
Ей под ноги луна
Атласную лилею
Бросает из окна.

---

* Я люблю тебя, Полин... *(фр.).— Ред.*

А он, зефира тише,
Наводит свой лорнет:
С ней в затененной нише
Танцует менуэт.

И нынче, как намедни,
У каменных перил
Проходит вдоль передней,
Ища ночных громил.

Как на дворе собаки
Там дружною гурьбой
Пролаяли,— Акакий —
Лакей ее седой,

В потертом, сером фраке,
С отвислою губой: —
В растрепанные баки
Бормочет сам с собой.

Шушукнет за портретом,
Покажется в окне: —
И рама бледным светом
Проходит на стене.

Лишь к стеклам в мраке гулком
Прильнет его свеча...
Над Мертвым переулком
Немая каланча.

Людей оповещает,
Что где-то — там — пожар,—
Медлительно взвивает
В туманы красный шар.

Август 1908
Суйда

Маскарад

М. Ф. Ликиардопуло

Огневой крюшон с поклоном
Капуцину черт несет.
Над крюшоном капюшоном
Капуцин шуршит и пьет.

Стройный черт,— атласный, красный,—
За напиток взыщет дань,

Пролетая в нежный, страстный,
Грациозный па д'эспань,—

Пролетает, колобродит,
Интригует наугад.
Там хозяйка гостя вводит.
Здесь хозяин гостье рад.

Звякнет в пол железной злостью
Там косы сухая жердь: —
Входит гостья, щелкнет костью,
Взвеет саван: гостья — смерть.

Гость: — немое, роковое,
Огневое домино —
Неживою головою
Над хозяйкой склонено.

И хозяйка гостя вводит.
И хозяин гостье рад.
Гости бродят, колобродят,
Интригуют наугад.

Невтерпеж седому турке:
Смотрит маске за корсаж.
Обжигается в мазурке
Знойной полькой юный паж.

Закрутив седые баки,
Надушен и умилен,
Сам хозяин в черном фраке
Открывает котильон.

Вея веером пуховым,
С ним жена плывет вдоль стен;
И муаром бирюзовым
Развернулся пышный трэн.

Чей-то голос раздается:
«Вам погибнуть суждено»,—
И уж в дальних залах вьется,—
Вьется в вальсе домино

С милой гостьей: желтой костью
Щелкнет гостья: гостья — смерть.
Прогрозит и лязгнет злостью
Там косы сухая жердь.

Пляшут дети в ярком свете.
Обернулся — никого.

Лишь, виясь, пучок конфе́тти
С легким треском бьет в него.

«Злые шутки, злые маски»,—
Шепчет он, остановясь.
Злые маски строят глазки,
В легкой пляске вдаль несясь.

Ждет. И боком, легким скоком,—
«Вам погибнуть суждено»,—
Над хозяйкой ненароком
Прошуршало домино.

Задрожал над бледным бантом
Серебристый позумент;
Но она с атласным франтом
Пролетает в вихре лент.

В бирюзу немую взоров
Ей пылит атласный шарф.
Прорыдав, несутся с хоров,—
Рвутся струны страстных арф.

Подгибает ноги выше,
В такт выстукивает па,—
Ловит бэби в темной нише —
Ловит бэби — grand papa *.

Плещет бэби дымным тюлем,
Выгибая стройный торс.
И проносят вестибюлем
Ледяной, отрадный морс.

Та и эта в ночь из света
Выбегает на подъезд.
За каретою карета
Тонет в снежной пене звезд.

Спит: и бэби строит куры
Престарелый qrand papa.
Легконогие амуры
Вкруг него рисуют па.

Только там по гулким залам —
Там, где пусто и темно,—
С окровавленным кинжалом
Пробежало домино.

Июль 1908
Серебряный Колодезь

* Дедушка *(фр.).— Ред.*

Меланхолия

М. Я. Шику

Пустеет к утру ресторан.
Атласами своими феи
Шушукают. Ревет орган.
Тарелками гремят лакеи —

Меж кабинетами. Как тень,
Брожу в дымнотекущей сети.
Уж скоро золотистый день
Ударится об окна эти,

Пересечет перстами гарь,
На зеркале блеснет алмазом...
Там: — газовый в окне фонарь
Отнистым дозирает глазом.

Над городом встают с земли,—
Над улицами клубы гари.
Вдали — над головой — вдали
Обрывки безответных арий.

И жил, и умирал в тоске,
Рыдание не обнаружив.
Там: — отблески на потолке
Гирляндою воздушных кружев

Протянутся. И всё на миг
Зажжется желтоватым светом.
Там — в зеркале — стоит двойник;
Там вырезанным силуэтом —

Приблизится, кивает мне,
Ломает в безысходной муке
В зеркальной, в ясной глубине
Свои протянутые руки.

1904
Москва

Отчаянье

Е. П. Безобразовой

Веселый, искрометный лед.
Но сердце — ледянистый слиток.
Пусть вьюга белоцвет метет,—
Взревет; и развернет свой свиток.

Срывается: кипит сугроб,
Пурговым кружевом клокочет,
Пургой окуривает лоб,
Завьется в ночь и прохохочет.

Двойник мой гонится за мной;
Он на заборе промелькает,
Скользнет вдоль хладной мостовой
И, удлинившись, вдруг истает.

Душа, остановись — замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копья!

Отцветших, отгоревших дней
Осталась песня недопета.
Пляшите, уличных огней
На скользких плитах иглы света!

1904
Москва

Праздник

В. В. Гофману

Слепнут взоры: а джиорно
Освещен двухсветный зал.
Гость придворный непритворно
Шепчет даме мадригал,—

Контрдансом, контрдансом
Завиваясь в «chinoise».
Искры прыщут по фаянсам,
По краям хрустальных ваз.

Там — вдали — проходит полный
Седовласый кавалер.
У окна вскипают волны
Разлетевшихся портьер.

Обернулся: из-за пальмы
Маска черная глядит.
Плещут струи красной тальмы
В ясный блеск паркетных плит.

«Кто вы, кто вы, гость суровый —
Что вам нужно, домино?»
Но, закрывшись в плащ багровый,
Удаляется оно.

Прислонился к гобелэнам,
Он белее полотна...
А в дверях шуршит уж трэном
Гри-де-перлевым жена.

Искры прыщут по фаянсам,
По краям хрустальных ваз.
Контрдансом, контрдансом
Вьются гости в «chinoise».

Июль 1908
Серебряный Колодезь

Пир

С. А. Полякову

Проходят толпы с фабрик прочь.
Отхлынули в пустые дали.
Над толпами знамена в ночь
Кровавою волной взлетали.

Мы ехали. Юна, свежа,
Плеснула перьями красотка.
А пуля плакала, визжа,
Над одинокою пролеткой.

Нас обжигал златистый хмель
Отравленной своей усладой.
И сыпалась — вон там — шрапнель
Над рухнувшею баррикадой.

В «Aquarium'е» с ней шутил
Я легкомысленно и метко.
Свой профиль теневой склонил
Над сумасшедшею рулеткой,

Меж пальцев задрожавших взяв
Благоуханную сигару,
Взволнованно к груди прижав
Вдруг зарыдавшую гитару.

Вокруг широкого стола,
Где бражничали в тесной куче,
Венгерка юная плыла,
Отдавшись огненной качуче.

Из-под атласных, темных вежд
Очей метался пламень жгучий;
Плыла: — и легкий шелк одежд
За ней летел багряной тучей.

Не дрогнул юный офицер,
Сердито в пол палаш ударив,
Как из раздернутых портьер
Лизнул нас сноп кровавых зарев.

К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железной:
«Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшеюся бездной.

Луч солнечный ужо взойдет;
Со знаменем пройдет рабочий:
Безумие нас заметет —
В тяжелой, в безысходной ночи.

Заутра брызнет пулемет
Там в сотни возмущенных грудей;
Чугунный грохот изольет,
Рыдая, злая пасть орудий.

Метелицы же рев глухой
Нас мертвенною пляской свяжет,—
Заутра саван ледяной,
Виясь, над мертвецами ляжет,
Друзья мои...»

И банк метал
В разгаре пьяного азарта;
И сторублевики бросал;
И сыпалась за картой карта.

И, проигравшийся игрок,
Я встал: неуязвимо строгий,
Плясал безумный кэк-уок,
Под потолок кидая ноги.

Суровым отблеском покрыв,
Печалью мертвенной и блеклой
На лицах гаснущих застыв,
Влилось сквозь матовые стекла —

Рассвета мертвое пятно.
День мертвенно глядел и робко.
И гуще пенилось вино,
И щелкало взлетевшей пробкой.

1905
Москва

Укор

Кротко крадешься креповым трэном,
Растянувшись, как дым, вдоль паркета;
Снеговым, неживым манекеном,
Вся в муар серебристый одета.

Там народ мой — без крова; суровый
Мой народ в униженье и плене.
Тяжелит тебя взор мой свинцовый.
Тонешь ты в дорогом валансьене.

Я в полях надышался свинцами.
Ты — кисейным, заоблачным мифом.
Пропылишь мне на грудь кружевами,
Изгибаясь стеклярусным лифом.

Или душу убил этот грохот?
Ты молчишь, легкий локон свивая.
Как фонтан, прорыдает твой хохот,
Жемчуговую грудь изрывая.

Ручек матовый мрамор муаром
Задымишь, запылишь. Ты не слышишь?
Мне в лицо ароматным угаром
Ветер бледнопуховый всколышешь.

/1909/
Серебряный Колодезь

Поджог

Заснувший дом. Один, во мгле
Прошел с зажженною лучиною.
На бледном, мертвенном челе
Глухая скорбь легла морщиною.

Поджег бумаги. Огонек
Заползал синей, жгучей пчелкою.
Он запер двери на замок,
Объятый тьмой студеной, колкою.

Команда в полночь пролетит
Над мостовой сырой и тряскою; —
И факел странно зачадит
Над золотой, сверкнувшей каскою.

Вот затянуло серп луны.
Хрустальные стрекочут градины.

Из белоструйной седины
Глядят чернеющие впадины.

Седины бьются на челе.
Проходит улицей пустынною...
На каланче в туманной мгле
Взвивается звезда рубинная.

1905
Петербург

На улице

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распустивши свой зонт.
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

Вам отдал свои я напевы —
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы!
Всё отдал; и вот — я один.

Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке —
Прижался: поник головой...

А вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют; —
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.

Сгибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы,
Холодной отравленной пыли —
Взлетают сухие столбы.

1904
Москва

Вакханалия

И огненный хитон принес,
И маску черную в кардонке.
За столиками гроздья роз
Свой стебель изогнули тонкий.

Бокалы осушал, молчал,
Камелию в петлицу фрака

Воткнул и в окна хохотал
Из душного, ночного мрака —

Туда,— где каменный карниз
Светился предрассветной лаской,—
И в рдяность шелковистых риз
Обвился и закрылся маской,

Прикидываясь мертвецом...
И пенились — шипели вина.
Возясь, перетащили в дом
Кровавый гроб два арлекина.

Над восковым его челом
Крестились, наклонились оба —
И полумаску молотком
Приколотили к крышке гроба.

Один — заголосил, завыл
Над мертвым на своей свирели;
Другой — цветами перевил
Его мечтательных камелий.

В подставленный сосуд вином
Струились огненные росы,
Как прободал ему жезлом
Грудь жезлоносец длинноносый.

1906
Мюнхен

Арлекинада

Посвящается
современными
арлекинам

Мы шли его похоронить
Ватагою беспутно сонной.
И в бубен похоронный бить
Какой-то танец похоронный

Вдруг начали. Мы в колпаках
За гробом огненным вопили
И фимиам в сквозных лучах
Кадильницами воскурили.

Мы колыхали красный гроб;
Мы траурные гнали дроги,
Надвинув колпаки на лоб...
Какой-то арлекин убогий —

Седой, полуслепой старик —
Язвительным, немым вопросом
Морщинистый воскинул лик
С наклеенным картонным носом.

Горбатился в сухой пыли.
Там в одеянии убогом
Надменно выступал вдали
С трескучим, с вытянутым рогом —

Герольд, предвозвещавший смерть;
Там лентою вилась дорога;
Рыдало и гремело в твердь
Отверстие глухого рога.

Так улиц полумертвых строй
Процессия пересекала;
Рисуясь роковой игрой,
Паяц коснулся бледно-алой —

Камелии: и встал мертвец,
В туман протягивая длани;
Цветов пылающий венец
Надевши, отошел в тумане: —

Показывался здесь и там;
Заглядывал — стучался в окна;
Заглядывал — врывался в храм,
Сквозь ладанные шел волокна.

Предвозвещая рогом смерть,
О мщении молил он бога:
Гремело и рыдало в твердь
Отверстие глухого рога.

«Вы думали, что умер я —
Вы думали? Я снова с вами.
Иду на вас, кляня, грозя
Моими мертвыми руками.

Вы думали — я был шутом?..
Молю, да облак семиглавый
Тяжелый опрокинет гром
На род кощунственный, лукавый!»

Ноябрь 1906
Мюнхен

Преследование

Опять над нею залучился
Сияньем свадебный венец.
За нею в дрогах я тащился,
Неуспокоенный мертвец.

Сияла грешным метеором
Ее святая красота.
Из впадин ей зияла взором
Моя немая пустота.

Ее венчальные вуали
Проколебались мне в ответ.
Ее глаза запеленали
Воспоминанья прежних лет.

На череп шляпу я надвинул.
На костяные плечи — плед.
Жених бледнел и брови сдвинул,
Как в дом за ними шел я вслед.

И понял он, что обвенчалась
Она не с ним, а с мертвецом.
И молча ярость занималась
Над бледно бешеным лицом.

Над ней склоняюсь с прежней лаской;
И ей опять видны, слышны:
Кровавый саван, полумаска,
Роптанья страстные струны,

Когда из шелестящих складок
Над ней клонюсь я, прежний друг.
И ей невыразимо гадок
С ней почивающий супруг.

1906
Серебряный Колодезь

Похороны

Толпы рабочих в волнах золотого заката.
Яркие стяги свиваются, плещутся, пляшут.

На фонарях, над железной решеткой,
С крыш над домами
Платками
Машут.

Смеркается.
Месяц серебряный, юный
Поднимается.

Темною лентой толпа извивается.
Скачут драгуны.

Вдоль оград, тротуаров,— вдоль скверов,
Над железной решеткой,—
Частый, короткий
Треск
Револьверов.

Свищут пули, кося...
Ясный блеск
Там по взвизгнувшим саблям взвился.

Глуше напев похорон.
Пули и плачут, и косят.
Новые тучи кровавых знамен —
Там, в отдаленье — проносят.

1906
Москва

* * *

Пока над мертвыми людьми
Один ты не уснул, дотоле
Цепями ржавыми греми
Из башни каменной о воле.

Да покрывается чело,—
Твое чело, кровавым потом.
Глаза сквозь мутное стекло —
Глаза — воздетые к высотам.

Нальется в окна бирюза,
Воздушное нальется злато.
День — жемчуг матовый — слеза —
Течет с восхода до заката.

То серый сеется там дождь,
То — небо голубеет степью.
Но здесь ты, заключенный вождь,
Греми заржавленною цепью.

Пусть утро, вечер, день и ночь —
Сойдут — лучи в окно протянут:
Сойдут — глядят: несутся прочь.
Прильнут к окну — и в вечность канут.

Июнь 1907
Петровское

В Летнем саду

Над рестораном сноп ракет
Взвивается струею тонкой.
Старик в отдельный кабинет
Вон тащит за собой ребенка.

Над лошадиною спиной
Оголена, в кисейной пене,—
Проносится — ко мне, за мной!
Проносится по летней сцене.

Прощелкает над ней жокей —
Прощелкает бичом свистящим.
Смотрю... Осанистый лакей
С шампанским пробежал пьянящим.

И пенистый бокал поднес...
Вдруг крылья ярко-красной тоги
Так кто-то над толпой вознес —
Бежать бы: неподвижны ноги.

Тяжелый камень стекла бьет —
Позором купленные стекла.
И кто-то в маске восстает
Над мертвенною жизнью, блеклой.

Волнуются: смятенье, крик.
Огни погасли в кабинете; —
Оттуда пробежал старик
В полузастегнутом жилете,—

И падает,— и пал в тоске
С бокалом пенистым рейнвейна
В протянутой, сухой руке
У тиховейного бассейна; —

Хрипит, проколотый насквозь
Сверкающим, стальным кинжалом:
Над ним склонилось, пролилось
Атласами в сиянье алом —

Немое домино: и вновь,
Плеща крылом атласной маски,
С кинжала отирая кровь,
По саду закружилось в пляске.

1906
Серебряный Колодезь

На площади

Он в черной маске, в легкой красной тоге.
И тога шелком плещущим взлетела.
Он возглашает: «Будете как боги».
Пришел. Стоит. Но площадь опустела.

А нежный ветер, ветер тиховейный,
К его ногам роняет лист каштана.
Свеваясь пылью в зеркало бассейна
Кипит, клокочет кружево фонтана.

Вознес лампаду он над мостовою,
Как золотой, как тяжковесный камень.
И тучей искр взлетел над головою
Ее палящий, бледный, чадный пламень.

Над головой дрожит венок его из елки.
Лампаду бросил. Пламя в ней угасло.
О мостовую звякнули осколки.
И пролилось струей горящей масло.

За ним следят две женщины в тревоге
С перил чугунных, каменных балконов.
Шурша, упали складки красной тоги
На гриву черных, мраморных драконов.

Открыл лицо. Горит в закатной ласке
Оно пятном мертвеющим и мрачным.
В точеных пальцах крылья полумаски
Под ветром плещут кружевом прозрачным.

Холодными прощальными огнями
Растворены небес хрустальных склоны.
Из пастей золотыми хрусталями
В бассейн плюют застывшие драконы.

1906
Мюнхен

Прохождение

Я фонарь
Отдаю изнемогшему брату.

Улыбаюсь в закатный янтарь,
Собираю душистую мяту.

Золотым огоньком
Скорбный путь озаряю.

За убогим столом
С бедняком вечеряю.

Вы мечи
На меня обнажали.

Палачи,
Вы меня затерзали.

Кровь чернела, как смоль,
Запекаясь на язве.

Но старинная боль
Забывается разве?

Чадный блеск, смоляной,
Пробежал по карнизам.

Вы идете за мной,
Прикасаясь к разодранным ризам.

— «Исцели, исцели
Наши темные души...»

Ветер листья с земли
Взвеет шелестом в уши...

Край пустынен и нем.
Нерассветная твердь.

О, зачем
Не берет меня смерть!

1906
Мюнхен

В полях

Я забыл. Я бежал. Я на воле.
Бледным ливнем туманится даль.
Одинокое, бедное поле,
Сиротливо простертое вдаль.

Не страшна ни печаль, ни тоска мне:
Как терзали — я падал в крови:
Многодробные, тяжкие камни
Разбивали о кости мои.

Восхожу в непогоде недоброй
Я лицом, просиявшим как день.
Пусть дробят приовражные ребра
Мою черную, легкую тень!

Пусть в колючих, бичующих прутьях
Изодрались одежды мои.
Почивают на жалких лоскутьях
Поцелуи холодной зари.

Над простором плету, неподвижен,
Из колючей крапивы венок.
От далеких поникнувших хижин
Подымается тусклый дымок.

Ветер, плачущий брат мой,— здесь тихо.
Ты пролей на меня свою сонь.
Исступленно сухая гречиха
Мечет под ноги яркий огонь.

1907
Париж

Матери

Я вышел из бедной могилы.
Никто меня не встречал —
Никто: только кустик хилый
Облетевшей веткой кивал.

Я сел на могильный камень...
Куда мне теперь идти?
Куда свой потухший пламень —
Потухший пламень...— нести.

Собрала их ко мне — могила.
Забыли все с того дня.
И та, что — быть может — любила,
Не узнает теперь меня.

Испугаю их темью впадин;
Постучусь — они дверь замкнут.
А здесь — от дождя и градин
Не укроет истлевший лоскут.

Нет.— Спрячусь под душные плиты...
Могила, родная мать,
Ты одна венком разбитым
Не устанешь над сыном вздыхать.

Январь 1907
Париж

Полевой пророк

В. В. Владимирову

Средь каменьев меня затерзали:
Затерзали пророка полей.
Я на кость — полевые скрижали —
Проливаю цветочный елей.

Облечен в лошадиную кожу,
Песью челюсть воздев на чело,
Ликованьем окрестность встревожу,—
Как прошло: всё прошло — отошло.

Разразитесь, призывные трубы,
Над раздольем осенних полей!
В хмурый сумрак оскалены зубы
Величавой короны моей.

Поле — дом мой. Песок — мое ложе.
Полог — дым росянистых полян.
Загорбатится с палкой прохожий —
Приседаю покорно в бурьян.

Ныне, странники, с вами я: скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь —
Я — просторов рыдающих сторож,
Исходивший великую Русь.

Январь 1907
Париж

На буграх

Песчаные, песчаные бугры,—
Багряные от пиршества заката.
Пространств моих восторги и пиры
В закатное одеты злато.

Вовек в степи пребуду я — аминь!
Мои с зарей — с зарею поцелуи!
Вовек туда — в темнеющую синь
Пространств взлетают аллилуйи.

Косматый бог, подобием куста
Ко мне клонясь, струит росу листвою
В мои, как маки, яркие уста,—
Да прорастут они травою.

Твой ныне страж убогих этих мест
Я, старый бог, степной завет исполню:
Врагов твоих испепелю окрест,
Прияв трезубец жарких молний.

Пред ним простерт, взываю: «Отче наш».
Бурмидским жемчугом взлетело утро.
Косматый бог лиет лазурь из чаш
И водопад из перламутра.

Заря горит: ручьи моих псалмов
Сластят уста молитвою нехитрой.
На голове сапфиром васильков
Вся прозябающая митра.

1908
Серебряный Колодезь

Полевое священнодействие

Н. Н. Русову

Я помню день: враги с окрестных сел
Восстали на меня — и вот: погибли,
Когда на них молитвенно пошел,
Закляв словами травных библий.

Когда, как месть, волшебств туманный ток,
Дымящийся росою и ветрами,
Подъяв, заклятьем пролил на восток
Над охладненными лугами.

Эй, ты! Падешь, коль вновь возмнишь восстать
На божество, как пал в веках твой прадед,—
И мой репейник бешеный, как тать,
Иглою шип под сердцем всадит.

Я вольный поп: и ныне, как и встарь,
Сюда кустом на брань рукоположен.
И вещий — сам. И вещий мой алтарь
Из крепких, красных камней сложен.

Колючий клир (ревнивое репье) —
Мои прозябшие цветами прихожане —
Вознес над вами, скрыв лицо мое,
Благославляющие длани.

Вот соберу с болот зеленый хвощ,
От ульев — мед, от нивы — колос хлебный!
Текут века... Я утро, день и нощь
Служу целебные молебны.

Цветись, цветок,— и в ветер венчик кинь!
Взлетайте выше, ладанные струи!
Вовек туда, в темнеющую синь
Пространств восходят аллилуйи.

Медовый ветр струит густой елей,
Сластит уста и льется быстротечно.
Стоят холмы, подъяв престол полей
Тысячелетия, извечно.

И космами над синею водой
Вдали поник в бунтующей порфире
Сердитый бог с зеленой бородой —
Последний бог в пустынном мире.

Твой вопль глухой гудит, летит, твердит,—
Твердит в поля, лиет елей и стынет;
Зеленой хлябью вновь — и вновь — вскипит,
Листвяной купой хладно хлынет.

Из уст твоих — златые словеса!
Из уст дуплистых, сластно в высь кидаясь,
Они туда — в немые небеса —
Текут, потоком изливаясь.

Как возвещу в простор окрестных сел
Сладчайших уст, о куст порфирородный,—
Как возвещу бунтующий глагол,
Неизреченный и свободный.

Из вековой, из царственной глуши
Ты — сук сухой наставя, как трезубец,—
Туда — во мрак трухлявой их души
Грозишь, косматый душегубец.

1908
Серебряный Колодезь

Последний язычник

Б. К. Зайцеву

Века текут... И хрипло рухнул в лог
Старинный куст, изъеденный судьбою.
А я в слезах простерт у мшистых ног,
Как дым кадильный пред тобою.

В последний раз дупло — твое дупло —
Лобзаю я, наполненное гнилью.
Века текут; что было, то прошло.
Ты прорастешь седою былью.

Медвяных трав касается мой лоб.
Испив елей, и ныне, как намедни,
В последний раз — твой верный, старый поп —
Я здесь служу свои обедни.

Над золотой, вечернею рекой
Свивают кольца облачные змии
Скорей, скорей,— о поле, упокой
В твоей бездомной киновии.

Меня прими,— в простор простертый гроб!
Рассейтесь вы, как дым, седые бредни!
В последний раз — твой верный, старый поп —
Я здесь служу свои обедни.

1908
Серебряный Колодезь

Успокоение

Ушел я раннею весной.
В руках протрепетали свечи.
Покров линючей пеленой
Обвил мне сгорбленные плечи,

И стан — оборванный платок.
В надорванной груди — ни вздоха.
Вот приложил к челу пучок
Колючего чертополоха;

На леденистое стекло
Ногою наступил и замер...
Там — время медленно текло
Средь одиночных, буйных камер.

Сложивши руки, без борьбы,
Судьбы я ожидал развязки.
Безумства мертвые рабы
Там мертвые свершали пляски:

В своих дурацких колпаках,
В своих ободранных халатах,
Они кричали в желтый прах,
Они рыдали на закатах.

Там вечером,— и нем, и строг —
Вставал над крышами пустыми
Коралловый, кровавый рог
В лазуревом, но душном дыме.

И как повеяло весной,
Я убежал из душных камер;
Упился юною луной;
И средь полей блаженно замер;

Мне проблистала бледность дня;
Пушистой вербой кто-то двигал;
Но вихрь танцующий меня
Обсыпал тучей льдяных игол.

Мне крова душного не жаль.
Не укрываю головы я.
Смеюсь — засматриваюсь вдаль:
Затеплил свечи восковые,

Склоняясь в отсыревший мох;
Кидается на грудь, на плечи —
Чертополох, чертополох:
Кусается — и гасит свечи.

И вот свеча моя, свеча,
Упала — в слякоти дымится;
С чела, с кровавого плеча
Кровавая струя струится.

Лежу... Засыпан в забытье
И тающим, и нежным снегом,
Слетающим — на грудь ко мне,
К чуть прозябающим побегам.

1904—1906
Москва

Угроза

В тот час, когда над головой
Твой враг простpет покров гробницы,—
На туче вспыхнет снеговой
Грозящий перст моей десницы.

Над темной кущей
Я наплываю облаком, встающим
В зное.

Мой глас звучит,
Колебля рожь.

Мой нож
Блестит
Во имя Бога —
— Обломок месячного рога
Сквозь облако немое.

Всхожу дозором
По утрам
Окинуть взором
Вражий стан;
И там —

На бледнооблачной гряде
Стою с блеснувшим копием,
Подобным утренней звезде

Своим алмазным острием
Пронзившим веющий туман.

1905
Дедово

В темнице

Пришли и видят — я брожу
Средь иглистых чертополохов.
И вот опять в стенах сижу
В очах — нет слез, в груди — нет вздохов.

Мне жить в застенке суждено.
О, да — застенок мой прекрасен.
Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен.

Да,— я проклятие изрек
Безумству в высь взлетевших зданий.

Вам не лишить меня вовек
Зари текучих лобызаний.

Моей мольбой, моим псалмом
Встречаю облак семиглавый,
Да оборвет взрыдавший гром
Дух празднословия лукавый.

Мне говорят, что я — умру,
Что худ я и смертельно болен,
Но я внимаю серебру
Заклокотавших колоколен.

Уйду я раннею весной
В линючей, в пламенной порфире
Воздвигнут в дали ледяной
Двузвездный, блещущий дикирий.

1907
Москва

Утро

Рой отблесков. Утро: опять я свободен и волен.
Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре
Кресты колоколен. Я болен? О нет — я не болен.
Воздетые руки горé на одре — в серебре.

Там в пурпуре зори, там бури — и в пурпуре бури.
Внемлите, ловите: воскрес я — глядите: воскрес.
Мой гроб уплывает — золотой в золотые лазури.

Поймали, свалили; на лоб положили компресс.

1907
Париж

Отпевание

Лежу в цветах онемелых,
Пунцовых,—
В гиацинтах розовых и лиловых,
И белых.

Без слов
Вознес мой друг —

Меж искристых блесток
Парчи —

Малиновый пук
Цветов —

В жестокий блеск
Свечи.

Приходите, гостьи и гости,—
Прошепчите: «О Боже»,
Оставляя в прихожей

Зонты и трости:

Вот — мои кости...

Чтоб услышать мне смех истерический,—
Возложите венок металлический!

Отпевание, рыдания
В сквозных, в янтарных лучах:

До свидания —
В местах,
Где нет ни болезни, ни воздыхания!

Дьякон крякнул,
Кадилом звякнул:

«Упокой, Господи, душу усопшего раба
твоего...»

Вокруг —
Невеста, любовница, друг
И цветов малиновый пук,

А со мной — никого,
Ничего.

Сквозь горсти цветов онемелых,
Пунцовых —
Савана лопасти —
Из гиацинтов лиловых
И белых —
Плещут в загробные пропасти.

1906
Серебряный Колодезь

У гроба

Со мной она —
Она одна.

В окнах весна.
Свод неба синь.
Облака летят.

А в церквах звонят:
«Дилинь динь-динь...»

В черном лежу сюртуке,
С желтым —
С желтым
Лицом;
Образок в костяной руке.

Дилинь бим-бом!

Нашел в гробу
Свою судьбу.

Сверкнула лампадка.
Тонуть в неземных
Далях —
Мне сладко.

Невеста моя зарыдала,
Крестя мне бледный лоб.
В креповых, сквозных
Вуалях
Головка ее упала —

В гроб...

Ко мне прильнула:
Я обжег лицо ее льдом.
Кольцо блеснуло
На пальце моем.

Дилинь бим-бом!

1906
Серебряный Колодезь

Вынос

Венки снимут —
Гроб поднимут —

Знаю,
Не спросят.

Над головами
Проплываю
За венками —

Выносят —

В дымных столбах,
В желтых свечах,
В красных цветах —

Ах!..

Там колкой
Елкой,—
Там можжевельником
Бросят
На радость прохожим
бездельникам —

Из дому
Выносят.

Прижался
Ко лбу костяному
Венчик.

Его испугался
Прохожий младенчик.

Плыву мимо толп,
Мимо дворни
Лицом —
В телеграфный столб,
В холод горний.

Толпа отступает.
Служитель бюро
Там с иконой шагает,

И плывет серебро
Катафалка.

Поют,
Но не внемлю.

И жалко,

И жалко,
И жалко
Мне землю.

Поют, поют:
В последний
Приют
Снесут
С обедни —

Меня несут
На страшный суд.

Кто-то там шепчет невнятно:
«Твердь — необъятна».

Прильнула и шепчет невнятно
Мне бледная, бледная смерть.
Мне приятно.

На желтом лице моем выпали
Пятна.

Цветами —
Засыпали.
Устами —
Прославили.
Свечами —
Уставили.

1906
Серебряный Колодезь

Друзьям

Н. И. Петровской

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьется венок.

Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.

Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может,
проснусь —
Вернусь!

Январь 1907
Париж

Туда

К небу из душных гробов
Головы выше закинем:
Видишь — седых облачков
Бледные пятна на синем.

Ринемся к ним
Сквозь это марево пыли.
Плавно взлетим
Взмахом серебряных крылий.

Память о прошлом уснет.
Робко на облако встанем.
В синий пролет
Робко заглянем.

В страхе замрем
Грустны и немы,
И не поймем,
Где мы.

Белый атлас.
Свод полнозвездный...
Приняли нас
Вечные бездны.

1904
Серебряный Колодезь

* * *

Я в струе воздушного тока,
Восстану на мертвом одре.
Закачается красное око
На упавшем железном кресте.

Мне подножие — мраморный камень,
Но я встану, омят бирюзой.
На ланитах заискрится пламень
Самоцветной, как день, слезой.

Скоро, скоро — сквозным я духом
Неотвратно приду за ней,
Облеченный бледным воздухом,
Как вуалью все тех же дней.

И к ней — воздушный скиталец —
Прижму снеговое лицо.
Наденет она на палец
Золотое мое кольцо.

Знаю всё: в сквозные вуали
И в закатный красный янтарь,
Облечемся,— царица, царь.

Был окован могилой сырою,
Надо мною качался крест.
А теперь от людей укрою
Ее колыбелью звезд.

1907
Москва

Поповна

З. Н. Гиппиус

Свежеет. Час условный.
С полей прошел народ.
Вся в розовом поповна
Идет на огород.

В руке ромашек связка.
Под шалью узел кос.
Букетиками баска —
Букетиками роз.

Как пава, величава.
Опущен шелк ресниц.
Налево и направо
Всё пугала для птиц.

Жеманница срывает
То злак, то василек.
Идет. Над ней порхает
Капустный мотылек.

Над пыльною листвою,
Наряден, вымыт, чист,—
Коломенской верстою
Торчит семинарист.

Лукаво и жестоко
Блестят в лучах зари —
Его младое око
И красные угри.

Прекрасная поповна,—
Прекрасная, как сон,
Молчит,— зарделась, словно
Весенний цвет пион.

Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Кругом моркови, репы.
Выходят на лужок.
Танцуют куреслепы.
Играет ветерок.

Вдали над косарями
Отни зари горят.
А косы лезвиями —
Горят, поют, свистят.

Там ряд избенок вьется
В косматую синель.
Поскрипывая, гнется
Там длинный журавель *.

И там, где крест железный,—
Все ветры на закат
Касаток стаи в бездны
Лазуревые мчат.

Не терпится кокетке
(Семь бед — один ответ).
Пришпилила к жилетке
Ему ромашки цвет.

А он: «Домой бы, Маша,
Чтоб не хватились нас
Папаша и мамаша.
Домой бы: поздний час».

Но розовые юбки
Расправила. В ответ
Он ей целует губки,
Сжимает ей корсет.

Предавшись сладким мукам
Прохладным вечерком,
В лицо ей дышит луком
И крепким табаком.

На баске безотчетно
Раскалывает брошь
Своей рукою потной,—
Влечет в густую рожь.

Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.

---

* Колодезь.

На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Прохлада нежно дышит
В напевах косарей.
Не видит их, не слышит
Отец протоиерей.

В подряснике холщовом
Прижался он к окну:
Корит жестоким словом
Покорную жену.

«Опять ушла от дела
Гулять родная дочь.
Опять не доглядела!»
И смотрит — смотрит в ночь.

И видит сквозь орешник
В вечерней чистоте
Лишь небо да скворечник
На согнутом шесте.

С дебелой попадьею
Всю ночь бранится он,
Летучею струею
Зарницы осветлен.

Всю ночь кладет поклоны
Седая попадья,
И темные иконы
Златит уже заря.

А там в игре любовной,
Клоня косматый лист,
Над бледною поповной
Склонен семинарист.

Колышется над ними
Крапива да лопух.
Кричит в рассветном дыме
Докучливый петух.

Близ речки ставят верши
В туманных камышах.
Да меркнет серп умерший,
Висящий в облачках.

1906
Москва

Город

Клонится колос родимый.
Боже,— внемли и подъемли
С пажитей, с пашни
Клубы воздушного дыма,—
Дымные золота земли!

Дома покой опостылил.
Дом покидаю я отчий...
Облаков башни
В выси высокие вылил,—
Вылил из золота Зодчий.

Юность моя золотая,
Годы, разбитые втуне!..
К ниве озимой
Ласково льнут, пролетая,
Легкие, легкие луни.

Лик мой, что в высь опрокинул,
Светочем, Боже, исполни!
Светоч родимый —
В просветы светлые хлынул
Хладными хлябями молний.

Буду я градом исколот.
Вихрь меня пылью замылит
В неба лазурного холод —
Город из золота вылит.

1907

Тройка

Ей, помчались! Кони бойко
Бьют копытом в звонкий лед;
Разукрашенная тройка
Закружит и унесет.

Солнце, над равниной кроясь,
Зарумянится слегка.
В крупных искрах блещет пояс
Молодого ямщика.

Будет вечер: опояшет
Небо яркий багрянец.
Захохочет и запляшет
Твой валдайский бубенец.

Ляжет скатерть огневая
На холодные снега.
Загорится расписная
Золотистая дуга.

Кони встанут. Ветер стихнет.
Кто там встретит на крыльце?
Чей румянец ярче вспыхнет
На обветренном лице?

Сядет в тройку. Улыбнется.
Скажет: «Здравствуй, молодец...»
И опять в полях зальется
Вольным смехом бубенец.

Июнь 1904
Серебряный Колодезь

Странники

А. С. Петровскому

Как дитя, мы свободу лелеяли,
Проживая средь душной неволи.
Срок прошел. Мы былое развеяли.
Убежали в пустынное поле.

Там, как в тюрьмах, росло наше детище;
Здесь приветствовал стебель нас ломкий.
Ветерок нежно рвал наше вретище.
Мы взвалили на плечи котомки,—

И пошли. Силой крестного знаменья
Ты бодрил меня, бледный товарищ,
Над простором приветствовал пламень я
Догоравших вечерних пожарищ.

Ветерки прошумели побегами.
Мы, вздохнув, о страданье забыли.
День погас. На дороге телегами
Поднимали столбы серой пыли.

Встало облако сизыми башнями.
С голубых, бледнотающих вышек
Над далекими хлебными пашнями
Брызнул свет златоогненных вспышек.

Зорька таяла пологом розовым.
Где-то каркал охрипший галчонок.
Ты смотрел, как лесом березовым
Серп луны был и снежен, и тонок.

1904
Москва

В лодке

Лишь прохладой дохнул водяною,
Порастаяли черные мысли.
И цветов росяных надо мною
Белоснежные кисти повисли.

Затомлен поцелуем воздушным.
И поклоны зеленого стебля
Я веслом отклоняю послушным,
Легкоструйные ткани колебля.

Что со мною? Восторг ли, испуг ли
В пенном кружеве струйном уносит?
Золотые, закатные угли
Уходящее солнце разбросит.

Прокипев, хрустали золотые
Разбежались от пляшущих весел.
И смеясь, росяные цветы я
В бирюзовое зеркало бросил.

День сгорел — отошел: он не нужен...
И забила по ясности зыбкой
Пузырьками воздушных жемчужин
Легкоплавная, юркая рыбка.

1907
Париж

Жизнь

В. И. Иванову

Всю-то жизнь вперед иду покорно я.
Обернуться, вспять идти — нельзя.
Вот она — протоптанная, торная,
Жаром пропыленная стезя!

Кто зовет благоуханной клятвою,
Вздохом сладко вдаль зовет идти,
Чтобы в день безветренный над жатвою
Жертвенною кровью изойти?

Лучевые копья, предзакатные.
Изорвали грудь своим огнем.
Напоили волны перекатные
Ароматно веющим вином.

Как зарей вечернею, зеленою,—
Как поет восторг, поет в груди!

Обрывутся полосой студеною
Надо мной хрустальные дожди.

Всё поля — кругом поля горбатые,
В них найду покой себе — найду:
На сухие стебли, узловатые,
Как на копья острые, паду.

Август 1906
Серебряный Колодезь

Вечер

Вечер. Коса золотистая,
Видишь,— в лесу замелькала осиновом.

Ветка далекая,
Росистая,
Наклоняется
В небе малиновом.

И сорока качается
На ней белобокая.

Слежу за малюткою:
С видом рассеянным
То постоит
Над незабудкою,
То побежит
За одуванчика пухом развеянным.

Милая, ясная,
Синеокая,—
Засмотрелась, как белочка красная
Проскакала по веточке, цокая.

Ласковый, розово-матовый
Вечер.
В небо вознесся агатовый
Блещущий глетчер.

1906
Дедово

Тень

Откос под ногами песчаный, отлогий.
Просторы седые открылись с откоса.
И спелою кистью усталые ноги
Целует и гладит мне спелое просо.

Но облак, порфирой своей переметной
Лизнувший по морю колосьев кипящих,
Поплыл, оттеняя в душе беззаботной
Немые пространства восторгов томящих.

Я плакал: но ветром порфира воздушно,
Как бархатом черным,— она продышала;
И бархатом черным безвластно, послушно
Пред солнцем, под солнцем она облетала.

Я в солнце смеялся, но было мне больно.
На пыльной дороге гремели колеса.
Так ясен был день, но тревогой невольной
Вскипело у ног медно-ржавое просо.

1906
Серебряный Колодезь

Работа

П. И. Астрову

На дворе с недавних пор
В услуженье ты у прачки.
День-деньской свожу на двор
Кирпичи для стройки в тачке.

День-деньской колю дрова,
Отогнав тревогу.
Все мудреные слова
Позабыл, ей-богу!

От зари до поздних рос
Труд мой легок и налажен.
Вот согнулся я, и тес
Под рубанком срезан, сглажен.

Вдоль бревна скользит рубанок,
Завивая стружки.
Там в окне я из-за банок
Вижу взгляд подружки.

Там глядишь ты из угла
На зеленые березки...
С легким присвистом пила,
Накалясь, вопьется в доски.

Растяжелым утюгом
Обжигаешься и гладишь.

Жарким, летним вечерком
Песенку наладишь: —

Подхвачу... Так четко бьет
Молоток мой по стамеске:
То взлетит, то упадет,
Проблистав в вечернем блеске.

1904
Ефремов

Всё забыл

Г. Гюнтеру

Я без слов: я не могу.
Слов не надо мне.

На пустынном берегу
Я почил во сне.

Не словам,— молчанью, брат,
О, внемли, внемли.

Мы — сияющий закат,
Взвеянный с земли.

Легких воздухов крутят
Легкие моря.

Днем и сумраком объят,—
Я, как ты,— заря.

Это я плесну волной
Ветра в голубом.

Говорю тебе одно,
Но смеюсь —в другом.

Пью закатную печаль —
Красное вино.

Знал, забыл — забыть не жаль —
Всё забыл давно.

Март 1906
Москва

Кроткий отдых

Я изранен в неравном бою.
День мой труден и горек.
День пройдет: я тебя узнаю
В ласке тающих зорек.

От докучных вопросов толпы
Я в поля ухожу без ответа:
А в полях — золотые снопы
Беззакатного света.

Дробный дождик в лазурь
Нежным золотом сеет над нами:
Бирюзовые взоры не хмурь —
Процелуй, зацелуй ветерками.

И опять никого. Я склонен,—
Я молюсь пролетающим часом.
Только лен
Провевает атласом.

Только луг
Чуть сверкает в сырой паутине,
Только бледно сияющий круг
В безответности синей.

Февраль 1905
Москва

Прогулка

Не струя золотого вина
В отлетающем вечере алом:
Расплескалась колосьев волна,
Вдоль межи пролетевшая шквалом.

Чуть кивали во ржи васильков
Голубые, как небо, коронки,
Слыша зов,
Серебристый, и чистый, и звонкий.
Голосистый поток
Закипал золотым водометом:
Завернулась в платок,—
Любовалась пролетом.

На струистой, кипящей волне
Наши легкие, темные тени —
Распростерты в вечернем огне
Без движений.

Я сказал: «Не забудь»,
Подавая лазурный букетик.
Ты — головку склонивши на грудь,
Целовала за цветиком цветик.

1904
Серебряный Колодезь

Обручальное кольцо

Солнца эфирная кровь,
Росный, серебряный слиток,
Нежность, восторг и любовь:
Вот он — пьянящий напиток.

Знай: это — я, это — я,
Это — мои поцелуи.
Я зачарую тебя.
Струи, жемчужные струи!

Если с улыбкой пройдешь
Лугом, межой, перелеском,
Я — в закипевшую рожь
Брызну рассыпчатым блеском.

Если ты пьешь, чуть дыша,
Венчиком розовых губок,—
Знай, молодая душа —
Неба взметенного кубок.

Кубок лазурный испей:
Слаще, звончей и чудесней
Там — меж струистых зыбей —
Райские, райские песни...

Сердишься, прячешь кольцо,—
Душу грозою наполню,
Ярые тучи в лицо
Мечут янтарную молнью.

1907
Петровское

Память

Листочком
Всхлипнет ветка осиновая.

Глазочком
Поморгает лампадка малиновая.

Милые
Приходят ко мне с веночком,—

С цветами —
Белыми, сладостными
Цветами.

Из могилы я
Орошаю радостными
Моими слезами
Цветы.
Кругом —
Кресты
Каменные.
Кругом —
Цветы
Да фонарики пламенные.

1907

Ты

Меж сиреней, меж решеток
Бронзовых притих.
Не сжимают черных четок
Пальцы рук твоих.

Блещут темные одежды.
Плещет темный плат.
Сквозь опущенные вежды
Искрится закат.

У могил, дрожа, из келий
Зажигать огни
Ты пройдешь — пройдешь сквозь ели:
Прошумят они.

На меня усталым ликом
Глянешь, промолчишь.
Золотое небо криком
Остро взрежет стриж.

И, нарвав сирени сладкой,
Вновь уйдешь ты прочь.
Над пунцовою лампадкой
Поднимаюсь в ночь.

Саван крест росою кропит,
Щелкнет черный дрозд,
Да сырой туман затопит
На заре погост.

1906
Дедово

Приходи

Издалека
Прошушукаю милой
Легким лепетом,
Руки складывая
На груди:
«Приходи!»
Над могилой
Трепетом
Колыхается красное око.

Из сирени
В тени
Падаю,
Руки складывая
На груди.

К милой
Лепетом
Прилечу издалека.

Над могилой
Трепетом
Колыхается страстное око.

1907

Свидание

Тужила о милом.

Левкою
Весною
Носила к могилам.

Над вечным покоем
Стояла
С левкоем.

Упала
Она на граниты.

Бериллы, и жемчуг,
И слезы
Зажгли ей ланиты.

И душные розы,
И душные розы —
Пурпурные —

Могилы
Вонею кропили.

Вставали,
Бродили,—

Она
И с ней милый.

Они проходили
В эфиры лазурные.

1906
Серебряный Колодезь

Обет

Ты шепчешь вновь: «Зачем, зачем он
Тревожит память мертвых дней?»
В порфире легкой, легкий демон,
Я набегаю из теней.

Ты видишь — мантия ночная
Пространством ниспадает с плеч.
Рука моя, рука сквозная,
Приподняла кометный меч.

Тебе срываю месяц — чашу,
Холодный блеск устами пей...
Уносимся в обитель нашу
Эфиром плещущих степей.

Не укрывай смущенных взоров.
Смотри — необозримый мир.
Дожди летящих метеоров,
Перерезающих эфир.

Протянут огневые струны
На лире, брошенной в миры.
Коснись ее рукою юной:
И звезды от твоей игры —

Рассыплются дождем симфоний
В пространствах горестных, земных:
Там вспыхнет луч на небосклоне
От тел, летящих в ночь, сквозных.

Июль 1907
Москва

Изгнанник

М. И. Сизову

Покинув город, мглой объятый,
Путаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.

Там я года твердил о вечном —
В меня бросали вы каменьями.
Вы в исступленье скоротечном
Моими тешились мученьями.

Я покидаю вас, изгнанник,—
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу — согбенный, бледный странник —
Меж золотистых, хлебных пажитей.

Бегу во ржи, межой, по кочкам —
Необозримыми равнинами.
Перед лазурным василечком
Ударюсь в землю я сединами.

Меня коснись ты, цветик нежный.
Кропи, кропи росой хрустальною!
Я отдохну душой мятежной,
Моей душой многострадальною.

Заката теплятся стыдливо
Жемчужно-розовые полосы.
И ветерок взовьет лениво
Мои серебряные волосы.

Июнь 1904
Москва

Бегство

Шоссейная вьется дорога.
По ней я украдкой пошел.
Вон мертвые стены острога,
Высокий, слепой частокол.

А ветер обшарит кустарник.
Просвистнет вдогонку за мной.
Колючий, колючий татарник
Протреплет рукой ледяной.

Тоскливо провьется по полю;
Так сиверко в уши поет.
И сердце прославит неволю
Пространств и холодных высот.

Я помню: поймали, прогнали —
Вдоль улиц прогнали на суд.
Босые мальчишки кричали:
«Ведут — арестанта ведут».

Усталые ноги ослабли,
Запутались в серый халат.
Качались блиставшие сабли
Угрюмо молчавших солдат;

Песчанистой пыли потоки,
Взвивая сухие столбы,
Кидались на бритые щеки,
На мертвые, бледные лбы.

Как шли переулком горбатым,
Глядел, пробегая, в песок
Знакомый лицом виноватым,
Надвинув на лоб котелок.

В тюрьму засадили. Я днями
Лежал и глядел в потолок...
Темнеет. Засыпан огнями
За мной вдалеке городок.

Ночь кинулась птицею черной
На отсветы зорь золотых.
Песчаника круглые зерна
Зияют на нивах пустых.

Я тенью ночной завернулся.
На землю сырую пал ниц.
Безжизненно в небо уткнулся
Церковный серебряный шпиц.

И ветел старинные палки;
И галки,— вот там, и вот здесь;
Подгорные, длинные балки *:
Пустынная, торная весь.

---

* Овраги.

Сердитая черная туча.
Тревожная мысль о былом.
Камней придорожная куча,
Покрытая белым крестом:

С цигаркой в зубах среди колец
Табачных в просторе равнин,
Над нею склонил богомолец
Клоки поседевших седин.

Россия, увидишь и любишь
Твой злой полевой небосклон.
«Зачем ты, безумная, губишь»,—
Гармоники жалобный стон;

Как смотрится в душу сурово
Мне снова багровая даль!
Страна моя хмурая, снова
Тебя ли я вижу, тебя ль?!

Но слышу, бездомный скиталец,
Погони далекую рысь,
Как в далях шлагбаум свой палец
Приподнял в холодную высь.

1906
Малевка

В полях

В далях селенье
Стеклами блещет надгорное.

Рад заведенье
Бросить свое полотерное.

Жизнь свою муча,
Годы плясал над паркетами.

Дымная туча
Вспыхнула душными светами.

Воля ты, воля:
Жизнь подневольная минула.

Мельница с поля
Руки безумные вскинула.

В ветре над логом
Дикие руки кувыркает.

В логе пологом
Лошадь испуганно фыркает.

Нивой он, нивой
Тянется в дальнюю сторону.

Свищет лениво
Старому черному ворону.

1906
Москва

Хулиганская песенка

Жили-были я да он:
Подружились с похорон.

Приходил ко мне скелет
Много зим и много лет.

Костью крепок, сердцем прост —
Обходили мы погост.

Поминал со смехом он
День веселых похорон: —

Как несли за гробом гроб,
Как ходил за гробом поп:

Задымил кадилом нос.
Толстый кучер гроб повез.

«Со святыми упокой!»
Придавили нас доской.

Жили-были я да он.
Тили-тили-тили-дон!

Июль 1906
Серебряный Колодезь

Путь

Измерили верные ноги
Пространств разбежавшихся вид.
По твердой, как камень, дороге
Гремит таратайка, гремит.

Звонит колоколец невнятно.
Я болен — я нищ — я ослаб.

Колеблются яркие пятна
Вон там разоравшихся баб.

Меж копен озимого хлеба
На пыльный, оранжевый клен
Слетела из синего неба
Чета ошалелых ворон.

Под кровлю взойти да поспать бы,
Да сутки поспать бы сподряд.
Но в далях деревни, усадьбы
Стеклом искрометным грозят.

Чтоб бранью сухой не встречали,
Жилье огибаю, как трус,—
И дале — и дале — и дале —
Вдоль пыльной дороги влекусь.

1906
Дедово

Вспомни!

Вспомни: ароматным летом
В сад ко мне, любя,
Шла: восток ковровым светом
Одевал тебя.

Шла стыдливо,— вся в лазурных
В полевых цветах —
В дымовых, едва пурпурных,
В летних облачках.

Вспомни: нежный твой любовник
У ограды ждал.
Легкий розовый шиповник
В косы заплетал.

Вспомни ласковые встречи —
Вспомни: видит Бог,—
Эти губы, эти плечи
Поцелуем жег.

Страсти пыл неутоленной —
Нет, я не предам!..
Вон ромашки пропыленной —
Там — и там: и там —

При дороге ветром взмыло
Мертвые цветы.

Ты не любишь: ты забыла —
Всё забыла ты

1906
Мюнхен

Побег

Твои очи, сестра, остеклели:
Остеклели — глядят, не глядят.
Слушай! Ели, ветвистые ели
Непогодой студеной шумят.

Что уставилась в дальнюю просинь
Ты лицом, побелевшим, как снег.
Я спою про холодную осень,—
Про отважный спою я побег.

Как в испуге, схватившись за палку,
Крикнул доктор: «Держи их, держи!»
Как спугнули голодную галку,
Пробегая вдоль дальней межи —

Вдоль пустынных, заброшенных гумен.
Исхлестали нас больно кусты.
Но, сестра: говорят, я безумен;
Говорят, что безумна и ты.

Про осеннюю мертвую скуку
На полях я тебе пропою.
Дай мне бледную, мертвую руку —
Помертвевшую руку свою:

Мы опять убежим; и заплещут
Огневые твои лоскуты.
Закружатся, заплещут, заблещут,
Затрепещут сухие листы.

Я бегу... А ты?

1906
Москва

Осень

Мои пальцы из рук твоих выпали.
Ты уходишь — нахмурила брови.

Посмотри, как березки рассыпали
Листья красные дождиком крови.

Осень бледная, осень холодная,
Распростертая в высях над нами.

С горизонтов равнина бесплодная
Дышит в ясную твердь облаками.

1906
Мюнхен

Время

1

Куда ни глянет
Ребенок в детстве,
Кивая, встанет
Прообраз бедствий.

А кто-то, древний,
Полночью душной
Окрест в деревни
Зарницы точит —

Струей воздушной
В окно бормочет:

«В моем далеком
Краю истают
Годины.

Кипя, слетают
Потоком
Мои седины:

Несут, бросают
Туда:
Слетают
Года —

Туда, в стремнины...»

Слетают весны.
Слетают зимы.
Вскипают сосны.

Ты кто, родимый?

— «Я — время...»

2

Много ему, родненькому, лет:
Волосы седые, как у тучек.

— Здравствуй, дед!
— Здравствуй, внучек!

— Хочешь, дам тебе цветок:
Заплету лазуревый венок.

Аукается да смеется,
Да за внучком, шамкая, плетется.

Он ли утречком румяным — нам клюкою не грозит?
Он ли ноченькою темной под окошком не стучит?

Хата его кривенькая с краю:
Прохожу — боюсь: чего — не знаю.

3

Как токи бури,
Летят годины.

Подкосит ноги
Старик и сбросит
В овраг глубокий,—
Не спросит.
Власы в лазури —
Как туч седины.

Не серп двурогий —
Коса взлетела
И косит.

Уносит зимы.
Уносит весны.
Уносит лето.

С косой воздетой
Укрылся в дымы:
Летит, покрытый
Туманным мохом.

Коси, коси ты,—
Коси ты,
Старик родимый!

Паду со вздохом
Под куст ракиты.

4

Пусть жизни бремя
(Как тьмой объяты)
Нам путь означит,

А Время,
Старик косматый,
Над нами плачет.

Несутся весны.
Несутся зимы.

Коси, коси ты,—
Коси ты,
Старик родимый!

/1909/
Москва

Успокоение

Л. Л. Кобылинскому

1

Вижу скорбные дали зимы,
Ветер кружева вьюги плетет.

За решеткой тюрьмы
Вихрей бешеный лёт.

Жизнь распыляется сном —
День за днем.

Мучают тени меня
В безднах и ночи, и дня.

Плачу: мне жалко
Былого.

Времени прялка
Вить
Не устанет нить
Веретена рокового.

Здесь ты терзайся, юдольное племя:
В окнах тюрьмы —
Саван зимы.

Время,
Белые кони несут;
Грива метельная в окна холодные просится;

Скок бесконечных минут
В темные бездны уносится.

Здесь воздеваю бессонные очи,—
Очи,
Полные слез и огня.

Рушусь известно в провалы я ночи
Здесь с догорающим отсветом дня.

В окнах тюрьмы —
Скорбные дали,—
Вуали
Зимы.

2

Ночь уходит. Луч денницы
Гасит иглы звезд.

Теневой с зарей ложится
Мне на грудь оконный крест.

Пусть к углу сырой палаты
Пригвоздили вновь меня:

Улыбаюсь я, распятый —
Тьмой распятый в блеске дня.

Простираю из могилы
Руки кроткие горé,

Чтоб мой лик нездешней силой
Жег, и жег, и жег в заре,

Чтоб извечно в мире сиром,
Вечным мертвецом,

Повисал над вами с миром
Мертвенным челом —

На руках своих пронзенных,
В бледном блеске звезд...

Вот на плитах осветленных
Теневой истаял крест: —

Гуще тени. Ярче звуки.
И потоки тьмы.

Распластал бесцельно руки
На полу моей тюрьмы.

Плачу. Мне жалко
Света дневного.

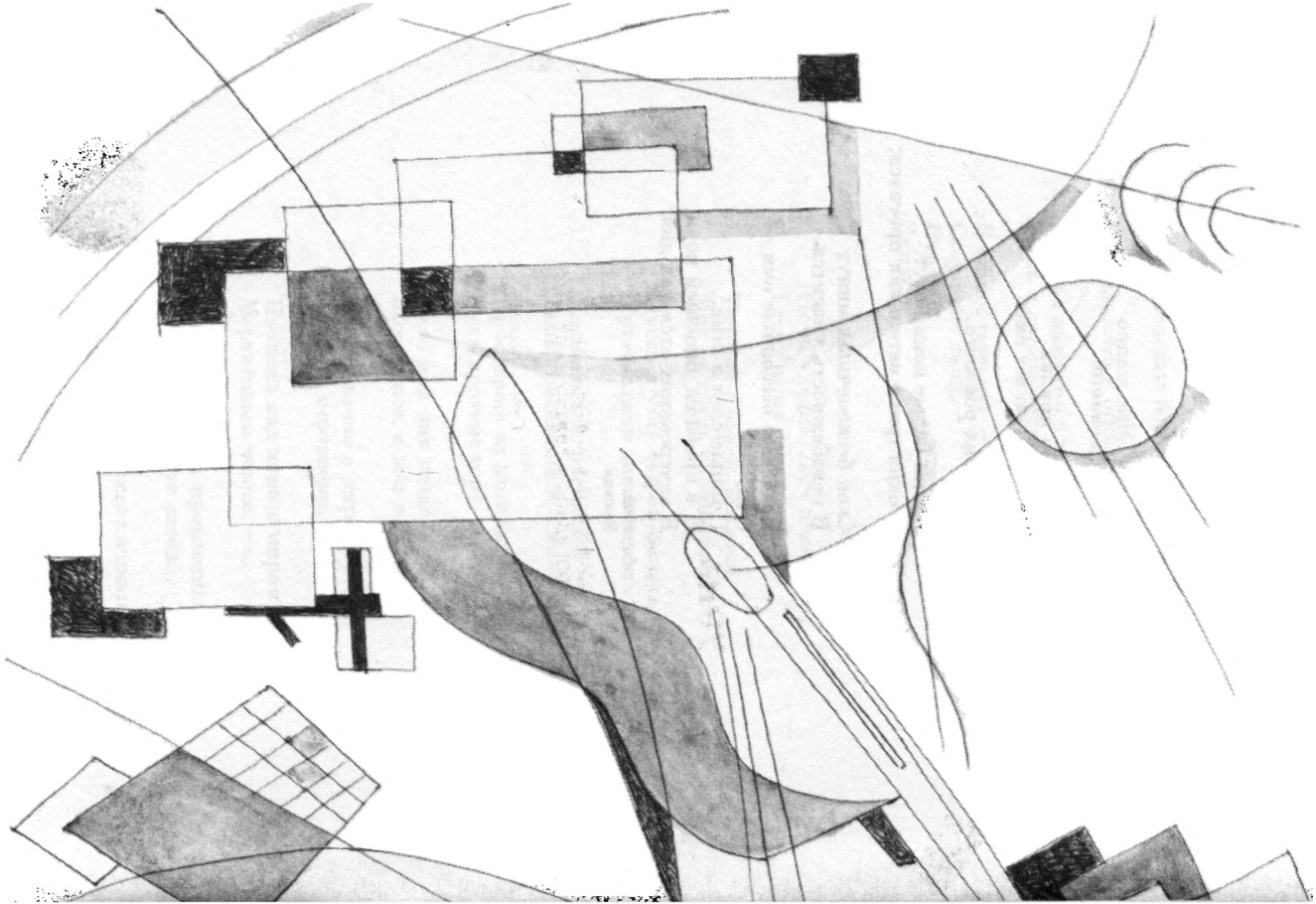
Времени прялка
Вновь начинает вить
Нить
Веретена рокового.

Время белые кони несут:
В окна грива метельная просится;

Скок бесконечных минут
В неизбежность уносится.

Воздеваю бессонные очи —
Очи,
Полные слез и огня,
Я в провалы зияющей ночи,
В вечереющих отсветах дня.

1905
Москва



УРНА

Посвящаю эту книгу
Валерию Брюсову

Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней...

Баратынский

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Озаглавливая свою первую книгу стихов *«Золото в лазури»*, я вовсе не соединял с этой юношеской, во многом несовершенной книгой того символического смысла, который носит ее заглавие: *Лазурь* — символ высоких посвящений. *Золотой треугольник* — атрибут Хирама, строителя Соломонова Храма. Что такое лазурь и что такое золото? На это ответят розенкрейцеры. Мир, до срока постигнутый в золоте и лазури, бросает в пропасть того, кто его так постигает, минуя оккультный путь: мир сгорает, рассыпаясь Пеплом; вместе с ним сгорает и постигающий, чтобы восстать из мертвых для деятельного пути.

«Пепел» — книга самосожжения и смерти: но сама смерть есть только завеса, закрывающая горизонты дальнего, чтоб найти их в ближнем.

В *«Урне»* я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому «я». Мертвое «я» заключаю в «Урну», и другое, живое «я» пробуждается во мне к истинному. Еще «Золото в лазури» далеко от меня... в будущем. Закатная лазурь запятнана прахом и дымом: и только ночная синева омывает росами прах... К утру, быть может, лазурь очистится...

В *«Урне»* я собрал стихотворения, объединенные общностью настроений; лейтмотив этой книги — раздумье о бренности человеческого естества с его страстями и порывами, и думаю, что не случайно все стихотворения этого цикла вылились в ямбах, этой наиболее удобной и разнообразной в ритмическом отношении форме.

В отделах *«Зима»* и *«Разуверенья»* изображается разочарование в земных страстях, и душа погружается в холод философических раздумий (ментальный план); но здесь же открывается и демонизм философии, которая, взятая сама по себе, ведет к чистому люциферианству (*«Философическая грусть»*). В отделах *«Тристии»* и *«Думы»* собирается последний пепел: пепел хотя и возвышенного до символизма разочарования в жизни, но все еще разочарования. Разочарование это свободно от люциферических искусов. Где-то уж брезжит заря примеренности: «Голос *Безмолвия»*.

АВТОР

Москва, 14 января 1909

Поэт

Ты одинок. И правишь бег
Лишь ты один — могуч и молод —
В косматый дым, в атласный снег
Приять вершин священный холод.

В горах натянутый ручей
Своей струею серебристой
Поет — тебе: и ты — ничей —
На нас глядишь из тучи мглистой.

Орел вознесся в звездный день
И там парит, оцепенелый.
Твоя распластанная тень
Сечет ледник зеркально-белый.

Закинутый самой судьбой
Над искристым и льдистым пиком,
Ты солнце на старинный бой
Зовешь протяжным, вольным криком.

Полудень: стой — не оборвись,
Когда слетит туманов лопасть,
Когда обрывистая высь
Разверзнет под тобою пропасть.

Но в море золотого льда
Падет бесследно солнце злое.
Промчатся быстрые года
И канут в небо голубое.

1904
Москва

Созидатель

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям —

Ты над грудой книг изогнут,
Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость — готов напасть.

Пляшет черная бородка,
В острых взорах власть и страсть.

Пламень уст — багряных маков —
Оттеняет бледность щек.

Неизменен, одинаков,
Режешь времени поток.

Взор опустишь, руки сложишь...
В мыслях — молнийный излом.

Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.

Нет, не мысли,— иглы молний
Возжигаешь в мозг врага.

Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога,

Потрясая строгим тоном
Звезды строящий эфир...

Где-то там... за небосклоном
Засверкает новый мир; —

Там за гранью небосклона —
Небо, небо наших душ:

Ты его в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь.

Где-то новую туманность
Нам откроет астроном: —

Мира бренного обманность —
Только мысль о прожитом.

В строфах — рифмы, в рифмах — мысли
Созидают новый свет...

Над душой твоей повисли
Новые миры, поэт.

Всё лишь символ... Кто ты? Где ты?..
Мир — Россия — Петербург —

Солнце — дальние планеты...
Кто ты? Где ты, демиург?..

Ты над книгою изогнут,
Бледный оборотень, дух...

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Горд, серьезен, строен, сух.

Март 1904
Москва

Маг

Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор.
Ты — вот: над взором тьма нависла...
Тяжелый, обожженный взор.

Бегут года. Летят: планеты,
Гонимые пустой волной,—
Пространства, времена... Во сне ты
Повис над бездной ледяной.

Безводны дали. Воздух пылен.
Но в звезд разметанный алмаз
С тобой вперил твой верный филин
Огонь жестоких, желтых глаз.

Ты помнишь: над метою звездной
Из хаоса клонился ты
И над стенающею бездной
Стоял в вуалях темноты.

Читал за жизненным порогом
Ты судьбы мира наизусть...
В изгибе уст безумно строгом
Запечатлелась злая грусть.

Виси, повешенный извечно,
Над темной пляской мировой,—
Одетый в мира хаос млечный,
Как в некий саван гробовой.

Ты шел путем не примиренья —
Люциферическим путем.
Рассейся, бледное виденье,
В круговороте бредовом!

Ты знаешь: мир, судеб развязка,
Теченье быстрое годин —
Лишь снов твоих пустая пляска;
Но в мире — ты, и ты — один,

Всё озаривший, не согретый,
Возникнувший в своем же сне...
Текут года, летят планеты
В твоей несчастной глубине.

1904, 1908
Москва

Встреча

Туманы, пропасти и гроты...
Как в воздух, поднимаюсь я
В непобедимые высоты,
Что надо мной и вкруг меня.

Как в воздухе, в луче эфирном
Вознесся белоснежный пик,
И от него хрустальным фирном
Слетает голубой ледник...

У ледяного края бездны
Провеял облак ледяной:
Мгла дымная передо мной...
Ударился о жезл железный
Мой посох бедный, костяной:

И кто-то темный из провала
Выходит, пересекши путь,
И острое вонзилось жало
В мою взволнованную грудь...

Раскатам мстительного смеха,
Раскатам бури снеговой
Ответствует громами эхо...
И катится над головой —

Тяжеловесная лавина,
Но громовой, летящий ком
Оскаленным своим жерлом
Съедает мертвая стремнина.

Глухие стоны урагана
Упали в пасти пропастей,
Скользнули на груди моей,
Свиваясь, лопасти тумана,

Над осветленной крутизной
Истаяв ясными слезами...
И кто же! — брат передо мной
С обезумевшими очами —

Склонился, и железный свой
Он поднял жезл над головой...

Так это — ты?.. Но изумленный,
Безгневный, улыбнулся лик;
И жезл упал окровавленный
На звонкий, голубой ледник.

«Высоких искусов науку
И марева пустынных скал
Мы поняли»,— ты мне сказал:
Братоубийственную руку
Я радостно к груди прижал...

Пусть шел ты от одной долины,
Я — от другой (мой путь иной): —
Над этой вечной крутизной
На посох бедный, костяной
Ты обменял свой жезл змеиный.

Нам с высей не идти назад:
Мы смотрим на одни вершины,
Мы смотрим на один закат,
На неба голубые степи; —

И, как безгрешные венцы,
Там ледяных великолепий
Блистают чистые зубцы.

Поэт и брат! В заре порфирной
Теперь идем — скорей, туда —
В зеркальные чертоги льда
Хрустальною дорогой фирна.

1909
Бобровка

Зима

М. А. Волошину

Снега синей, снега туманней;
Вновь освеженней дышим мы.
Люблю деревню, вечер ранний
И грусть серебряной зимы.

Лицо изрежет ветер резкий,
Прохлещет хладом в глубь аллей;
Ломает хрупкие подвески
Ледя́ных, звонких хрусталей.

Навеяв синий, синий иней
В стеклянный ток остывших вод,
На снежной, бархатной пустыне
Воздушный водит хоровод.

В темнеющее поле прыснет
Вечерний, первый огонек;
И над деревнею повиснет
В багровом западе дымок;

Багровый холод небосклона;
Багровый отблеск на реке...
Лениво каркнула ворона;
Бубенчик звякнул вдалеке.

Когда же в космах белых тонет
В поля закинутая ель,
Сребро метет, и рвет, и гонит
Над садом дикая метель,—

Пусть грудой золотых каменьев
Вскипит железный мой камин:
Средь пламенистых, легких звеньев
Трескучий прядает рубин.

Вновь упиваюсь, беспечальный,
Я деревенской тишиной;
В моей руке бокал хрустальный
Играет пеной кружевной.

Вдали от зависти и злобы
Мне жизнь окончить суждено.
Одни суровые сугробы
Глядят, как призраки, в окно.

Пусть за стеною, в дымке блеклой,
Сухой, сухой, сухой мороз,—
Слетит веселый рой на стекла
Алмазных, блещущих стрекоз.

1907
Петровское

Ссора

1

Год минул встрече роковой,
Как мы, любовь лелея, млели,
Внимая вьюге снеговой,
Как в рыхлом пепле угли рдели.

Над углями склонясь, горишь
Ты жарким, ярким, дымным пылом;
Ты не глядишь, не говоришь
В оцепенении унылом.

Взгляни — чуть теплится огонь;
В полях пурга пылит и плачет;
Над крышею пурговый конь,
Железом громыхая, скачет.

Устами жгла давно ли ты
До боли мне уста, давно ли,
Вся опрокинувшись в цветы
Желтофиолей, роз, магнолий.

И отошла... И смотрит зло
В тенях за пламенной чертою.
Омыто бледное чело
Волной волос, волной златою.

Померк воздушный цвет ланит.
Сомкнулись царственные веки.
И всё твердит, и всё твердит:
«Прошла любовь»,— мне голос некий.

В душе не воскресила ты
Воспоминанья бурь уснувших...

Но ежели забыла ты
Знаменованья дней минувших,—

И ежели тебя со мной
Любовь не связывает боле,—
Уйду, сокрытый мглой ночной,
В ночное, в ледяное поле:

Пусть ризы снежные в ночи
Вскипят, взлетят, как брошусь в ночь я,
И ветра черные мечи
Прохладным свистом взрежут клочья.

Сложу в могиле снеговой
Любви неразделенной муки...
Вскочила ты, над головой
Свои заламывая руки.

1907
Москва

2

Над крышею пурговый конь
Пронесся в ночь... А из камина
Стреляет шелковый огонь
Струею жалящей рубина.

«Очнись: ты спал, и я спала...»
Не верю ей, сомненьем мучим.
Но подошла, но обожгла
Лобзаньем пламенно текучим.

«Люблю, не уходи же — верь!..»
А два крыла в углу тенистом
Из углей красный, ярый зверь
Рассеял в свете шелковистом.

А в окна снежная волна
Атласом вьется над деревней:
И гробовая глубина
Навек разъята скорбью древней...

Сорвав дневной покров, она
Бессонницей ночной повисла —
Без слов, без времени, без дна,
Без примиряющего смысла.

1908
Москва

Я это знал

В окне: там дев сквозных пурга,
Серебряных,— их в воздух бросит;
С них отрясает там снега,
О сучья рвет; взовьет и носит.

Взлетят и дико взвизгнут в ночь,
Заслышав черных ко́ней травлю.
Печальных дум не превозмочь.
Я бурю бешеную славлю.

Когда пойду в ночную ярь,
Чтоб кануть в бархате хрустящем,
Пространство черное, ударь,—
Мне в грудь ударь мечом разящим.

Уснувший дом. И мы вдвоем.
Пришла: «Я клятвы не нарушу!..»
Глаза: но синим, синим льдом
Твои глаза зеркалят душу.

Давно всё знаю наизусть.
Свершайся, роковая сказка!
Безмерная, немая грусть!
Холодная, немая ласка!

Так это ты (ужель, ужель!),
Моя серебряная дева
(Меня лизнувшая метель
В волнах воздушного напева),

Свивая нежное руно,
Смеясь и плача над поэтом,—
Ты просочилась мне в окно
Снего́вым, хрупким белоцветом?

Пылит кисей кисейный дым.
Как лилия, рука сквозная...
Укрой меня плащом седым,
Приемли, скатерть ледяная.

Заутра твой уснувший друг
Не тронется зеркальным телом.
Повиснет красный, тусклый круг
На облаке осиротелом.

1908
Москва

Весна

Уж оттепельный меркнет день.
Уж синяя на снеге тень.
Как прежде, у окна вдвоем
Попыхиваем огоньком.
Мгла пепельный свой сеет свет.
Уехала она... Но нет —

Не примиренье, не забвенье
В успокоенье чую я.
Из зеркала, грустя, отображенье —
Из зеркала кивает на меня.
И полосы багровые огня,
И отблески далекие селенья,—
Истома улетающего дня...
Рояль... Ревнивое забвенье.

Я говорю себе:
«Друг, взор полуживой закрой:
Печален кругозор сырой,
Печален снеговой простор,
И снеговой сосновый бор,
И каркающий в небе грач,
И крыши отсыревших дач,
И станционный огонек,
И плачущий вдали рожок...»

1908
Москва

Воспоминание

Декабрь... Сугробы на дворе...
Я помню вас и ваши речи;
Я помню в снежном серебре
Стыдливо дрогнувшие плечи.

В марсельских белых кружевах
Вы замечтались у портьеры:
Кругом на низеньких софах
Почтительные кавалеры.

Лакей разносит пряный чай...
Играет кто-то на рояли...
Но бросили вы невзначай
Мне взгляд, исполненный печали.

И мягко вытянулись,— вся
Воображенье, вдохновенье,—

В моих мечтаньях воскреся
Невыразимые томленья;

И чистая меж нами связь
Под звуки гайдновских мелодий
Рождалась... Но ваш муж, косясь,
Свой бакен теребил в проходе...

Один — в потоке снеговом...
Но реет над душою бедной
Воспоминание о том,
Что пролетело так бесследно.

Сентябрь 1908
Петербург

В поле

Чернеют в далях снеговых
Верхушки многолетних елей
Из клокотаний буревых
Сквозных, взлетающих метелей.

Вздыхающих стенаний глас,
Стенающих рыданий мука:
Как в грозный полуночи час
Припоминается разлука!

Непоправимое мое
Припоминается былое...
Припоминается ее
Лицо холодное и злое.

Пусть вечером теперь она
К морозному окну подходит
И видит: мертвая луна...
И волки, голодая, бродят

В серебряных, сквозных полях;
И синие ложатся тени
В заиндевевших тополях;
И желтые огни селений,

Как очи строгие, глядят,
Как дозирающие очи;
И космы бледные летят
В пространства неоглядной ночи.

И ставни закрывать велит...
Как пробудившаяся совесть,

Ей полуночный ветр твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Прости же, тихий уголок,
Тебя я покидаю ныне...
О, ледени, морозный ток,
В морозом скованной пустыне!..

1907
Париж

Совесть

Я шел один своим путем;
В метель застыл я льдяным комом...
И вот в сугробе ледяном
Они нашли меня под домом.

Им отдал всё, что я принес:
Души расколотой сомненья,
Кристаллы дум, алмазы слез,
И жар любви, и песнопенья,

И утро жизненного дня.
Но стал помехой их досугу.
Они так ласково меня
Из дома выгнали на вьюгу.

Непоправимое мое
Воспоминается былое...
Воспоминается ее
Лицо холодное и злое...

Прости же, тихий уголок,
Где жег я дни в бесцельном гимне!
Над полем стелется дымок.
Синеет в далях сумрак зимний.

Мою печаль, и пыл, и бред
Сложу в пути осиротелом:
И одинокий, робкий след,
Прочерченный на снеге белом,—

Метель со смехом распылит.
Пусть так: немо́тствует их совесть,
Хоть снежным криком ветр твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Покоя не найдут они:
Пред ними протекут отныне

Мои засыпанные дни
В холодной, в неживой пустыне...

Всё точно плачет и зовет
Слепые души кто-то давний:
И бледной стужей просечет
Окно под пляшущею ставней.

1907
Париж

Раздумье

Пылит и плачется: расплачется пурга.
Заря багровая восходит на снега.

Ты отошла: ни слова я... Но мгла
Легла суровая, свинцовая — легла.

Ни слова я... И снова я один
Бреду, судьба моя, сквозь ряд твоих годин.

Судьба железная задавит дни мои.
Судьба железная: верни ее — верни!

Лихие шепоты во мгле с лихих полей.
Сухие шелесты слетают с тополей.

Ни слова я... Иду в пустые дни.
Мы в дни погребены: мы искони одни.

Мы искони одни: над нами замкнут круг.
Мой одинокий, мой далекий друг,—

Далек, далек и одинок твой путь:
Нам никогда друг друга не вернуть.

1908
Петербург

Ночь

Сергею Кречетову

Хотя бы вздох людских речей,
Хотя бы окрик петушиный:
Глухою тяжестью ночей
Раздавлены лежат равнины.

Разъята надо мною пасть
Небытием слепым, безгрёзным.

Она свою немую власть
Низводит в душу током грозным.

Ее пророческое дно
Мой путь созвездьями означит
Сквозь вихрей бледпое пятно.
И зверь испуганный проскачет.

Щетинистым своим горбом:
И рвется тень между холмами
Пред ним на снеге голубом
Тревожно легкими скачками:

То опрокинется в откос,
То умаляется под елкой.
Заплачет в зимних далях пес,
К саням прижмется, чуя волка.

Как властны суеверный страх,
И ночь, и грустное пространство,
И зычно вставший льдяный прах —
Небес суровое убранство.

Январь 1907
Париж

Смерть

Кругом крутые кручи.
Смеется ветром смерть.
Разорванные тучи!
Разорванная твердь!

Лег ризой снег. Зари
Краснеет красный край.
В волнах зари умри!
Умри — гори: сгорай!

Гремя, в скрипящий щебень
Железный жезл впился.
Гряду на острый гребень
Грядущих мигов я.

Броня из крепких льдин.
Их хрупкий, хрупкий хруст.
Гряду, гряду — один.
И крут мой путь, и пуст.

У ног поток мгновений.
Доколь еще — доколь?

Минуют песни, пени,
Восторг, и боль, и боль —

И боль... Но вольно — ах,
Клонюсь над склоном дня,
Клоню свой лик в лучах...
И вот — меня, меня

В край ночи зарубежный,
В разорванную твердь,
Как некий иней снежный,
Сметает смехом смерть.

Ты — вот, ты — юн, ты — молод,
Ты — муж... Тебя уж нет:
Ты — был: и канул в холод,
В немую бездну лет.

Взлетая в сумрак шаткий,
Людская жизнь течет,
Как нежный, снежный, краткий
Сквозной водоворот.

1908
Петербург

Когда...

Голос ветра

«Когда сквозных огней
Росы листок зеленый
На мой томящий одр
Нальет и оторит,—

Когда дневных лучей
Слепящий ток, червленый,
Клоня кленовый лист,
По купам прокипит,—

Когда, багров и чист,
Меня восток приметит,
Когда нальет поток
Своих сквозных огней: —

Твоя душа, твоя,
Мою призывно встретит
(Последних дней моих,
Твоих весенних дней...)

Ну что ж? Тревожишься?
Тревожиться не надо:
Отрада вешняя кругом —
Смотри: зари

Отрада вешняя
Нисходит к нам, отрада.
Теперь склонись, люби,
Лобзай — скажи: «Умри...»

Лобзай меня! Вотще:
И гаснет лик зажженный,
Уже склоненный в сень
Летейской пустоты...

Прости, мой бедный друг!
Прости, мой друг влюбленный!
Тебе я отдал жизнь...
Нет, не любила ты...»

(Голос ветра замирает)

Тогда сквозных огней
Поток дневной, червленый,
Клоня кленовый лист,
По купам прокипел —

Вотще! И, как слезой,
Росой листок зеленый
Так скромно их кропил...
И скорбно отгорел.

Сентябрь 1907
Петербург

Ночь

Сергею Соловьеву

Как минул вешний пыл, так минул страстный зной.
Вотще покоя ждал: покой еще не найден.
Из дома загремел гульливою волной,
Волной размывчивой летящий к высям Гайден.

Презрительной судьбой обидно уязвлен,
Надменно затаишь. На тусклой, никлой, блеклой
Траве гуляет ветр; протяжным вздохом он
Ударит в бледных хат мрачнеющие стекла.

Какая тишина! Как просто всё вокруг!
Какие скудные, безогненные зори!
Как все, прейдешь и ты, мой друг, мой бедный друг.
К чему ж опять в душе кипит волнений море?

Пролейся, лейся, дождь! Мятись, суровый бор!
Древес прельстительных прельстительно вздыханье.
И дольше говорит и ночи скромный взор,
И ветра дальний глас, и тихое страданье.

Июнь 1907
Петровское

Прости

1

Зарю я зрю — тебя...
Прости меня, прости же:
Немею я, к тебе
Не смею подойти...

Горит заря, горит —
И никнет, никнет ниже.

Бьет час: *«Вперед»*. Ты — вот:
И нет к тебе пути.

И ночь встает: тенит,
И тенью лижет ближе,
Потоком (током лет)
Замоет свет... Прости!

Замоет током лет
В пути тебя... Прости же —
Прости!

2

Покров: угрюмый кров —
Покров угрюмой нощи —
Потоком томной тьмы
Селенье смыл, замыл...

Уныло ропщет даль,
Как в далях взропщут рощи...
Растаял рдяных зорь,
Растаял,— рдяный пыл.

Но мерно моет мрак,—
Но мерно месяц тощий,
Летя в пустую высь
Венцом воздушных крыл —

Покров, угрюмый кров —
Покров угрюмой нощи —
Замыл.

3

Душа. Метет душа,—
Взметает душный полог,
Воздушный (полог дней
Над тайной тайн дневных):

И мир пустых теней,
Ночей и дней — осколок
Видений, снов, миров
Застывших, ледяных —

Осколок месячный: —
Над сетью серых елок
Летит в провал пространств
Иных, пустых, ночных...

Ночей, душа моя,
Сметай же смертный полог,—
И дней!

4

Угрюмая, она
Сошла в угрюмой нощи:
Она, беспомощно
Склонясь на мшистый пень,—

Внемля волненью воли
(Как ропщут, взропщут рощи),—
В приливе тьмы молчит:
Следит, как меркнет день.

А даль вокруг нее
Таинственней и проще;
А гуще сень древес,—
Таинственная сень...

Одень ее, покров —
Покров угрюмой нощи,—
Одень!

Март 1908
Москва

«Да, не в суд или во осуждение...»

Как пережить и как оплакать мне
Бесценных дней бесценную потерю?

Но всходит ветр в воздушной вышине.
Я знаю всё. Я промолчу. Я верю.

Душа: в душе — в душе весной весна...
Весной весна,— и чем весну измерю?

Чем отзовусь, когда придет она?
Я промолчу — не отзовусь... Не верю.

Не оскорбляй моих последних лет.
Прейдя, в веках обиду я измерю.

Я промолчу. Я не скажу — нет, нет.
Суров мой суд. Как мне сказать: «Не верю»?

Текут века в воздушной вышине.
Весы твоих судеб вознес,— и верю.

Как пережить и как оплакать мне
Бесценных дней бесценную потерю?

1907
Москва

Премудрость

Внемлю речам, объятый тьмой
Философических собраний,
Неутоленный и немой
В весеннем, мертвенном тумане.

Вон — ряд неутомимых лбов
Склоняется на стол зеленый;
Песчанистою пылью слов
Часами прядает ученый.

Профессор марбургский Когэн,
Творец сухих методологий!
Им отравил меня N. N.,
И увлекательный, и строгий.

Лишь позовет она, как он
Мне подает свой голос кроткий,
Чуть шелковистый, мягкий лен
Своей каштановой бородки

Небрежно закрутив перстом,
И, как рога завьются турьи,
Власы над неживым челом
В очей холодные лазури; —

Заговорит, заворожит
В потоке солнечных пылинок;
И «Критикой» благословит,
Как Библией суровый инок.

Уводит за собой; без слов
Усадит за столом зеленым...
Ряды прославленные лбов...
С ученым спорит вновь ученый.

1908
Москва

Мой друг

Уж год таскается за мной
Повсюду марбургский философ.
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.

Когда над восковым челом
Волос каштановая грива
Волнуется под ветерком,
Взъерошивши ее, игриво

На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда...— метод.

Средь молодых, весенних чащ,
Омытый предвечерним светом,
Он, кутаясь в свой черный плащ,
Шагает темным силуэтом;

Тряхнет плащом, как нетопырь,
Взмахнувший черными крылами...
Новодевичий монастырь
Блистает ясными крестами: —

Здесь мы встречаемся... Сидим
На лавочке, вперивши взоры
В полей зазеленевший дым,
Глядим на Воробьевы горы.

«Жизнь,— шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могилок,—
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.

Рассеется она, как дым:
Она не жизнь, а тень суждений...»
И клонится лицом своим
В лиловые кусты сирени.

Пред взором неживым меня
Охватывает трепет жуткий,—
И бьются на венках, звеня,
Фарфоровые незабудки.

Как будто из зеленых трав
Покойники, восстав крестами,
Кресты, как руки, ввысь подъяв,
Моргают желтыми очами.

1908

К ней

Травы одеты
Перлами.
Где-то приветы
Грустные
Слышу,— приветы
Милые...

Милая, где ты,—
Милая?..

Вечера светы
Ясные,—
Вечера светы
Красные...
Руки воздеты:
Жду тебя...

Милая, где ты,—
Милая?

Руки воздеты:
Жду тебя
В струях Леты:
Смытую
Бледными Леты
Струями...

Милая, где ты,—
Милая?

Апрель 1908
Москва

Ночью на кладбище

Кладбищенский убогий сад
И зеленеющие кочки.
Над памятниками дрожат,
Потрескивают огонечки.

Над зарослями из дерев,
Проплакавши колоколами,
Храм яснится, оцепенев
В ночь вырезанными крестами.

Серебряные тополя
Колеблются из-за ограды,

Разметывая на поля
Бушующие листопады.

В колеблющемся серебре
Бесшумное возникновенье
Взлетающих нетопырей,—
Их жалобное шелестенье,

О сердце тихое мое,
Сожженное в полдневном зное,—
Ты погружаешься в родное,
В холодное небытие.

Апрель 1908
Москва

Под окном

Взор убегает вдаль весной:
Лазоревые там высоты...

Но «Критики» передо мной —
Их кожаные переплеты...

Вдали — иного бытия
Звездоочистые убранства...

И, вздрогнув, вспоминаю я
Об иллюзорности пространства.

1908
Москва

Искуситель

Врубелю

О, пусть тревожно разум бродит
И замирает сердце — пусть,
Когда в очах моих восходит
Философическая грусть.

Сажусь за стол... И полдень жуткий,
И пожелтевший фолиант
Заложен бледной незабудкой;
И корешок, и надпись: Кант.

Заткет узорной паутиной
Цветную бабочку паук —

Там, где над взвеянной гардиной
Обвис сиренью спелый сук.

Свет лучезарен. Воздух сладок...
Роняя профиль в яркий день,
Ты по стене из темных складок
Переползаешь, злая тень.

С угла свисает профиль строгий
Неотразимою судьбой.
Недвижно вычерчены ноги
На тонком кружеве обой.

Неуловимый, вечно зыбкий,
Не мучай и подай ответ!
Но сардонической улыбки
Не выдал черный силуэт.

Он тронулся и тень рассыпал.
Он со стены зашелестел;
И со стены бесшумно выпал,
И просквозил, и просерел.

В атласах мрачных легким локтем
Склонясь на мой рабочий стол,
Неотвратимо желтым ногтем
Вдоль желтых строк мой взор повел.

Из серебристых паутинок
Сотка́нный грустью лик кивал,
Как будто рой сквозных пылинок
В полдневном золоте дрожал.

В кудрей волнистых, золотистых
Атласистый и мягкий лен
Из незабудок росянистых
Гирлянды заплетает он.

Из легких трав восходят турьи
Едва приметные рога.
Холодные глаза — лазури,—
Льют матовые жемчуга;

Сковали матовую шею
Браслеты солнечных огней...
Взвивается, подобный змею,
Весь бархатный, в шелку теней.

Несущий мне и вихрь видений,
И бездны изначальной синь,

Мой звездный брат, мой верный гений,
Зачем ты возникаешь? Сгинь!

Ты возникаешь духом нежным,
Клоня венчанную главу.
Тебя в краю ином, безбрежном,
Я зрел во сне и наяву.

Но кто ты, кто? Гудящим взмахом
Разбив лучей сквозных руно,
Вскипел,— и праздно прыснул прахом
В полуоткрытое окно.

С листа на лист в окошке прыснет,
Переливаясь, бриллиант...
В моих руках бессильно виснет
Тяжеловесный фолиант.

Любви не надо мне, не надо:
Любовь над жизнью вознесу...
В окне отрадная прохлада
Струит перловую росу.

Гляжу: — свиваясь вдоль дороги,
Косматый прах тенит народ,
А в небе бледный и двурогий,
Едва замытый синью лед.

Серпом и хрупким, и родимым
Глядится в даль иных краев,
Окуреваем хладным дымом
Чуть продышавших облаков.

О, пусть тревожно разум бродит
Над грудою поблеклых книг...
И Люцифера лик восходит,
Как месяца зеркальный лик.

1908
Москва

Признание

И сеет перлы хладная роса.
В аллее темной — слушай! — голоса:

«Да, сударь мой: так дней недели семь
Я погружен в беззвездной ночи темь!

Вы правы: мне едва осьмнадцать лет,
И говорят — я недурной поэт.

Но стыдно мне, с рожденья горбуну,
Над ней вздыхать и плакать на луну...

Нет, сударь мой: иных я мыслей полн...»
Овеян сад плесканьем темных волн;

Сухих акаций щелкают стручки.
«Вот вам пример: на нос надев очки,

Сжимаю жадно желтый фолиант.
Строка несет и в берег бросит: Кант.

Пусть я паук в пыли библиотек:
Я просвещенный, книжный человек,

Людей, как мух, в сплетенья слов ловлю:
Встаю чуть свет: читаю, ем и сплю...

Да, сударь мой: так дней недели семь
Я погружен в беззвездной ночи темь.

Я не монах: как шум пойдет с реки,
Не раз — не раз, на нос надев очки

И затая нескромную мечту,
Младых Харит младую наготу,

К окну припав, рассматриваю я,
Рассеянно стаканом мух давя;

Иль крадусь в сад к развесистой ольхе...»
И крикнет гость, и подмигнет: «Хе-хе...»

Молчит. И ночь. Шлют шелест тростники.
Сухих акаций щелкают стручки.

Огнистый след прочертит неба склон.
Слетит алмаз в беззвездный бездны сон.

Март 1908
Москва

Эпитафия

В предсмертном холоде застыло
Мое лицо.

Вокруг сжимается уныло
Теней кольцо.

Давно почил душою юной
В стране теней.

Рыдайте, сорванные струны
Души моей!

1908
Изумрудный Поселок

Буря

Безбурный царь! Как встарь, в лазури бури токи:
В лазури бури свист и ветра свист несет,
Несет, метет и вьет свинцовый прах, далекий,
Прогонит, гонит вновь; и вновь метет и вьет.

Воскрес: сквозь сень древес — я зрю —
очес мерцанье:
Твоих, твоих очес сквозь чахлые кусты.
Твой бледный, хладный лик, твое возликованье
Мертвы для них, как мертв для них воскресший: ты.

Ответишь ветру — чем? как в тени туч свинцовых
Вскипят кусты? Ты — там: кругом — ночная ярь.
И ныне, как и встарь, восход лучей багровых.
В пустыне ныне ты: и ныне, как и встарь.

Безбурный царь! Как встарь, в лазури бури токи,
В лазури бури свист и ветра свист несет —
Несет, метет и вьет свинцовый прах, далекий:
Прогонит, гонит вновь. И вновь метет и вьет.

Февраль 1908
Москва

Демон

Из снежных тающих смерчей,
Средь серых каменных строений,
В туманный сумрак, в блеск свечей
Мой безымянный брат, мой гений

Сходил во сне и наяву,
Колеблемый ночными мглами;
Он грустно осенял главу
Мне тихоструйными крылами.

Возникнувши над бегом дней,
Извечные будил сомненья

Он зыбкою игрой теней,
Улыбкою разуверенья.

Бывало: подневольный злу
Незримые будил рыданья,—
Гонимые в глухую мглу
Невыразимые страданья.

Бродя, бывало, в полусне,
В тумане городском, меж зданий,—
Я видел с мукою ко мне
Его протянутые длани.

Мрачнеющие тени вежд,
Безвластные души порывы,
Атласные клоки одежд,
Их веющие в ночь извивы...

С годами в сумрак отошло,
Как вдохновенье, как безумье,—
Безрогое его чело
И строгое его раздумье.

Март 1908
Москва

Я

Далек твой путь: далек, суров.
Восходит серп, как острый нож.
Ты видишь — я. Ты слышишь — зов.
Приду: скажу. И ты поймешь.

Бушует рожь. Восходит день.
И ночь, как тень небытия.
С тобой Она. Она, как тень.
Как тень твоя. Твоя, твоя.

С тобой — Твоя. Но вы одни,
Ни жизнь, ни смерть: ни тень, ни свет,
А только вечный бег сквозь дни.
А дни летят, летят: их — нет.

Приди.— Да, да: иду я в ночь.
Докучный рой летящих дней!
Не превозмочь, не превозмочь.
О ночь, покрой кольцом теней!

Уйдешь — уснешь. Не здесь, а — там.
Забудешь мир. Но будет он.

И там, как здесь, отдайся снам:
Ты в повтореньях отражен.

Заснул — проснулся: в сон от сна.
И жил во сне; и тот же сон,
И мировая тишина,
И бледный, бледный неба склон;

И тот же день, и та же ночь;
И прошлого докучный рой...
Не превозмочь, не превозмочь!..
Кольцом теней, о ночь, покрой!

Декабрь 1907
Петербург

Алмазный напиток

Сверкни, звезды алмаз:
Алмазный свет излей! —
Как пьют в прохладный час
Глаза простор полей;

Как пьет душа из глаз
Простор полей моих;
Как пью — в который раз? —
Души душистый стих.

Потоком строф окрест
Душистый стих рассыпь
В покой сих хладных мест!
Стихов эфирных зыбь

Вскипит алмазом звезд,—
Да пьет душа из глаз
Алмазный ток окрест,—
Да пьет... в который раз?

Июль 1908
Серебряный Колодезь

Волна

И. Н. Бороздину

И ночи темь. Как ночи темь взошла,
Так ночи темь свой кубок пролила,—

Свой кубок, кубок кружевом златым,
Свой кубок, звезды сеющий, как дым,

Как млечный дым, как млечный дымный путь,
Как вечный путь: звала к себе — прильнуть.

Прильни, прильни же! Слушай глубину:
В родимую ты кинешься волну,

Что берег дней смывает искони...
Волна бежит: хлебни ее, хлебни.

И темный, темный, темный ток окрест
Омоет грудь, вскипая пеной звезд.

То млечный дым; то млечный дымный путь,
То вечный путь зовет к себе... уснуть.

Апрель 1908
Москва

Разлука

Ночь, цветы, но ты
В стране иной.

Ночь. Со мною ты...
Да, ты — со мной.

Вздох твоих речей
Горячей —

В глушь моих степей
В ветре взвей!

Будто блеск лучей
В моей глуши,—

Ясный блеск твоей,
Твоей души.

Пусть душа моя —
Твоя

Голубая колыбель:
Спи, усни...

Утра первые огни...
Чу! Свирель...

1908
Дедово

Вольный ток

Душа, яви безмерней, краше
Нам опрозрачненную твердь!
Тони же в бирюзовой чаше,
Оскудевающая смерть!

Как все, вплетался подневольный
Я в безысходный хоровод.

Душил гробницею юдольной,
Страстей упавший небосвод.

А ныне — воздухами пьяный,
Взмываюсь вольною мечтой,
Где бьет с разбегу ток листвяный
О брег лазурный и пустой.

И там, где, громами растущий,
Яснеет облачный приют,—
Широколиственные кущи
Невнятной сладостью текут.

Туда земную скоротечность,
Как дольний прах, переметет.
Алмазом полуночным вечность
Свой темный бархат изоткет.

Июнь 1907
Петровское

Ночь

О ночь, молю,—
Да бледный серп заблещет...
Скорей сойди, скорей!

На грудь мою
Прохладой хладно плещет,—
На грудь мою Борей.

Окован я
Железной цепью рока
Минут, часов, недель.

Душа моя,
Хлебни хмельного тока,—
Пьяни, осенний хмель!

Дыши, дыши
Восторгом суеверий,
Воздушных струй и пьянств.

Души, души
Заоблачные двери
В простор иных пространств.

Березы, вы —
Безропотные дщери
Безропотных пространств:

Да щедро вам
Метнет сверканий зерна
Обломок янтаря,—

Да щедро вам
Метнет златые зерна
Златистая заря,—

Вершиной там,
Вершиной в ночи черной
Вскипайте, как моря...

Кругом, кругом
Зрю отблеск золотистый
Закатных янтарей,

А над ручьем
Полет в туман волнистый
Немых нетопырей...

Небытием
Пади, о полог мглистый,—
Сойди, о ночь,— скорей!

Апрель 1907
Москва

Кольцо

И ночь, и день бежал. Лучистое кольцо
Ушло в небытие.
Ржаной, зеленый вал плеснул в мое лицо —
В лицо мое:

«Как камень, пущенный из роковой пращи,
Бразда юдольный свет,
Покоя ищешь ты. Покоя не ищи.
Покоя нет.

В покое только ночь. И ты ее найдешь.
Там — ночь: иди туда...»
Смотрю: какая скорбь. Внемлю: бушует рожь.
Взошла звезда.

В синеющую ночь прольется жизнь моя,
Как в ночь ведет межа.
Я это знал давно. И ночь звала меня,
Тиха, свежа,—
Туда, туда...

Май 1907
Петровское

Прошлому

Сентябрьский, свеженький денек.

И я, как прежде, одинок.
Иду — бреду болотом топким.
Меня обдует ветерок.
Встречаю осень сердцем робким.

В ее сквозистую эмаль
Гляжу порывом несогретым.
Застуденеет светом даль,—
Негреющим, бесстрастным светом.

Там солнце — блещущий фазан —
Слетит, пурпурный хвост развеяв;
Взлетит воздушный караван
Златоголовых облак — змеев.

Душа полна: она ясна.
Ты — и утишен, и возвышен.
Предвестьем дышит тишина.
Всё будто старый окрик слышен,—

Разгульный окрик зимних бурь,
И сердцу мнится, что — навеки.
Над жнивою тогда лазурь
Опустит облачные веки.

Тогда слепые небеса
Косматым дымом даль задвинут;
Тогда багрянец древеса,
Вскипая, в сумрак бледный кинут.

Кусты, вскипая, мне на грудь
Хаосом листьев изревутся;
Подъятыми в ночную муть
Вершинами своими рвутся.

Тогда опять тебя люблю.
Остановлюсь и вспоминаю.
Тебя опять благословлю,
Благословлю, за что — не знаю.

Овеиваешь счастьем вновь
Мою измученную душу.
Воздушную твою любовь,
Благословляя, не нарушу.

Холодный, темный вечерок.
Не одинок, и одинок.

Февраль 1907
Париж

Жалоба

Сырое поле, пустота,
И поле незнакомо мне.
Как бьется сердце в тишине!
Какие хладные места!
Куда я приведен судьбой?..
В пустынный берег бьет Коцит;
И пена бисерной каймой
В прибрежных голышах бежит.
Свежеет... Плещется прибой;
В кудрявой пене темных волн,
Направленный самой судьбой,
Ко мне причалил утлый челн.

Меня влекут слепые силы
В покой отрадный хладных стран; —
И различаю сквозь туман
Я закоцитный берег милый.
Рыдают жалобные пени,
Взлетает гребень на волне,
Безгласные, немые тени
Протягивают руки мне.
Багровые лучи Авроры
Сурово озаряют твердь.
Уныло поднимаю взоры,
Уныло призываю смерть...

Февраль 1909
Бобровка

Жизнь

Памяти Ю. А. Сидорова
с любовью посвящаю

Проносится над тайной жизни
Пространств и роковых времен
В небесно-голубой отчизне
Легкотекущий, дымный сон.

Возносятся под небесами,
Летят над высотами дни
Воскуренными облаками,—
Воскуренными искони.

Жизнь — бирюзовою волною
Разбрызганная глубина.
Своею пеною дневною
Нам очи задымит она.

И всё же в суетности бренной
Нас вещие смущают сны,
Когда стоим перед вселенной
Углублены, потрясены,—

И отверзается над нами
Недостижимый край родной
Открытою над облаками
Лазуревою глубиной.

Июль 1908
Дедово

Ночь и утро

Б. А. Садовскому

Мгновеньями текут века.
Мгновеньями утонут в Лете.
И вызвездилась в ночь тоска
Мятущихся тысячелетий.

Глухобезмолвная земля,
Мне непокорная доныне,—
Отныне принимаю я
Благовестительство пустыни!

Тоскою сжатые уста
Взорвите, словеса святые,
Ты — утренняя красота,
Вы — горние край златые!

Вот там заискрились, восстав,—
Там, над дубровою поющей —
Алмазами летящих глав
В твердь убегающие кущи.

1908
Дедово

Ночь-отчизна

Предубежденья мировые
Над жизнию парят младой —
Предубежденья роковые
Неодолимой чередой.

Неодолимо донимают,
Неутолимы и грозны,
В тот час, как хаос отверзают
С отчизны хлынувшие сны.

Слетают бешено в стремнины,—
В тьмы безглагольные краи —
За годом горькие годины.
Оскудевают дни мои.

Свершайся надо мною, тризна!
Оскудевайте, дни мои!
Паду, отверстая отчизна,
В темнот извечные рои.

1908
Дедово

Вечер

Там золотым зари закатом
Лучится солнечный поток
И темным, огневым гранатом
Окуревается восток.

Грозятся безысходной мглою
Ночные вереницы гроз.
Отторгни глубиною злою
С души слетающий вопрос.

Неутомимой, хоть бесплодной,
Ты волею перегори,
Как отблеском порфирородной,
Порфиропламенной зари!

Там рдей, вечеровое рденье,—
Вечеровая полоса...
Простертые, как сновиденья,
Воскуренные небеса.

Июль 1908
Дедово

Перед грозой

Увы! Не избегу судьбы я,
Как загремят издалека
Там громовые, голубые,
В твердь возлетая облака,—

Зане взволнованные силы
Их громовой круговорот,—
Над бездной мировой могилы
Молниеблещущий полет.

В поток быстротекущей жизни,
В житейский грозовой туман,
Забыв о неземной отчизне,
Низринулся, и всё — обман.

Увы! Не избегу судьбы я,
И смерть моя недалека.
И громовые, голубые
В дверь возлетают облака.

1908
Дедово

Рок

Твердь изрезая молньи жгучей
Копиевидным острием,
Жизнь протуманилась — и тучей
Ползет в эфире голубом.

Всклубились прошлые годины
Там куполами облаков.
А дальше — мертвые стремнины
В ночь утопающих веков.

За жизнь, покрытую обманом,
Ужалит смертью огневой
Повитый ледяным туманом
Тучегонитель роковой.

Восстанет из годин губитель
В тумане дымно грозовом,
Чтоб в подпебесную обитель
Тяжелый опрокинуть гром.

Копиеносец седовласый,
Расплавленное копие,
В миг изрывая туч атласы,
На сердце оборви мое.

Июль 1908
Дедово

Просветление

Ты светел в буре мировой,
Пока печаль тебя не жалит.
Она десницей роковой
В темь изначальную провалит.

Веселье хмельное пьяно.
Всё мнится, что восторг пронижет.
Гортань прохладное вино
Огнистою струею лижет.

Испил: — и брызнувший угар
Похмельем пенистым пылится.
И кубок ядовитых чар,
Опорожненный, чуть дымится.

Нет, он меня не обожжет:
Я возлюбил души пустыню.
Извечная, она лиет
Свою святую благостыню.

Извечная, она, как мать,
В темнотах бархатных восстанет.
Слезами звездными рыдать
Над бедным сыном не устанет.

Ты взору матери ответь:
Взгляни в ее пустые очи.
И вечно будешь ты глядеть
В мглу разливающейся ночи.

Вот бездна явлена тоской,
Вот в изначальном мир раздвинут...
Над бездной этой я рукой
Нечеловеческой закинут.

Ее ничем не превозмочь...
И пробегают дни за днями;
За ночью в очи плещет ночь
Своими смертными тенями.

Вздохнешь, уснешь — и пепел ты,
Рассеянный в пространствах ночи...
Из подневольной суеты
Взгляни в мои пустые очи,—

И будешь вечно ты глядеть,
Ты,— бледный, пленный, бренный житель —
За гранями летящих дней
В теней прохладную обитель...

1907
Париж

Время

Еще прохладу струй студеных
Не иссушил жестокий круг...
Здесь, в переливах я зеленых —
Твоих, необозримый луг.

Ветров раскатистые гулы.
Всё где-то это видел взор.
Всё тот же топчет дед сутулый
Рассыпчатый цветов ковер.

Проходит дед стопою лютой.
Пройди — но цвет полей не тронь...
Идет: на плуг ложится круто
Шершавая его ладонь.

Необозримых пашней пахарь —
Над зацветающей весной...
Круговоротов грозных знахарь,
Яви же жирный перегной.

Для прозябанья мыслям-зернам!
Воскинь секущим острием
Над луговым, корнистым дерном
Хаоса мрачный чернозем!

Косматые склонил седины.
Прости же, непопранный луг!
Взрезает мягко дерновины
Лениво лязгающий плуг.

Онучею истопчет хворост
И гребни острые кремней.
Над бархатами свежих борозд
Да всходит свежесть зеленей.

Так лет мимотекущих бремя
Несем безропотные мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы.

Ты скажешь — день; и день обманет.
Он — вот: но голову закинь —
Гляди: и в хмурый сумрак канет
Его сапфировая синь.

1907
Петровское

Льву Толстому

Ты — великан, годами смятый,
Кого когда-то зрел и я —
Ты вот бредешь от курной хаты,
Клюкою времени грозя.
Тебя стремит на склон горбатый
В поля простертая стезя.
Падешь ты, как мороз косматый,
На мыслей наших зеленя.

Да заклеймит простор громовый
Наш легкомысленный позор!
Старик лихой, старик пурговый
Из грозных косм подъемлет взор,—
Нам произносит свой суровый,
Свой неизбежный приговор.
Упорно ком бремен свинцовый
Рукою ветхою простер.

Ты — молньей лязгнувшее Время —
Как туча градная склонен:
Твое нам заслоняет темя
Златистый, чистый неба склон,—
Да давит каменное бремя
Наш мимолетный жизни сон...
Обрушь его в иное племя,
Во тьму иных, глухих времен.

1908
Серебряный Колодезь

Сергею Соловьеву

Соединил нас рок педаром,
Нас общий враг губил... И нет —
Вверяя заревым пожарам
Мы души юные, поэт,
В отдохновительном Петровском,
И после — улицам московским
Не доверяя в ноябре,

Томились в снежном серебре:
Томились, но не умирали...
Мы ждали...
И в иные дали
Манила юная весна,
И наши юные печали
Смывала снежная волна.

Какое грозное виденье
Смущало оробевший дух,
Когда стихийное волненье
Предощущал наш острый слух!..
В грядущих судьбах прочитали
Смятенье близкого конца:
Из тьмы могильной вызывали
Мы дорогого мертвеца —
Ты помнишь? Твой покойный дядя,
Из дали безвремéнной глядя,
Вставал в метели снеговой
В огромной шапке меховой,
Пророча светопреставленье...
Потом — японская война:
И вот — артурское плененье,
И вот — народное волненье,
Холера, смерть, землетрясенье —
И роковая тишина...
Покой воспоминаний сладок:
Как прежде, говорит без слов
Нам блеск пурпуровых лампадок,
Вздох металлических венков,
И монастырь, и щебет птичий
Над золотым резным крестом:
Там из сиреней лик девичий,
Покрытый черным клобуком,
Склоняется перед могилой,
И слезы на щеках дрожат...

Какою-то нездешней силой
Мы связаны, любимый брат.
Как бы неверная зарница,
Нам озаряя жизни прах,
Друзей минутных вереница
Мелькнула в сумрачных годах;
Ты шел с одними, я — с другими;
Шли вчетвером и впятером...
Но много ли дружили с ними?
А мы с тобой давно идем
Рука с рукой, плечо с плечом.

Годины трудных испытаний
Пошли нам Бог перетерпеть,—
И после, как на поле брани,
С улыбкой ясной умереть.
Нас не зальет волной свинцовой
Поток мятущихся времен,
Не попалит стрелой багровой
Грядущий в мир Аполлион...
Мужайся: над душою снова —
Передрассветный небосклон;
Дивеева заветный сон
И сосны грозные Сарова.

Январь 1909
Москва

Э. К. Метнеру

(Письмо)

Старинный друг, моя судьбина —
Сгореть на медленном огне...
На стогнах шумного Берлина
Ты вспомни, вспомни обо мне.
Любимый друг, прости молчанье —
Мне нечего писать: одно
В душе моей воспоминанье
(Волнует и пьянит оно) —
Тяжелое воспоминанье...
Не спрашивай меня... Молчанье!..
О, если б...
...Помню наши встречи
Я ясным, красным вечерком,
И нескончаемые речи
О несказанно дорогом.
Бывало, церковь золотится
В окне над старою Москвой,
И первая в окне ложится,
Кружась над мерзлой мостовой,
Снежинок кружевная стая...
Уединенный кабинет,
И Гете на стене портрет...
О, где ты, юность золотая?

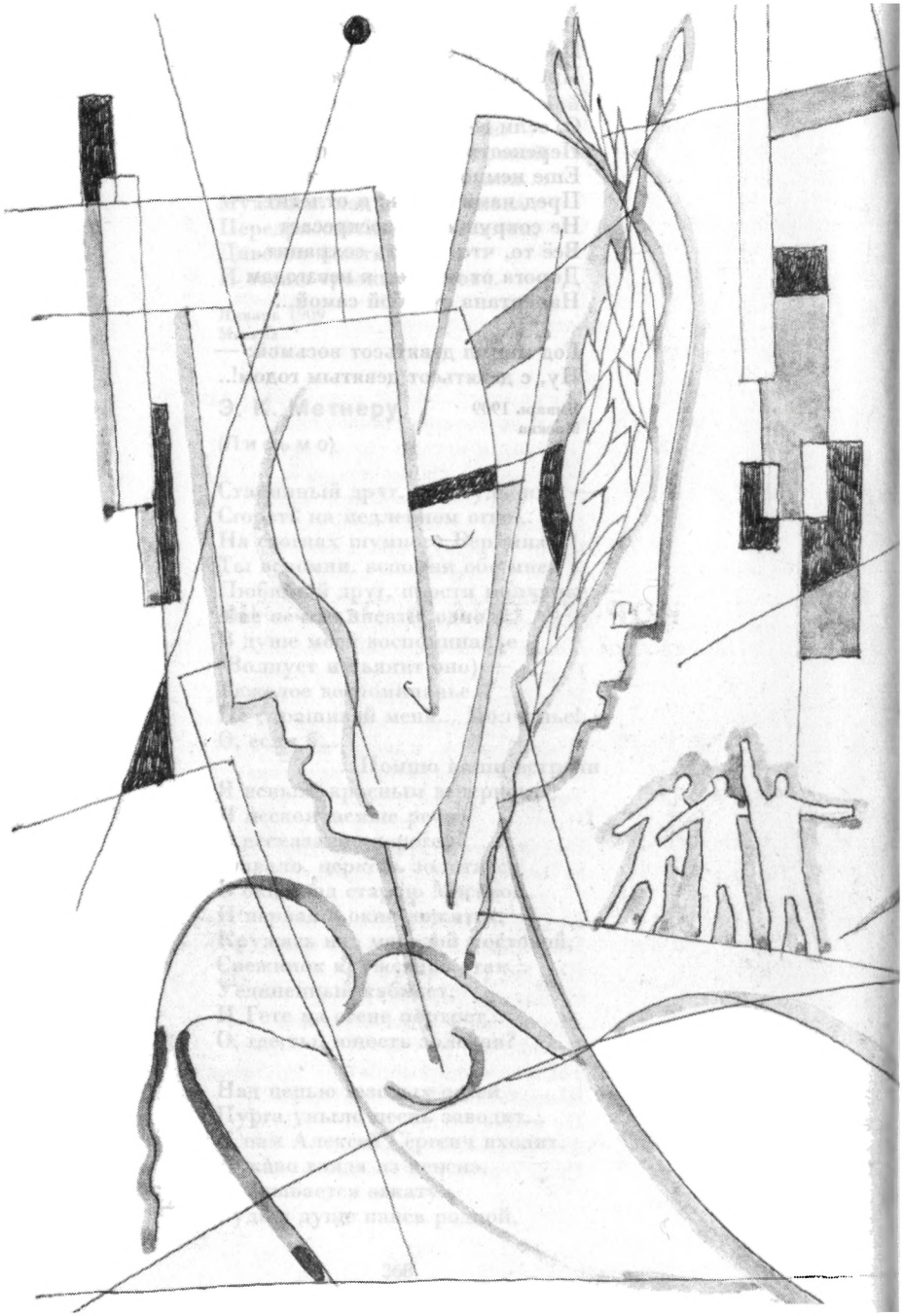
Над цепью газовых огней
Пурга уныло песнь заводит...
К нам Алексей Сергеич входит,
Лукаво глядя из пенснэ,
И улыбается закату...
Будя в душе напев родной,

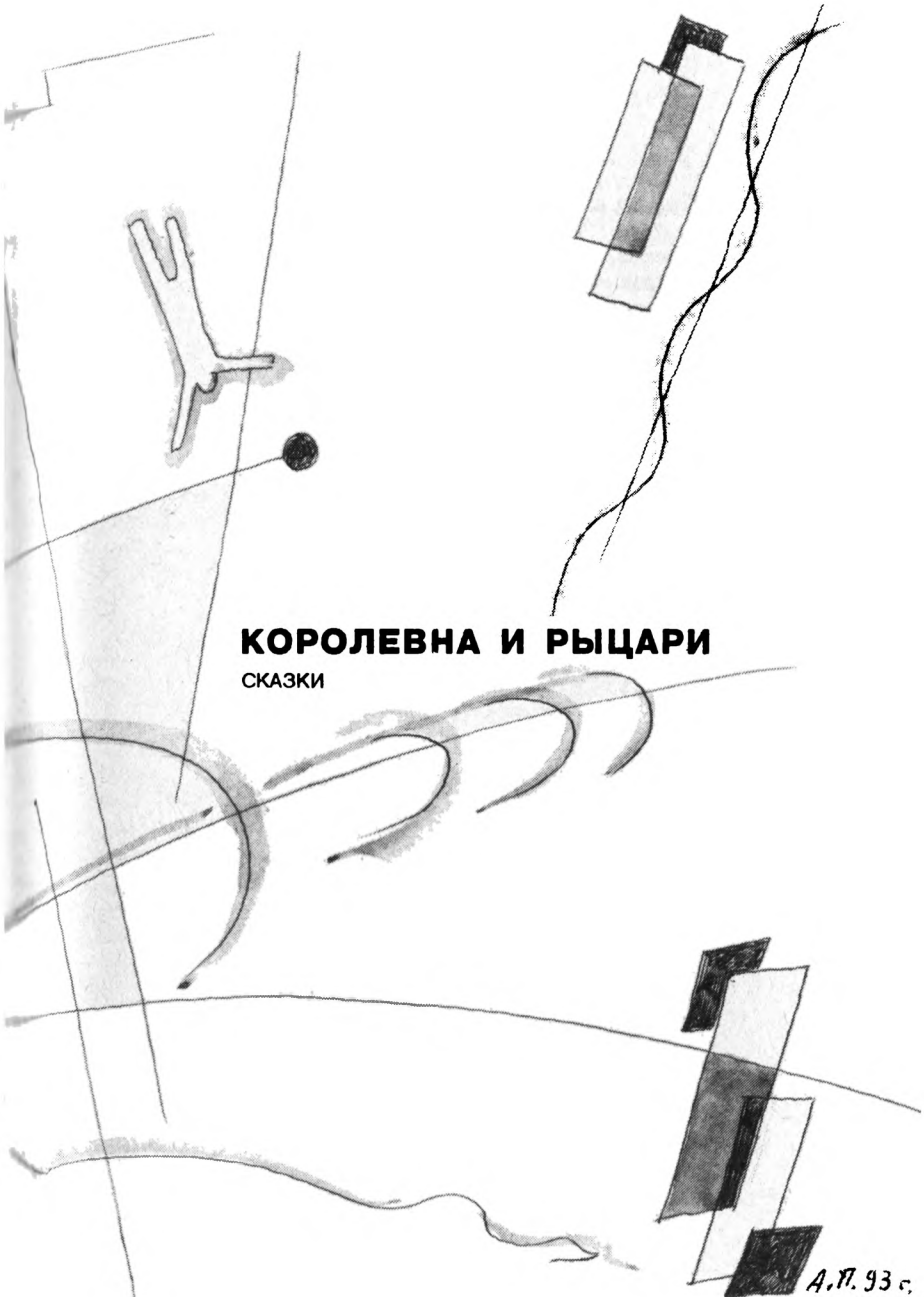
Твой брат C-mol'ную сонату
Наигрывает за стеной...
Последние аккорды *коды*
Прольются, оборвутся вдруг...

О, если б нам в былые годы!
Перенестись, старинный друг!
Еще немного — помелькает
Пред нами жизнь: и отлетит —
Не сокрушайся: воскресает
Всё то, что память сохранит.
Дорога от невзгод к невзгодам
Начертана судьбой самой...

Год минул девятьсот восьмой: —
Ну, с девятьсот девятым годом!..

Январь 1909
Москва





КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ

СКАЗКИ

Перед старой картиной

Кресла,
Чехлы,
Пьянино...
Всё незнакомо мне!..
Та же
Висит
Картина —
На глухой, теневой стене...

Ожила: —
И с прежним
Приветом,
Закурчавясь у ног,—
Пеной,
Кипеньем,
Светом
Хлынул бурный поток.

Из
Раздвинутых
Рамок
Грустно звали «проснись!» —
Утес,
Забытый
Замок,
Лес, берега и высь.

Просыпался:
Века
Вставали...
Рыцарь, в стальной броне,—
Из безвестных,
Безвестных
Далей
Я летел на косматом коне.

В облаке
Пыли
Бились
Плаща моего края...
Тускло
Мне

Открылись
С башни два огня.

Кричал,
Простирая
Объятья:
«Я вернулся из дальних стран!
Омойте
Мне,—
О братья! —
Язвы старых ран!

Примите
В приют
Укромный!..»
Но упало сердце мое,
Как с башни
Рыцарь
Темный
На меня направил копье.

Уставился
Остро,
Грозно
Злой клювовидный шлем...
Сказал,
Насмехаясь:
«Поздно!..
Путник — куда, зачем?
Мы — умерли,
Мы —
Поверья:
Нас кроют столетий рвы».
Пошел...
(Закачались
Перья
Вкруг его стальной головы.)

Глухо
Упали
Ворота...
Угасал — и угас чертог...
Изредка
Плакал
Кто-то
С каменной башни в рог,—

Да порой
Осыпали
Светом
Голубые взрывы зарниц,—

Острие
На копье
Воздетом,—
Бастион, черепицу, шпиц; —

Да норой
Говорила
Уныло
С прежним — с прошлым: вода...
Всё это —
Было,
Было!
Будет —
Всегда,
Всегда!

А
Из
Темных
Бездомных
Далей
На
Косматых,
Черных
Конях —
Рыцари
К замку скакали — в густых,
Густых
Тенях!..

Ночь играла над их головами —
Переливчивым
Блеском
Звезд...
Грохоча
Над сырыми
Рвами,—
Опустился подъемный мост.

Я вернулся:
— Кресла,
Пьянино —
Всё незнакомо мне!
Обернулся:
— Висит
Картина
На глухой, теневой стене.
Из
Раздвинутых
Рамок —

Опять
Позвали:
«Вернись!»
Утес,
Забытый
Замок —
Лес,
Берега —
И высь!..

1910
Москва

Шут

Баллада

1

Есть край, где старый
Замок
В пучину бьющих
Вод
Зубцами серых
Башен
Глядит — который
Год!

Его сжигает
Солнце;
Его дожди
Секут...
Есть королевна
В замке,
И есть горбатый
Шут!

Докучно
Вырастая
На выступе
Седом,—
Прищелкивает
Звонко
Трескучим
Бубенцом.

Струею красной
В ветер
Атласный плащ
Летит: —
На каменных
Отвесах

Подолгу шут
Сидит;

И долго, долго
Смотрит
На запад
Огневой;
В вечерние
Туманы
Колпак подкинет
Свой.

Из каменных
Пробоин
Взлетает стая
Сов,
Когда несется
С башни
Трубы далекой
Рев.

2

В тяжелый, знойный полдень,
Таясь
В тени
Аркад,—
Выходит королевна
Послушать
Треск
Цикад.

Из
Блещущих
Травинок,
Из росянистых пней,—
Небесною коронкой
Цветок
Смеется
Ей.

Едва
Она
Сломала
Высокий стебелек,—
«О
Королевна,
Вспомни»,—
Пролепетал цветок;

Едва
Она

Сломала
Высокий стебелек,—
Кипучею струею
Ей в очи
Брызнул
Сок.
Блестя, запели воды —
Окрестность,
Луг,
Цветы...
Запел
Старинный
Ветер:
«О вспомни, вспомни ты!»

Прошел родимый замок,
Как облако над ней:
Зубцами
Старых
Башен
Растаял
В бездне
Дней...

3

За порослью лиловою грозился
Старый
Шут:
Над ней, как адский
Пламень,
Мелькнул
Его
Лоскут...
На солнечные травы
Упала тень горбом:
И
Теневые
Руки —
Качались
Над
Цветком!..

Беззвучно колыхалась
Хохочущая
Грудь;
Бубенчики
Запели:
«Забудь,
Забудь,
Забудь!»

На башенных оконцах
Блеснули
Огоньки;
Как змеи
Шелестели
В тяжелый
Зной
Листки.

Горбатый,
Серый
Замок
Над лугом в белый день
Крылом — нетопыриным
Развеял
Злую
Тень.

Очнулась королевна:
Всему —
— Конец,
Конец!..
Разбейся же, —
— О сердце! —
Трескучий
Бубенец...

Ты,—
— Одуванчик —
Счастье:
Пушинкой облетай!
Пошла,
Роняя
Слезы
На белый горностай.

Отмахиваясь веткой
От блещущих стрекоз,—
За ней
Седой
Насмешник —
Тяжелый
Шлейф
Понес.

Качались
Стебелечки
Пленительных
Вербен

Между атласных
Черных,
Обтянутых
Колен.

4

Поток
Рыдает
Пеной,
Клокочет
Бездной
Дней...
В решетчатые окна
Влетает сноп огней.
Расплачется в воротах
Заржавленный засов:
Пернатый,
Ясный
Рыцарь
Летит
Из тьмы
Веков.

Конем
Кидаясь
В солнце
Над пенистым ручьем,—
Гремит трубою в ветер,
Блистает
Вдаль
Копьем.
Дрожащий
Луч
Играет,
Упав из-за плеча,
Голубоватой сталью
На
Острие
Меча.

И
Бросило
Забрало
Литое серебро
Косматым
Белым
Дымом
Летящее перо.

И
Плещется попона
За
Гривистым конем —
Малиновым,
Тяжелым,
Протянутым
Крылом.

5

Есть край,
Где старый
Замок
В пучину
Бьющих
Вод
Зубцами
Серых
Башен
Глядит —
Который
Год!

Его сжигает
Солнце,
Его дожди
Секут...
Есть
Королевна
В замке
И есть
Горбатый
Шут.

С вершины мшистой
Башни
Гремит в закат
Труба,—
И над мостом
Чугунным
Мелькает тень
Горба:
То за стеной зубчатой
Докучный бег
Минут
Трещоткой деревянной
Отсчитывает
Шут.

О королевна, близко
Спасение твое:
В чугунные ворота
Ударилось копье!

1911
Боголюбы

* * *

И опять, и опять, и опять —
Пламенея, гудят небеса...
И опять,
И опять,
И опять —

Меченосцев седых голоса.

Над громадой лесов, городов,
Над провалами облачных гряд —
— Из веков,
Из веков,
Из веков —

Полетел меднобронный отряд.

Выпадают громами из дней...
Разрывается где-то труба:
На коней,
На коней,
На коней!

Разбивают мечами гроба.

Из расколотых старых гробов
Пролетает сквозною струей —
Мертвецов,
Мертвецов,
Мертвецов —

Воскресающий, радостный рой!

1911
Боголюбы

Голос прошлого

1

В веках я спал... Но я ждал, о Невеста,—
Север моя!
Я встал
Из подземных
Зал:

Спасти —
Тебя,
Тебя!

Мы рыцари дальних стран: я — рог,
Гудящий из тьмы...

В сырой,
В дождевой
Туман —

Несемся
На север —
Мы.

На крутые груди коней кидается
Чахлый куст...
Как ливень,
Потоки
Дней,—

Как бури,
Глаголы
Уст!
Плащ — семицветием звезд слетает
В туман: с плеча...

Тяжелый,
Червонный
Крест —

Рукоять
Моего
Меча.

Его в пустые края вознесла
Стальная рука.

Секли
Мечей
Лезвия —

Не ветер:
Года,
Века!

2

Тебя
С востока
Мы —

Идем
Встречать
В туман:

Верю,— блеснешь из тьмы, рыцарь
Далеких стран:

Слышу
Топот
Коней...

Зарей
Багрянеет
Куст...

Слетает из бледных дней призыв
Гремящих уст.

Тяжел
Железный
Крест...

Тяжела
Рукоять
Меча...

В туман окрестных мест дымись,
Моя свеча!

Верю,—
В года,
В века,—

В пустые
Эти
Края

Твоя стальная рука несет
Удар копья.

1911
Боголюбы

Близкой

Мне цветы и пчелы влюбленные
рассказали не сказку — быль.

1

В окнах месяц млечный.
Дышит тенями ниш.
Однообразно, извечно —
Шепчет
Темная
Тишь.

Золотая свеча дымится
В глухую мглу.
Королевне не спится:
— Королевна
Берет
Иглу.

Много в лесу далеком,
Много погибло душ!
Рыцарь,
Разбитый
Роком,—
Канул в лесную глушь...

Плачут в соснах совы
(Поняла роковую весть) —
Плачут —
В соснах —
Совы:
«Было, будет, есть!»

Встала (дрогнули пяльца) —
Сосчитала
Бег
Облаков —
И расслышала зов скитальца
Из суровых сосновых лесов.

Вспыхнул свет из оконца
В звездную,
В синюю
В ночь,—
Кинулись: струи солнца...
Кинулись тени: прочь!

2

Глянул
Замок
С отвеса,
Рог из замка гремит:
Грозные
Гребни
Леса
Утро пламенит.

Рыцарь
В рассветных
Тенях
Скачет не в сказку — в быль:

На груди, на медных коленях,
На гребенчатом
Шлеме —
Пыль!..

Ждет его друг далекий
С глубиной
Голубою
Глаз,
Из которой бежит на щеки
Сквозной
Слезой
Алмаз.
Он нашел тебя, королевна!
Он расслышал светлую весть!
Поет
Глубина
Напевно:
«Будет,
Было,
Есть!»

1911
Боголюбы

Родина

Наскучили
Старые годы...
Измучили:
Сердце,
Скажи им: «Исчезните, старые
Годы!»

И старые
Годы
Исчезнут.

Как тучи, невзгоды
Проплыли.
Над чащей
и чище и слаще
Тяжелый, сверкающий воздух;
И — отдыхи...

В сладкие чащи
Несутся зеленые воды.
И песня знакомого
Гнома
Несется вечерним приветом.

«Вернулись
Ко мне мои дети
Под розовый куст розмарина...
Склоняюсь над вами
Цветами
Из старых столетий...»
Ты, злая година,—
Рассейся!
В уста эти влейся —
— О нектар! —

Тяжелый, сверкающий воздух
Из пьяного сладкого кубка.

Проснулись:
Вернулись!..

Апрель 1909
Москва

* * *

Вы — зори, зори! Ясно огневые,
Как старое, кровавое вино,—
Пусть за плечами нити роковые
Столетий старых ткет веретено.

Лежу в траве на луге колосистом,
Бьется с трепетом кольцо
Из легких трав:
То змея червонным свистом
Развивается, из легких трав —
В лицо!

Обвейся, жаль!
Восторгом ядовитым
Отравлен я; мне ожерельем будь!
Мою печаль
Восторгом ядовитым
Ты осласти и — ввейся в грудь.

Ты — золотое, злое ожерелье!
Обвей меня: целуй меня —
Кусай меня,
Змея!..
О, странное веселье!
О, заря!

Апрель 1909
Москва

Вещий сон

Струит ручей струи из бирюзы
Через луга и розовые мяты,—

В пустой провал пережитой грозы,
В осеребренные туманом скаты.

Ручей, разговорись — разговорись!
Душа моя, развеселись: воскресни!

И вот — извечно блещущая высь!
И вот — извечно блещущие песни!

Старинный друг, освободи меня
Пылающей, пылающей судьбою.

Пылай во мне, как... языки огня,
Пылай во мне: я полн судьбой — Тобою.

Прими меня: не отвергай! Я — здесь,
Друг сказочный, полузабытый, милый...

Как хорошо! И — блещущая высь!..
И — над душой невидимые силы!..

Апрель 1909
Москва

Вечер

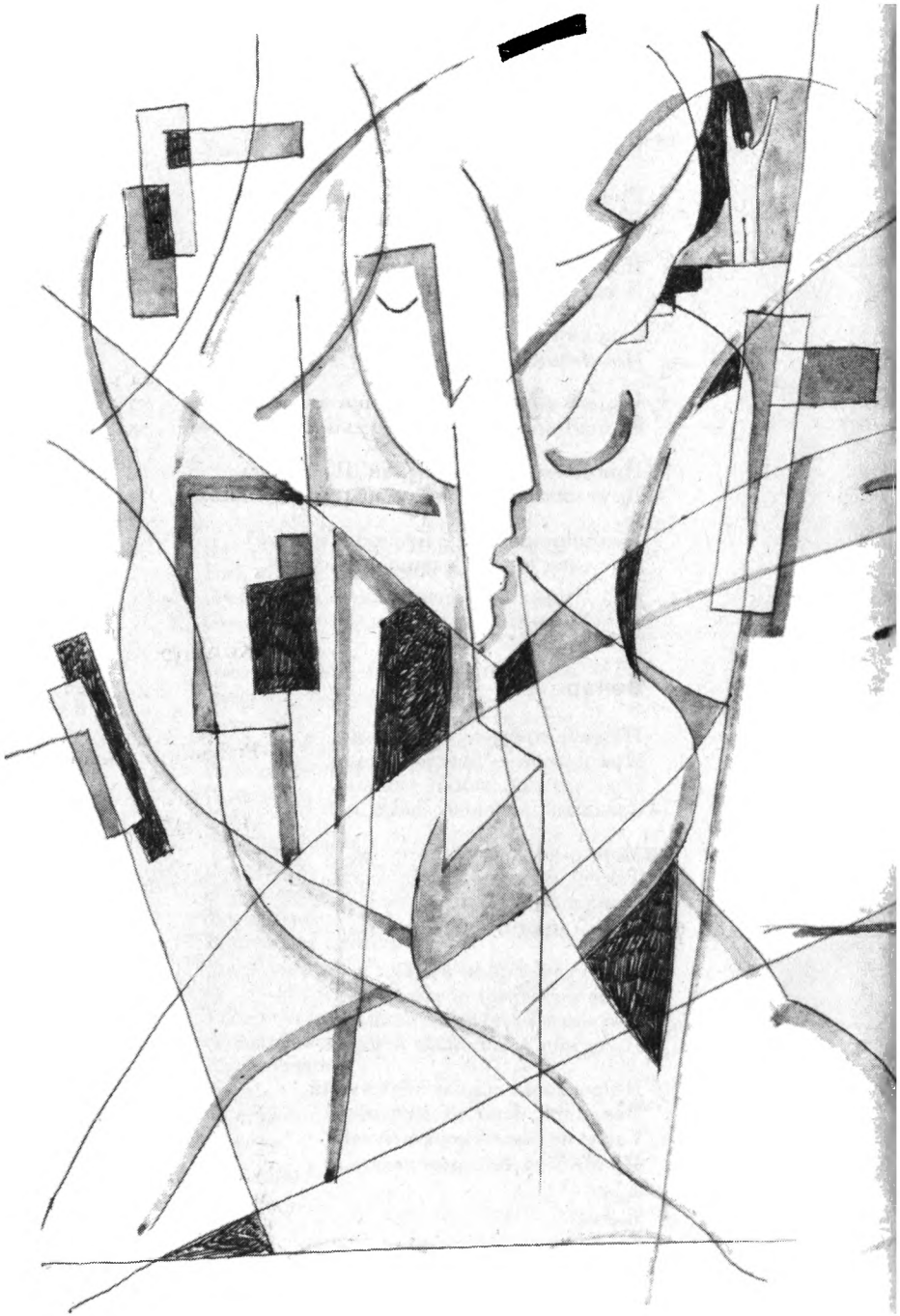
На небе прордели багрянцы.
Пропели и — нежно немели;
Проглядные, ясные глянцы,
Стеклясь, зеленея, звездели.

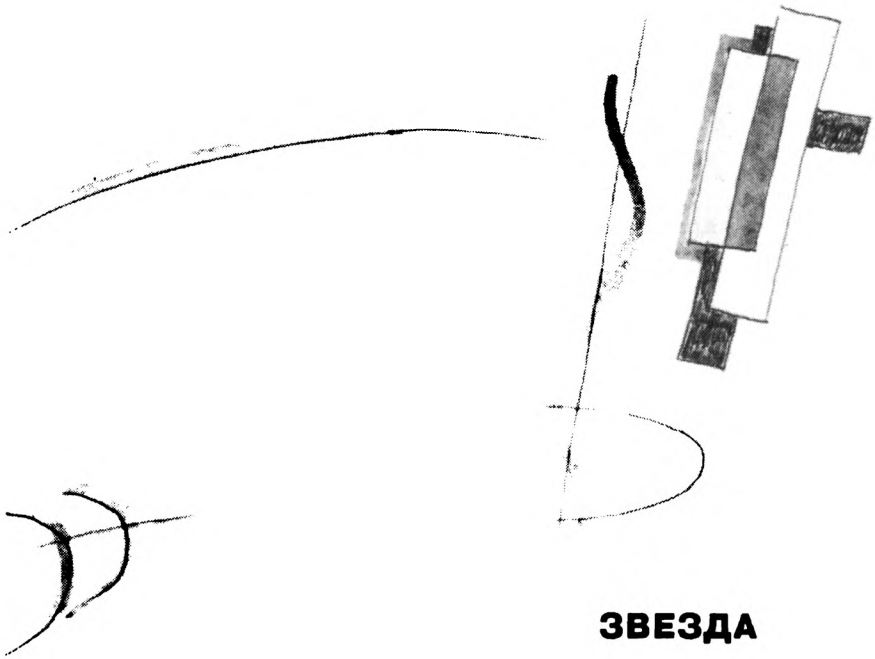
Моргнули на туче летучей,
Текуче блеснув, бриллианты...
Попадая палицами в тучи,
Где-то прогоготали гиганты...

Шипучею пеной кипели
Певучие струи: в туманы...
Лохматясь, лиловые ели
Кидались в лиловые страны.

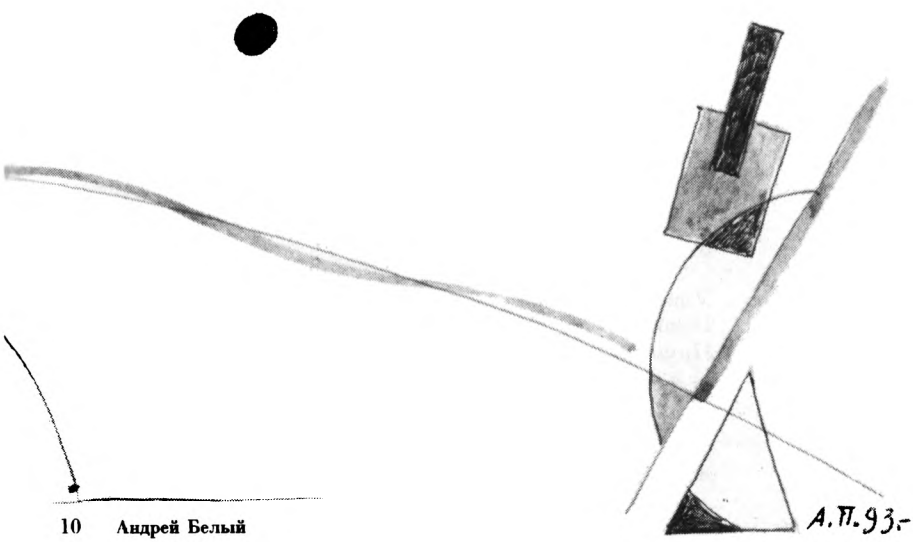
В просторы сырых перепутий,
Ввиваясь, бежали дороги,
Где тусклые сумерки мутей
Прорезывали... рогороги.

1909
Москва





ЗВЕЗДА



Христиану Моргенштерну *

Старшему брату
в Антропософии

Ты надо мной — немым поэтом —
Голубизною глаз блеснул,
И засмеявшись ясным светом,
Сквозную руку протянул.

В воспоминанье и доныне
Стоишь святыней красоты —
Ты в роковой моей године:
У роковой своей черты **.

Тебя, восставшего из света,
Зовет в печали ледяной —
Перекипевшая планета,
Перегремевшая войной;

В часы возмездия подъявший
Свои созвездия над ней,—
В тысячелетья просиявший
Тысячесветием огней,—

Как и тогда, во мне воскресни,
Воспламенясь, ко мне склони
Свои просвеченные песни
В грозой отмеченные дни.

Август 1918
Москва

Звезда

Упал на землю солнца красный круг.
И над землей, стремительно блистая,
Приподнялась зеркальность золотая
И в пятнах пепла тлела.

---

* «Моргенштерн» значит «Звезда утра».

** С Христианом Моргенштерном автор встретился за 2 месяца до его смерти.

Всё вокруг вдруг стало: и — туманисто;
И — серо...

Стеклянно зеленеет бирюза,
И яркая заяснилась слеза —
Алмазная, алмазная Венера.

Май 1914
Арлесгейм

Самосознание

Мне снились: и море, и горы...
Мне снились...

Далекие хоры
Созвездий
Кружились
В волне мировой...

Порой метеоры
Из высей катились,
Беззвучно
Развеявши пурпурный хвост надо мной.

Проснулся — и те же: и горы,
И море...

И долгие, долгие взоры
Бросаю вокруг.

Все то же... Докучно
Внимаю,
Как плачется бездна:

Старинная бездна лазури;
И — огненный, солнечный
Круг.

Мои многолетние боли —
Доколе?..

Чрез жизни, миры, мирозданья
За мной пробегаете вы?

В надмирных твореньях,—
В паденьях —
Течет бытие... Но — о Боже! —

Сознанье
Всё строже, всё то же —

Всё то же
Сознанье
Мое.

Февраль 1914
Базель

Карма

Н. А. Григоровой

1

Мне грустно... Подожди... Рояль,
Как будто торопясь и споря,
Приоткрывает окна в даль
Грозой волнуемого моря.

И мне, мелькая мимо, дни
Напоминают пенной сменой,
Что мы — мгновенные огни —
Летим развеянною пеной.

Воздушно брызжут дишканты
В далекий берег прежней песней...
И над роялем смотришь ты
Неотразимей и чудесней.

Твои огромные глаза!
Твои холодные объятья!
Но — незабытая гроза —
Твое чернеющее платье.

2

Мы — роковые глубины,
Глухонемые ураганы,—
Упали в хлынувшие сны,
В тысячелетние туманы.

И было бешенство огней
В водоворотах белой пены.
И — возникали беги дней,
Существований перемены.

Мы были — сумеречной мглой,
Мы будем — пламенные духи.
Миров испепеленный слой
Живет в моем проросшем слухе.

3

И знаю я; во мгле миров:
Ты — злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,
Меня лобзающая жарко.

Ты — изливала надо мной
Свои бормочущие были
Под фосфорической луной,
Серея вретищем из пыли.

Ты, возникая из углов,
Тянулась тенью чернорогой;
Подняв мышиный шорох слов
Над буквой рукописи строгой.

И я безумствовал в ночи
С тысячелетнею старухой;
И пели лунные лучи
В мое расширенное ухо.

4

Летучим фосфором валы
Нам освещают окна дома.
Я вижу молнии из мглы.
И — морок мраморного грома.

Твое лучистое кольцо
Блеснет над матовою гаммой;
И — ночи веют мне в лицо
Своею черной орифламмой.

И — возникают беги дней,
Существований перемены,
Как брызги бешеных огней
В водоворотах белой пены.

И знаю я: во мгле миров
Ты — злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,
Меня лобзающая жарко.

5

Приемлю молча жребий свой,
Поняв душою безглагольной
И моря рокот роковой,
И жизни подвиг подневольный.

Июль 1917
Поворовка

Современникам

Туда, во мглу Небытия,
Ты безвремéнным, мертвым комом
Катилась, мертвая земля,
Над собирающимся громом.

И словно облак обволок
Порядок строя мирового,
И прозирающий зрачок,
И прорастающее слово.

Толчками рухнувших Мессин,
Провалом грешной Мартиники
Среди неузнанных руин
Приподымался смысл великий.

Развили грозные огни
Всё беспокойней, всё нестройней —
Нечеловеческие дни,
Нечеловеческие бойни...

И я к груди земли приник
И понял: в гром землетрясений
Склоняет исполинский лик
Из дней глаголющий нам Гений.

Он — Справедливый Судия,—
Мерцая мрачным приговором,
Давно смятенного меня
Опламенил глухим прозором.

И видел там, за громом битв
Восстанье Светлого Завета
В волне рыданий и молитв
И набегающего Света.

И ныне знаю: морок злой
Нас обуявших ослеплений
Перегорит, как ветхий слой,
И Солнце спустится, как гений,—

И громовая полоса,
Огнем палящая глазницы,—
Далекий грохот колеса
Золотордяной колесницы.

Январь 1918
Москва

Война

Разорвало́сь затишье грозовое...
Взлетает ввысь громовый вопль племен.
Закручено всё близкое, родное,
Как столб песков в дали иных времен.

А — я, а — я?.. Былое без ответа...
Но где оно?.. И нет его... Ужель?
Невыразимые,— зовут иных земель
Там волны набегающего света.

Октябрь 1914
Арлесгейм

А. М. Поццо

Пройдем и мы: медлительным покоем
В полет минут.
Проходит всё: часы полночным боем
По-прежнему зовут.

Страна моя, страна моя родная!
Я — твой, я — твой:
Прими меня, рыдая... И не зная!
Покрой сырой травой.

Разгулом тех же пламенных закатов
Гори в груди,
Подъявши стаи зарев и набатов...
Зови Его,— гуди!

Пусть мы — в ночи! Пусть — ночи бездорожий!
Пусть — сон и сон!..
В покое зорь и в предрассветной дрожи
За ночью — Он!

Март 1916
Дорнах

А. М. Поццо

Я слышал те медлительные зовы...
И — Ты...
И вот зовут... Ждет, Кто-то, Бирюзовый,
У роковой черты.

И там — в окне — прорезались Вогезы.
И там — в окне —
Отчетливо грохочут митральезы...
Пора — тебе и мне!

И я стою, шепча слова молитвы...
Судьба — веди!
Ты — в грохоты неумолимой битвы,
О Господи, сойди!

Свод неба тот же — бледно-бирюзовый...
И там — набат!
Идет — туда: в молитвы, в зори, в зовы,
В грома, в рои гранат.

Июль 1916
Дорнах

Асе

Едва яснеют огоньки.
Мутнеют склоны, долы, дали.
Висят далекие дымки,
Как безглагольные печали.

Из синей тьмы летит порыв...
Полыни плещут при дороге.
На тучах — глыбах грозовых —
Летуче блещут огнероги.

Невыразимое — нежней...
Неотразимое — упорней...
Невыразимы беги дней,
Неотразимы смерти корни.

В горючей радости ночей
Ключи ее упорней бьются:
В кипучей сладости очей
Мерцаньем маревым мятутся.

Благословенны: — жизни ток,
И стылость смерти непреложной,
И — зеленеющий листок,
И — ветхий корень придорожный.

Июнь 1916
Дорнах

Развалы

Есть в лете что-то роковое, злое...
И — в вое злой зимы...
Волнение, кипение мирское!
Плененные умы!

Все грани чувств, все грани правды стерты;
В мирах, в годах, в часах
Одни тела, тела, тела простерты,
И — праздный прах.

В грядущее проходим — строй за строем —
Рабы: без чувств, без душ...
Грядущее, как прошлое, покроем
Лишь грудой туш.

В мятеж миров,— в немаревные муки,
Когда-то спасший нас,—
Прости ж и Ты измученные руки,—
В который раз.

Октябрь 1916
Москва

Вячеславу Иванову

Случится то, чего не чаешь...

Ты предо мною вырастаешь —
В старинном, черном сюртуке,
Средь старых кресел и диванов,
С тисненым томиком в руке:
«Прозрачность. Вячеслав Иванов».

Моргает мне зеленый глаз,—
Летают фейерверки фраз
Гортанной, плачущею гаммой:
Клонясь рассеянным лицом,
Играешь матовым кольцом
С огромной, ясной пентаграммой.

Нам подают китайский чай,
Мы оба кушаем печенье;
И — вспоминаем невзначай
Людей великих изреченья;
Летают звуки звонких слов,
Во мне рождая умиленье,
Как зов назойливых рогов,
Как тонкое, петушье пенье.

Ты мне давно, давно знаком —
(Знаком, быть может, до рожденья) —
Янтарно-розовым лицом,
Власы колеблющим перстом
И — длиннополым сюртуком

(Добычей, вероятно, моли) —
Знаком до ужаса, до боли!

Знаком большим безбровым лбом
В золотокосмом ореоле.

Сентябрь 1916
Москва

Асе

В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге
Растворена так странно страсть моя...
Пробьет прибой на белопенном бреге,
Плеснет в утес соленая струя.

Вот небеса, наполнясь, как слезами,
Благоуханным блеском вечеров,
Блаженными блистают бирюзами
И — маревом моргающих миров.

И снова в ночь чернеют мне чинары.
Я прошлым сном страданье утолю:
Сицилия... И — страстные гитары...
Палермо, Монреаль... Радес...
Люблю!..

Июнь 1917
Демьяново

Шутка

В
Долине
Когда-то
Мечтательно

Перед
Вами
Я,—

Старый
Дурак,—

Игрывал
На
Мандолине.

Вы —
Внимали
Старательно.

И —
— Стародавний Зодиак.

Как-то
Избили
И
Выгнали
Меня
Из
Цирка

В
Лохмотьях

И
В
Крови

Вопиющего —

— О Боге!
— Боге!
— Боге!

И
О —

— Вселенской любви.

Вы
Случайно
Встретили
Поющего
Паяца —

Постояли,
Послушали
Пение.

Вы —
Отметили

Дурацкий
Колпак.

Вы —
Сказали
Внимательно:

— «Это —
Путь
Посвящения...»

Вы —
Мечтательно
Уставились

В —
— Зодиак.

Декабрь 1915
Дорнах

Тела

На нас тела, как клочья песни спетой...
В небытие
Свисает где-то мертвенной планетой
Всё существо мое.

В слепых очах, в глухорожденном слухе —
Кричат тела.
Беспламенные, каменные духи!
Беспламенная мгла!

Зачем простер на тверди оледелой
Свои огни
Разбитый дух — в разорванное тело,
В бессмысленные дни!

Зачем, за что в гнетущей, грозной гари,
В растущий гром
Мы — мертвенные, мертвенные твари —
Безжертвенно бредем?

Декабрь 1916
Москва

Асе

Уже бледней в настенных тенях
Свечей стекающих игра.
Ты, цепенея на коленях,
В неизреченном — до утра.

Теплом из сердца вырастая,
Тобой, как солнцем облечен,
Тобою солнечно блистая
В Тебе, перед Тобою — Он.

Ты — отдана небесным негам
Иной, безвременной весны:
Лазурью, пурпуром и снегом
Твои черты осветлены.

Ты вся как ландыш, легкий, чистый,
Улыбки милой луч разлит.
Смех бархатистый, смех лучистый
И — воздух розовый ланит.

О, да! Никто не понимает,
Что выражает твой наряд,
Что будит, тайно открывает
Твой брошенный, блаженный взгляд.

Любви неизреченной знанье
Во влажных, ласковых глазах;
Весны безвременной сиянье
В алмазно-зреющих слезах.

Лазурным утром в снеге талом
Живой алмазник засветлен;
Но для тебя в алмазе малом
Блистает алым солнцем — Он.

Сентябрь 1916
Москва

Россия

Луна двурога.
Блестит ковыль.
Бела дорога.
Летает пыль.

Летая, стая
Ночных сычей —
Рыдает в дали
Пустых ночей.

Темнеют жерди
Сухих осин;
Немеют тверди...
Стою — один.

Здесь сонный леший
Трясется в прах.
Здесь — конный, пеший
Несется в снах.

Забота гложет;
Потерян путь.
Ничто не сможет
Его вернуть.

Болота ржавы:
Кусты, огни,
Густые травы,
Пустые пни!

Декабрь 1916
Москва

Декабрь 1916 года

Из душных туч, змеясь, зигзаг зубчатый
Своей трескучею стрелой,
Запламенясь, в разъятые Палаты
Ударил, как иглой.

Светясь, виясь, в морозный морок тая,
Бросает в небо пламена
Тысячецветным светом излитая,
Святая Купина.

Встань, возликуй, восторжествуй, Россия!
Грянь, как в набат,—
Народная, свободная стихия
Из града в град!

18 декабря 1916
Москва

А. М. Поццо

Глухой зимы глухие ураганы
Рыдали нам.

Вставали нам — моря, народы, страны...
Мелькали нам —

Бунтующее, дующее море
Пучиной злой,

Огромные, чудовищные зори
Над мерзлой мглой...

И сонная, бездонная стихия
Топила нас,

И темная, огромная Россия
Давила нас.

О, вспомни, брат: грома, глаголы, зовы,
И мор, и глад.

О, вспомни ты: багровый и суровый
Пылал закат.

В глухие тьмы хладеющие длани
Бросали мы.

В глухие тьмы братоубийств и браней
Рыдали мы.

И звали мы спасительные силы
Заветных снов...

И вот опять — медлительный и милый
Ответный зов.

Июль 1918
Москва

Слово

В звучном жаре
Дыханий —
Звучно-пламенна мгла:

Там, летя из гортани,
Духовеет земля.

Выдыхаются
Души
Неслагаемых слов —

Отлагаются суши
Нас несущих миров.

Миром сложенным
Волит —
Сладких слов глубина,

И глубинно глаголет
Словом слов Кунина.

И грядущего
Рая —
Тверденеет гряда,

Где, пылая, сгорая,
Не прейду: никогда!

Декабрь 1917
Дедово

К России

Россия — Ты?.. Смеюсь и умираю,
И ясный взор ловлю...
Невероятная, Тебя — (я знаю) —
В невероятности люблю.

Опять в твои незнаемые муки
Слетает разум мой:
Пролейся свет в мои немые руки,
Глаголющие тьмой.

Как веющие, тающие маки,
Мелькающие мне,—
Как бабочки, сияющие знаки
Летят на грудь ко мне.

Судьбой — (Собой) — ты чашу дней наполни
И чашу дней испей.
Волною молний душу преисполни,
Мечами глаз добей.

Я — знаю всё... Я ничего не знаю.
Люблю, люблю, люблю.
Со мною — Ты... Смеюсь и умираю.
И ясный взор ловлю.

Май 1918
Москва

Антропософии

Над ливнем лет,
Над тьмою туч
Ты — светлый свет.
И — летний луч.

Как вешний яд
Неотразим!
И ясный взгляд
Невыразим!

Живой алмаз
Блестит из глаз: —
Алмазит даль,
Поит печаль.

Мой вешний свет,
Мой светлый цвет,—
Я полн Тобой,
Тобой — Судьбой.

Июль 1918
Москва

Асе

Те же — приречные мрежи,
Серые сосны и пни;
Те же песчаники; те же —
Сирые, тихие дни;

Те же немеют с отвеса
Крыши поникнувших хат;
Синие линии леса
Немо темнеют в закат.

А над немым перелеском,
Где разредились кусты,
Там проясняешься блеском
Неугасимым — Ты!

Струями ярких рубинов
Жарко бежишь по крови:
Кроет крыло серафимов
Пламенно очи мои.

Бегом развернутых крылий
Стала крылатая кровь:
Давние, давние были
Приоткрываются вновь.

В давнем — грядущие встречи;
В будущем — давность мечты:
Неизреченные речи,
Неизъяснимая — Ты!

Сентябрь 1916
Москва

Дух

Я засыпал... (Стремительные мысли
Какими-то спиралями неслись:
Приоткрывалась в сознающем смысле
Сознанию неявленная высь) —

И видел духа... Искрой он возник...
Как молния, неуловимый лик
И два крыла — сверлящие спирали —
Кровавым блеском разрывали дали.

Открылось мне: в законах точных числ,
В бунтующей, мыслительной стихии —
Не я, не я — благие иерархии
Высокий свой запечатлели смысл.

Звезда... Она — в непеременном блеске...
Но бегает летучий луч звезды
Алмазами по зеркалу воды
И блещущие чертит арабески.

Май 1914
Арлесгейм

«Я»

В себе,— собой объятый
(Как мглой небытия),—
В себе самом разъятый,
Светлею светом «я».

В огромном темном мире
Моя рука растет;
В бессолнечные шири
Я солнечно простерт,—

И зрею, зрею зовом
«Воистину воскрес» —
В просвете бирюзовом
Яснеющих небес.

Березы в вешнем лесе,
Росея в серебре,—
Провеяли «воскресе»
На розовой заре...

«Я» — это Ты, Грядущий
Из дней во мне — ко мне —
В раскинутые кущи
Над «Ты Еси на не-бе-си!»

Декабрь 1917
Дедово

Воспоминание

Мы — ослепленные, пока в душе не вскроем
Иных миров знакомое зерно.
В моей груди отражено оно.
И вот — зажгло знакомым, грозным зноем.

И вспыхнула, и осветилась мгла.
Всё вспомнилось — не поднялось вопроса:
В какие-то кипящие колеса
Душа моя, расплавясь, протекла.

Май 1914
Арлесгейм

Сестре Антропософии

Слышу вновь Твой голос голубой,
До Тебя душой не достигая:
Как светло, как хорошо с Тобой,
Ласковая, милая, благая.

Веют мне родные глубины
Лепестками персикова цвета,
Благовонным воздухом весны,
Пряными роскошествами лета.

Июнь 1918
Москва

Тело стихий

В лепестке лазурево-лилейном
Мир чудесен.
Всё чудесно в фейном, вейном, змейном
Мире песен.

Мы — повисли,
Как над пенной бездною ручей.
Льются мысли
Блесками летающих лучей.

Октябрь 1916
Москва

Встречный взгляд

Танка

Медовый цветик сада
Шлет цветику свой стих...
Две пчелки вылетают
Из венчиков: два взгляда
Перекрестились в них.

Май 1918
Москва

Крылатая душа

Танка

Твоих очей голубизна
Мне в душу ветерком пахнула:
Тобой душа озарена...
Вот вешним щебетом она
В голубизну перепорхнула.

Май 1918
Москва

Вода

Танка

А вода? Миг — ясна...
Миг — круги, ряби: рыбка...
Так и мысль!.. Вот — она...
Но она — глубина,
Заходившая зыбко.

Июнь 1916
Дорнах

Жизнь

Танка

Над травой мотылек —
Самолетный цветок...
Так и я: в ветер — смерть —
Над собой — стебельком —
Пролечу мотыльком.

Июнь 1916
Дорнах

Лазури

Танка

Н. А. Залшупиной

Светлы, легки лазури...
Они — черны, без дна;
Там — мировые бури.
Так жизни тишина:
Она, как ночь, черна.

Июнь 1916
Дорнах

Асе

(а — о)

Снеговая блистает роса:
Налила серебра на луга;
Жемчугами дрожат берега;
В светлоглазых алмазах роса.

Мы с тобой — над волной голубой,
Над волной — берегов перебой;

И червонное солнца кольцо:
И — твое огневое лицо.

Сентябрь 1913
Христиания

Утро

(и-е-а-о-у)

Над долиной мглистой в выси синей
Чистый-чистый серебристый иней.

Над долиной,— как извивы лилий,
Как изливы лебединых крылий.

Зеленеют земли перелеском,
Снежный месяц бледным, летним блеском,—

В нежном небе нехотя юнеет,
Хрусталея, небо зеленеет.

Вставших глав блистающая стая
Остывает, в дали улетая...

Синева ночная,— там, над нами,
Синева ночная давит снами!

Молньями как золотом в болото
Бросит очи огненные кто-то.

Золотом хохочущие очи!
Молотом грохочущие ночи!

Заликует,— всё из перламутра
Бурное, лазуревое утро:

Потекут в излучине летучей
Пурпуром предутренние тучи.

Ноябрь 1917
Сергиев Посад

Асе

(При прощании с ней)

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг,—
Не осуди мое молчанье;
В нем — грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

Август 1916
Дорнах

Асе

Опять — золотеющий волос,
Ласкающий взор голубой;
Опять — уплывающий голос;
Опять я: и — Твой, и — с Тобой.

Опять бирюзеешь напевно
В безгневно зареющем сне;
Приди же, моя королевна,—
Моя королевна, ко мне!

Плывут бирюзовые волны
На веющем ветре весны:
Я — этими волнами полный,
Одетая светами — Ты!

Сентябрь 1916
Москва

«Я» и «Ты»

Говорят, что «я» и «ты» —
Мы телами столкнуты.

Тепленеет красный ком
Кровопарным облаком.

Мы — над взмахами косы
Виснущие хаосы.

Нет, неправда: гладь тиха
Розового воздуха,—

Где истаял громный век
В легкий лепет ласточек,—

Где, зарясь, «я» и «ты» —
Светлых светов яхонты,—

Где и тела красный ком
Духовеет облаком.

1918
Москва

Зов

Сквозь фабричных гудков
Сумасшедшие ревы
Мы в тиши городов
Слышим тихие зовы.

Исполняется час:
И — восходит в тумане,
Как прозрачный алмаз,
Всё из ярких блистаний,—

Снеговое лицо
На огнистом закате,
Замыкая кольцо
Славословящих братий.

Исполняйтесь, вы,— дни.
Распадайтесь, вы,— храмы.
Наши песни — огни.
Облака — фимиамы.

Май 1914
Арлесгейм

Родине

В годины праздных испытаний,
В годины мертвой суеты —
Затверденей алмазом брани
В перегоревших углях — Ты.

Восстань в сердцах, сердца исполни!
Произрастай, наш край родной,
Неопалимой блеском молний,
Неодолимой купиной.

Из моря слез, из моря муки
Судьба твоя — видна, ясна:
Ты простираешь ввысь, как руки,
Свои святые пламена —

Туда,— в развалы грозной эры
И в визг космических стихий,—
Туда,— в светлеющие сферы,
В грома летящих иерархий.

Октябрь 1916
Москва

Инспирация

В волне
Золотистого
Хлеба
По-прежнему ветер бежит.

По-прежнему
Нежное
Небо
Над зорями грустно горит.

В безмирные,
Синие
Зыби
Лети, литургия моя!

В земле —
Упадающей
Глыбе —
О небо, провижу тебя...

Алмазами
Душу
Наполни,
Родной стариною дыша: —

Из светочей,
Блесков,
И молний,—
Сотканная,— плачет душа.

Всё — вспомнилось: прежним приветом
Слетает
В невольный
Мой стих —

Архангел, клокочущий светом,—
На солнечных
Крыльях
Своих.

Июнь 1914
Арлесгейм

Антропософам

С любовью и благодарностью
М. В. Сабашниковой

Мы взметаем в мирах неразвеянный прах,
Угрожаем обвалами дремлющих лет;
В просиявших пирах, в набежавших мирах
Мы — летящая стая хвостатых комет.

Пролетаем в воздушно-излученный круг:
Засветясь, закрутясь, заплетаяся в нем,—
Лебединый, родимый, ликующий звук
Дуновеньем души лебединой поймем.

Завиваем из дали спирали планет;
Проницаем туманы судьбин и годин;
Мы — серебряный, зреющий, веющий свет
Среди синих, любимых, таимых глубин.

Февраль 1913
Москва

Младенцу

Играй, безумное дитя,
Блистай летающей стихией:
Вольнолюбивым светом «Я»,
Явись, осуществись,— Россия.

Ждем: гробовая пелена
Падет мелькающими мглами;
Уже Небесная Жена
Нежней звездеет глубинами,—

И, оперяясь из весны,
В лазури льются иерархии;
Из легких крыльев лик Жены
Смеется радостной России.

Март 1918
Москва

Родине

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия,—
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины,—
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте; склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро,—
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня.
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Август 1917
Поворовка

Голубь

Вестью овеяны,
Души простремм —
В светом содеянный
Радостный гром.

В неописуемый,
В огненный год,—
Духом взыскуемый
Голубь сойдет.

Март 1918
Москва

Чаша времен

Открылось!
Весть весенняя!
Удар молниеносный!
Разорванный, пылающий, блистающий покров:

В грядущие,
Громовые
Блистающие весны,
Как в радуги прозрачные, спускается — Христос.

И голос
Поднимается
Из огненного облака:
«Вот чаша благодатная, исполненная дней!»

И огненные
Голуби
Из огненного воздуха
Раскидывают светочи, как два крыла, над ней.

Июнь 1914
Арлесгейм

Антропософии

Из родников проговорившей ночи
В моем окне
Нежданные, мерцающие очи
Восходят мне.

Блистает луч из звездной рукояти,
Как резвый меч;
Мой бедный ум к ногам смущенных братий
Слетает с плеч.

Я — обезглавлен в набежавшем свете
Лучистых глаз.
Меж нами — Он, Неузнанный и Третий:
Не бойтесь нас.

Мы — вспыхнули, но для земли — погасли.
Мы — тихий стих.
Мы — образуем солнечные ясли.
Младенец — в них.

Слепую мглу бунтующей стихии
Преобрази.

Я не боюсь: влекут, Христософия,
Твои стези.

Ты снилась мне, светясь... когда-то, где-то...
Сестра моя!
Люблю Тебя: Ты — персикова цвета
Цветущая заря.

Как вешний вихрь, гласят неумолимо —
Гласят в голубизне —
Твои слова, пронесшиеся мимо,
Но сказанные мне.

В свои глаза — сплошные синероды
Меня возьми;
Минувшие, глаголющие годы
Мои уйми.

В Твоих глазах блистают: воды, суши,
Бросаюсь в них:
Из глаз Твоих я просияю в души,
Как тихий стих.

И сердце — обезумевшая птица —
В немой мольбе
Пусть из груди — разорванной темницы —
Летит к Тебе.

Мы — вспыхнувшие, вспыхнувшие дети —
В нежданный час:
Меж нами — Он, Неузнанный и Третий:
Не бойтесь нас!

Март 1918
Москва

Христиану Моргенштерну

От Ницше — Ты, от Соловьева — Я:
Мы в Штейнере перекрестились оба...
Ты — весь живой звездою бытия
Мерцаешь мне из... кубового гроба.

Свергается стремительно звезда,
Сверкая в ослепительном убранстве: —
За ней в обетованный край,— туда —
Пустынями сорокалетних странствий!

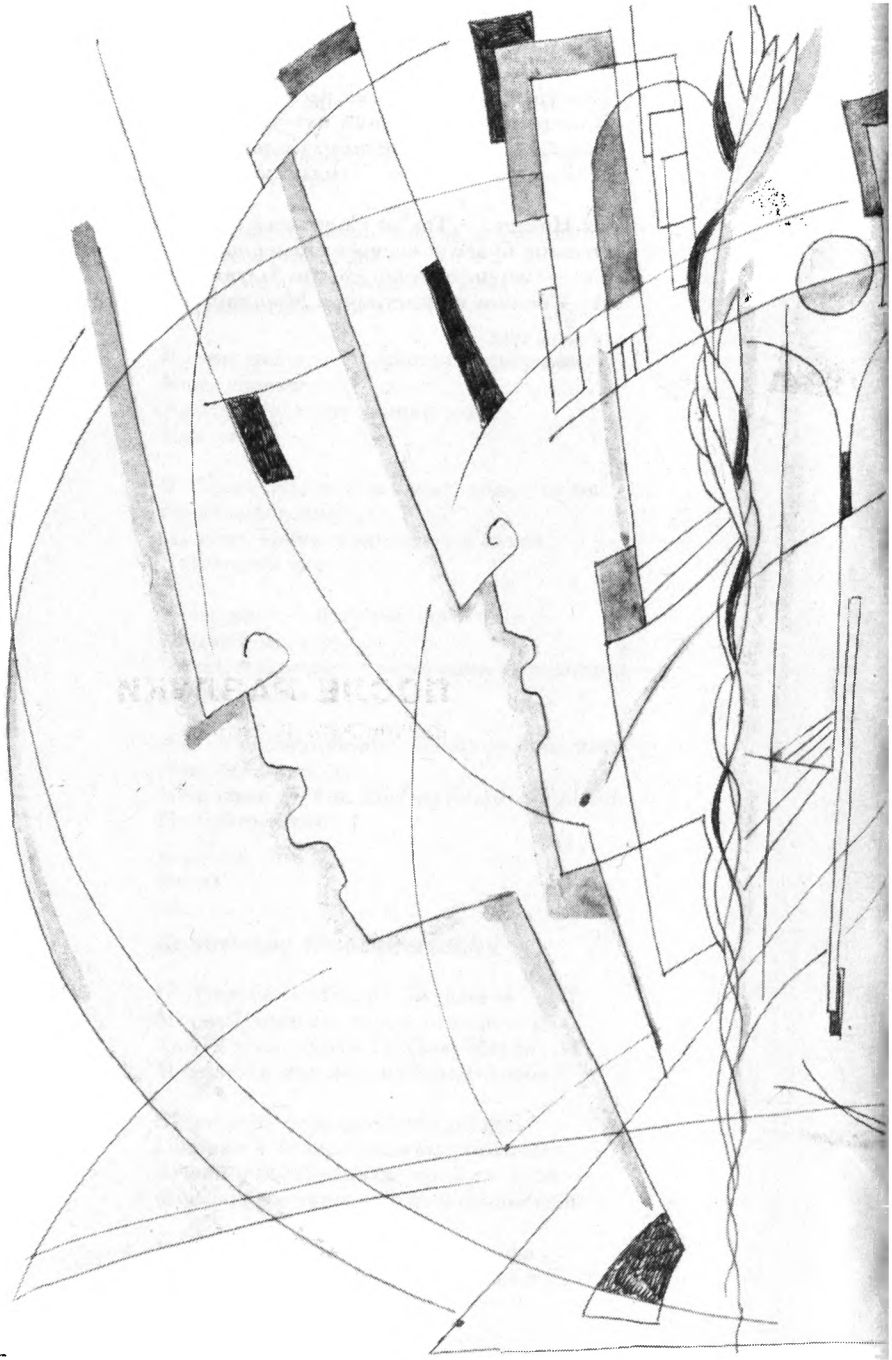
Расплавлены карбункул и сапфир
Над лопнувшей трубою телескопа...

Тысячекрылый, огнекрылый мир!
Под ним — испепеленная Европа!..

Взлетаем над обманами песков,
Блистаем над туманами пустыни...
Антропософия, Владимир Соловьев
И Фридрих Ницше — связаны: отныне...

От Ницше — Ты, от Соловьева — Я;
Отныне будем в космосе безмерном:
Ты — первозванным светом бытия,
Я — белым «Христианом Моргенштерном».

Октябрь 1918
Москва



ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

БЕРЛИНСКИЙ ПЕСЕННИК

БУДЕМ ИСКАТЬ МЕЛОДИИ

Эта маленькая тетрадь — поиски формы; и я не придаю ей никакого значения, как не придаю я значения многообразным поэтическим школам; и вместе с тем здесь — тенденция к новой школе, поскольку каждая мимолетная школа все-таки отмечает один штрих в сложном целом, именуемом поэтическим произведением; я считаю, что после символизма не было сколько-нибудь действительно новых сдвигов к грядущему стилю поэзии; акмеизм был благоразумной реакцией, временно, быть может, необходимый; в дальнейших новаторских попытках сказывалось лишь естественное разделение труда в гранении деталей стиха: появились ритмисты, появились футуристы, подчеркнувшие звук слова; появились имажинисты, подчеркнувшие образ, и т. д. Ныне стих перегружен ухищрениями образа, ритма, инструментовки, но всеми школами недавнего времени пропущена одна существенная сторона стиха: *мелодия* целого (ритм, инструментовка не имеют еще отношения к мелодии); мелодия есть господство интонационной мимики. Стих есть всегда отвлечение от песни; *мелодизм* — вот нужная ныне и пока отсутствующая школа среди градации школ; текст музыки, песня имеет свои правила, несовпадающие с правилами разделения стиха на строчки, строфы и, наоборот, подчиняющие образы, ритмы и звуки мелодическим, интонационным задачам; — *мелодизм* — школа в поэзии, которая хотела бы отстранить излишние крайности и вычуры образов, звуков и ритмов, не координированных вокруг *песенной души лирики* — мелодии; ритм есть господство абстрактно-музыкального начала в поэзии; и оттого-то так часто ритмисты в своих поисках ритма либо создают лишь сложные метры, либо, расшатывая классический метр, создают расхлябанный и скучный в своем однообразии стиль стиха; недавно в Москве все писали одним и тем же расхлябанным размером с аллитерационными созвучиями вместо рифмы; я сказал бы, что эта новая манера уже через несколько недель стала старой, ибо то, что окрыляет стих, не есть казенный порядок в строении строк, строф, ни ставший быстро столь же казенный беспорядок их.

Только в *мелодии,* поставленной в центре лирического произведения, превращающей стихотворение в подлинную распеваемую песню, поставлены на свое место: образ, звукоряд, метр, ритм. Метр есть порядок стопо-, строко- и строфоведения, устанавливаемый из механики разложения стиха на малые элементы (chronoc protoc); ритм есть целое, определяющее индивидуально каждый из элементов из места его нахождения в целом:

метр — сумма; ритм — наименьшее кратное; поэтому: метр — механизм, а ритм — организм стиха; но организация зависит сама от индивидуума организации (орган в биологии рассматривается и с точки зрения цели); ритм нам дан в пересечении со смыслом; он — жест этого смысла; в чем же место пересечения? В интонационном жесте смысла; а он и есть *мелодия*.

Мы прекрасно знаем, как меняется интонация хотя бы в знаках препинания; два представления *«Ночь»* и *«темно»* могут быть связаны поразному знаками: 1) *«Ночь. Темно»* (жест спокойного рассказа). 2) *«Ночь... Темно...»* (отрывистый, неспокойный темп). 3) *«Ночь: темно»* (здесь второе понятие вытекает из первого: *так как* ночь, то — темно) — и т. д. Прослеживая жизнь знаков, мы видим индивидуализм у писателей: *«точка»* есть знак прозы Пушкина, *«точка с запятой»* — Толстого; «двоеточие» — мой знак; *«тире»* — знак, излюбленный модернистами. Мы еще не овладели техникой знаков, потому что мы не овладели интонационной мелодией так, как другими элементами предложения. Измените расположение красных строк в любом рассказе, и вы увидите, до чего изменится весь его стиль. Фраза Гоголя *«Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и долы полные воды свои»*, если мы прислушаемся к интонации, имеет три ударения: *«Чуден Днепр»*, *«мчит»* и *«полные воды»;* и ясно, что *«сквозь леса и долы»* есть представление побочное, которое интонацией должно быть отмечено; между тем мелодических, интонационных знаков у нас нет для выражения архитектоники мелодии; фраза, приводимая мною, изобразима в интонационном рисунке.

«Чуден Днепр
При тихой погоде,—
— Когда —
— Вольно и плавно
Мчит —
— Сквозь леса и долы —
Полные воды
Свои».

Или:

«Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и
плавно мчит —
— Сквозь леса
И долы —
— Полные воды свои».

Одну и ту же страницу мы можем выразить в различных интонационных архитектониках; каждая накладывает свой отпечаток на целое. Плох тот художник прозы или стиха, который не слышит интонации голоса, складывающего ему фразу, а наша условная система знаков выражения интонации (тембр голоса, мимика, ударение) не соответствует богатству

мелодии голоса; между тем эта мелодия все властнее накладывает свою печать на творчество современных художников слова. Отсюда стремление их искать интонации в своеобразной манере начертания, передающей зрительно интонацию; музыкант имеет системы выражений (знаки пауз, andante, allegro, allegretto и т. д.), поэт вынужден все мелодические моменты своей песни (все-таки стихотворение поэту поется всегда) вкупорить в определенные разрезы словесного ряда (в строки, в строфы), в которых выражается метр, частью ритм и в которых мелодия утрачивается; и оттого-то стихотворение не поется (а оно пелось в лучшие периоды лирики); Софокл и Эсхилл были композиторами собственных творений, потому что они были мелодистами; и метры возникли (уже внутри мелодии); и оттого-то были возможны размеры, подобные «молоссу» (— — —) у греков; у нас — невозможны; «молоссы» — поются; три ударных «молосса» в нашем метрико-тоническом стихосложении возможны только при длительных паузах; а уха у нас нет к интонациям. Как мне произнести «молосс» (— — —), чтобы он не превратился просто в плохой усеченный трохей: да только с паузами, которые я должен отметить через «тире».

Что́б — в грудь — трупа
Ткнуть — сво́й — ро́г.

Иначе при нашем неразвитом мелодически ухе всякий прочтет: «Чтобвгрудьтрупа» (— о — о); и разумеется: продуманное мелодическое задание обернется в какофонию.

Мы развили образ стиха, звук, рифму, строчку, строфу в ущерб *мелодии*, подчиняющей эти отдельности стиха себе; и *мелодия* захирела в наших богатых звуками и образами стихах; и лишь в вычурах частностей стиха (в перенасыщении аллитерациями, метафорами) забывается песенное право поэта: не бояться не только сложности слов, но что главное: простоты. Простое слово из стиха изгнано; нет простых песенок; измеривается процентное отношение слов к метафорам (чем больше метафор, тем лучше); а между тем вовсе не в метафоре и не в эвфонии сила целого, а в песенном ладе, в мелодии песни.

Провозглашая *мелодизм*, как необходимо нужную школу (хотя бы для уравновешивания целого, распавшегося в неравновесие пересыщенных образов и аллитераций стиха), я намеренно в предлагаемых мелодических опытах подчеркиваю право простых совсем слов быть словами поэзии, лишь бы они выражали точно мелодию; и наоборот: все старание мое направлено на выявление возможной сложности этой мелодии; мелодию я вычерчиваю, порою высвобождая ее из круга строф и строк; и потому что все мое внимание в *«песенках»* сосредоточено на архитектонике интонаций; расположение строк и строф — пусть оно будет угадано, в мелодии. Самое

расположение слов подчиняется у меня интонации и паузе, которая заставляет нас выдвигать одно слово, какой-нибудь союз «и» (на котором никогда не бывает синтаксического и формально-логического ударения и бывает мимическое, жестикуляционное); или обратно: заставляет пролетать по ряду строк единым духом, чтобы потом вдруг задержаться на одном слове. Я вовсе не хочу спорить с акмеистами, футуристами, имажинистами о классической форме, звуке и образе, я хочу лишь выдвинуть здесь основные тезисы мелодизма:

1) Лирическое стихотворение — песня.
2) Поэт носит в себе мелодии: он — композитор.
3) В чистой лирике *мелодия* важнее образа.
4) Неумеренное употребление посредственных элементов стиха (образа и звуковой гармонии) на счет *мелодии* самые богатства этих элементов превращает в верное средство — убить стих.
5) Довольно метафорической пересыщенности: поменьше имажинизма; и побольше песни, побольше простых слов (меньше труб) — гениальные композиторы гениальны не инструментами, а *мелодиями:* оркестровка Бетховена проще оркестровки Штрауса.

Впереди русский стих ожидает богатство неисчерпаемых мелодийных миров.

И да здравствует — *«мелодизм»!*

Июнь 1922
Берлин—Цоссен

Вечер

Точно взглядами, полными смысла
Просияли,—
Мне ядом горя,—
Просияли
И тихо повисли
Облаков златокарих края...

И взгонят беспризорные выси
Перелетным
Болотным глазком;
И — зарыскают быстрые рыси
Над болотным,—
Над черным — леском.

Где в шершавые, ржавые травы
Исчирикался летом
Сверчок,—
Просвещается злой и лукавый,
Угрожающий светом
Зрачок.

И — вспылает
Сквозное болото;
Проиграет
Сквозным серебром;
И — за тучами примется кто-то
Перекатывать медленный гром.

Слышу — желтые хохоты рыси.
Подползет; и — окрысится: «Брысь!»...
И проискрится в хмурые
Выси
Желто-черною шкурою
Рысь.

1922
Цоссен

Поется под гитару

Я —
Словами так немощно
Нем:

Изречения мои — маски...
И —
Рассказываю
Вам всем —
— Рассказываю
Сказки,—
— Потому что —
Мне так суждено,
А почему —
Не понимаю;—
— Потому что —
Все давно ушло во тьму,
Потому что — все равно:
Не знаю, или знаю...
Потому что мне скучно — везде...
Потому что сказка — изумрудная,
Где —
Все — иное...
Потому что так хочется в брызнь
Утех;
Потому что: трудная
Жизнь
у всех —
— С одною развязкою...
Потому что,—
— Наконец,—
— Зачем
Этот ад?

Потому что —
— Один конец
Всем...
И во мне подымается смех
Над
Судьбою
Всех —
— И —
— Над
Собою!..

1922
Цоссен

Опять гитара

Заманя,
Помаргивает светляками
На нас —
— Скат...

На меня
Вздрагивают глаз —
Твоих —
— Умерки...

И —
тенеет: малиново-апельсинный
Закат —
В малиново-апельсинные
Сумерки...

Отуманенная, остуженная, серебряная
Вода
Под ногами, под нами —
Там...

Что-то, под гору замирающее
В хрусте...

Там —
Под нами, под ногами —
Вниз убегающие
Года,
Поднимающие
Туманами —
Серебряные
Грусти...

«Мертвых слов не говори,
Не тверди,—
Дорогая!..»

И мигнуло —
— Над —
— Беспризорными
Проблесками
Зари,—
— В тверди
Призорочной
Перегорая,—
— «Тебе одна дорога, а мне —
Другая!»

1922
Цоссен

Нет

Ты, вставая, сказала, что — «нет»;
И какие-то призраки мы:
Не осиливает свет —
Не осиливает: тьмы!..

Солнце легкое,— красный фазан,
Месяц матовый,— легкий опал...
Солнце, падая,— пало: в туман;
Месяц — в просерень матово встал.

Прошли — остывающие струи —
К теневым берегам —
Облака — золотые ладьи
Парусами вишневыми: там.

Растворен глубиной голубой,
Озарен лазулитами лет,
Преклонен — пред Тобой и под Тобой...
Но — Ты выговорила: «Нет!»

И холодный вечерний туман
Над сырыми лугами вставал.
Постигаю навсегда, что ты — обман:
Поникаю, поникаю: пал!

Ты ушла... Между нами года —
Проливаемая куда? —
Проливаемая — вода:
Не увижу — Тебя — Никогда!

Капли точат камень: пусть!
Капли падают тысячи лет...
Моя в веках перегорающая грусть —
Свет!

Из годов — с теневых берегов —
Восстают к голубым глубинам
Золотые ладьи облаков
Парусами крылатыми — там.

Растворен глубиной голубой,
Озарен лазулитам лет.
В этом пении где-то — в кипении
В этом пении света — Видение —
Мне:
Что — с Тобой!

1901—1922
Москва—Цоссен

Пророк

Завечерел туман ползущий
В вечеровую тень огней;
Тусклы оливковые кущи.
И — светит месяц из теней.

Он, Серебристый, волей рока
Бросает в зримый наш позор,—
Как ясноокого пророка
Неизъяснимо грустный взор.

В тысячелетние разгулы
Он поднимает ясный жар:
И бронзорозовые скулы,
И взора горнего загар.

Струя исчисленного смысла,
Как трепетание крыла
Переливного коромысла,
От яснорогого чела —

Взметает пепельные кучи
Неистлевающих волос,
И из-под них — на нас текучий,
Слезой сияющий вопрос;

Переливно́й игрою линий
Топазы сыплются из глаз;
И расширяет блеск павлиний
Переливной его атлас;

И в нас стремительно забьется
Наш ослепительный ответ;
И ослепительно взорвется
Из волосатой груди свет.

И, точно взвизгнувшие диски,
Взорвут кипящие слова.
И волоса, как василиски,
Взовьет горящая глава.

В переливных браслетах света
Его воздушные персты
Воспламененный знак завета
Взогнят из тихой высоты.

Май 1922
Цоссен

Бессонница

Мы — безотчетные: безличною
Судьбой
Плодим
Великие вопросы;
И — безотличные — привычною

Гурьбой
Прозрачно
Носимся, как дым
От папиросы.
Невзрачно
Сложимся под пологом окна,
Над Майей месячной, над брошенною брызнью,—
Всего на миг один —
— (А ночь длинна —
Длинна!) —
Всего на миг один:
Сияющею жизнью.
Тень, тихий чернодум, выходит
Из угла,
Забродит
Мороком ответов;
Заводит —
Шорохи...
Мутительная мгла
Являет ворохи
Разбросанных предметов.
Из ниши смотрит шкаф: и там немой арап.
Тишайше строится насмешливою рожей...
Но время бросило свой безразличный крап.
Во всех различиях — все то же, то же, то же.
И вот — стоят они, и вот — глядят они,
Как дозирающие очи,
Мои,
Сомнением
Испорченные
Дни,
Мои
Томлением
Искорченные
Ночи...

Москва
Больница
1921

Больница

Мне видишься опять —
Язвительная,— ты...
Но — не язвительна, а холодна: забыла
Из немутительной, духовной глубины
Спокойно смотришься во все, что прежде было.
Я в мороках
Томясь,
Из мороков любя,

Я — издышавшийся мне подаренным светом,
Я, удушаемый, в далекую тебя,—
Впиваюсь пристально. Ты смотришь с неприветом.
О, этот долгий
Сон:
За окнами закат.
Палата номер шесть, предметов серый ворох,
Больных бессонный стон, больничный мой халат;
И ноющая боль, и мыши юркий шорох.
Метание —
По дням,
По месяцам, годам...
Издроги холода...
Болезни, смерти, голод...
И — бьющий ужасом в тяжелой злости там
Визжащий в воздухе, дробящий кости молот...
Перемелькала
Жизнь,
Пустой, прохожий рой —
Исчезновением в небытие родное.
Исчезновение, глаза мои закрой
Рукой суровою, рукою ледяною.

1921
Москва
Больница

Ты — тень теней

Ты — тень теней...
Тебя не назову.
Твое лицо —
Холодное и злое...

Плыву туда — за дымку дней — зову,
За дымкой дней,— нет, не Тебя: былое,—

Которое я рву
(в который раз),
Которое,— в который
Раз восходит,—

Которое,— в который раз алмаз —
Алмаз звезды, звезды любви, низводит.

Так в листья лип,
Провиснувшие,— Свет
Дрожит, дробясь,
Как брызнувший стеклярус;

Так,— в звуколивные проливы лет
Бежит серебряным воспоминаньем: парус...

Так в молодой,
Весенний ветерок
Надуется белеющий
Барашек;

Так над водой пустилась в ветерок
Летенница растерянных букашек...

Душа, Ты — свет.
Другие — (нет и нет!) —
В стихиях лет:
Поминовенья света...

Другие — нет... Потерянный поэт,
Найди Ее, потерянную где-то.

За призраками лет —
Непризрачна межа;
На ней — душа,
Потерянная где-то...

Тебя, себя я обниму, дрожа,
В дрожаниях растерянного света.

1922
Берлин

Маленький балаган на маленькой планете «Земля»

Выкрикивается в берлинскую форточку без перерыва

Бум-бум:
Началось!

I

Сердце — исплакалось: плакать —
Нет
Мочи!..

Сердце мое,—
Замолчи и замри: —
В золотоокие, долгие ночи,
В золото-карие
Гари
Зари...

2

Из фиолетовых —
Там —
Расстояний —

Молний малиновых нам
Миготня...

Смотрят браслетами
Ясных
Сияний

Бор —
Красноствольный — на умерки
Дня.

3

В этом
С судьбою —
— С тобою —
Не спорящем
Взоре,—

Светами
Полнится
Тихая даль.

Летами
Молнится
Тихое горе,—

Тысячелетием плачет: печаль.

4

Впейся в меня
Бриллиантами
Взгляда...

Под амиантовым
Небом
Сгори.

Пей
Просияние сладкого яда,—

Золотокарие
Гари
Зари.

5

Говори, говори, говори,
Говори же —
— В года —
— Где —

Перепенивается
Вода —
— Где —
— Тени
Тишь
И
Тьма —
— Нет
Или
Да?—
— Свет
Или
Тьма?

И — ближе, ближе, ближе —
— Тьма
Сама!

6

В твоем вызове —
Ложь: —
— Искажение
Духа
Жизни!..

Так
Взбрызни
Же
В
Очи
Водою забвения! —

Вызови —
— Предсмертную дрожь: —
Уничтожь!

7

Зачем,—
— Ты клевещешь на духа?

Зачем,—
Это —
— Уродливое
Искажение
Жизни: —

— Худое!
Угодливое
Лицо —
— Со сладострастным
Бесстрастием,
Вкладываемым
В —
— «Значит, так суждено:
Были
Ли
Или
Нет?
Забыли».

8

Что ж?
Если так суждено...—

9

Все равно: —
— Ведь расплещешься в брызни
Разъявшейся ночи
Ты
Так,—
— Как —
— Расплещется в бури
Поднявшейся
Пыли —
— Желтое
И
Седое —
— Кольцо!

10

В твоем
Вызове
Хмури
Ночи —
— И —
— Ложь!

Взбрызни
В очи —
— Забвение!

Вызови ж —
Предсмертную дрожь!
Взвизгни ж,
Сердце
Мое,—

Дикий
Вырванный
Стриж:

В бездны
Звездные —
— Сердце —
— Ты —

Крики дикие
Мчишь!

11

Да,—
— Ты —
— Выспренней ложью обводишь
Злой Круг
Вкруг
Себя,—

И —
— Ты —
— С искренней дрожью уходишь
Навеки,
Злой друг,
От меня —
— Без —
— Ответа...

И —
— Я —
— Никогда не увижу
Тебя —
— И —
— Себя
Ненавижу:
За
Это.

12

Проклятый —
— Проклятый — проклятый —
— Тот диавол,
Который —
— В разъятой отчизне
Из тверди
Разбил
Наши жизни — в брызнь
Смерти,—
Который навеки меня отделил

От
Тебя —
— Чтобы —
— Я —
— Ненавидел за это тебя —
И —
— Себя!

13

Чтобы —
— Плавал
Смежаемым взором
Сквозь веки
Я
Где-то
Средь брызгов разбившейся тверди —
— Простором
И
Мглой,—

Чтобы —
— Капала —
— Лета
Забвения в веки
Средь визгов развившейся
Смерти —
— Простором
И
Мглой!..

14

Чтобы —
— Плавал —
— Над нами —
— Средь выбрызгов тверди —
Тот диавол,—
Который —
Навеки —
Навеки —
Навеки —

Меня
Отделил
От
Тебя,
Чтобы —
— Я
Не увидел —
Средь вывизгов развизжавшейся смерти —
— Тебя —

И —
— Себя
Ненавидел —
— За
Это!

15

Все ушло —
Далеко —
— Все — иное:
Не то —
О, легко мне,
Легко —
— Все — иное:
Не то —
— Потому что —

16

Исплакались —
— Очи —
И плакать —
— Нет мочи —
Исплакались —
— В ночи —
— Забылось —
Давно:
Изменилось —
— Иное:
Не
То!
Потому что,—
— Поверь,—
— Потому что —
— Я —
— Нем
Теперь!

17

И провеяло —
— В трубах
Тьмы
Смерти
Там —
В клубах
Тьмы
Пыли —
— «Забыли
Мы,
Друг,—
— Были ли

Мы,
Любили ли
Мы —
— Друг
Друга?»

18

Легко мне —
И выше,
И выше,
И выше,—
— Неслись
Времена,—
— Как летучие мыши —
Летучими
Тучами —
— Выше, и выше, и выше,
И выше —
Нетопыриными, дикими
Криками —
— В выси!

19

Легко мне,
Легко —
— Все иное:
Не то...
И —
— Огромный —
— Огромный —
— Огромный —
Расширены
Очи —
— В —
— Родное —
— В —
— Пустое,
Пустое
Такое —
В ничто!

20

В вызове
Твоем —
Ложь!..
Взбрызни же
В очи
Забвение...
Вызови ж —
Предсмертную дрожь...

Взвизгни ж,
Сердце
Мое,
Дикий
Вырванный
Стриж,—
— В бездны звездные,
Сердце —
— Ты —
— Крики дикие
Мчишь!..
Бум-бум:
Кончено!

Июнь 1922
Цоссен

В горах

1

Взираю: в серые туманы;
Раздираю: рубище — я...
Оборвут, как прах,— ураганы:
Разорвут — в горах: меня.

Серый туман — разметан.
Упал — там — в былом...
Ворон, ворон — вот он:
Вот он — бьет — крылом.

2

Я схватывал молча — молот;
Он взлетал — в моих руках...
Взмах — камень: расколот!
Взмах — толчея: прах!

Скрежетала — в камень твердолобый:
Молотами выколачиваемая скрижаль,
Чтобы — разорвались его твердые злобы
В золотом расколотую даль.

Камней кололись осколки...
Отовсюду приподнялись —
О, сколькие — колкие елки —
Высвистом — порывистым — ввысь...

Изошел — мелколесием еловым
Красностволый, голый лес...

Я в лиловое поднебесие по гололобым
Скалам: лез!

Серый туман — разметан:
Упал — там — в былом!..
Ворон, ворон — вот он:
Вот он — бьет крылом!

Смерти серые — туманы
Уволакивали меня;
И поддакивали ураганы;
И — обманывался: я!

3

Гора: дорога — в горы,
О которых — пел — скальд...
Алтарный камень — который?
Все — голый базальт,—

Откуда с мрачным мыком
Бежал быкорогий бог.
Бросив месяц, зыком
Перегудевший в пустоты рог,—

Откуда — опрокинутые твердыни
Оборвал: в голубой провал:
Откуда — подкинутые
Занялись: в заревой коралл...

Откуда года ураганом,
Поддакивал он, маня...
Смерти серые — туманом
Обволакивали: меня...

Обмануты! С пламенных скатов
Протянуты — в ночь и в дни —
В полосатые злата закатов
Волосатые руки мои.

4

Над утесами, подкинутыми в хмури,
Поднимется взверченная брызнь;
И колесами взверченной бури —
Снимется низринутая жизнь...

Вспыхивай глазами молний,— туча:
Водобоями — хладно хлынь,

Взвихривая лопасть — в кучи
Провисающих в пропасть твердынь.

Падай, медная молния, звоном:
Людоедная,— стрелами кусай!
Жги мне губы — озоном!
В гулы пропастей — кромсай,—

Чтобы мне, взъерошенному светом
И подброшенному винтом — в свет,
Прокричать опаленным светом
Перекошенным ртом: «Свет!» —

Чтобы, потухнув, под откос — с веками
Рухнуть — свинцовым мертвецом:
Дочерна сожженными руками
И — чернолиловым лицом,—

Чтобы — мыча — тупо
Из пустот — быкорогий бог —
Мог — в грудь — трупа —
Ткнуть — свой — рог...

1922
Цоссен

«Я»

Поется с балалайкой

1

Злое поле мглой
Одето.

Злой
Туман ползет: у ног...

Где-то
В поле — без
Ответа —

Мглой
В туман — восстонет
Рог: —
— «Где —
Вы —
Духи?
— Где —
Вы —
Души?

— Где —
Ты —
Бог!» —
— Лая
В уши,
Старым Богом
Изнемог
Он.—

2

Глухи —
Духи!..

3

Месяц,—
— Злая
Рукоять,—
В этот час —
Красный тать:

Острым рогом
Из тумана — там, на нас
Грозится
Встать.

Злое
Поле —
Не маячь: —
— В сердце —
Плач:
Сердце,—
Плачь!..

4

Око,—
— Лопнувший пузырь —

Разрывай
В ночные шири: —

Шире,
Шире,
Шире
Ширь —
— Око —
— Лопнувший пузырь!

5

В мире, охнувшем
От муки,—
Разрывались,
Искрошились
Прахом
Суши:
Искажались,
Исказились
Страхом
Лики: —
— Тише,
Медленные ночи
Без дороги —
— В мире, охнувшем
От муки.

В ухе,
Глохнувшем
От скуки,—
Раздавались —
— Строги,
Глухи,
Дики
Крики
Рога —
— «Души,
Души,
Души!

— Боги,
Боги,
Боги!

— Духи,
Духи,
Духи!» —

— Глуше,
Глуше,
Глуше...

6

Время,—
— Плещущие
Воды —
— Унимай
Свой праздный скач:

Поднимай,—
— В пустые годы,
В пусто блещущие
Своды —
— Красный тать —
Рукоять:

Ты —
Палач!..

7

Пусть разматывают нити:
В нить событий —
Вплетено
Небытие!

Утопатывать
Нам
В ночи,—
Протопатывать
Там
Годы —
— Суждено!

В нить
Событий —
Вплетено:
Небытие!

8

Обволакивает очи,
В ночь обматывает
Тьмой: —
— Уволакивает в ночи,
Приборматывает: —
— «Мой!»

Бормочи, ночная прялка:
Мне тебя не превозмочь!

Ночь,—
— Лиловая фиалка,—
— Вейся
Шорохом —
У
Ног!

9

Лейся
В ночи
Вихрем клочий
Многоногий людогон,—
— Зрея
В души,
Вея
В очи: —
— Вея
Ворохом
Времен...

Утопатываем
В ночи,
Утопатываем
Мы —
— В разъедающие
Очи,
В нападающие
Тьмы!

10

Утопатываем
Мы —
Утопатываем: —
— В тьмы!

11

Злые
Очи
Светят
В ночи
Злой...
Злые
Духи
Встретят
Этот
Час...

Злые
Шлемы
Немо
Светят
В бой...

Где мы?
Где мы?..
В склепы
Емлют
Нас...

Только
Мухи
Там
Подъемлют
Свой...

Нам
Не внемлют:
Глухи,
Слепы
Мы...

Немы —
Демоны:
И —
Немы
Тьмы!..

12

Руки мукою
Воздеты: —
— Где Ты,
Бог?

Только глохнущие
Уши...
Только сохнущие
Души —
В бездне лет...

Только в тухнувшие
Муки
Рога
Ухнувшие
Звук —
— «Бога —
Нет!» —
— «Бога —
Нет!..»

13

Новая дорога
В Назарет —
— «Бога —
Нет!» —
Радует меня...

Дорогая, веющая
Весть
Дорогого, зреющего
Дня —
— «Есть —
Я!» —
Радует меня...

14

Многих толп
Протянутся где-то
И потерянная
С нами
Суетня...

Из растерянного
Бледного рассвета,
Из обманутого Богом
Дня —
— Столб
Огня —
— «Это —
Я
С
Вами!»

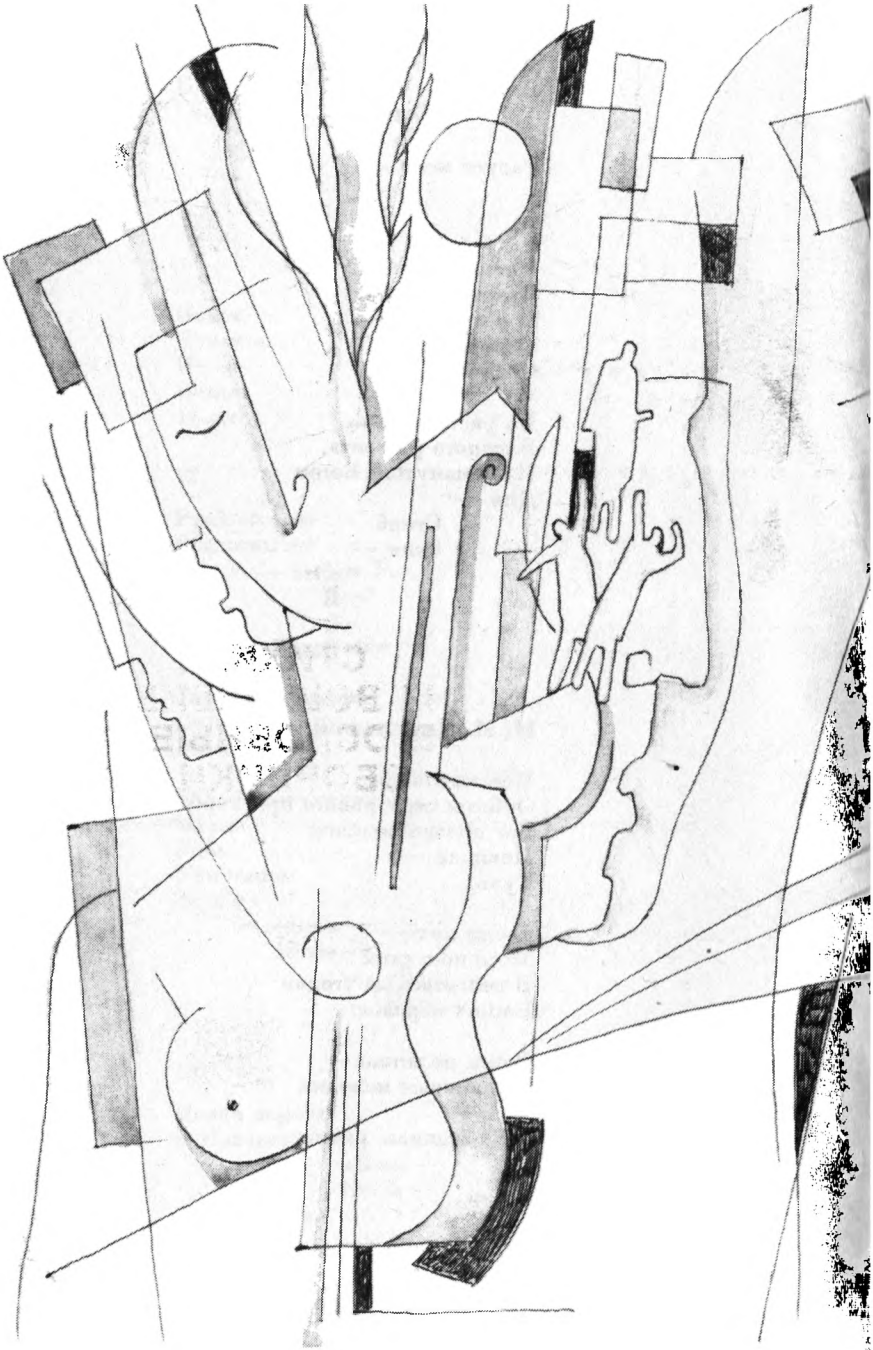
М. И. Цветаевой

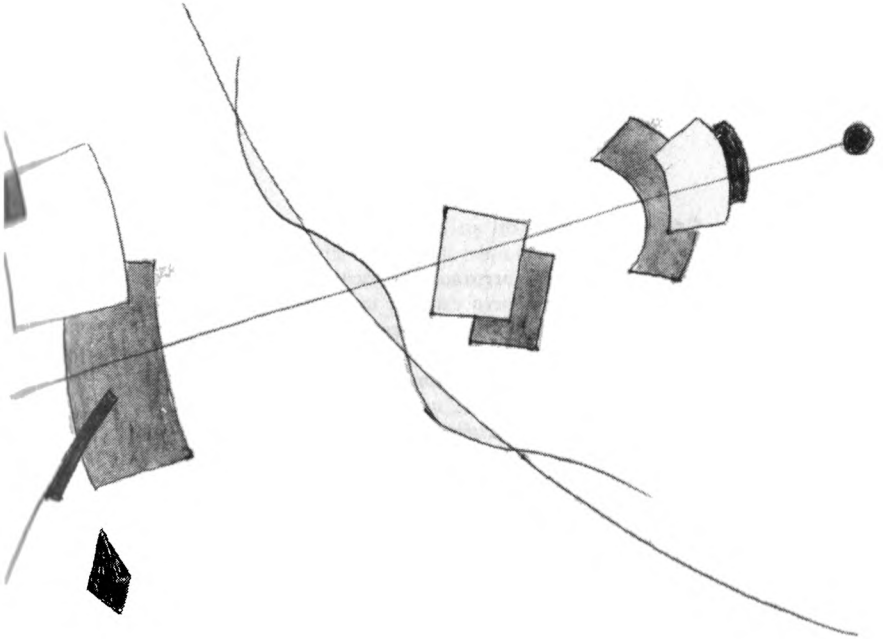
Неисчисляемы
Орбиты серебряного прискорбия,
Где праздномыслия
Повисли —
Тучи...

Среди них —
Тихо пою стих
В неосязаемые угодия
Ваших образов:

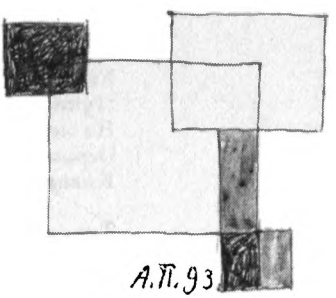
Ваши молитвы —
Малиновые мелодии
И —
Непобедимые ритмы.

1922
Цоссен





СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНЫЕ СБОРНИКИ



Гимн Солнцу

Пусть говорят слепцы, что замолчали наши лиры,
Пусть говорят слепцы, что смерть нам всем грозит.
Что ей повержены гражданские кумиры,
Что прежний идеал поруган и разбит.
Что средь пустынного, мучительного ада
Желанный луч не заблестит для нас,
Что мы в бездействии погибнем без возврата,
Что путь наш тьмой покрыт, что свет давно погас...

Опять настанет день, и он не за горами,
Когда коснемся мы до радужных высот,
Когда с рыданьями и сладкими слезами,
В ночи перед собой, увидя свет, народ
Восторженно помчится за мечтами
К востоку светлому вперед.

И солнце дивное из дали к нам проглянет,
Стенанья радости на запад полетят,
И крест, поверженный, торжественно восстанет,
И гимн, под гром небес, перед востоком грянет,
И херувимы к нам слетят.
Пред миллионами коленопреклоненных
Покажется Христос из туч воспламененных.

Июль 1897
Даниловка

Подражание Гейне

Таинственной, чудною сказкой
Над прудом стояла луна
Вся в розах, с томительной лаской
Его целовала она.
Лучи золотые дрожали
На легкой, чуть слышной волне.
Огромные сосны дремали,
Кивая, в ночной тишине.

Тихонько шептались, кивая,
Жасмины и розы с тоской.

Всю ночь просидели, мечтая,
Они над зеркальной водой...

С востока рассветом пахнуло.
Огнем загорелась волна.
В туманах седых потонула
Ночная царица луна.
Веселые пташки проснулись.
Расстались на долго они.
И вот с той поры потянулись
Для них беспросветные дни...

И часто, и долго весною,
Когда восходила луна,
Бывало, над прудом с тоскою,
Вся в розах, сидела она.
И горькая жалоба сосен
Тиха, безнадежно была.
И много обманчивых вёсен
Над прудом она провела...

Ноябрь 1898
Москва

Подражание Бодлеру

О! Слушали ли вы
Глухое рокотанье
Меж пропастей тупых?
И океан угроз
Бессильно жалобных?
И грозы мирозданья?
Аккорды резкие
Невыплаканных слез?

О! Знаете ли вы
Пучину диссонансов,
Раскрытую, как пасть,
Между тернистых скал?
И пляску бредную
Уродливых кадансов?
И тихо плачущий
В безумстве идеал?

Октябрь 1899
Москва

В лодке

Лодка скользила вдоль синих озер
Ранней весной...
Волны шумели... Твой тающий взор
Робко блуждал среди синих озер...
Был я с тобой...

Там... где-то в небе... гряда дымных туч
Рдела огнем,
Точно цепь льдистых, сверкающих круч,
А не холодных, блуждающих туч,
Тающих сном.

Ах, мы сидели как будто во сне!..
Легкий туман
Встал, точно сказка о нашей весне...
...Ты засыпала, склонившись ко мне...
Призрак! Обман!..

Годы прошли... Я устал... Я один...
Годы прошли...
Лодка скользит вдоль озерных равнин.
Вместо багрянцем сверкающих льдин —
Тучи вдали...

Весь я согнулся... усталый... больной...
Где же ты... друг?
Над равнодушной, холодной волной
Вьется туман, точно призрак седой...
Где же ты,.. друг?

Декабрь 1900

Идеал

Я плакал безумно, ища идеал,
Я струны у лиры в тоске оборвал...
Я бросил в ручей свой лавровый венок...
На землю упал... и кровавый цветок
Сребристой росою окапал меня...
...Увидел я в чаще мерцанье огня:
То фавн козлоногий, усевшись на пне,
Закуривал трубку, гримасничал мне,
Смеялся на горькие слезы мои,
Кричал: «Как смешны мне страданья твои...»

Но я отвернулся от фавна, молчал...
И он, уходя, мне язык показал;

Копытом стуча, ковылял меж стволов.
Уж ночь распростерла свой звездный покров...

Я плакал безумно, ища идеал,
Я струны у лиры в тоске оборвал.
«О, где же ты, счастье!..» Цветок кровяной
Беззвучно качнулся, поник надо мной...
Обход совершая, таинственный гном
Внезапно меня осветил фонарем
И, видя горючие слезы мои,
Сказал: «Как смешны мне страданья твои...»
Но я отвернулся от гнома, молчал...
И он, одинокий, свой путь продолжал.

Я плакал безумно, ища идеал...
Я струны у лиры в тоске оборвал...
И ветер вздохнул над уснувшей сосной,
И вспыхнул над лесом рассвет золотой...
Гигант — вечный странник — куда-то спешил;
Восток его радостный лик золотил...
Увидел меня, головой мне кивнул,
В восторге горячем руками всплеснул
И криком окрестность потряс громовым:
«Что было — прошло, разлетелось, как дым!..
Что было — не будет! Печали земли
В туманную Вечность, мой брат, отошли...»
Я красный цветок с ликованьем сорвал
И к пылкому сердцу его прижимал...

Август 1901

На границе между Перимской и Феотирской церковью

(см. Откр. Иоанна)

I

Редеет с востока неверная тень...
Улыбкой цветет наплывающий день...
А там, над зарею, высоко, высоко
Денницы стоит лучезарное око.
И светит на фоне небес голубом,
Сверкая серебряно-белым лучом...

2

Великий полудень... как прежде, я царь...
И мне воздвигают, как прежде, алтарь...
И жаждущих толпы стекаются снова...
И ждут от царя всепобедного слова...
На троне тяжелом сижу — полубог,—
. . . . . .
На кудри возложен огнистый венок,
Как кровь, на парче моей белой рубины!
На грудь и на плечи ложатся седины,
Алмаз серебрится в кудрях, как роса
. . . . . .
Над храмом темней и темней небеса...

3

Как Бог, восседаю на троне моем,
Сердца прожигаю лучистым огнем,
Зову, вызываю я Нового Духа,
Как гром и как буря, те речи для слуха.
Мой жрец седовласый, кадилом звеня,
Ко мне подошел и кадит на меня...
И я продолжаю сзывать в фимиаме
И шепот, и ропот, и вздохи во храме...
Мой жрец седовласый в испуге дрожит,
Снимает венец и из храма бежит...

4

Над морем погасла заря золотая —
Над лесом восходит луна огневая...
Над храмом простерта туманная ночь.
...Я кончил... И толпы отхлынули прочь.
. . . . . .
Один я, как прежде!.. Один и покинут.
Венец мой огнистый на брови надвинут...
Стою, потрясая железным жезлом...
Погасли лампады во храме моем...

1901
Петербург

«Знание»

Боялся я, что тайну вдруг открою
За гранью бытия.
С огнем в руках за дверью роковою,
Дрожал, боялся я.

И вот в колодезь ужаса я глянул.
Я утонул.
Дверь распахнулась... Мрак оттуда прянул.
Свечу задул.
И ничего... И только мрак со мною...
И ничего...
Да, я *узнал*... Но *знанья* не открою
Я своего.
Пусть шепчут мне: «Я вижу привидений
Бездонно-грозный знак!..»
Я посмотрю без страха, без волнений,
Но с грустию на мрак.

Март 1903

Попрошайка

Крыши. Камни. Пыль. Звучит
Под забором ругань альта.
К небу едкий жар валит
Неостывшего асфальта.

Стен горячих вечный груз.
Задыхается прохожий...
Оборванец снял картуз.
Смотрит палец из калоши.

«Сударь, голоден, нет сил,
Не оставьте богомольца.
На руках и я носил
Золотые кольца.

Коль алтын купец дает,
Провожу в ночлежке ночь я...»
Ветерок, дохнув, рванет
На плечах иссохших клочья.

На танцующую дрянь
Поглядел купец сурово:
«Говорят тебе, отстань,
Позову городового!..»

Стены. Жар. В зубах песок.
Люди. Тумбы. Гром пролеток.
Шелест юбок. Алость щек
Размалеванных красоток.

1904

Старинному врагу

В. Б.

Ты над ущельем, демон горный,
Взмахнул крылом и застил свет.
И в туче черной, враг упорный,
Стоял. Я знал: пощады нет —

И длань воздел — и облак белый
В лазурь меня — в лазурь унес...
Опять в эфирах, вольный, смелый,
Омытый ласковостью рос.

Ты несся ввысь со мною рядом,
Подобный дикому орлу.
Но, опрокинут тяжким градом,
Ты пал, бессильный, на скалу.

Ты пылью встал. Но пыль, но копоть
Спалит огонь, рассеет гром.
Нет, не взлетишь: бесцельно хлопать
Своим растрепанным крылом.

Моя броня горит пожаром.
Копье мне — молнья. Солнце — щит.
Не приближайся: в гневе яром
Тебя гроза испепелит.

/9 декабря 1904/

Гроза в горах

Какой-то призрак бледный, бурный,
В седом плаще оцепенев,
Как в тихий пруд, в полет лазурный
Глядит, на дымный облак сев.

А в дымных клубах молньи точит
Дробящий млат на ребрах гор.
Громовым грохотом хохочет
Краснобородый, рыжий Тор.

Гудит удар по наковальне.
И облак, вспыхнув, загремел.
И на утес понесся дальний,
Змеясь, пучок огнистых стрел.

В провал летит гранит разбитый
И глухо ухает на дне,
И с вольным воем вихрь несытый
Туманы крутит в вышине.

/1905/

Злая страсть

Я полна истомы страстной,
Я — царица, ты — пришлец.
Я тебе рукою властной
Дам мой царственный венец.
Горстью матовых жемчужин
Разукрашу твой наряд.
Ты молчишь? Тебе не нужен
Мой горящий пылкий взгляд?

Знай, одежда совлечется
С этих стройных, белых плеч.
В тело нежное вопьется
Острым жалом длинный меч.
Пусть меня затешат муки,
Пыток знойная мечта,
Вздернут матовые руки
К перекладине креста.
Черный раб тебе пронижет
Грудь отравленным копьем,
Пусть тебя и жжет, и лижет
Огнь палящим языком.
Ленты дымнозолотые
Перевьют твой гибкий стан.
Брызнут струи огневые
Из горящих, свежих ран.
Твои очи — незабудки,
Твои зубы — жемчуга.
Ты молчишь, холодный, жуткий,
Помертвевший, как снега.
Ты молчишь. В лазурном взгляде
Укоризна и вопрос.
И на грудь упали пряди
Золотых твоих волос.
Палачи, вбивайте гвозди!
Кровь струей кипящей льет;
Так вино из сочных гроздий
Ярким пурпуром течет.

В желтой палке искра тлела,
Пламя змейкой завилось,
Бледно-мраморное тело
Красным отблеском зажглось.
Миг еще — бессильно двинешь
Попаленной головой,
С громким воплем к небу вскинешь
Взор прозрачно-голубой.
Миг еще — и, налетая,
Ветер пламя колыхнет,

Вьет горящий столб, взлетая,
Точно рдяный водомет.
В дымном блеске я ослепла.
Злая страсть сожгла мне кровь.

Ветер, серой горстью пепла
Уноси мою любовь!
Из чужого прибыл краю.
Мое счастье загубил.
Кто ты был, почем я знаю,
Если б ты меня любил,
Отдалась твоей я вере б,
Были б счастливы вдвоем...

Ты не смейся, желтый череп,
Надо мной застывшим ртом.

/1906/

Месть

О, вспомни —
Исколоты ноги:
Дожди,
Гололедица, град!

Допрос: ты — вернулась
С дороги
С экспрессом к себе
В Петроград.

— «Предательница!..»
Запахнулся
В изношенный
В серый халат,—

И шел по годинам...
Очнулся —
У двери проклятых
Палат.

В окошко
Ударится камень,
И врубится
В двери топор; —

Из окон разинется
Пламень
От шелковых кресел и
Штор.

Фарфор,
Изукрашенный шандал
Все —
К чертовой матери, все!..

Жестокий, железный мой
Кандал —
Ударится в сердце
Твое.

1906

Любовники

А. А. Курсинскому

По вечерам с фельдшерицей
Гуляющий,
Девицей
Жалкою,—

Помавающий
Палкою,—

Села скромный житель,
Задорный,
Горбатый
Учитель
Решил все вопросы,—

Черный,
Длинноносый,

Учитель сельский,
Бельский!!

———

Цветы мои,
Цветики!
Вы не знаете,
Любимые —

Вы не знаете
Арифметики!!

———

Небеса потухают
Хрустальные.

Вопросы они изучают
Социальные
Вместе —

Бакунина
Подарил он невесте.

Но втуне она
Прочитала Бакунина!

Ах, она ему снится!
Ах, сердце его будто ножиком
Изранено!

Но топорщится ежиком
Фельдшерица
Галанина.

Василечки лазурными венчиками
На влюбленных кивают.

Из оврага кони бубенчиками
Закипают,—

И помещик качается
Мимо них в тарантасе.

Март 1906

Вместо письма

Любимому другу и брату
(С. М. Соловьеву)

Я вижу — лаврами венчанный,
Ты обернулся на закат.
Привет тебе, мой брат желанный,
Судьбою посланный мне брат!

К вам в октябре спешат морозы
На крыльях ветра ледяных.
Здесь все в лучах, здесь дышат розы
У водометов голубых.

Я здесь с утра в Пинакотеке
Над Максом Клингером сижу.
Потом один, смеживши веки,
По белым улицам брожу.

Под небом жарким ем Kalbsbraten,
Зайдя обедать в Breierei.
А свет пройдется сетью пятен
По темени, где нет кудрей.

Там ждет Владимиров Василий
Васильевич (он шлет привет).
Здесь на чужбине обновили
Воспоминанья прежних лет.

Сидим, молчим над кружкой пива
Над воскрешающим былым,
Засунув трубки в рот лениво,
Пуская в небо пыльный дым.

Вот и теперь: в лучах заката
(Ты знаешь сам — разлуки нет)
Повеет ветр — услышу брата
И улыбнусь ему в ответ.

Привет тебе, мне Богом данный,
Судьбою посланный мне брат,
Я вижу, лаврами венчанный,
Ты мне киваешь на закат.

Часу в десятом, деньги в кассе
Сочтя, бегу — путь не далек —
Накинув плащ, по Türkenstrasse
Туда, где красный огонек.

Я знаю, час придет, и снова
Родимый север призовет
И сердце там в борьбе суровой
Вновь сердце кровью изойдет.

Но в миг, как взор падет на глобус,
В душе истает туч гряда.
Я вспомню München, Kathy Cobus
И Simplicissimus тогда.

Придет бывало — бьют минуты
Снопами праздничных ракет,
И не грозится Хронос лютый
Потомкам вечно бледных лет.

Вот ритму вальса незаметно
Тоску угрюмую предашь.
Глядишь — кивает там приветно
Мне длинноносый бритый Asch.

Кивает нежно Fräulein Ани
В бездумной резвости своей,
Идет, несет в простертой длани
Бокал слепительных огней.

Под шелест скрипки тиховейный
Взлетит бокал над головой,
Рассеет искры мозельвейна,
Как некий факел золотой.

Но, милый брат, мне ненадолго
Забыться сном — вином утех —
Ведь прозвучал под небом долга
Нам золотой, осенний смех!

Пусть бесконечно длинен свиток —
Бесцельный свиток бытия.
Пускай отравленный напиток
Обжег мне грудь — не умер я.
. . . . . .

21 октября (8 окт.) (1906)
Мюнхен

* * *

Опять он здесь, в рядах борцов.
Он здесь — пришелец из Женевы.
Он верит: рухнет гнет оков.
Друзья свободы, где вы, где вы?

Друзья, на выручку ужель
Не шлете вольного отряда?
Уже рассыпалась шрапнель
Над опустевшей баррикадой.

Вот позвонят, взломают дверь.
В слепом усердии неистов,
Команду рявкнет, будто зверь,—
Войдет с отрядом лютый пристав.

Не дрогнет он. Безумный взгляд
Его лицо не перекосит,
Когда свой яростный снаряд
Жандарму под ноги он бросит.

Промчится бредом пьяный миг.
В груди всклокочет вольный хохот,
Пред ним заслонит мертвый лик —
Всклубится дымом черный грохот.

Тяжелым смрадом нас обдав,
Растянется вуалью блеклой.
Холодный ветер, простонав,
Забьет в разбрызганные стекла.

Швырнуть снаряд не тяжкий труд
(Без размышленья, без боязни).
Тюрьма. Потом недолгий суд,
Приготовленья к смертной казни.

Команду встретит ровный взвод,
Зальются трелью барабаны.
И он взойдет на эшафот,
Взойдет в лучах зари багряной.

Глядит в окно: вдоль мостовых
Расставленная для ареста
Немая цепь городовых
Вокруг условленного места.

/1906/

А. А. Блоку

Я помню — мне в да́ли холодной
Твой ясный светил ореол,
Когда ты дорогой свободной —
Дорогой негаснущей шел.

Былого восторга не стало.
Всё скрылось: прошло — отошло.
Восторгом в ночи пропылало.
Мое огневое чело.

И мы потухали, как свечи,
Как в ночь опускался закат.
Забыл ли ты прежние речи,
Мой странный, таинственный брат?

Ты видишь — в пространствах бескрайних
Сокрыта заветная цель.
Но в пытках, но в ужасах тайных
Ты брата забудешь: — ужель?

Тебе ль ничего я не значу?
И мне ль ты противник и враг?
Ты видишь — зову я и плачу,
Ты видишь — я беден и наг!

Но, милый, не верю в потерю:
Не гаснет бескрайняя высь.
Молчанью не верю, не верю.
Не верю — и жду: отзовись.

7 декабря 1906
Париж

* * *

В голубые, священные дни
Распускаются красные маки.
Здесь и там лепестки их — огни —
Подают нам тревожные знаки.

Скоро солнце взойдет.
Посмотрите —
Зори красные.
Выносите
Стяги ясные.
Выходите
Вперед
Девицы красные.

Красным полымем всходит Любовь.
Цвет Любви на земле одинаков.
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганных маков.

/1907
Париж/

Теневой демон

Прошлое мира
В душу глядится язвительно.
Ветром рыдает устало.

С неба порфира
Ниспала
Стремительно —

Черною, мягкою тенью ниспала.

Прямо на легкие плечи
Порфиру летящую
С неба приемлю,
Бархатом пышным свой стан заверну.

Вот и рассеется лик человечий!
Лиру гремящую
Брошу на землю.
Тенью немой над полями мигну.

Призрачной дланью взволную
Луга я.
Нежно в овес опрокинусь лицом
Теневым.

В легких волнах проплыву и овес зацелую,
Лаская.
Встану,
Паду я пронизан копьем
Золотым.

Солнце, ты новую рану
Наносишь.
Много веков, как ты грудь мне прожгло.

Бархат порфиры сорвешь и разбросишь
С плеч моих черных
Десницею злой.

Солнце, не надо плескаться
Томительно
Яркими блесками,
Злыми червонцами.

Лиру старинную,
Только ее подниму я стремительно,
Чтоб насмехаться
Над солнцами
Струнными всплесками,
Песенью мстительной.

/1907/

* * *

Пусть в верху холодно-резком,
Где лежит хрусталь прошедших бурь,
Дерева бездумным плеском
Проливают золото в лазурь.

Крутятся, крутятся блеском,
Шепчут невнятно
Над перелеском
Листьев обвеянных ярко блеснувшие пятна.

На пороге обветшалом
Я сижу один.
Вижу: в блеске грустно-алом
Бег вечерних льдин.

И не рад, что ясным воском
Купола покрыл закат.
Пусть тревожно бьет по доскам
Льдяной дробью белый град.

Осень холодная выпала.
Сколько на небе холодного льду.
Облако градом обсыпало
И отразилось в пруду.

/1908/

Светлая смерть

Тяжелый, сверкающий кубок
Я выпил: земля убежала —
Всё рухнуло вниз: под ногами
Пространство холодное, воздух.
Остался в старинном пространстве
Мой кубок сверкающий — Солнце.

Гляжу: под ногами моими
Ручьи, и леса, и долины
Уходят далеко, глубоко,
А облако в очи туманом
Пахнуло и вниз убегает
Своей кисеей позлащенной...

Полдневная гаснет окрестность;
Полдневные звезды мне в душу
Глядятся, и каждая «Здравствуй»
Беззвучно сверкает лучами:
«Вернулся от долгих скитаний —
Проснулся на родине: здравствуй!..»

Часы за часами проходят,
Проходят века: улыбаясь,
Подъемлю в старинном пространстве
Мой кубок сверкающий — Солнце.

/1909/

В альбом В. К. Ивановой

О том, как буду я с тоскою
Дни в Петербурге вспоминать,
Позвольте робкою рукою
В альбоме Вашем начертать.
(О Петербург! О Всадник Медный!
Кузмин! О, песни Кузмина!
Г ***, аполлоновец победный!)
О Вера Константинов-на́,
Час — пятый... Самовар в гостиной
Еще не выпит... По стенам
Нас тени вереницей длинной

Уносят к дальним берегам:
Мы — в облаке... И все в нем тонет —
Гравюры, стены, стол, часы;
А ветер с горизонта гонит
Разлив весенней бирюзы;

И Вячеслав уже в дремоте
Меланхолически вздохнет:
«Михаил Алексеич, спойте!..»
Рояль раскрыт: Кузмин поет.
Проходит ночь... И день встает,
В окно влетает бледной птицей...
Нам кажется, незримый друг
Своей магической десницей
Вокруг очерчивает круг:
Ковер — уж не ковер, а луг —
Цветут цветы, сверкают долы;
Прислушайтесь,— лепечет лес,
И бирюзовые глаголы
К нам ниспадающих небес.

———

Все это вспомню я, вздыхая,
Что рок меня от вас умчал,
По мокрым стогнам отъезжая
На Николаевский вокзал.

/1910/

Людские предрассудки

Зрю пафосские розы... Мне говорят: «Это — жабы».
От сладковеющих роз прочь с омерзеньем бегу.

Зрю — безобразная жаба сидит под луной на дороге.
«Роза»,— мне говорят: жабу прижал я к груди.

/1915/

Посвящение

Я попросил у вас хлеба — расплавленный камень мне дали,
И, пропаленная, вмиг, смрадно дымится ладонь...
Вот и костер растрещался, и пламень танцует под небо.
Мне говорят: «Пурпур». В него облеклись на костре.
Пляшущий пурпур прилип, сдирая и кожу, и мясо:
Вмиг до ушей разорвался черный, осклабленный рот.
Тут воскликнули вы: «Он просветленно смеется...»
И густолиственный лавр страшный череп покрыл.

1915

* * *

Пришла... И в нечаемый час
Мне будишь, взметая напасти,
Огнями блистательных глаз
Алмазные, ясные страсти.

Глаза золотые твои
Во мне огневеют, как свечи...
Люблю: — изныванья мои,
Твои поцелуйные плечи.

1916

* * *

Цветок струит росу.
Живой хрусталь в пруду.
Так жизнь, мою росу,
В живой хрусталь снесу...
С улыбкой в смерть пройду.

Июль 1916
Дорнах

Своему двойнику (Леониду Ледяному)

Вы — завсегдатай съездов, секций,
Авторитет дубовых лбов,
Афишами публичных лекций
Кричите с уличных столбов.

Не публицист и не философ,
А просто Harlequin Jaloux,
Вы — погрузили ряд вопросов
В казуистическую мглу,—

Вы томы утонченных мистик,
Нашедши подходящий тон,
Сжимаете в газетный листик,
В пятисотстрочный фельетон.

Корней Чуковский вас попрытче,
Ю. Айхенвальд пред вами тих;
Вы и не Нитче и не Фритче,
А нечто среднее из них.

Года вытягивая в строки
Крикливых мыслей канитель,
Вы — пестроногий, пестробокий
Бубенчатый Полишинель.

1917
Москва

Первое мая

Первое мая!
Праздник ожидания...
Расцветись, стихия,
В пламень и сапфир!
Занимайтесь, здания,
Пламенем восстания!
Занимайтесь заревом:
Москва,
Россия,
Мир!

Испугав огромное
Становище
Каркающих галок и ворон,
Рухни в лес знамен,
Рухни ты,
Чугунное чудовище —
Александра Третьего раздутая, литая
Голова!

Первое мая!
Первое мая!
Красным заревом
Пылает Москва!

Вольные, восторженные груди,
Крикните в пороховое марево,
В возгласы и оргии орудий,
Где безумствуют измученные люди:
«На земле — мир!
В человеках — благоволение!
Впереди — Христово Воскресение...»

И да будет первое мая,
Как зарево,
От которого загорится:
Москва,
Россия,
Мир!

В лесе
Знамен,
Как в венце из роз,
Храбро встав
На гребне времен,
В голубую твердь
Скажем:

— «Успокойтесь, безвинные жертвы:
Христос
Воскресе.

(Христос Воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ
И сущих во гробех живот даровав)».

Первое мая!
Праздник ожидания...
Расцветись, стихия, в пламень и сапфир,
Занимайтесь, здания, заревом восстания.
Занимайтесь заревом:
Москва,
Россия,
Мир!

/1918/

* * *

Июльский день: сверкает строго
Неовлажненная земля.
Неперерывная дорога.
Неперерывные поля.
А пыльный, полудневный пламень
Немою глыбой голубой
Упал на грудь, как мутный камень,
Непререкаемой судьбой.

Недаром исструились долы,
И облака сложились в высь.
И каплей теплой и тяжелой,
Заговорив, оборвались.
С неизъяснимостью бездонной
Молочный, ломкий, молодой,
Дробим волною темнолонной,
Играет месяц над водой.
Недостигаемого бега
Недостигаемой волны
Неописуемая нега
Неизъяснимой глубины.

1920

Асе

Ни «да», ни «нет»!..
Глухой ответ —
Над ливнем лет
В потухший свет.

Я погружен
В бессонный стон:
В безвольный сон
Глухих времен.

Ты, как вода,
Струишь туда —
В мои года —
Ни «нет», ни «да».

1921
Больница

Пробуждение

Тянулись тяжелые годы,
Земля замерзала... Из трещин
Огонь, нас сжигавший годами,
Теперь потухающий глухо,
Сиял средиземной жарою.

Гляжу: под ногами моими
В твердеющих, мертвенных землях —
Простертые, мертвые руки,—
Простертые в муке —
Умерших...

А небо,—
Как синие шали:
Алмазами
Страстными
Блещет.

И — снова земля отделилась;
И — синяя шаль: мои крылья.
И снова несут меня крылья
В когда-то постигнутый
Дорнах!

И — там,
В бирюзеющих землях,
В негреющих светочах,—
Дорнах!

Ты — там:
В розовеющих
Зорях,
В негреющих
Светах,
Как прежде...

Отдаться ль, как прежде,
Надежде —
Росе бирюзеющей,
Нелли?

. . . . . .

Вставай, подымайся в пространстве
Трезвеющим светочем, Солнце!

Октябрь 1921
Ковно

Жди меня

Далекая, родная,—
Жди меня...

Далекая, родная:
Буду — я!..

Твои глаза мне станут —
Две звезды.

Тебе в тумане глянут —
Две звезды.

Мы в дали отстояний —
Поглядим;

И дали отстояний —
Станут: дым.

Меж нами, вспыхнувшими,—
Лепет лет!..

Меж нами, вспыхнувшими,—
Светит свет.

1924
Москва

Марш

Упала завеса: и — снова
Сурово разъяты закаты —

В горбатые,
Старые
Скаты —
— И в синие
Линии
Леса.

Упорным размеренным шагом
Проходим над черным обрывом...

Блеснуло —
Бесплодным
Зигзагом: —
— Рвануло —
Холодным
Порывом.

Потухли,— как в пепле,— дороги;
Засохли шершавые травы...

Распухли
Склоненные
Ноги.

Горят
Воспаленные
Веки...

Оглохли,
Ослепли —
— Навеки!

1924
Москва

Сестре

К. Н. Бугаевой

Не лепет лоз, не плеск воды печальный
И не звезды изы́скренной алмаз,—
А ты, а ты, а — голос твой хрустальный
И блеск твоих невыразимых глаз...

Редеет мгла, в которой ты меня,
Едва найдя, сама изнемогая,
Воссоздала влиянием огня,
Сиянием меня во мне слагая.

Я — твой мираж, заплакавший росой,
Ты — над природой молодая Геба,
Светлеешь самородною красой
В миражами заплакавшее небо.

Все, просияв,— несет твои слова:
И треск стрекоз, и зреющие всходы,
И трепет трав, теплеющих едва,
И лепет лоз в серебряные воды.

1926
Кучино

* * *

Мигнет медовой желтизною скатов,—
Пахнет в окно сосною смоляной,—
Лимонна — бабочка... И томно матов
Над голубем голубизною зной.

Из-за чехла — мельканье мелкой моли,—
Из сердца — слов веселый перещелк.
Мне не к лицу лирические роли:
Не подберешь безу́толочи толк.

Я над собой — песчанистою дюной —
В который раз пророс живой травой!
Вспорхнув, веду,— нелепо, глупо, юно,—
В который раз — напев щеглячий свой.

В который раз мне и близки́, и милы,—
Кустов малиновые листики,—
Целительно распле́щенные силы
И длительно облещенные дни!

В который раз мне из меня дохнула
Сознанию незнаемая мощь,—
Волной неумолкаемого гула,
Парной жарой и птичьим щелком рощ.

1926
Кучино

* * *

Снег — в вычернь севшая, слезеющая мякоть.
Куст — почкой вспухнувшей овеян, как дымком.
Как упоительно калошей лякать в слякоть —
Сосвистнуться с весенним ветерком.

Века, а не года,— в расширенной минуте.
Восторги — в воздухом расширенной груди...
В пересерениях из мягкой, млявой мути
Посеребрением на нас летят дожди.

Взломалась, хлынула,— в туск, в темноту тумана
Река, раздутая легко и широко.
Миг,— и просинится разливом океана,
И щелкнет птицею... И будет —
— солнышко́!

1926
Москва

* * *

Я — отстрадал; и — жив... Еще заморыш навий
Из сердца изредка свой подымает писк...
Но в переполненной, пересиявшей яви
Тысячемолнийный, гремучий светом диск.

Мне снова юностно: в душе,— в душе, кликуше —
Былые мглы и дни раздельно прочтены.
Ты,— ненаглядная?.. Ах,— оветряет уши
Отдохновительный, веселый свист весны.

Всё, всё,— отчетливо, углублено, понятно
В единожизненном рожденьи «я» и «ты»,
Мгла — лишь ресницами рождаемые пятна:
Стенанье солнечной, бестенной высоты.

1926

Демон

Из струй непеременной Леты
Склоненный в день, пустой и злой,—
Ты — мо́рочная тень планеты;
Ты —
— шорох,—
вылепленный мглой!

Блистай в мирах, как месяц млечный,
Летая мертвой головой!
Летай, как прах,— как страх извечный
Над этой —
— бездной —
— роковой!

Смотри, какая тьма повисла!
Какой пустой покой окрест!
Лишь, как магические числа,—
Огни —
магические —
— звезд...

Как овцы, пленные планеты,
Всё бродят в о́рбитах пустых...
Хотя бы взлетный огнь кометы!
Хотя бы —
— мимолетный —
— вспых!

Всё вспыхнуло: и слух, и взоры...
Крылоподобный свет и гул:

И дух,— архангел светоперый —
Кометой —
— небеса —
— проткнул!

И — чуждый горнему горенью —
В кольцо отверженных планет —
Ты пал, рассерженною тенью,
Лицом —
— ощуренным —
— на свет.

1929
Кучино

Рождество

Трещит заискренным забором
Сухой рождественский мороз...

И где-то ветер вертким вором
Гремит заржавленным запором;
И сад сугробами зарос.

И те же старые турусы
Под бородою Иеговы...

О, звезды — елочные бусы,—
И ты, Юпитер синеусый,
Когда же оборветесь вы?

Протми сияющие песни,
Уйми слезливую игру,—

Вселенная, — погасни, тресни:
Ты злая глыба глупой блесни!
Ты рыба, льющая икру!

Нет, лучше не кричать, не трогать
То бездыханное жерло:

Оно — черно, как кокс, как деготь...
И по нему, как мертвый ноготь,—
Луна переползает зло.

1930
Кучино

Старый бард

Как хрусталями
Мне застрекотав,
В луче качаясь,
Стрекоза трепещет;
И суетясь
Из заржавевших трав,—
Перевертная
Ящерица блещет.

Вода,— как пламень;
Небо,— как колпак...
Какой столбняк
В застекленевших взорах!
И тот же я
Потерянный дурак
В Твоих, о Боже,
Суетных просторах.

Вы — радуги, вы —
Мраморы аркад!
Ты — водопад
Пустых великолепий!..
Не радует
Благоуханный сад,
Когда и в нем,—
Как в раскаленном склепе...

Над немотой
Запелененных лет
Заговорив
Сожженными глазами,
Я выкинусь
В непереносный свет
И изойду,
Как молньями,— слезами.

Я — чуть живой,
Стрелой пронзенный бард —
Опламенен
Тоской незаживною,
Как злой, золотоглавый
Леопард,
Оскаленный
Из золотого зноя.

1931
Кучино

Тимпан

Поднял голос —
— Упорный, лукавый,
Как Пан —
— И —
— Отрывистый —
Гривистый
Черный
Курчавый
Тимпан.

Точно сон из забвенья,
Точно хитон
Фиолетовый,—
— Флейты —
— В день
Трепетный —
— Пение...

Са́фо —
— Из шарфа
Душистым,
Как воздух,—
— Лицом —
Озарилась —
На звук...

Арфа —
— Струилась —
— Ручьем —
— Серебристым —
— Из рук!

1931
Кучино

Пещерный житель

Я — инок темный —
Нищ и гол;
Мне был глагол,
Как гром
Огромный,—

Когда, качая воздух,
Дол,
Взошел
На тверди облак
Громный:

— «Я —
Двери душ;
И Я
Твой дом!

— Исполни
Мой завет
Небесный!»

Я — лань
Испуганная —
Зрел:
Из молний
Вышел муж
Чудесный...

Он длань
Простер
И очи мне
Пронзил и жег
Пернатым светом.

Со мною — Бог!
Я,— как в огне!
Внемлю пророческим
Заветам.

Своим всклокоченным
Крылом
Он проогнил
Моря и суши,—

И молнил свет,
И полнил гром —
Мои растерзанные
Уши...

Я — бледен, голоден
И бос:
Живу,
Таясь, как зверь,
В пещере...

Жду:
В ослепленный мир
Христос —
Откроет огненные
Двери...

1931
Кучино

Пародия *

Под Гумилева

Я — молода: внимают мне поэты;
Я — как звезда, над блеском вечерниц;
Стан — как лоза; глаза — как кастаньеты,
Бросаются из шелковых ресниц.

И тут, и там, — мне юноши Гренады
Бряцают саблями,— по вечерам,—
Под окнами играя серенады,
А по утрам — сопровождая в храм.

Мне посвящал рондэли ** — Пирсо Памбра,
Мне обещал дуэли — дон Баран;
Но мне милее — минарет Альгамбры,
Вдруг задрожавший в воздух ятаган ***.

Где мраморами белого бассейна
Украшен сад и где всклокочен лавр,—
Там — на заре проходит в дом Гуссейна
Хавей-Хумзи, мой ненаглядный мавр!

Его тюрбан, как митра снеговая,
Волной кисей полощется с плечей,
Свой пенный шелк в лазурь перевивая;
А блеск очей, как... плеск кривых мечей.

Как дым, разлет молочного бурнуса;
Как роза, розовая гондура́ **** —
Играет чешуей сереброусой;
Бряцает в ночь браслет из серебра.

За ухом цветик зыблется лениво...
Но... в полумрак...— взорвется барабан!..
И — выбрызнет, вдруг завизжав плаксиво,
Кривой, как месяц, ясный ятаган.

И станет красной белая веранда:
Качаясь в ночь, оскалясь из руки,—
Там голова распластанного гранда
Поднимется над берегом реки.

1931
Кучино

---

* Автор — восхищенный ценитель африканских стихов Н. С. Гумилева; «Пародия» — добродушная шутка.

** Рондэль — стихотворная форма.

*** Ятаган — кривой меч.

**** Гондура́ — так западноафриканские арабы называют род легкой, длинной, цветной туники, которую они носят под бурнусом.

Трус городов

В трус городов
Рос
Гул и глас
Некий:

— «Я,— Христос
Иисус,—
С вами здесь
Вовеки.

Я — гром,
Гул...
Я — мировой
Слом.

Я — вас
Сомкнул
В дом световой
Свой».

Вы — дым,—
Дни!
Вы — прах,—
Храмы!

Кройте дымом
Седым
Тысячелетние
Срамы.

Стройте свой
Дом
В легкий лет
Поднебесий!

Руки в гром
Прострем;
И — пропоем:
«Воскресе!»

1931
Кучино

Подъем

Пары кипят,
Росой перловой тая;
Едва дымят
Из бледных отдалений,—

Как нежный вздох,
Как стая горностая,
На серый мох
Перегоняя тени.

Стальным зубцом
В развеянные пряжи
Проткнулся блеск
Алмазящихся стекол: —

Под месяцем
В серебряные кряжи,
Крича, кентавр
Караковый процокал.

1931
Кучино

День

Я выбросил в день
Теневую ладонь:
«О день,— переполни!
О, светом одень!»

И пырснула тень:
И как солнечный конь
Вдруг бросил из молний
Мне в очи огонь.

И воздух игривой
Улыбкой блеснул;
И блещущей гривой
Под облак мигнул;

И гул прокатился
В сутулых веках;
И гром громыхнул
В золотых облаках;

Откуда, слезяся
В свой плащ световой,—
Над чащей склонясь
Золотой головой,—

Рукой золотой
Поднимался в туман —
Сутулый, седой,
Гололобый титан.

1931
Кучино

Лес

И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.
А. Пушкин

Ныряя в сумерок дубровный,
Здесь суматошливые фавны
Язык показывают свой.
И бродит карла своенравный,
Как гриб, напучась головой;

С угрюмым горбуном Аммосом
Дивуется перловым росам
Из бледно-палевого дня;
Уставясь безобразным носом,
Слезливо смотрит на меня.

Я шляпу перед ним сметаю:
— «Мое почтенье-с!..» А Аммос —
Пасет, внимая лепета́ю,
Свою блистающую стаю
Тяжелых, добрых, желтых ос;

Глядит в ручей курчавый, пенный;
И под сосной зеленотенной
Пускает из ноздрей туман;
А над сосной встает надменный
И сухопарый великан.

И суматошится день целый
В лесной пещере тот же гном;
Багровый, злой, остервенелый,—
Кует серебряные стрелы,
Приготовляет к ночи гром.

Готово!.. Тучищу пропучит;
Она — моргает и ползет;
Над лесом гребень дедерючит;
А ветер из ветвей мяучит,
Как сумасшедший, дикий кот.

И кто-то скачет вдоль дороги,
Свои вытягивая ноги
На перепрелый, серый пень...
Маячит — сумрак чернорогий;
И плачет — белоногий день.

1931
Кучино

Король

Проходит дорогой
Из мира ушедший —
В короне двурогой
Король сумасшедший.

И блещут огромные
Синие
Очи —

В зловещие, темные
Линии
Ночи.

И плещут из пыли
Клочки багряницы,—

Как красные крылья
Испуганной птицы.

Он в дикое поле
Бросает
Ладони —

И дикое поле
Топочет
Погоней.

1931
Кучино

Андрон

Лесная дебрь... Там, на опушке
Свирепый вепрь залег в кусты;
Там курьерогие избушки
Глядят в болотистые мглы;

Там по ночам нагие бабы,
Схватясь руками за бока,
Трясясь, как животами жабы,—
Со свистом чешут трепака;

Там с вытоптанной, пнистой плеши,
Надев треух, сев на пенек,
Быкоголовый, пегий леший
Развел трескучий огонек...

Клочится дым... На поле строгом
Виляет пыль седым винтом;
И бродит ветер по дорогам;
И глухо колобродит гром;

И — древний, роковой возничий,—
Седой, всклокоченный Андрон *,—
Гремя телегой, порет дичи,
Летучей молнией взогнен.

1931
Кучино

Берлин

Взор
Божий,—
— Пламенные
Стрелы,—
Взогнит наш каменный
Позор...

Куда нам убежать
От гнева?
И как взвизжать
Из черных нор?

Дух —
Чрево,—
— Пучащие газы,—
Потухни!

Рухни,
Старый храм,—
— Где —

Вспух
От злобы
Озверелый,—
— Безлобый
Узкоглазый —
— Хам!

Жрец сала, прожеватель
Хлеба,—
Упорно
Вспучив

* «Поехал Андрон на телеге» — в народном диалекте выражает бестолочь, чепуху, бред.

Смокинг —
— Гроб,—

Со щелком нахлобучив
Небо,—
— Свой черный
Котелок —
— На лоб,—

Сжав
Совесть —
— Лаковым
Портфелем,

Живот —
— Караковым
Пальто,—

Вот —
Побежит к конечным
Целям,—
— Чтоб —
— С тумбы

Грянуться
В ничто!

1931
Кучино

Кольцо

— «Кольцо —
— Сними мое:
Мое, как лед —
Лицо!

— В сырой,—
— Как лед, глухой
Земле — скорей
Укрой!..

— Мой дух —
— Сквозной взметет
В поля — сквозной
Воздýх!.. *

---

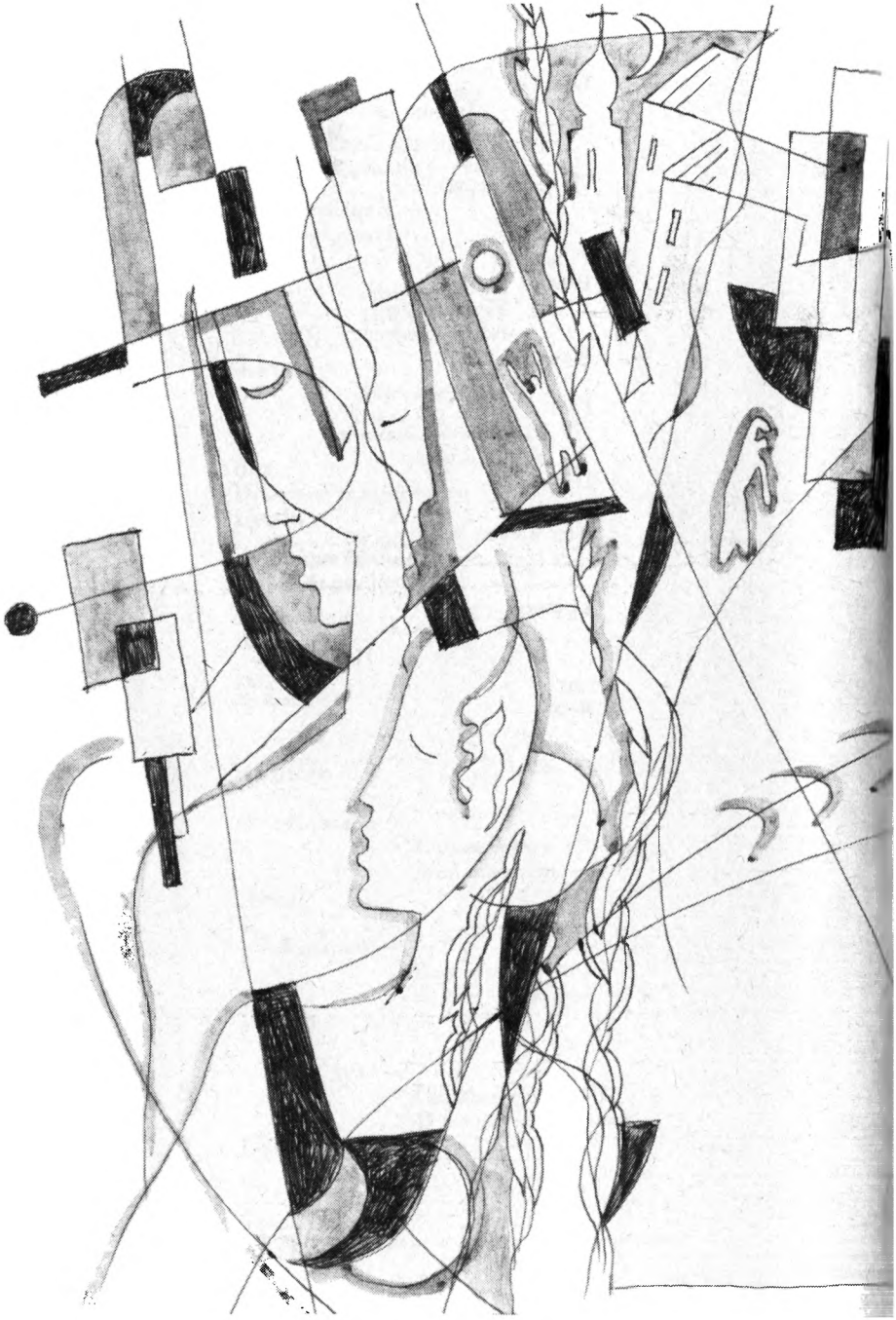
* «Воздýх» (а не вóздух): покров на умерших.

— Тебя —
— Найдет серебряным
Лучом
Кипя —
— Любовь! —
— Моя!..»
. . . . . .
И — то — ж: —
— Благоухающее
Поле,—
Рожь,—
В ночь
Улетающие
Волны, ветер,
Ночь...

Гул
Вдруг набрякавших
Колокольцóв —
Плеснул,

Как в сон —
— Проплакавший,
Серебряный —
Трезвон —
— Тех —
— Похорон...

1931
Москва



ПЕРЕРАБОТАННЫЕ СТИХИ

Лира

Звучи же,— о бледная
Блеснь!

Молчи же,— страдание
Мира!

Дыхание — звонкая
Песнь.

Душа — семиструнная
Лира.

Летайте —
Над лепетом лет!

Блистайте,—
Небесные руны!

Зови,
Легкоперстный
Поэт,—

И рви
Свои тонкие
Струны!

1900, 1921

Шорохи

Вы ль,—
— Мои
Небыли?

Ты ль,—
— Быстрый
Свет?

Были ли,
Не были ль —
— Искры,—
Поэт?

Гарево —
— Пыли —
— Из марева —
— Лет!
Нет,—
Не измеривай!..

Дерево —
— Там —
— Пляшет
Листвой
Оголтелою —
— В гам.

Машет
Рукой
Омертвелою —
— Нам...
Падает —
— Падает —
Падает
— Ночь...

Дай,
Изнемочь!..

Прочь,
Постылая,—

Прочь!

Прыснула —
Прочь —
— Острокрылая —
Почь...

Прыснула
В выспрь —
— Острокрылая —

Быстрь...
Падаю —
— Падаю —
— Падаю —
— Я...

Не превозмочь
Тебя,—

Быстрь
Бытия.

1900, 1929

* * *

Восток побледневший,
Восток онемевший,
Восток прозаревший —
— Как инок,
Запевший,—

Над тенью осинок,
Над ленью лозинок,
Над сенью долинок —
— Восток
Онемевший!

Березы сквозные;
Рои — росяные,
Цветы вырезные...
— А белые,—
Эти —

Мы в лете скрывали;
И в лете узнали:
Мы,— дети,— сказали,—
— Что эти —
О свете!

Август 1901, 1921

Россия

Те же — росы, откосы, туманы...
Над бурьянами —
Рдяный
Восход;
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий бедный народ.

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый,
Свинцовый
Наш край —
Нам бросает с холодного поля,
Посылает нам крик: —
— «Умирай».

Мараморохи по полю носят:
Те же стаи несытых смертей
Под откосами
Косами косят —
Под откосами
Косят
Людей.

Свищут желтые, желклые травы;
И грозит горизонтов кольцо: —
Свистоломами точит
Суставы;
Пустоплюями мочит
Лицо.

Отголоски собачьего лая...
Тучи — взапуски. Небо — взадуй...
Коловерть,—
Сумасшедшая, злая...
Смерть,—
Пади: и меня — расколдуй.

1908 (25)

Любовь

— «Да, может быть,— сказала ты,—
Не то...»
— «До нового,— воскликнула
Сирена,—
Свидания...» Но знали мы:
В ничто
Кипучая перекипает
Пена.

— «Не верю я, что — навсегда...»
И вот —
Я вопрошал: твои глаза
Не лгали...
Нас омывал сквозной
Водоворот.
И волны в плач глаза
Перелагали.

Едва серпом юнели
Небеса;
А под рулем смелели светом
Пены;
На корабле надулись
Паруса;
За мелями отпели
В ночь сирены.

И вот тебя в безбрежность
Понесло;
На горизонте бледном,
Золотистом,

Взволнованное облако
Взошло,
Омолненное ярким
Аметистом.

В водовороты, в дым дельфинных
Игр
Белел корабль, как лебедь
Улетавший.
И запад гас, как полосатый
Тигр,
Заоблачные лапы
Распластавший.

1901, 1921

О полярном покое

(говорит виолончель)

1

В хрустальные
Дали,—
— Где
— Ясным
Стеклярусом —
— Пересияли
Блисталища: стаи полярные
Льдин —

И —
— Где —
— Блеснью
Янтарные
Копья
Заката — изжалили
Слепшие
Взоры —
— В печальные
Стали
Буруна —
— Отчалила шхуна.

2

И —
— Парусом —
— Красным,
Как ясный рубин,—

И —
— Окрепшею
Песней —
— Под зорькой —
— Отчалили —
— В хлопья
Тумана —
— Поморы.

3

Заводит —
— Разрывами
Вод
Свою песнь —
— Ходит
Водами,—
— Носится —

Горькое море!
И —
— Год
Осиянный —
— За годами
Бросится
Там —
— Ураганами
Менами,
Брызгами
Вод
Разрывными —
Слетит —
— В коловорот
Разливанный.

4

Ничто не изменится!..
Только —
— Мятежится
Море,
Да тешится
Кит —
— Проливными
Фонтанами —
— Пенами,
Взвизгами,
Взрывами
Вод —
— В коловорот
Разливанный...

5

И над каменным
Кряжем —
— Невнятными
Майями
Дальних
Печальных
Годин —
Быстро выпала
Ворохом
Белого пепла
Зима...

И —
— Окрепла
Хрустальною пряжей
Полярная тьма.
И —
Осыпала —
— Пламенным
Мороком: —
— Пятнами
Спаянных льдин.

/Июль 1901, 1922/

Мути

Поле убогое;
Плесени пней:
В них рогорогое
Тменье теней.

Вымутнен куревом
Плесенный пруд;
В небе лазуревом
Вытянут прут.

Полнится мутями
Всё бытие:
Полнится жутями
Сердце мое.

— «Лапою темной
Тебя обойму...»
Лапою темною
Брошен во тьму.

1901, 1929

Страх

Жду — твой глагол из пламени приять.
Жду — знамений... Но ужас, —
— Дух гнетущий,—

Как вор,
Как тать,—

В горах
Ползущий.

Косматый прах бормочет в облаках,—
Метет горé всклокоченные —
— Суши...

Как раб
В норе,—

Спасаю
Душу...

Из тучи злой летучая змея
Иглой огня меня пронзит —
— Бесцельно...

Душа
Моя

Скорбит
Смертельно.

1901, 1931

Волны зари

В весенние волны зари
Прордели кресты колоколен.
Гори, мое сердце, гори:
Опять я свободен и волен.

Опять посылает мне даль
Вздыхающий, тающий отдых:
Свою голубую эмаль,
Свой кроткий, пурпуровый воздух.

И — первую, легкую тень,
И — ласточек легкие визги;
Опять отрясает сирень
Лучистые, чистые брызги.

И веет вздыхающий лес
Мне запахом пряного нарда...
У склона воздушных небес
Протянута шкура гепарда.

1902, 1918

Дорога

И тот же шатается
Колос,
И той же прохладой
Пахнёт;

И ветер — серебряный
Голос —
Серебряный волос
Взовьет.

И та же певучая
Стая,
Визжа, вылетает
Из дней,—

Над нивой воздушно
Шатая
Летучие пятна
Теней.

Туда ж,— к голубому
Чертогу,—
Означит всевидящий
Бог —

Взметаемой пылью
Дорогу;
И — плачет пастушечий
Рог.

Как пыль световая,
Взвиваясь,
Как облачко, тая
В слезах,—

Как жаворонок
Заливаясь,—
Я жизнь окрылю
В небесах.

Март 1902, 1931

Овес

Даль,— как стекло:
Над золотистой нивой —
— Шумит овес...

Всё, всё — прошло!
С души нетерпеливой —
— Слетел вопрос.

Кипят колосья
Над межою тою —
— Как злая шерсть;

Слетает солнце
Краснозолотое —
— В седую персть.

Завеют тени
Призрачного мира —
— Сквозной волной,

Дыша в поля,
Как золотой порфирой —
— Замглеет зной.

Нет — ничего!
И — ничего не будет —
— И ты — умрешь...

И рухнет мир...
И Бог его забудет...—
— Чего ж ты ждешь?

Ось мировую
Время расшатает —
— Потухнет свет.
Во мгле пустой,
Как дым седой, растает,—
— Полет планет.

Росеет луг...
Слетает, холодея,—
— В перловый жар,
Оранжевою
Ржавчиною рдея,—
— Багровый шар.

Пространства гаснут,
Прахом распадаясь;—
— И — я; и — ты...

Там — жизни нет:
Грозят, туда бросаясь,—
— Мои персты.

Июль 1902, 1931

Н. В. Бугаеву

1

Запламенел за дальним перелеском
Янтарно-красным золотом закат.
Кузнечики назойливые треском
Кидали в нас. Вился дымок из хат.

Садились мы, и — что-то, полный смысла,
Ты вычислял, склонившись над пеньком.
И — нить плелась. И — складывались числа.
И — сумерки дышали холодком.

Ты говорил: «Летящие монады
В эонных волнах плещущих времен,—
Не существуем мы; и мы — громады,
Где в мире мир трепещущий зажжен.

В нас — рой миров. Вокруг — миры роятся.
Мы станем — мир. Над миром встанем мы.
Безмерные вселенные глядятся
В незрячих чувств бунтующие тьмы.

Незрячих чувств поверженные боги,—
Мы восстаем в чертоге мировом».
И я молчал. И кто-то при дороге
Из сумерок качался огоньком.

Твои глаза и радостно, и нежно
Из-под очков глядели на меня.
И там, и там — над нивою безбережной —
Лазурилась пучина бытия.

И чуть светил за дальним перелеском
Зеленоватым золотом закат:
Кузнечики назойливые треском
Кидали в нас. Стелился дым от хат.

2

Цветут цветы над тихою могилой.
Сомкнулся тихо светлой жизни круг.
Какою-то неодолимой силой
Меня к тебе приковывает, друг!

Всё из твоих отворенных оконец
Гляжу я в сад... *Одно, навек одно...* *
И проливает солнечный червонец
Мне пламенное на́ руку пятно.

---

* Стихи Вл. С. Соловьева.

И веяньем проносится: «Мы — боги,
Идущие сквозь рой миров,— туда,
Где блещет солнце в яркие чертоги,
Где — облака пурпурная гряда...»

1903, 1914

* * *

Прошумит ветерок
Белоствольной березой;
Колыхается грустный венок
Дребежжащей, фарфоровой розой.

Черных ласточек лёт;
Воздух веющий, сладкий...
С легким треском мигнет
Огонечек лампадки.

Ты не умер — нет, нет!
Мы увидимся вскоре...
Не замоет потоками лет
Мое тихое горе.

Над могильным холмом
Из-за веток сирени
Бледно-белым лицом
Тихо клонится гений.

Август 1903, 1922

Церковь

И раки старые; и — мраки позолоты;
В разливе серебра — черна дыра киота; —

И кто-то в ней грозит серебряным перстом;
И змея рдяного разит святым крестом.

Под восковой свечой седой протоиерей
Встал золотым горбом из золотых дверей;

Крестом, как булавой, ударил в ладан сизый:
Зажглись, как пламенем охваченные, ризы.

Два световых луча, как два крыла орла...
И,— тяжело крича, дрожат колокола.

Июль 1903, 1921

Кладбище

Ветров — протяжный глас, снегов —
Мятежный бег
Из отдалений...

Перекосившихся крестов
На белый снег
Синеют тени...

От нежных слез и снежных нег
Из поля веет
Вестью милой...

Лампад
Горенье в ряд
Берез —

Малиновеет
Над могилой...

Часовня бледная
Серебряной главой сметает
Иней,—

Часовня бедная
Серебряной главой — блистает
В сини...

Тяжелый дуб, как часовой,
Печально внемлет
Звукам муки: —

Косматый снéгами,— в суровый вой
Подъемлет
Руки...

И бросится
Его далекий стон:
Сухим
Порывом...

И носится
Оцепенело он —
Глухим
Отзывом...

И только: —
— Вышину
Мутит
В сердитом
Беге
Вьюга...

И только:—
— В тишину
Звучит —
Забытый
В снеге —
— Голос друга...

1903, 1922

Усадьба

Чугунные тумбы
Торчат под крыльцом;
Проросшие клумбы;
Заброшенный дом.

Дворянских фамилий
Облупленный герб;
И — заросли лилий;
И — заросли верб.

Там ставнею сорванной
Хлопнет окно;
Там жизни оборванной
Темное дно: —

Кушетки, козетки,
Куранты, чехлы
И мертвые предки —
Проблекли из тьмы.

Под сводами арок
Тенеет порой
Там плачущих парок
Бормочущий рой.

Июнь 1903, 1925

Поэт

Бальмонту

О,—
— Поэт,—

Твоя речь
Будит
Грусть!

Твоя
Речь —
Будет
Пусть —

— Верч
Планет,—
Смерч
Веков,—

— Меч
Планет —

Световой
Вой
Миров —

— В горнем мареве
Мрака,—
— Блеснувший,

Как дым,—

— Золотым
Колесом
Зодиака.

Май 1903, 1929

Аргонавты

1

Дорога
Долга...

И, простершие строго
Рога
Золотые,—
— Под облако —
— В дымы седые
Трубят —
— Аргонавты,—

Став
С нардами:
— «Длани
Свои простирайте
Огню!
— И — из солнечной ткани
Свою надевайте
Броню!»

И два раза —
— Рога —
— Проговорили
Строго...

2

Вода —
Мельк
Алмаза —
— И — Блески
Червонца

И лал,
Нестерпимый
Для глаза —
— Стоусый,—
Стоносый,—
Льет русые
Росы —
— Диск
Солнца —
— В тимпанные
Трески
И —
В визг...

Арго,—
В ветер
Натягивая —
— Парус
Бледно перловый,

И —
— Вздрагивая
В бирюзовый эфир —
— Кузов
Клонит...

3

Всё —
Минет...

Шар —
Тонет...

Жар —
Стынет.

И небо
В рубинах
Над нами;

И —
— В синий эфир
Улетая —
— Уже
Над орлами —
— Наш Áрго,
Наш Áрго,—
— Наш
Áрго —

Забил —
— Золотыми
Крылами.

1903, 1929

Тело

В неизносный,
Косный
Ком —
— Бьется
Сердце,—
— Светоём.

Тело
Бренное
И пленное —
— Бьется —
— Солнечной
Вселенною.

Очи — прянут:
Станут
Свет —
— В золотые —
— Ливни лет,—
— В золотое —
— Бездорожие...

В уши —
Грянут
Трубы —
— Божие!..

Суши
Каменные
Жгла —
— Сила пламенного
Молота...

Души —
Божьи
Зеркала,—
— Отражающие —
Золото.

1903, 1929

Брюсов

Сюита

1

Свисты ветряных потоков,
Рвущих черный плащ;
Тучи мороками рока
Вспучил горный хрящ.

В тьмой объятую стремнину
Маг, объятый тьмой,
Бросил белую лавину...
Шаг оборван мой.

Из-за скал, как клекот злого,
Горного орла,—
Бьет магическое слово
В сердце, как стрела.

Взвивший молнийные муки
Мертвой головы,—
Мертвый маг, сложивший руки,
Вставший в выси — вы.

1903, 1929
Москва

2

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям;

То, над книгою изогнут,—
Труд несешь грядущим дням.
Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость — готов напасть:

Пляшет черная бородка;
В острых взорах — власть и страсть...

Пламень уст,— багряных маков,—
Оттеняет бледность щек: —

Неизменен, одинаков,—
Режешь времени поток.

Взор опустишь, руки сложишь;
В мыслях — молнийный излом:

Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.

Нет, не мысли,— иглы молний
Возжигаешь в мозг врага...

Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога,—

Потрясая строгим тоном
Звезды строющий эфир: —

Где-то там — за небосклоном —
Засверкает новый мир;

Там, за гранью небосклона,—
Нет, не небо,— сфера душ:

Ты ее в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь!

Неизвестную туманность
Нам откроет астроном: —

Мира каменная данность —
Мысль, стверженная числом.

В строфах — рифмы, в рифмах — мысли
Созидают бытие:

Смысли, сформулируй, счисли,—
Стань во царствие твое!

Числа, рифмы, сочетанья
Образов и слов, поэт,—

Становленья, восставанья
Всех вселенных, всех планет!

Все лишь символ... Кто ты? Где ты?
Мир, Москва и «Скорпион»!

Солнце, дальние планеты!..
Все течет, как дальний сон.

С быстротою метеора
Оборвавшийся к нам маг,—

Стал печатного набора
Корректурный черный знак.

1904—1929
Москва

3

Свет,— как жегло́; и воздух — пылен;
День,— как пустой стеклянный страз;
В него ты выпучил, как филин,
Огонь непереносных глаз.

Твой голос — звуки афоризма;
Шаг — стуки похоронных дрог;
Мысль,— как отточенная призма;
Всклокоченная бровь — издрог.

Как пляшущие жабы,— речи;
Как черный бриллиант,— глаза.
Ты, как Атлант, взвалил на плечи
Свои пустые небеса.

Докучное, как бормашина,
Сплошное, мировое все,—
Шипит, как лопнувшая щина,
Жужжит, как злое колесо.

Изверженный тоской железной
Из этой звездной высоты,—
Как некий стержень бесполезный,
Как кукла вылитая,— ты!

Изогнутый дугой упорной
В наш бестолковый перепуг,—
Взвивай из мороков свой черный,
Всегда застегнутый сюртук.

1907, 1931
Москва

4

Разрывая занавески,
Ветер — винт перевертной —
Кружевные арабески
Завивает надо мной.

Плещут тюлевые шторы;
Тени ползают в окне,

Как невидимые воры
В душном, обморочном сне.

Ты ль, вытягиваясь в нише,
Пылью пепельною встав,—
Под железный желоб крыши
Взвил невидимый состав?

Ты ль, скривляясь тенью злою,
Губы к уху перевлек,—
Черной, морочной полою
Перерезав потолок?

Словно вздох, зефира тише,
Словно дух небытия,—
Легколепетней, чем мыши,
Легколепетное: —
— «Я!»

Сгинь,— покоя не нашедший,
Оболгавший свой позор,—
Бестолковый, сумасшедший,
Теневой гипнотизер!

В синем дыме папиросы
Встали синие персты;
Прожужжали, словно осы:
«Сгинем,—
— Минем
— Я —
— И ты!»

1931
Кучино

5

В Бездну
Безвременья
Падай,—
— Из бездны
Безвременья,—
Непеременною сменой,—

Кольцо
Бытия!

Прядай,
Седая
Струя —
— Из безвременья —
На бытие мое!

Ты,— незнакомое
Время,
Обдай мне лицо
Своей
Пеною!

Мертвенный не́мень,—
Рыдая,
Я
Падаю!
Времени
Нет уже...

Падаю
В эту же —
— Бездну
Безвременья.

1929
Кучино

6

Я обменял свой жезл змеиный
На белый посох костяной.
В. Брюсов

Туманы, пропасти и гроты...

Как в воздух, поднимаюсь я:
Непобедимые высоты —
И надо мной, и вкруг меня...
У ледяного края бездны
Перебегает дым сквозной:
Мгла стелится передо мной.

Ударился о жезл железный
Мой посох бедный, костяной: —
И кто-то темной, из провала
Выходит, пересекши путь;
И острое скользнуло жало,
Как живоблещущая ртуть;
И взрывом дьявольского смеха
В раскаты бури снеговой
Ответствует громами эхо;
И — катится над головой
Тяжеловесная лавина...

Но громовой, летящий ком
Оскаленным своим жерлом
Съедает мертвая стремнина.

И вот уж — в пасти пропастей
Упали стоны урагана;
Скользнули на груди моей,
Свиваясь, лопасти тумана,—
Над осветленной крутизной,
Затаяв ясными слезами...

И кто же?
...Брат передо мной
С ожесточенными очами
Склонялся; и железный свой
Он поднял жезл над головой...

Так это ты?..
...Не изумленный,
Знакомый протянулся лик;
И жезл упал, не обагренный,
На звонкий, голубой ледник.
— «Зачем ты с ледяных окраин
Слетел, как кондор, месть тая,—
Исподтишка... Зачем, как Каин,
Ты руку поднял на меня?
Как трепетанье коромысла,
Как разгоранье серебра,—
Твои двусмысленные смыслы,
Твоя опасная игра!»

— «Мы горных искусов науку
И марева пустынных скал
Проходим вместе»,— ты сказал...
Братоубийственную руку
Я радостно к груди прижал.

Твои исчисленные мысли
В туман расклоченный повисли,
Как грани горного ребра;
И ты,— двуликий,— свет и мгла,—
На грани и добра, и зла.

Пусть шел ты от одной долины,
Я — от другой (мой путь — иной):
Над этой вечной крутизной
На посох бедный, костяной
Ты обменяешь жезл змеиный.

Нам с высей не сойти, о маг;
Идем: наш одинаков шаг...

Стоят серебряные цепи,
Подняв в закат свои огни;
Там — ледяных великолепий

Оденем чистые брони́.
Поэт и брат,— стезей порфирной —
В снега, в ветра,— скорей,— туда —
В зеркальные чертоги льда
И снегоблещущего фирна.

1909, 1929
Бобровка

7

Проклятый, одинокий
Бег,—
В косматый дым, в далекий
Снег...

Обвалы прядают,
Как молот:
И — скалы падают;
И — холод.

Переползает
Злая тень;
Как меч, перерезает
День;

И вниз,
Как зеркало стальное,
Ледник повис
Броней сквозною.

С тропы крутой —
Не оборвись!
Ясна обрывистая
Высь...

Седая, гривистая
Лопасть —
Слетает: стой!..
Чернеет — пропасть.

Бежишь, смеясь;
Сквозной ручей
Поет, сребрясь
Струной: «Ничей!»

Над мутью сирой
Лед зернистый
Слетел порфирой
Серебристой.

Луч солнечный
Пропел над тьмой...
Омолненный,—
Слепой; немой,—

Как кондор, над ужасным
Пиком,
Прозолотел прекрасным
Ликом.

Неизъяснима —
Синева;
Как сахарная
Голова,—

Сребрея светом,
Как из пепла,—
Гора из облака
Окрепла.
. . . . . .

Истают быстрые
Года,
Как искры
Золотого льда,—

Под этой звездной
Пеленою,—
Над этой бездной
Ледяною.

1907, 1929
Москва

Землетрясение

Как — пыли —
— Вьет!

Как —
— Тени
Пали
В пропасти!..

Как —
— Ветер —
— Из ковыли —
— В дали —
— Рвет —
— Платана —
— Лопасти!

Как —
— Из тумана —
— Пены
Нижут —
— Взмои —
— Перегонных
— Вод!

Так —
— Смены
Поколений —
— Слижут
Мглой
Плененный
Род...

Круги —
— Миров —
— Нарушены...

Беги!

И — верть!
И — смерть!

Дома —
Разрушены...

Сама —
— Не держит —
— Твердь...

Дым —
На полях.

Сухие
Мяты,
Тьмы...

Бежим —
— Куда-то,—
— Тьмой —
— Объяты,—
— Мы!

1903, 1930

Леопардовая лапа

Пыль косматится дымом седым;
Мир пророчески очи огнит;
Он покровом, как дым, голубым
В непрозорные ночи слетит.

Смотрит белая в тухнущий мир
Из порфировых высей луна;
Солнце — выбитый светом потир,—
Точно выпитый кубок вина.

Тот же солнечный древний напев,—
Как настой, золотой перезвон —
Золотых, лучезарных дерев
В бирюзовый, как зовы, мой сон.

Тот же ветер столетий плеснул,
Отмелькал ожерельями дней,—
Золотистую лапу рванул
Леопардовой шкуры моей.

Июнь 1903, 1931

Сумасшедший

Я — убежавший царь;
Я — сумасшедший гений...
Я, в гаснущую гарь
Упавши на колени,—

Всё тем же дураком
Над срывом каменистым
Кидался колпаком
С заливистым присвистом;

Влез на трухлявый столп
В лугах, зарей взогненных;
И ждал народных толп
Коленопреклоненных.

Но вышли на луга,
В зубах сжимая розы,
Мне опустив рога,
Испуганные козы.

В хмуреющую синь
Под бредящим провидцем —
Проблеяли: «Аминь!»
Пристукнули копытцем.

Август 1903, 1931

Могилы их

Памяти
М. С. и О. М. Соловьевых

— «Пора, пора!» —
Фарфоровые розы
В рой серебра
С могилы их зовут.

— «Пора, пора!»
Стоят, как дым, березы.
Ветра, как дым,
Седым порывом рвут.

Играет прах;
Бряцает взмах кадила...
Рой серебра,
Осолнечная брызнь...

Над нами — глаз —
Лазоревая сила!
Над нами, в нас —
Невидимая жизнь!

1903, 1931

Владимиру Соловьеву

Тебе гремел — и горный гром Синая;
Тебе явился бог...
Ты нас будил: твоя рука сквозная
Приподымала рог.

Как столб метельный, взвившийся воздушно
Из бури снеговой,—
Не раз взлетал над чернью равнодушной
Огромный голос твой.

Стою, осыпан белокрылой, свежей,
Серебряной пургой...
Мне сны твои,— здесь, над могилой,— те же,
Учитель дорогой!

Лазурные, невидимые силы
Над родиной — взойдут!
Пускай ветра венок с твоей могилы
С протяжным стоном рвут.

И тот же клич тысячелетней злобы,
Как бич, взметает мгла...
Ночь белые, атласные сугробы
На гробы намела.

Я слушаю слетающие звуки:
Вздыхая мне венком,
Бросая тень, мне простирая руки
Над красным фонарьком,

Твой бедный крест,— здесь, под седой березой,—
Из бледной бездны лет,—
О камень бьет фарфоровою розой:
«О друг,— разлуки нет!»

И бледных лент муаровые складки,
Как крылья, разовьет:
Спокойно почивай: огонь твоей лампадки
Мне сумрак разорвет.

1903, 1931

Лето

1

Над одуванным бережком
Жарой струит: переливает;
Пушинки легкие летком
В летенник белый улетают.

Вскипит зеленый лепетай,
Ветвистым лапником присвистнет;
Звененьем комариных стай
Густой ознойный воздух виснет,—

Над пересушенным листом
И над муругим мухомором...
В полях пройдет пустым винтом;
Дохнет: полуденным измором.

2

Высокий вихорь пылевой,
Народ ругая, но... не очень,—
Густой, косматый головой
Взвивает чернохохлый клочень;

Затеяв дутый пустопляс,
Заколобродит по дорогам,
Задует мутью в рот и в глаз;
И — разрывается над логом.

3

Тропой обрывистой меня
Из дня уводит в прелый тинник —
Глухая, хрусткая лазня
Сквозь сухорукий хворостинник;

Журчит железистый ржавец;
И — моховатое болото,
Где из гнезда шипит птенец,—
Слепой, бесперый, желторотый;

И там, где травы — ползунки,
Где в жар пересыхают броды,
Там — сероперые чирки;
И — пестроперые удоды.

4

Уже слезливые кусты —
Алмазноглазы, сыры, сыты;
Уже с небесной высоты
Слезятся в вечер лазулиты *.

И молний миглая игра
Очнется к ночи; месяц — льдинка...
И — ночи первая пора...
И — неба первая звездинка.

1904, 1920

Петел

1

И ночи, и дни
Как в туманах...

Встал
Алый, коралловый
Рог!

Я — устал,
Изнемог;
Ноги — в ранах...

Лай психи...
Огни...
Город — гроб...

Иглы терний —
Рвут лоб.

---

* Топаз.

Свете тихий,
Вечерний!

2

Гарь
Стелет волокна;
Фонарь
Поднимаю на окна.

— «Откройте —
Мне двери!
Омойте —
Мне ноги!»

И жути,
И муть...
Точно звери
В берлоге...

— «Я —
Светоч!..»
— «Я —
Двери!»
— «Я —
Путь!»

3

Круг — пребудет.

Воздух волен,
Светел.

Я —
Не болен...

Я —
Как пыл
Далеких колоколен.

Будет
То, что было —
Столько
Раз:

— «Мыло,
Полотенце,
Таз!..»
. . . . . .
Только
Петел
Ответил.

1904, 1931

В окне тюрьмы

Бросило блекло
Время —

В стекла
Моей тюрьмы —

Гнет,
Тень,
Бремя —

Вой
Злой
Зимы.

Лес
Весь
В снеге...
Галка,
Дым деревень...

Ветер — в поспешном беге
Ткет
Ночи тень.

Здесь —
Рушусь в ночь я,—
Рушусь
В провалы дня...

Клочья
Вьюжные — бросятся...

Сроки минут
Уносятся,—
— Не унесут
Меня.

1905, 1925

Разуверенье

Как нам уйти
От терпких этих болей?
Куда нести
Покой разуверенья?
Душе моей
Еще — доколь, доколе? —
Душе моей
Холодные волненья?

Душа — жива:
Но — плачет невозбранно;
Земля мертва...
Пройдут и не ответят.
Но — там: смотри!..
В огни зари,— туманно.
В огни зари —
Иные земли светят.

Воздушный путь!
Яснеющие земли!
И зреет высь,
И зреет свет пустыни!
Но здесь — пребудь
До века ты отныне...
Ты покорись —
И долгий мрак приемли.

Пусть он растет!
И вновь склонись послушно
Душой немой...
И жди: и час настанет...
И водомет
Своей струей воздушно,
Своей струей,
Как некий призрак, встанет.

Бесследны дни,
Несбыточны волненья.
Мы — искони
В краю чужом, далеком.
Безвременную
Боль разуверенья —
Безвременную
Боль — замоет током.

1907, 1921

Солнечный дождь

Подсолнечный дождик
В лазурь
Омолненным золотом
Сеет;

С востока — вечерняя
Хмурь;
И в лоб — поцелуями
Веет.

В полях — золотые
Снопы
Вечернего, летнего
Света.

И треплется тополь
С тропы,
Как влепленный в лепеты
Лета.

В объятиях облака
Спит —
Кусок голубого
Атласа;

И вездочка — ясно
Слезит,
Мерцая из мглы
Седовласой.

Я — милые щебеты
Пью,
И запах полыни
Не горек.

Тебя — узнаю: —
Узнаю!
Из розовых, розовых
Зорек.

Ты? Нет — никого...
Только лен —
У ног провевает
Атласом;

Да жук, пролетая
Под клен,
Зажуркает бархатным
Басом,—

Да месяц,— белеющий
Друг,—
Опалом очерчен
Из сини;

Да тускло остынувший
Луг
Под ним серебреет,
Как иней.

1905, 1931

Помойная яма

Бросила красная Пресня
В ветер свои головни...
Кончено: старая песня —
Падает в дикие дни.

В тучи горючие, в крики —
Тучей взметаемый прах...
Те же — колючие пики,
Кучи мохнатых папах.

Спите во тьме поколений,
Никните в грязь головой,
Гните под плети колени,—
Дети семьи трудовой!

Будет,— направленный прямо
В нас орудийный огонь...
Та же помойная яма
Бросила тухлую вонь.

В то же слепое оконце,
В злеющий жужелжень мух
И в восходящее солнце —
Пухнет мохнатый паук.

1906, 1925

Японец возьми

Муха жужукает в ухо,
Пыльная площадь — пуста...
В пригород, тукнувший глухо,
Желтая ступит пята.

Крик погибающих братий
Встанет в пустой балалай,
Лай наступающих ратей
Слышишь ли, царь Николай?

В блеск восходящего солнца,
Став под окошко тюрьмы,
Желтая рожа японца
Выступит скоро из тьмы.

Тухни,— помойная яма!
Рухни,— российский народ!
Скоро уж маршал Ояма
С музыкой в город войдет.

1906, 1925

Вставай

В черни людского разроя
Встал параличный трамвай;
Многоголового роя
Гул: «Подымайся... Вставай...»

Стекла каменьями бьются:
Клочья кровавых знамен
С площади в улицы вьются,—
В ворохе блеклых времен.

Улица прахами прядет,—
Грохнет сердитым свинцом;
Ворон охрипнувший сядет
Над восковым мертвецом.

1907, 1925

Город

Выпали желтые пятна.
Охнуло, точно в бреду:
Загрохотало невнятно:
Пригород — город... Иду.

Лето... Бензинные всхлипы.
Где-то трамвай тарахтит.
Площади, пыльные липы,—
Пыли пылающих плит,—

Рыщут: не люди, но звери;
Дом, точно каменный ком,—
Смотрится трещиной двери
И чернодырым окном.

1907, 1925

Пустой простор

Рой серых сел
Маячит
В голый дол;
Порывы пыли;
Вырывы ковыли.
Сюда отдай бунтующий
Глагол —

В маячащие,
Дующие
Плачи...

Прокопы, торчины,—
Пески...

Маячат трёпы туч
На дико сизом небе...
И точно —
Скорбно скорчены —
Лески;
И точно —
Луч
На недожатом хлебе.

Шатнет листвою
Ерзнувшая
Жуть;
В пустой овраг
По сорным косогорам
Течет ручей,—

Замерзнувшая
Ртуть...
Мой шалый шаг —
В разлом
Пустых
Просторов.

Страх,
Как шара́х мышей — в пустых
Парах,
Повиснувших, как сизый камень,
В небе...
Но грянет
Гром,
И станет
Пламень
В прах —

Ерошить: — мглой
Свой,
Яснокрасный
Гребень...

1908, 1925

Декабрь

Накрест патронные ленты...
За угол шаркает шаг...
Бледные интеллигенты...
— «Стой: под воротами — враг!»

Злою щетиной, как ежик,
Серый ощерен отряд...
— «Стой!..» Откарманенный ножик.
— «Строй арестованных в ряд!»

Вот, под воротами,— в стену
Вмятою шапкой вросли...
Рот, перекошенный в пену...
Глаз, дико брошенный... Пли!

Влеплены в пепельном снеге
Пятна расстрелянных тел...
Издали — снизились в беге:
Лицами — белы, как мел.

Улица... Бледные блесни...
Оторопь... Задержь... Замин...
Тресни и дребезень Пресни...
Гулы орудия...—
— Мин!

1908, 1925

Алмазный напиток

В серебряный
Расплёск
Как ослепленных
Глаз,—
— Сверкни,
Звездистый блеск!
Свой урони
Алмаз!

Дыши,—
В который раз,—
Души
Душистый стих! —
— Сверкни,
Звезды алмаз,—
Звездою глаз
Моих!

Раздольный
Плеск
Звучит
Покоем —
— Ветерков;

Настроем
Звезд — кипит
Невольный
Блеск —
— Стихов...
Душа,
Стихи струя,
Дыша,
Блеснет из глаз; —

За ней — и я,—
С себя —
— Слетающий
Алмаз.

1908, 1929

Старое вино

Зори,—
Вы
Угарно
Огневое —
— Старое
Янтарное
Вино!

Тот же круг
И ков
Столетий —
— Те же сети —
Ткет
Из года в год —
— Веков
Веретено!

Трав
Густой
Настой
На луге колосистом!

Полни,—
— Солнце,—
— Круг,
Кольцо
Из молний!

Ты —
Змея!
—
... Змея
Из трав
В лицо—
— Взвилась —
— Сердитым
Свистом...

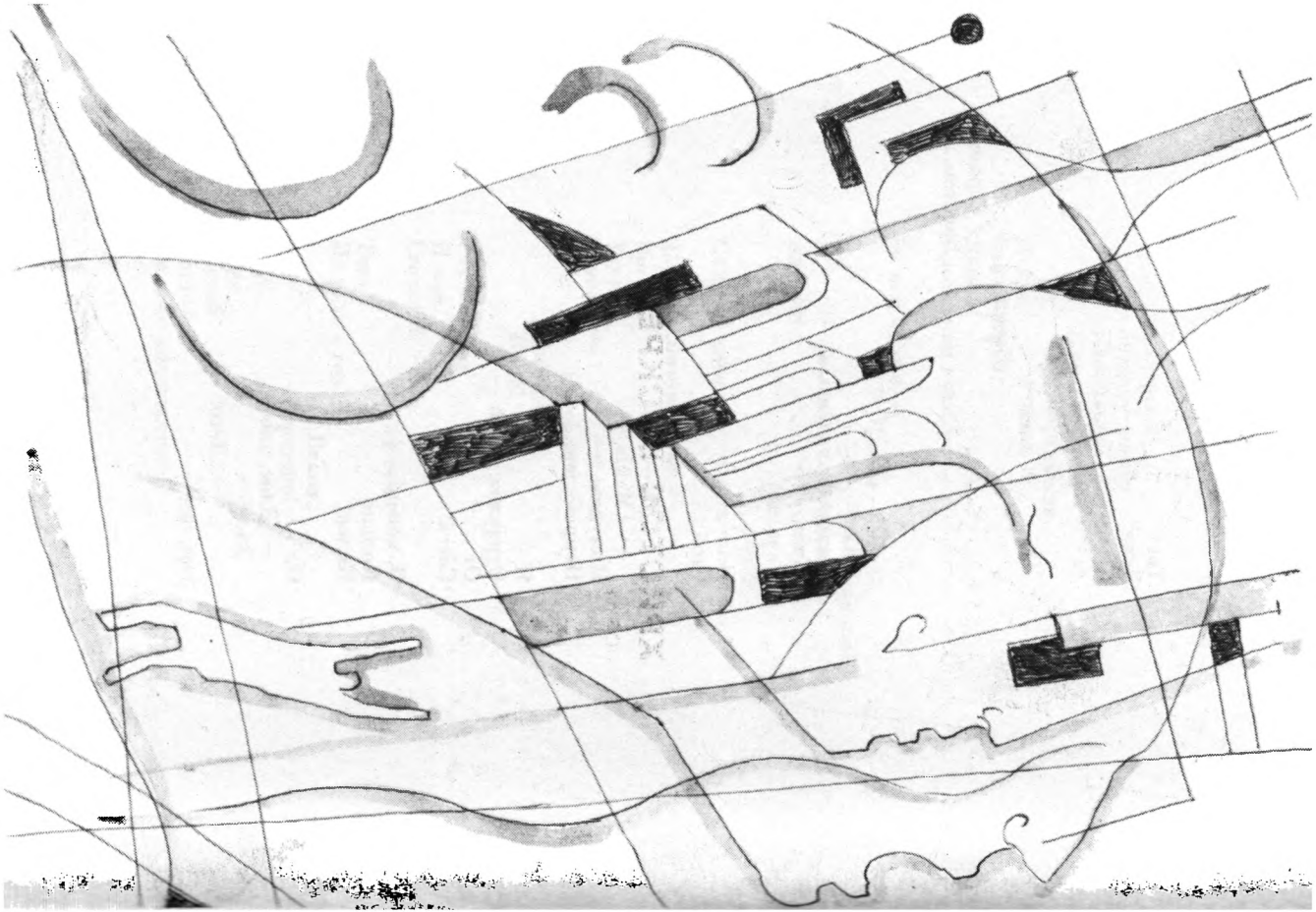
Жаль
Восторгом ядовитым,—
Жаль,—
Печаль
Моя!
Полудень,—
Стой!..
— «О, золотой,
О,—
Мой!»
Полудень —
Непробуден:

Я —
Отравлен тьмой —
От
Света!

О, конец!
Кольцо
Колец!

О,—
— Злое, злое,
Злое —
— Лето!

1909, 1931



ХРИСТОС ВОСКРЕС

ПОЭМА

1

В глухих
Судьбинах,
В земных
Глубинах,
В веках,
В народах,
В сплошных
Синеродах
Небес
— Да пребудет
Весть:
— «Христос
Воскрес!» —
Есть.
Было.
Будет.

2

Перегорающее страдание
Сиянием
Омолнило
Лик,
Как алмаз,—
— Когда что-то,
Блеснувши неимоверно,
Преисполнило этого человека,
Простирающего длани
От века и до века —
За нас.
— Когда что-то
Зареяло
Из вне-времени,
Пронизывая Его от темени
До пяты...

И провеяло
В ухо
Вострубленной

Бурею Духа: —
— «Сын,
Возлюбленный —
Ты!»

Зарея
Огромными зорями,
В небе
Прорезалась Назарея...
Жребий —
Был брошен.

3

Толпы народа
На Иордане
Увидели явственно: два
Крыла.

Сиянием
Преисполнились
Длани
Этого человека...

И перегорающим страданием
Века
Омолнилась
Голова.

И по толпам
Народа
Желтым
Маревом,
Как заревом,
Запрядала разорванная мгла,—

Над, как дым,
Сквозною головою
Веющею
Верою
Кропя Его слова.—

Из лазоревой окрестности,
В зеленеющие
Местности
Опускалось что-то световою
Атмосферою...

Прорезывался луч
В Новозаветные лета...

И помавая кровавыми главами
Туч,
Назарея
Прорезывалась славами
Света.

4

После Он простер
Мертвеющие, посинелые от муки
Руки
И взор —

В пустые
Тверди...

Руки
Повисли,
Как жерди,
В густые
Мраки...

Измученное, перекрученное
Тело
Висело
Без мысли.

Кровавились
Знаки,
Как красные раны,
На изодранных ладонях
Полутрупа.

Глаз остеклелою впадиною
Уставился пусто
И тупо
В туманы
И мраки,
Нависшие густо.

А воины в бронях,
Поблескивая шлемами,
Проходили под перекладиною.

5

Голова
Окровавленного,
Лохматого
Разбойника,

Распятого —
— Как и Он —
Хохотом
Насмешливо приветствовала:
— «Господи,
Приемли
Новоявленного
Сына Твоего!»

И тяжелым грохотом
Ответствовали
Земли.

6

В опрокинутое мировое дно,
Где не было никакого солнца, которое
На Иордани
Слетело,
Низринутое
В это тело
Перстное и преисполненное бремени —

Какое-то ужасное *Оно*,
С мотающимися перепутанными волосами,
Угасая
И простирая рваные
Израненные
Длани,—
В девятый час
Хрипло крикнуло из темени
На нас:
— «Или́... Сафахвани!»

7

Деревянное тело
С темными пятнами впадин
Провалившихся странно
Глаз
Деревенеющего Лика,—

Проволокли,—
Точно желтую палку,
Забинтованную
В шелестящие пелены —

Проволокли
В ей уготованные
Глубины.

Без слов
И без веры
В воскресение...

Проволокли
В пещеры —
В тусклом освещении
Красных факелов.

8

От огромной скорби
Господней
Упадали удары
Из преисподней —

В тяжелый,
Старый
Шар.
Обрушились суши
И горы,
Изгорбились
Бурей озера...
И изгорбились долы...
Разламывались холмы...

А души —
Душа за душою —
Валились в глухие тьмы.

Проступали в туманы
Неясные
Пасти
Чудовищной глубины...

Обнажались
Обманы
И ужасные
Страсти
Выбежавшего на белый свет
Сатаны.

В землетрясениях и пожарах
Разрывались
Старые шары
Планет.

9

По огромной,
По темной
Вселенной,

Шатаясь,
Таскался мир.
Облекаясь,
Как в саван тленный,
В разлагающийся эфир.

Было видно, как два вампира,
С гримасою красных губ,
Волокли по дорогам мира
Забинтованный труп.

10

Нам желтея,
В нас без мысли
Подымаясь, как вопрос,—

Эти проткнутые ребра,
Перекрученные руки,
Препоясанные чресла —
В девятнадцатом столетии провисли:

— «Господи,
И это
Был —
Христос?»
Но это —
Воскресло...

11

Снова там —
Терновые
Венцы.

Снова нам —
Провисли
Мертвецы
Под двумя столбами с перекладиною,

Хриплыми глухими голосами,
Перепутанными волосами,
Остеклелой впадиною
Глаз —
Угрожая, мертвенные
Мысли
Остро, грозно, мертвенно
Прорезываются в нас.

12

Разбойники
И насильники —
Мы.

Мы над телом Покойника
Посыпаем пеплом власы
И погашаем
Светильники.
В прежней бездне
Безверия
Мы,—
Не понимая,
Что именно в эти дни и часы —

Совершается
Мировая
Мистерия...

13

Мы забыли: —

Из темных
Расколов
В пещеру, где труп лежал,
С раскаленных,
Огромных
Престолов
Преисподний пламень
Бежал.

Отбросило старый камень;
Сорваны пелены:
Тело,
От почвы оторванное,
Слетело
Сквозь землю
В разъятые глубины.

14

Труп из вне-времени
Лазурей,
Пронизанный от темени
До пяты
Бурей
Вострубленной
Вытянулся от земли до эфира...

И грянуло в ухо
Мира:
— «Сын,
Возлюбленный —
Ты!»

Пресуществленные божественно
Пелены,
Как порфира,
Расширенная без меры,
Пронизывали мировое пространство,
Выструиваясь из земли.

Пресуществленное невещественно
Тело —
В пространство
Развеяло атмосферы,
Которые сияюще протекли.

Из пустыни
Вне-времени
Преисполнилось светами
Мировое дно,—

Как оно —

Тело
Солнечного Человека,
Сияющее Новозаветными летами
И ставшее отныне
И до века —
Телом земли.

Вспыхнула Вселенной
Голова,
И нетленно
Простертые длани
От Запада до Востока,—

Как два
Крыла.
Орла,
Сияющие издалека.

15

Страна моя
Есть
Могила,
Простершая
Бледный
Крест,—

В суровые своды
Неба
И —
В неизвестности
Мест.

Обвили убогие
Местности
Бедный,
Убогий Крест —
В сухие,
Строгие
Колосья хлеба,
Вытарачивающие окрест.

Святое,
Пустое
Место,—
В святыне
Твои сыны!

Россия,
Ты ныне
Невеста...
Приемли
Весть
Весны...

Земли,
Прордейте
Цветами
И прозеленейте
Березами:

Есть —
Воскресение...
С нами —
Спасение...

Исходит огромными розами
Прорастающий Крест!

16

Железнодорожная
Линия...
Красные, зеленые, синие
Огоньки
И взлетающие
Стрелки,—

Всё, всё, всё
Сулит
Невозможное...

Твердят
Голосящие
Вдали паровики,
Убегающие
По линии:
«Да здравствует Третий
Интернационал».

Мелкий
Дождичек стрекочет
И твердит:
«Третий
Интернационал».

Выкидывает телеграфная лента:
«Интернационал»...

Железнодорожная
Линия,
Убегающая в сети
Туманов,—
Голосит свистками
распропагандированного
Паровика
Про невозможное.

И раскидывает свои блески —
За ветвями зеленеющего тополя...
Раздаются сухие трески
Револьверных переливов.

17

А из пушечного гула
Сутуло
Просунулась спина
Очкастого, расслабленного
интеллигента.

Видна,—
Мохнатая голова,
Произносящая
Негодующие
Слова
О значении
Константинополя
И проливов,—
В дующие

Пространства
И в сухие трески
Револьверных взрывов...

На мгновение
Водворяется странная
Тишина,—
В которую произносятся слова
Расслабленного
Интеллигента.

18

Браунинг
Красным хохотом
Разрывается в воздух,—

Тело окровавленного
Железнодорожника
Падает под грохотом.

Подымают его
Два безбожника

Под забором...
На кого-то напали...

На крик и на слезы —
Ответствуют паровозы,
Да хором
Поют о братстве народов...

Знамена ответствуют
Лепетом.

И воробьи с пригородных огородов
Приветствуют
Щебетом —

Падающих покойников.

19

Обороняясь от кого-то,
Заваливает дровами ворота
Весь домовой комитет.

Под железными воротами —
Кто-то...

Злая, лающая тьма
Прилегла —
Нападает

Пулеметами
На дома,—
И на членов домового комитета.

Обнимает
Странными туманами
Тела,—

Злая, лающая тьма
Нападает
Из вне-времени —
Пулеметами...

20

Из раздробленного
Темени,
С переломленной
Руки —
Хлещут красными
Фонтанами
Ручьи...

И какое-то ужасное *Оно*
С мотающимися перекрученными
Руками
И неясными
Пятнами впадин
Глаз —

Стремительно
Проволокли —
Точно желтую забинтованную
Палку,—

Под ослепительный
Алмаз
Стоящего вдали
Автомобиля.

21

Это жалкое, желтое тело
Пятнами впадин
Глаз,—

Провисая между двух перекладин,
Из тьмы
Вперяется
В нас.

Это жалкое, желтое тело
Проволакиваем:

Мы —
— В себя: —
Во тьмы
И в пещеры
Безверия,—
Не понимая,
Что эта мистерия
Совершается нами —
— в нас.

Наше жалкое, желтое тело
Пятнами впадин
Глаз,—

Провисая меж двух перекладин,
Из тьмы
Вперяется
В нас.

22

А весть
Прогремела Осанной.

Есть
Странный
Пламень
В пещере безверия,—

Когда озаряется
Мгла
И от нас
Отваливаются
Тела,—

Как падающий камень.

23

Россия,
Страна моя —
Ты — та самая,
Облеченная солнцем Жена,
К которой
Возносятся
Взоры...

Вижу явственно я:

Россия,
Моя,—
Богоносица,
Побеждающая Змия...

Народы,
Населяющие Тебя,
Из дыма
Простерли
Длани

В Твои пространства,—
Преисполненные пения
И огня
Слетающего Серафима.

И что-то в горле
У меня
Сжимается от умиления.

24

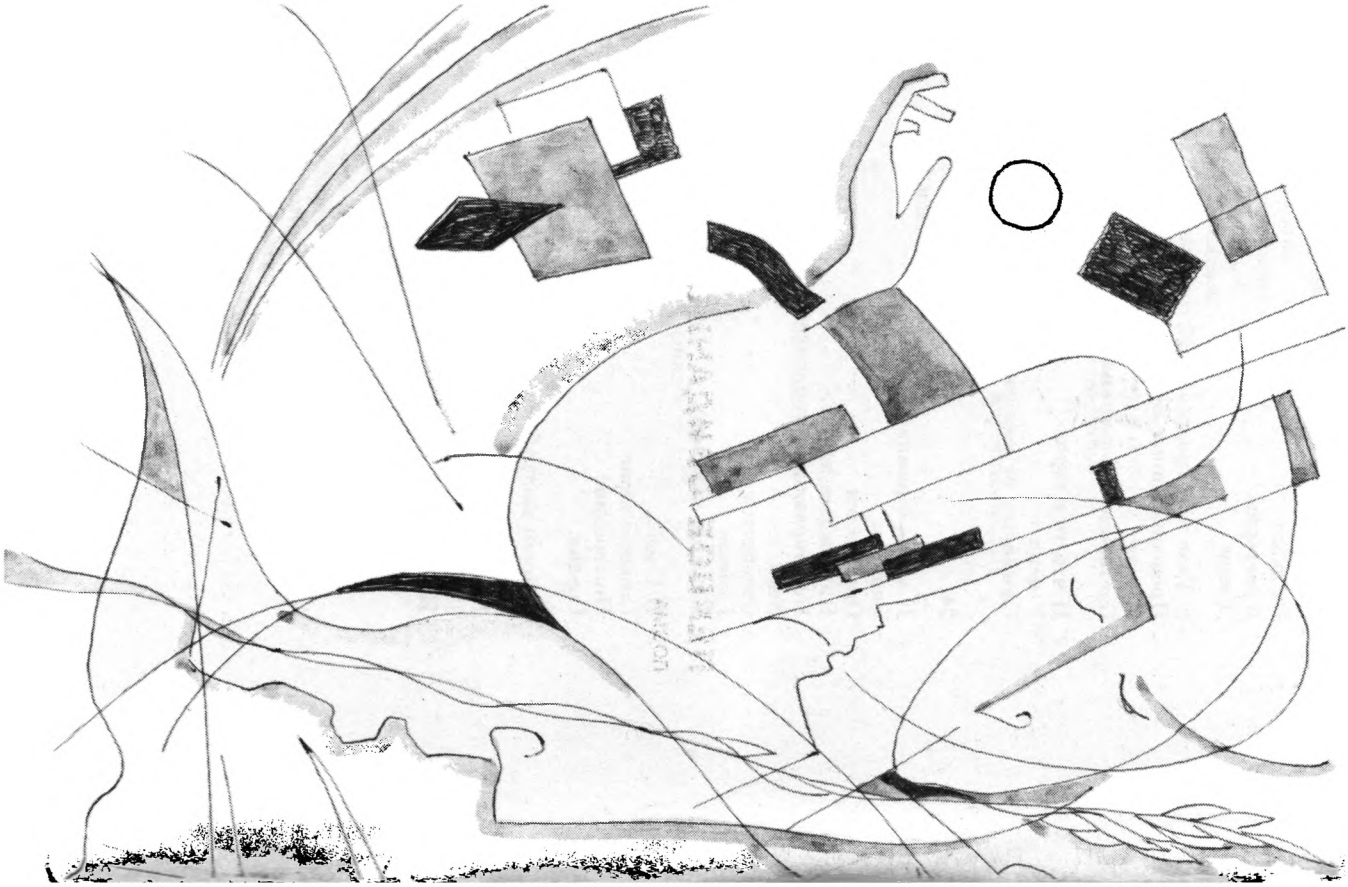
Я знаю: огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас,—
Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека.

И Слово,
Стоящее ныне
По середине
Сердца,

Бурями вострубленной
Весны,
Простерло
Гласящие глубины
Из огненного горла:
— «Сыны
Возлюбленные,—

Христос Воскрес!»

Апрель 1918
Москва



ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

ПОЭМА

Предисловие

Киркою рудокопный гном
Согласных хрусты рушит в томы...
Я — стилистический прием,
Языковые идиомы!
Я — хрустом тухнущая пещь,—
Пеку прием: стихи — в начинку;
Давно поломанная вещь,
Давно пора меня в починку.
Висок — винтящая мигрень...
Душа — кутящая...
И — что же?..
Я в веселящий Духов день
Склонен перед тобою, Боже!

Язык, запрядай тайным сном!
Как жизнь, восстань и радуй: в смерти!
Встань — в жерди: пучимым листом!
Встань — тучей, горностаем: в тверди!
Язык, запрядай вновь и вновь!
Как бык, обрадуй зыком плоти:
Как лев, текущий рыком в кровь,
О сердце, взмахами милоти!
Орел: тобой пересекусь...
Ты плоти — жест, ты знанью — числа...
«Ха» с «И» в «Же» — «Жизнь»:
Христос Иисус —
Знак начертательного смысла...

Ты в слове Слова — богослов:
О, осиянная Осанна
Матфея, Марка, Иоанна —
Язык!.. Запрядай: тайной слов!

О, не понять вам, гномы, гномы:
В инструментаций гранный треск —
Огонь, вам странно незнакомый,
Святой огонь взвивает блеск.

1

Взойди, звезда воспоминанья;
Года, пережитые вновь:
Поэма — первое свиданье,
Поэма — первая любовь.
Я вижу — дующие зовы.
Я вижу — дующие тьмы:
Войны поток краснобагровый,
В котором захлебнулись мы...
Но, нет *«вчера»* и нет *«сегодня»:*
Всё прошлое озарено,
Лишь песня, ласточка господня,
Горюче взвизгнула в окно...
Блести, звезда моя, из дали!
В пути года, как версты, стали:
По ним, как некий пилигрим,
Бреду перед собой самим...
Как зыби, зыблемые в ветры,
Промчите дни былой весны,—
Свои ликующие метры,
Свои целующие сны...

Год — девятьсотый: зори, зори!..
Вопросы, брошенные в зори...

Меня пленяет Гольбер Гент *...
И я — не гимназист: студент...
Сюртук — зеленый, с белым кантом;
Перчатка белая в руке;
Я — меланхолик, я — в тоске,
Но выгляжу немного франтом;
Я, Майей мира полонен,
В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах «poudre Simon»,
Влюбляясь в розы Аткинсона **.
Но, тексты чтя Упанишад,
Хочу восстать Анупадакой ***,
Глаза таращу на закат
И плачу над больной собакой;
Меня оденет рой Ананд ****
Венцом таинственного дара:
Великий духом Даинанд *****,
Великий делом Дармотарра ******...

---

* Английский прерафаэлит.

** «Уайт-роза» — духи фабрики Аткинсона.

*** Анупадака — безначальный: высокая ступень посвящения.

**** Ананда — ученик Будды.

***** Суами Сарасвати Даинанд — проповедник Индии XIX столетия.

****** Дармотарра — буддийский логик, последователь и комментатор философа Дармакирти (школа Дигнаги).

Передо мною мир стоит
Мифологической проблемой:
Мне Менделеев говорит
Периодической системой;
Соединяет разум мой
Законы Бойля, Ван-дер-Вальса —
Со снами веющего вальса,
С богами зреющею тьмой:
Я вижу огненное море
Кипящих веществом существ;
Сижу в дыму лабораторий
Над разложением веществ;
Кристаллизуются растворы
Средь колб, горелок и реторт...
Готово: порошок растерт...

Бывало,— затеваю споры...

Пред всеми развиваю я
Свои смесительные мысли;
И вот — над бездной бытия
Туманы темные повисли...
— «Откуда этот ералаш?» —
Рассердится товарищ наш,
Беспечный франт и вечный скептик:
— «Скажи, а ты не эпилептик?»

Меня, бывало, перебьет
И миф о мире разовьет...

Жил бородатый, грубоватый
Богов белоголовый рой:
Клокочил бороды из ваты;
И — обморочил нас игрой.
В метафорические хмури
Он бросил бедные мозги,
Лия лазуревые дури
На наши мысленные зги;
Аллегорическую копоть,
Раздувши в купол голубой,
Он дружно принимался хлопать
На нас, как пушками, судьбой;
Бросался облачной тропою,
От злобы лопаясь,— на нас,
Пустоголовою толпою,
Ругая нас... В вечерний час,—
Из тучи выставив трезубцы,
Вниз, по закатным янтарям,
Бывало, боги-женолюбцы
Сходили к нашим матерям...

Теперь переменились роли;
И больше нет метаморфоз;
И вырастает жизнь из соли;
И движим паром паровоз;
И Гревса Зевс — не переладит;
И физик — посреди небес;
И ненароком Брюсов адит;
И гадость сделает Гадес;
И пролетарий — горний летчик;
И — просиявший золотарь;
И переводчик — переплетчик;
И в настоящем — та же старь!

Из зыбей зыблемой лазури,
Когда отвеяна лазурь,—
Сверкай в незыблемые хмури,
О, месяц, одуванчик бурь!
Там — обесславленные боги
Исчезли в явленную ширь:
Туда серебряные роги,
Туда, о месяц, протопырь!
Взирай оттуда, мертвый взорич,
Взирай, повешенный, и стынь,—
О, злая, бешеная горечь,
О, оскорбленная ледынь!
О, тень моя: о тихий братец,
У ног ты — вот, как черный кот:
Обманешь взрывами невнятиц;
Восстанешь взрывами пустот.

Но верю: ныне очертили
Эмблемы вещей глубины —
Мифологические были,
Теологические сны,
Сплетаясь в вязи аллегорий:
Фантомный бес, атомный вес,
Горюче вспыхнувшие зори
И символов дремучий лес,
Неясных образов законы,
Огромных космосов волна...

Так шумом молодым, зеленым,—
Меня овеяла весна;

Так в голове моей фонтаном
Взыграл, заколобродил смысл;
Так вьются бисерным туманом
Над прудом крылья коромысл;
Так мысли, легкие стрекозы,
Летят над небом, стрекоча;

Так белоствольные березы
Дрожат, невнятицей шепча;
Так звуки слова *«дар Валдая»*
Балды, над партою болтая,—
Переболтают в *«дарвалдая»*...

Ах, много, много *«дарвалдаев»* —
Невнятиц этих у меня.
И мой отец, декан Летаев,
Руками в воздух разведя:
«Да, мой голубчик,— ухо вянет:
Такую, право, порешь чушь!»
И в глазках крошечных проглянет
Математическая сушь.
Широконосый и раскосый
С жестковолосой бородой
Расставит в воздухе вопросы:
Вопрос — один; вопрос — другой;
Неразрешимые вопросы...
Так над синеющим цветком,
Танцуя в воздухе немом,
Жужжат оранжевые осы.

И было: много, много дум;
И метафизики, и шумов...

И строгой физикой мой ум
Переполнял: профессор Умов *.
Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
Что парадоксами Максвелл **
Уничтожает энтропию,
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновские вихри ***,
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит, летит
Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт — новый...

— «Мир — взлетит!» —
Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

Мир — рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшею бомбой
На электронные струи

---

* Профессор физики Московского университета в 900-х годах.

** Известный физик.

*** Томсон — английский физик, автор теории вихревого строения вселенной.

Невоплощенной гекатомбой;
Я — сын эфира, Человек,—
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирою эфирной
За миром мир, за веком век.
Из непотухнувшего гула
Взметая брызги, взвой огня,
Волною музыки меня
Стихия жизни оплеснула:
Из летаргического сна
В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна!),—
Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый,—

— Как Далай-лама молодой
С белоголовых Гималаев,—

Передробляемый звездой,
На зыби, зыблемые Майей...

В душе, органом проиграв,
Дни, как орнамент, полетели,
Взвиваясь запахами трав,
Взвиваясь запахом метели.
И веял Май — взвивной метой;
Июнь — серьгою бирюзовой;
Сентябрь — листвою золотой;
Декабрь — пургой белоголовой.
О лазулитовая лень,
О меланитовые очи!
Ты, колокольчик белый,— день!
Ты, колокольчик синий,— ночи!

Дышал граненый мой флакон;
Меня онежили уайт-розы *,
Зеленосладкие, как сон,
Зеленогорькие, как слезы.
В мои строфические дни
И в симфонические игры,
Багрея, зрели из зари
Дионисические тигры...
Перчатка белая в руке;
Сюртук — зеленый: с белым кантом...
В меня лобзавшем ветерке
Я выглядел немного франтом,
Умея дам интриговать
Своим резвящимся рассудком
И мысли легкие пускать,

---

* Духи.

Как мотыльки по незабудкам;
Вопросов комариный рой
Умел развеять в быстротечность,
И — озадачить вдруг игрой,—
Улыбкой, брошенною... в вечность...
Духовный, негреховный свет,—

— Как нежный свет снегов нездешних,
Как духовеющий завет,
Как поцелуи зовов нежных,
Как струи слова Заратустр,—

Вставал из ночи темнолонной...
Я помню: переливы люстр;
Я помню: зал белоколонный
Звучит Бетховеном, волной;
И *Благородное собранье* *,—
Как мир — родной (как мир весной),
Как старой драмы замиранье,
Как то, что смеет жизнь пропеть,
Как то, что веет в детской вере...

2

На серой вычищенной двери
Литая, чищеная медь...

Бывало: пламенная вьюга;
И в ней — прослеженная стезь;
Томя предчувствиями юга,
Бывало, всё взревает здесь;
В глазах полутеней и светов,
Мне лепестящих, нежных цветов
Яснеет сне́жистая смесь;
Следя перемокревшим снегом,
Озябший, заметенный весь,
Бывало, я звонился здесь
Отдаться пиршественным негам.

Михал Сергеич Соловьев,
Дверь отворивши мне без слов,
Худой и бледный, кроя плэдом
Давно простуженную грудь,
Лучистым золотистым следом
Свечи указывал мне путь,
Качаясь мерною походкой,
Золотохохлой головой,

* Зал Благородного собрания — московский концертный зал в 900-х годах.

Золотохохлою бородкой,—
Прищурый, слабый, но живой.

Сутуловатый, малорослый
И бледноносый — подойдет,
И я почувствую, что — взрослый,
Что мне идет двадцатый год;
И вот, конфузясь и дичая,
За круглым ласковым столом
Хлебну крепчающего чая
С ароматическим душком;
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр;
Развеяв веером вопросы,
Он чубуком из янтаря,—
Дымит струями папиросы,
Голубоглазит на меня;
И ароматом странной веры
Окурит каждый мой вопрос;
И, мне навеяв атмосферы,
В дымки просовывает нос,
Переложив на ногу ногу,
Перетрясая пепел свой...

Он — длань, протянутая к Богу
Сквозь нежный ветер пурговой!

Бывало, сбрасывает повязь
С груди — переливной, родной:
Глаза — готическая прорезь;
Рассудок — розблеск искряной!
Он видит в жизни пустоглазой
Рои лелеемых эмблем,
Интересуясь новой фазой
Космологических проблем,
Переплетая теоремы
С ангелологией Фомы;
И — да: его за эти темы
Ужасно уважаем мы;
Он книголюб: любитель фабул,
Знаток, быть может, инкунабул,
Слагатель не случайных слов,
Случайно не вещавших миру,
Которым следовать готов
Один Владимир Соловьев...

Я полюбил укромный кров —
Гостеприимную квартиру...

Зимой, в пурговые раскаты
Звучало здесь: «Навек одно!»
Весною — красные закаты
Пылали в красное окно.
На кружевные занавески
Лия литые янтари;
Любил египетские фрески
На выцветающих драпри,
Седую мебель, тюли, даже
Любил обои цвета *«бискр»*,—
Рассказы смазанных пейзажей,
Рассказы красочные искр.
Казалось: милая квартира
Таила летописи мира.

О. М., жена его,— мой друг,
Художница —
— (в глухую осень
Я с ней... Позвольте — да: лет восемь
По вечерам делил досуг) —

Молилась на Четьи-Минеи,
Переводила де Виньи;
Ее пленяли Пиренеи,
Кармен, Барбье д'Оревильи,
Цветы и тюлевые шали —
Всё переписывалась с «Алей»,
Которой сын писал стихи,
Которого по воле рока
Послал мне жизни бурелом;
Так имя Александра Блока
Произносилось за столом
«Сережей», сыном их: он — мистик,
Голубоглазый гимназистик:
О Логосе мы спорим с ним,
Не соглашаясь с Трубецким,
Но соглашаясь с новым словом,
Провозглашенным Соловьевым
О *«Деве Радужных Ворот»* *,
О деве, что на нас сойдет,
Овеяв бирюзовым зовом,
Всегда таимая средь нас:
Взирала из любимых глаз.

«Сережа Соловьев» — ребенок,
Живой смышленый ангеленок,

---

* Гностический термин Софии, Премудрости, встречаемый в стихотворении Вл. Соловьева: «Не Изида Трехвенечная ту весну им принесет, а не тронутая, вечная, *«Дева Радужных Ворот»*...»

Над детской комнаткой своей
Восставший рано из пеленок,—
Роднею соловьевской всей
Он встречен был, как Моисей:
Две бабушки, четыре дяди,
И, кажется, шестнадцать теть
Его выращивали пяди,
Но сохранил его Господь;
Трех лет, ну право же-с, ей-богу-с,—
Трех лет (скажу без лишних слов),
Трех лет ему открылся Логос,
Шести — Григорий Богослов,
Семи — словарь французских слов;
Перелагать свои святыни
Уже с четырнадцати лет
Умея в звучные латыни,
Он — вот, провидец и поэт,
Ключарь небес, матерый мистик,
Голубоглазый гимназистик,—
Взирает в очи Сони Н-ой,
Огромный заклокочив клочень;
Мне блещут очи — очень, очень —
Надежды Львовны Зариной.
Так соглашаясь с Соловьевым,
Провидим Тайную весной:
Он — Сонечку, живую зовом;
Я — Заревую: в Зариной...

Она!.. Мы в ней души не чаем...
Но кто она?.. Сидим за чаем:
Под хохот громкий пурговой
Вопрос решаем роковой.
Часы летят... Не замечаем...
— «Скажи, тобой увлечена
Надежда Львовна Зарина?..»
— «Не знаю я...»
— «Быть может?»
— «А?!»

Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета *«бискр»;*
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр;
Его он сбрасывает кротко
Золотохохлой головой
С золотохохлою бородкой,
Прищурый, слабый, но живой;
И клонит кончик носа снова
В судьбу вопроса рокового:

— «Надежда Львовна Зарина!
Как?!. Воплощение Софии?..»
«В ней мне пророчески ясна
Судьба священная России:
Она есть Львовна дочка Льва;
Лев — символический, Иудин...»

— «Зарин, Лев Львович,— пошлый франт?
Безусый, лысый коммерсант?»
«Вопрос гностически не труден:
Серапис, или Апис,— бык,
Таящий неба громкий зык,
Есть только символ чрезвычайный
Какой-то сокровенной тайны...»

— «Ну, хорошо, а что есть Лев?»

— «Иудин Лев — веков напев».
. . . . . .
Высокий, бледный и сутулый,
Ты где, Сережа, милый брат;
Глаза — пророческие гулы,
Глаза, вперенные в закат:
Выходишь в Вечность... на Арбат *;
Бывало: бродишь ты без речи;
И мне ясней слышна, видна:
Арбата юная весна,
Твоя сутулая спина,
Твои приподнятые плечи,
Бульваров первая трава,
И вдруг: как на зеркальной зыбке
Пройдут пузырями рыбки,—
Меж нами умные слова
И вовсе детские улыбки:
И разговор о сем, о том,
О бесконечности, о Браме,
О Вечности, огромной даме,
Перерастают толстый том;
И на Арбате мчатся в Вечность:
Пролеток черных быстротечность,
Рабочий, гимназист, кадет...
Проходят, ветер взвив одежды,
Глупцы, ученые, невежды;
Зарозовеет тихий свет
С зеленой вывески *«Надежды»* **
Над далью дней и далью лет...

---

* Улица в Москве.

** Писчебумажный магазин на Арбате.

Смутяся уличною давкой,
Смутясь колониальной лавкой,
Я упраздняю это всё:
«Мир — представление мое!»
Ты — пламенный, в крылатке серой
Средь зданий, каменных пустынь:
Глаза, открытые без меры,—
В междупланетную ледынь,
Свои расширенные сини
Бросают, как немой вопрос,
Под шапкой пепельных волос.

Бывало: за Девичьим Полем
Проходит клиник белый рой;
Мы тайну сладостную волим,
Вздыхаем радостной игрой:
В волнах лучистого эфира
Читаем летописи мира.
Из перегаров красных трав
В золотокарей пыли летней,
Порывом пыли плащ взорвав,
Шуршат мистические сплетни...
Проходит за́ городом: лес
Качнется в небе бирюзовом;
Проснется зов: «Воанергес!»
Пахнёт: Иоанном Богословом...
И — возникает в небе ширь
Новодевичий монастырь.

Огромный розовый собор
Подъемлет купол златозор;
А небо — камень амиант —
Бросает первый бриллиант;
Забирюзевший легкий пруд,
Переливаясь в изумруд,
Дробим зеркальною волной;
И — столб летает искряной...
Там небо бледное, упав,
Перетянулось в пояс трав;
Там бездна — вверх, и бездна — вниз:
Из бледных воздухов и риз;
Там в берега плеснет волной —
Молниеносною блесной...

Из мира, суетной тюрьмы,—
В ограду молча входим мы...

Крестов протянутая тень
В густую душную сирень,
Где ходит в зелени сырой

Монашек рясофорный рой,
Где облак розовый сквозит,
Где нежный воздух бирюзит;
Здесь, сердце вещее,— измлей
В печаль белеющих лилей;
В лилово-розовый левкой
Усопших, Боже, упокой...

Присел захожий старичок,
Склонясь на палку... В ветерок —
Слетают скорбные листы;
Подъемлют сохлые кресты
Плач переблеклых огоньков
И клянч фарфоровых венков.
Ты, сердце,— неумолчный стриж —
Кого зовешь, о чем визжишь?

Кроваво-красная луна
Уже печальна и бледна...
Из церкви в зелени сырой
Проходит в кельи черный рой;
Рукопростертые кресты
Столпились в ночь... Приди же, Ты,—
Из прежних дней, из прежних лет!..
В часовне — цветоблеклый свет:
В часовне житель гробовой
К стеклу прижался головой;
И в стекла красные глядит,
И в стекла красные стучит.
Чуть фосфореющий из трав,
Сквозною головою встав,—
Подъемлет инок неживой
Над аналоем куколь свой...

. . . . . .
. . . . . .

О, незабвенные прогулки,
О, незабвенные мечты,
Москвы кривые переулки...
Промчалось всё: где, юность, ты!..
Перемелькали наши взлеты
На крыльях дружбы и вражды
В неотрывные миголеты,
В неотразимые судьбы,
Чтоб из сумятицы несвязной,
И из невнятиц бытия
В тиски подагры неотвязной
Склонился лысиною я.
Зальются слабнущие светы

Под марамо́рохом * зимы
Переливно́й струею Леты,
Незаливной струею тьмы...
Рассудку, рухнувшему, больно,—
Рассудку, тухнущему в ночь...
И возникают сны невольно,
Которых мне не превозмочь...
. . . . . .

Да,— и опора в детской вере,
И Провидения рука —
На этой вычищенной двери
Литая, медная доска:
Михал Сергеич Соловьев
(С таких-то до таких часов).
. . . . . .

Здесь возникал салон московский,
Где — из далекой мне земли,—
Ключевский, Брюсов, Мережковский
Впервые предо мной прошли.
Бывало: —
— снеговая стая —
Сплошное белое пятно —
Бросает крик, слетая, тая —
В запорошенное окно;
Поет под небо белый гейзер:
Так заливается свирель;
Так на эстраде Гольденвейзер **
Берет уверенную трель.
Бывало: в вой седоволосый
Пройдет из Вечности самой
Снегами строящий вопросы
Черноволосою космой,—
Захохотавший в вой софистик,
Восставший шубой в вечный зов,—
Пройдет *«Володя»*, вечный мистик,
Или — Владимир Соловьев...
Я не люблю характеристик,
Но все-таки...—
— Сквозной фантом,
Как бы согнувшийся с ходулей,
Войдет, и — вспыхнувшим зрачком
В сердца ударится, как пулей;
Трясем рукопожатьем мы
Его беспомощные кисти,
Как ветром неживой зимы

---

* Мараморохи — народное выражение в значении «мороки».
** Известный московский пьянист.

Когда-то свеянные листья;
Над чернокосмой бородой,
Клокоча виснущие космы
И желчно дующей губой
Раздувши к чаю макрокосмы,
С подпотолочной вышины
Сквозь мараморохи и сны
Он рухнет в эмпирию кресла,—
Над чайной чашкою склонен,
Сердит, убит и возмущен
Тем, что природа не воскресла,
Что сеют те же господа
Атомистические бредни,
Что декаденты — да, да, да! —
Свершают черные обедни
(Они — пустое решето:
Козлят не с Музой — с сатиессой,
И увенчает их за то
Патриотическая пресса),
Что над Россией — тайный враг
(Чума, монголы, эфиопы),
Что земли портящий овраг
Грызет юго-восток Европы;
Стащивши пару кренделькoв
С вопросом: «Ну и что ж в итоге?»
Свои переплетает ноги —
Грохочет парой каблуков.

Судьба трагическая дышит
Атмосферическим дымком,
И в «Новом времени» о том
Демчинский знает, но не пишет:
— «В сознанье нашем кавардак:
Атмосферических явлений
Свечений зорь нельзя никак
Понять с научной точки зрений».
Он — угрожает нам бедой,
Подбросит огненные очи;
И — запророчит к полуночи,
Тряхнув священной бородой!..

Так в ночи вспыхивает магний;
Бьет электрический магнит;
И над поклонниками Агни,
Взлетев, из джунглей заогнит;
Так погромыхивает в туче
Толпа прохожих громарей;
Так плещут в зыбине летучей,
Сребрея, сети рыбарей.

За ним вдогонку — следом, следом,
Михал Сергеич делит путь,
Безмолвный, ровный, кроя плэдом
Давно простуженную грудь,
Потея в вязаной рубашке,
Со столика приняв поднос,
На столике расставив шашки,
Над столиком поставив нос;
И скажет в пепел папирос
В ответ на новости такие:
— «Под дымкой — всё; и всюду — тень...
Но не скудеет Мирликия *...
Однако ж... будет: Духов день!»

Свой мякиш разжевавши хлеба,
Сережа Соловьев под небо
Воскликнет — твердый, как кремень:
— «Не оскудела Мирликия!..
А ну-ка все, кому не лень,
В ответ на дерзости такие,—
В Москве устроим Духов день!»
Но Соловьев, не отвечая,
Снедаем мировой борьбой,
Проглотит молча чашку чая,
Рукой бросаясь, как на бой,
На доску: он уткнется в шашки;
И поражают худобой
Его обтянутые ляжки;
Бывало, он пройдет к шинели:
В меха шинели кроет взор;
И — удаляется в метели:
Седою головой в бобер;
А вихри свистами софистик
Всклокочут бледный кругозор!
Привзвизгнут: «Вот великий мистик!»
И — пересвищут за забор!

А мы молчим, одним объяты;
В веках — одно: навек одно...
А перезвоны, перекаты
Снежат, как призраки, в окно;
А лампа бросит в занавески
Свои литые янтари;
Молчат египетские фрески
На выцветающих драпри.
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр...

---

* Родина Николая Чудотворца, аллегорически — «Страна Чудес».

Он — канул в Вечность: без возврата;
Прошел в восторг нездешних мест:
В монастыре, в волнах заката,—
Рукопростертый, белый крест
Стоит, как память дорогая;
Бывало, он,— оснéжен весь,
Светлеет, огоньком мигая;
Бывало, всё взревает здесь:
Играет скатерть парчевáя,
Снегами воздухи взвивая;
И в ней — прослеженная стезь;
Хрустя перемокревшим снегом,
Бегу сюда отдаться негам,
Озябший, заметенный весь.

Так всякий: поживет, и — помер,
И — принят под такой-то номер.

3

Под стук сердец — «в концерт, в концерт» —
Мудрец, юнец. Но что их манит,
То — запечатанный конверт:
Словами тайными обманет;
Немой, загаданный глагол,
Неизрекаемый,— он волит:
То мараморохами зол,
То добрым делом соглаголет;
Изранит стуками минут,
Багрянит, звуками измуча,—
Такой мяукающий зуд,
Такая дующая туча!..

Звук множит бестолочь голов
И гложет огненное сердце;
И в звуках нет толковых слов;
Здесь не найдешь единоверца;
Из мысли: вылетят орлы;
Из сердца: выйдет образ львиный;
Из воли: толстые волы...
Из звука: мир многоединый.
Тот, звуковой,— во всё излит;
Та, звуковая,— золотая;
И этот — камень лазулит;
И этот — пламенная стая.

У той: —

— Над златокарей згой
Град Гелиополь: дева Отис,

Милуясь лепетной серьгой,
Целует цветик, миозо́тис;
Рогами гранными, как черт,
Туда — в века, в лазури-ляпис —
Граниторозовый простерт
В нее влюбленный, странный Апис.

У этой: —
— Вытечет титан,
Златоголовый, змееногий;
Отзолотит в сырой туман:
И — выгорит, немой и строгий;
Седое облако висит
И, молний полное, блистает,
Очами молний говорит,
Багровой зубриной слетает,
Громово тарарахнув в дуб
Под хохотом Загрея-Зевса...

Вот этот вот: он — туп, как... пуп:
Прочел — приват-доцента Гревса...

И дирижирует: Главач *.
И дирижирует: Сафонов **...
И фанфаронит: часто — врач;
И солдафонит: каста *«фонов»;*
Интерферируя наш взгляд
И озонируя дыханье,
Мне музыкальный звукоряд
Отображает мирозданье —
От безобразий городских
До тайн безо́бразий Эреба,
До света образов людских
Многообразиями неба;
Восстонет в ночь эфирный пад,
В эонах гонит бури знаков:
Золотокосых Ореад,
Златоколесых зодиаков...
. . . . . .
Стой — ты, как конь, заржавший стих —
Как конь, задравший хвост строками —
Будь прост, четырехстопен, тих:
Не топай в уши мне веками;
Ведь я не проживу ста лет...
Я — вот... Я — здесь: студент московский,
Я — на подъезде...
Люстры свет.
И — Алексей Сергеич П-овский...

---

* Петербургский дирижер 900-х годов.
** Директор Московской консерватории этого времени.

И — сердца бег, и — сердца стук.
Сердца — бегут; на звуки... Верьте,—
В субботу вечером наш круг
На Симфоническом концерте...

Проходят, тащатся, текут;
Вокруг — шпалеры кавалеров:
Купцов, ученых, мильонеров
(Седых, мутных, пегих, серых!);
Марковников профессор — тут;
Бурбон... И — рой матрон «мегéрых»,
И — шу-шу-шу, и — ша-ша-ша,
И — хвост оторван: антраша...
Багровая профессорша;
За ней в очках профессор тощий
Несет изглоданные мощи
И — злое, женино, боа;
Вот туалет Минангуá *:
Одни сплошные валансьены;
И — тонкий торс; и юбка «клошь»,—
Не шумно зыблемая рожь,
Не шумно зыблемые пены;
Блистая ручкой костяной,
Взлетает веер кружевной...
О, эти розовые феи!..
О, эти голубые!.. Ишь: —

Красножилетые лакеи
Играют веером афиш.

Графиня толстая, Толстáя,
Уж загляделась в свой лорнет...
Выходит музыкантов стая;
В ней кто-то, лысиной блистая,
Чихает, фраком отлетая,
И продувает свой кларнет...
Возня, переговоры... Скрежет:
И трудный гуд, и нудный зуд —
Так ноет зуб, так нудит блуд...
Кто это там пилит и режет?
Натянуто пустое дно,—
Долдонит бебень барабана,
Как пузо выпуклого жбана:
И тупо, тупо бьет оно...

О, невозможные моменты:
Струнят и строят инструменты...
Вдруг!..

---

* Модная московская портниха 90-х годов.

Весь — мурашки и мороз!
Между ресницами — стрекозы!
В озонных жилах — пламя роз!
В носу — весенние мимозы!

Она пройдет — озарена:
Огней зарнéй, неопалимей...
Надежда Львовна Зарина
Ее не имя, а — *«во-имя!..»*
Браслеты — трепетный восторг —
Бросают лепетные слезы;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазные морозы;
Серьга — забрежжившая жизнь;
Вуаль провеявшая — трепет;
Кисей вуалевая брызнь
И юбка палевая — лепет;
А тайный розовый огонь,
Перебегая по ланитам
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаливший меланитом,—
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи...
Летит вуалевая шаль
На бледнопалевые плечи.

И я, как гиблый гибеллин,
У гвельфов ног,— без слов, без цели:
Ее потешный палладин...
Она — Мадонна Рафаэля!
Пройдет,— мы, вспыхнувши, вздохнем,
Идиотически ослабнем...
Пройдет с раскосым стариком,
С курносым, с безволосым бабнем —
Пройдет, и сядет в первый ряд,
Смеясь без мысли и без речи *;
И на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд —
Все электрические свечи.
И ей бросает оклик свой —
Такой простой,— Танеев-мейстер **;
Биноклит в ложе боковой
Красавец обер-полицмейстер ***.

Взойдет на дирижерский пульт,
Пересекая рой поклонов,

---

* Стих А. Блока.

** С. И. Танеев, композитор, теоретик музыки и бывший директор Московской консерватории.

*** Впоследствии по всей России известный Ф. Трепов.

Приподымая громкий культ,
Ее почтенный жрец,— Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы,—
Короткий, толстый и седой,—
Он выборматывает что-то;
Под люстры палочкой мигнув *,
Душой, манжетом, фалдой, фраком
И лаком лысины метнув,—
Валторну поздравляет с браком;
И в строгий разговор валторн
Фаготы прорицают хором,
Как речь пророческая Норн,
Как каркнувший Вота́нов ворон;
А он, подняв свою ладонь
В речитативы вьолончеля:
— «Валторну строгую не тронь:
Она — Мадонна Рафаэля!»
И после, из седых усов
Надувши пухнущие губы
На флейт перепелиный зов,—
Приказ выкидывает в трубы;
И под Васильем Ильичом,
Руководимые Гржимали **,
Все скрипоканты провизжали,
Поставив ноги калачом.

Бесперый прапор подбородком
Попав в просаки — *с'кон'апель*,—
Пройдет по ноткам, как по водкам,
Устами разливая хмель;
Задушен фраком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Подтопнув,— лысиной Морозов ***
Надуто лопается в блеск;
За ним — в разлив фиоритуры,
Бросаясь головой, карга
Выводит чепчиком фигуры:
И чертит *па* и вертит *туры*
Под платьем плисовым нога:
Дрожа, дробясь в колоратуры,
Играет страстная серьга;
Пятно всё то же щурым ликом
На руку нервную легло:
Склоняет Скрябин **** бледным тиком

---

* Впоследствии Сафонов дирижировал без палочки.

** Гржимали, исполнявший первую скрипку в оркестре, профессор Московской консерватории.

*** М. А. Морозов, московский меценат того времени (смотри портрет Серова).

**** Посетитель симф. концертов того времени.

Необъяснимое чело,
И — пролетит скрипичным криком
В рои гностических эмблем,
Мигая из пустых эонов;
Рукою твердой тему тем
За ним выводит из тромбонов
Там размахавшийся Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы,—
Короткий, толстый и немой,
Как бы вынюхивает что-то;
Присядет, вскинув в воздух нос:
Вопрос, разнос во взгляде хитром;
И стойку сделавши, как пес,
Несется снова над пюпитром;
Задохнется и — оборвет,
Платком со лба стирает пот;
И разделяется поклоном
Меж первым рядом и балконом.

И постоит, и помолчит,
И по пюпитру постучит:
И — все листы перевернулись;
Сердца, как в бой, сердца — рванулись...
И вновь — вскипающая новь;
И вновь — всклокоченная бровь;
И вновь — пройдутся фалды фрака;
И стаю звуков гонит он,
Как зайца гончая собака,—
На возникающий тромбон.

Над пухоперою каргою,
Над чепчиком ее счернен
Жеребчиком мышиным — *«он»*,
Кто вьется пенною пургою
И льет разменною деньгою,
Кто ночью входит в пестрый сон
И остро бродит в *ней* — счернен —
Над ней, над нами, над вселенной
Из дней, своими снами пленный;
Он — тот, который есть не он,
Кому названье легион:
Двоякий, многоякий, всякий
Иль просто окончанье, *«ий»*,
Виющийся, старинный змий,—
В свои затягивает хмури,
Свои протягивает дури:
Он — пепелеющая лень
И — тяготеющая тень;
Как Мефистофель, всем постылый,

Упорным профилем, как черт,—
Рассудок, комик свинорылый:
К валторне черной он простерт;
Как снег, в овьюженные крыши,
Как в мысли, гложущие мыши,—
В мечты, возвышенные свыше,—
Бросает сверженную сушь:
Сухую прописную чушь;
Упавшим фраком ночь простерши,
Кликуши-души,— ходит он —
Кликуши-души — горше, горше —
Упавшим фраком — душит: в сон!..

Черней, упорней гром в валторне:
Грознее, озорней Она
Грозой молниеносной, горней —
Грозою гор озарена: —

— Так дымом пепелит и мглеет
Виеголовый, мгловый слой;
Как змий, он отдымит, отвеет
В багровом горизонте мглой:
Слезами облако, светая,
Слезами полное, молчит;
И в волны, в воздух — тая, тая,—
Глазами молнии дрожит,
Как воздыханиями арфы,
Как лепетанием струны —

Души — Марию зрящей Марфы —
Из просветленной глубины!..

И бросят в арфы,— шали, шарфы,
Вздыхая вестью дорогой,—
Вон те, Марии, эти Марфы,
Над жизнью, старою каргой.

Вы, сестры —

— (Ты, Любовь — как роза,
Ты, Вера,— трепетный восторг,
Надежда — лепетные слезы,
София — горний Сведенборг!) —

Соединив четыре силы
В троякой были глубиной,
Меня примите из могилы,
Светите оком — Той, Одной,—
Мечтой вуалевой, как трепет,
Несущей далевую жизнь

На опечаленный мой лепет
Сквозь звуков маревую жизнь.

Моя Надежда, дева Отис,
Милуясь лепетной серьгой,
Вдыхая цветик, миозотис,
Из зовов арфы дорогой,
Бросает взор, лазури-ляпис,
В воздухолетный септаккорд:
И взор, читая звуков запись,
Над миром —
— Аписом —
— простерт!
Перебегает по ланитам
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаляя меланитом,
Таимый розовый огонь.

С неименуемою силой
С неизреченных аллилуй
Ко мне, волнуемому Милой,
Мгновенный свеян поцелуй.

Так из блистающих лазурей
Глазами полными огня *,
Ты запевающею бурей
Забриллиантилась — в меня:
Из вышины — разгулы света;
Из глубины — пахнуло тьмой;
И я был взят из молний лета
До ужаса — Тобой: Самой!

Ты на меня сходила снами
Из миротворной тишины:
Моей застенчивой весны
Оголубила глубинами;
И мне открылась звуком бурь
Катастрофической цевницы
И милоглазая лазурь,
И поцелуйная денница:
Ее, о время,— опурпурь!

Благонамеренные люди,
Благоразумью отданы:
Не им, не им вздыхать о чуде,
Не им — святые ерунды...
О, не летающие! К тверди

---

* Строка Лермонтова *«С глазами полными лазурного огня»* перешла в тему Вл. Соловьева «Три свидания», откуда попала в сокращенном виде в мою поэму.

Не поднимающие глаз!
Вы — переломанные жерди:
Жалею вас — жалею вас!
Не упадет на ваши бельма
(Где жизни нет — где жизни нет!) —
Не упадет огонь Сент-Эльма
И не обдаст Дамасский свет.
О, ваша совесть так спокойна;
И ваша повесть так ясна:
Так не безумно, так пристойно
Дойти до дна — дойти до дна.
В вас несвершаемые лёты
Неутоляемой алчбы —
Неразрывные миголеты
Неотражаемой судьбы...
Жена — в постели; в кухне — повар;
И — положение, и вес;
И положительный ваш говор
Переполняет свод небес:
Так выбивают полотеры
Пустые, пыльные ковры...
У вас — потухнувшие взоры...
Для вас и небо — без игры!..
. . . . . .

Мои мистические дали
Смычком взвивались заливным,
Смычком плаксивым и родным —
Смычком профессора Гржимали:
Он под Васильем Ильичом
(Расставив ноги калачом),—
Который,—
— чаля из эонов
На шар земной,— объятый тьмой,
Рукою твердой на тромбонах
Плывет назад — в Москву, домой:
Слетит, в телодвиженье хитром
Вдруг очутившись над пюпитром,
Поставит точку: оборвет,
Сопит и капли пота льет,
И повернувшись к первой скрипке,
Жмет руки и дарит улыбки,
Главой склоняясь в первый ряд,
Где на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд,
Все электрические свечи;
Задушен фраком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Бросаясь лысиной,— Морозов
Надуто лопается в блеск.

И вот идет, огней зарнимей
Сама собой озарена,
Неся, как трэн, свое «во-имя»,—
Надежда Львовна Зарина;
Вуали — лепетные слезы;
Браслеты — трепетный восторг;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазные морозы:
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи;
Летит вуалевая шаль
На бледно-палевые плечи...

— «Скажи, тобой увлечена
Надежда Львовна Зарина?»
— «Не знаю я...»
— «Быть может?»
— «Да!»

Выходит музыкантов стая,
И кто-то, фраком отлетая,
В чехол слагает свой кларнет...
Пустеет зал и гаснет свет...

У двери — черные шпалеры;
Стоят: мегеры, кавалеры;
И — ша-ша-ша: шуршат, спеша,
Атласами спускаясь с хоров...
— «Не та калоша: Каллаша!» *
Стыдливо низится Егоров **;
Лысеет химик Каблуков ***—
Проходит в топот каблуков;
Проходит Нос ****— по воле рока
Он, вы представьте,— без Шенрока!
Выходим!..

4

...Вижу этих дам —
В боа — дородных, благородных;
И — тех: пернатых, страстных дам,
Прекрасных дам в ротондах модных...

Костров каленые столбы
Взовьются в кубовые сини

---

* Каллаш — московский писатель и критик.
** Математик.
*** Проф. Моск. университета.
**** Присяжн. повер. Нос — посетитель концертов того времени.

Из-за редеющей толпы;
Стрекозы, рдеющие в иней,
Метаясь, гаснут всем, что есть;
Мордастый кучер прогигикнет;
Снегами радостная весть,
Слетая, сладостно воскликнет;
И прометет — и пронесет
Квадратом лаковым из ночи,
Ударит конским потом в рот,
Завертит огненные очи,
Очертит очерк дорогой
Из соболей в окне кареты...

Вдали слезливою серьгой
Играют газовые светы...

И всё, что было, всё, что есть —
Снеговерченье ясных далей,
Светомолений светлых весть,
Перелетание спиралей!

Но взвоет улицей зима...—

И быстроногою фигурой,
Из ног выметываясь тьма
Растет и сумеречит хмуро
На белобокие дома;
И мнится: темные лемуры,
Немые мимы,— из зимы,
Мигая мимо, строят туры
И зреют речью:
— «Ты и мы!..»
Иду, покорный и унылый,
Четвероногим двойником:
И — звезденеет дух двухкрылый;
И — леденеет косный ком;
Перемерзая и мерцая,
Играем роем хрусталей,
Налью из зеркала лица я
Перезеркаленных лилей,—
И там, под маской, многогрешный,
Всклокочу безысходный срам,
Чтобы из жизни встал кромешный
Бесцельный, сумасшедший храм...

Взлетайте выше, злые мимы,
Несясь вдоль крыши снеговой,
Мигая мимо — в зимы, в дымы —
Моей косматой головой!..

О, обступите — люди, люди:
Меня спасите от меня;
Сомкните молнийные груди
Сердцами, полными огня.
Я — зримый — зеркало стремлений,
Гранимый призраком алмаз
Пересеченных преломлений:
Мигнув, отбрасываюсь — в вас,
Как переполненный судьбою
На вас возложенный венец:
Созрею, отдаваясь бою
Родимых, греющих сердец.
Вы — подойдете, я — омолнен;
Вы — отойдете, я — не тот: —
Я переломлен, переполнен
Переполохами пустот,
Как тени пустолетний конус,
Как облачка высотный лет,
Как бессердечный, вечный тонус
Несуществующих высот.

На тучах строятся фигуры:
И я — изъятьем лицевым,
Дробимый, сумеречный, хмурый,
Несусь по кучам снеговым;
Из ног случайного повесы
Тянусь — безвесый, никакой:
Меня выращивают бесы.
Невыразимою тоской...
Мы — неживые, неродные,—
Спирали чьих-то чуждых глаз:
Мы — зеркала переливные —
Играем в ясный пустопляс;
На стенах летом пляшут пятна;
В стакане светом пляшет винт;
И всё — так странно непонятно;
И всё — какой-то лабиринт...
Глаза — в глаза!.. Бирюзовеет...
Меж глаз — меж нас — я воскрешен;
И вестью первою провеет:
Не — ты, не — я!.. Но — мы: но — Он!

А ум насмешливый, как леший,
Ведет по плоскости иной:
Мы чешем розовые плеши
Под бирюзовою весной;
Перемудрим, перевопросим,
Не переспросим, не поймем,
Мечту безвременную бросим,
По жизни бременно пройдем;

И не выносим, и ругаем
В летах переблиставший дым:
Бодаем жалобным бугаем *,
Брыкаем мерином седым.
Рассудок, свинорылый комик,
Порою скажет в зовы зорь,
Что лучше деревянный домик,
Чем эта каменная хворь;
И прячет голову, как страус,
Отскочит в сторону, как пес,
Вмаячив безысходный ха́ос,
В свой обиходный, злой *«хавóс»*...
Переварив дары природы
Тупыми животами,— мы
Перетопатываем годы;
И — утопатываем в тьмы.

Вставайте, морочные смены,
Пустовороты бытия,
Как пусто лопнувшие пены,—
Да, вас благословляю я!
Бросай туда, в златое море,
В мои потопные года —
Мое рыдающее горе
Свое сверкающее: «Да!»
Невыразимая Осанна,
Неотразимая звезда,
Ты Откровением Иоанна
Приоткрывалась: навсегда.

Кропя духами Аткинсона
Ей ометеленный подъезд,
Пред Нею, тайною иконой,
Я упивался блеском звезд;
Она ко мне сходила снами
Из миротворной глубины
И голубила глубинами
Моей застенчивой весны;
Персты орфической цевницы
Приоткрывали звуком бурь
И поцелуйные денницы,
И милоглазую лазурь.

Остановясь перед киотом,
Бывало, пав под фонарем,
Я, полоненный миголетом,
Моленьем тихим осенен;

---

* Бугай — бык по-малороссийски.

В белопокровы, в ветроплясы
Метясь светелицей на нас,
Влача свистящие атласы,
Вставал алмазноглазый Спас.

Бывало: белый переулок
В снегу — дымит; и снег — летит.
И Богоматерь в переулок
Слезой перловою глядит.
Бегу Пречистенкою... Мимо...
Куда? Мета — заметена,
Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна.

Кто там, всклокоченный шинелью,
Скрыв озабоченный свой взор,
Прошел пророческой метелью
(Седою головой — в бобер),
Взвиваясь в вой седоволосый,
Своей космóю пурговой,
Снегами сеющий вопросы
На нас из Вечности самой.
А вихри свистами софистик
Заклокотали в кругозор,
Взвизжали: «Вот — великий мистик!»
И усвистали за забор.

Мигают звезды теософий
Из неба кубового в вой;
Провеял кризис философий,
Как некий гейзер снеговой:
Так в ночи вспыхивает магний,
Бьет электрический магнит;
И над поклонниками Агни,
Взлетев, из джунглей заогнит...

Бегу Пречистенкою — мимо:
Куда? Мета — заметена;
Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна...

Проснулась на Девичьем Поле
Знакомым передрогом ширь:

— «Извозчик: стой!»
— «Со мною, что ли?»
— «В Новодевичий монастырь!..»
— «Да чтоб тебя: сломаешь сани!..»

И снова зов — знакомых слов:
— «Там — день свиданий, день
восстаний...»
— «Ты кто?»
— «Владимир Соловьев:
Воспоминанием и светом
Работаю на месте этом...»

И — никого: лишь белый гейзер...
Так заливается свирель;
Так на рояли Гольденвейзер
Берет уверенную трель.

Бывало: церковка седая
Неопалимой Купины *,
В метели белой приседая,
Мигает мне из тишины;
Перед задумчивым киотом —
Неугасимый фонарек;
И упадает легким лётом
Под светом розовый снежок.
Неопалимов переулок
Пургой перловою кипит;
И Богоматерь в переулок
Слезой задумчивой глядит.

Эпилог

Двадцатилетием таимый,
Двадцатилетием чернен,
Я слышу зов многолюбимый
Сегодня, Троицыным днем,—
И под березкой кружевною,
Простертой доброю рукой,
Я смыт вздыхающей волною
В неутихающий покой.

Троицын день и Духов день
Петроград, 1921 года

---

* Церковь Неопалимой Купины в Неопалимовском переулке близ Пречистенки и Девичьего Поля.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АВТОРСКИЕ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКАМ СТИХОТВОРЕНИЙ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(к Собранию стихотворений изд. «Сирин», 1914)

Предпринимая издание своих стихотворений, автор мог руководствоваться двумя мотивами напечатания или распределения. Во-первых, он мог руководствоваться принципом распределения по отделам, объединенным той или иной руководящей темой. Такое распределение имеет смысл в пределах одного сборника. Подбирать же стихотворения по темам и вытягивать тему на протяжении 14 лет в *«Собрании стихотворений»* не имеет смысла. Автор поэтому расположил свои стихотворения в хронологическом порядке, за исключением стихотворения «Шутка». Хронологический порядок предполагает не столько эстетический критерий, сколько историко-литературный. Видна эволюция тем, интересующих автора. (Во-вторых, читателю видны прогресс или падение литературного дарования автора.)

При составлении *«Собрания стихотворений»* автор руководствовался не художественными достоинствами стихов; поэтому он оставил много формально слабых стихотворений в том виде, в каком они первоначально вошли в три сборника автора: *«Золото в лазури»*, *«Пепел»* и *«Урна»*; иные из этих стихотворений характеризуют идейные искания и переживания автора несравненно ярче, нежели другие стихотворения (напр., эпохи *«Урны»* и *«Пепла»*). Так $^1/_2$ отдела «Золото в лазури» и все стихотворения 1900—1902-го (за немногими исключениями) автор бы изъял; но тогда определенная полоса поэтического развития автора не нашла бы себе места в таком *«Избранном»* собрании стихотворений. К первому тому автор присоединил юношеский отрывок из ненаписанной мистерии «Пришедший», как дающий ключ к пониманию ряда стихотворений (напр., «Не тот», «Мания», «Вечный зов» и т. д.).

Что касается переделки стихотворений, то автор переделывал лишь те из стихов, в которых были кричащие несовершенства техники при всей симптоматичности самих стихотворений. Далее: автор уничтожил ряд случайных посвящений, оставив лишь те из них, которые и доселе остались в силе.

В отделе стихотворений 1909 года автор оставил пустую страницу там, где перебой в настроении стихотворений совпал с важным моментом в развитии самого автора.

В заключение автор должен сказать, что считает *«Собрание стихотворений»* завершенным поэтическим этапом. Для него остаются в силе слова предисловия к третьему сборнику стихов: «Я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому «я»... Еще *«Золото в лазури»* далеко от меня... в будущем» (предисловие к «Урне»).

АВТОР

Арлесгейм, 21 июля н. ст. (1914)

ПРЕДИСЛОВИЯ В СБОРНИКЕ «СТИХОТВОРЕНИЯ» — 1923, Берлин

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Приготовляя собрание избранных стихотворений, я руководствовался следующими мыслями:

Кроме формальных достоинств каждого из стихотворений, есть нечто, не поддающееся оценке; каждое произведение имеет свое *«зерно»*, не прорастаемое сразу

в душу читателя. Когда мне приносят на просмотр одно или два стихотворения мне неизвестного поэта и потом просят высказать суждение о достоинствах или недостатках их, я всегда бываю поставлен в трудное положение; дело в том, что на основании формальных достоинств и недостатков можно составить лишь известное предварительное суждение, не проникающее *«ядра»*. Только на основании цикла стихов одного и того же автора медленнее выкристаллизовывается в воспринимающем сознании то общее целое, что можно назвать индивидуальным стилем поэта; и из этого общего целого уже выясняется *«зерно»* каждого отдельного стихотворения; каждое стихотворение преломляемо всем рядом смежно-лежащих; и весь ряд слагается в целое, не открываемое в каждом стихотворении, взятом порознь. В стихотворении, взятом порознь, можно открыть ряд совершенств и несовершенств (главным образом технических); но анализ стихотворения всегда условен; то же стихотворение, взятое в ряду других, связанное с ними, вытекающее из них или чреватое ими, разительно изменяет рельеф свой: кажущееся совершенным оказывается порой скорлупой, отпадающей от *«ядра»;* наоборот, явные технические несовершенства оказываются подчас выражением стиля целого; и в нем находят свое оправдание.

Формальный метод анализа художественных произведений имеет за собой огромные преимущества перед рядом других методов, при условии, что он не вдается в решительную оценку. Оценка отдельного лирического произведения, соображаясь с данными формального метода, преломляет их в интуиции восприятия целого; одна и та же краска на фоне других красок может казаться то ласкающей зрение, то раздражающей зрение; и это потому, что краски как таковой нет в природе, а есть колорит, т. е. динамика световых переливов.

Лирическое творчество каждого поэта отпечатлевается не в ряде разрозненных и замкнутых в себе самом произведений, а в модуляциях немногих основных тем лирического волнения, запечатленных градацией в разное время написанных стихотворений; каждый лирик имеет за всеми лирическими отрывками свою ненаписанную лирическую поэму; и понимание или непонимание действительного поэта зависит от умения или неумения нашего сложить из мозаических, им рассыпанных кусочков целого картину, в которой каждый лирический отрывок связан с другим, как система оживальных арок рисует целое готического собора.

Пока нет понимания *«зерна»* поэтического творчества, никакие доводы формального совершенства не откроют нам ключа к прочтению лирической поэмы, сквозящей в каждом отдельном стихотворении и изменяющей смысл его.

Великие композиторы прошлого поняли, что лучший род песенного творчества есть написание песенных циклов. И песенные циклы Шумана и Шуберта («Dichter Liebe», «Die schöne Müllerin», «Winterreise») суть не просто циклы, а симфонии, эпопеи, равные 9-й симфонии Бетховена.

Мы все, например, восхищаемся романсами «Ich grolle nicht», «Die Krähe» и т. д. И — спору нет: есть чем восхищаться: но те же романсы, взятые в циклах («Dichter Liebe» und «Winterreise»),— насколько же углубляют свое значение. Уметь составить из песенных отрывков цикл — облегчить доступ читателя или слушателя их к ядру, к целому, не преломимому частями, но преломляющему эти части.

Когда мы читаем поэта в академическом издании, где приведены стихотворения в хронологическом порядке со всеми вариантами, то мы многое получаем в познавательном отношении; и — часто не получаем главного: подступа к ядру. Ибо последовательность отрывков лирической поэмы лирика — не хронологическая; и подобно тому, как лирическое стихотворение зачастую возникает в душе поэта с середины, с конца (и первые строчки, сложенные в души, редко бывают первыми строчками написанного стихотворения), так в общем облике ц е л о г о творчества хронология не играет роли; должно открыть в сумме стихов циклы стихов, их взаимное сплетение; и в этом-то открытии Лика творчества и происходит наша встреча с поэтами.

Нос может быть совершенно безобразен как таковой; но пока я не узнаю всех черт лица, в котором нос только часть, я ничего не могу сказать о носе; есть прелестные неправильные носики, придающие лицу прелесть; и я могу их полюбить

именно за их неправильность. То же и с отдельными стихотворениями поэтов. Я могу допустить, что каждое, порознь взятое, стихотворение Баратынского совершенно; и тем не менее Баратынский останется чуждым мне, пока я не узрею *«необщее выражение»* Лика Музы его.

У каждого подлинного поэта есть то — *«необщее выражение»* Лика Музы; оно — в целом, в «зерне», во внутренней архитектонике всех песен, в сплетении песен и в их последовательности (отнюдь не хронологической).

Поэт может и сознавать, и не сознавать ц е л о е своей поэмы; но все же должны мы сказать, что у него более данных знать действительную, нехронологическую последовательность тем его целого; и отношение поэта к своим лирическим отрывкам совершенно иное, нежели у формального аналитика его стихов. Он идет от лирического волнения к напечатлению его в форме. Критик — обратно: от технических узоров формы к волнению, их породившему. Лирическому поэту может быть вовсе не дорог отрывок, обладающий всеми техническими совершенствами, ибо он знает, что в нем остыла уже линия образов; наоборот, отрывок, невнятный в форме, для него может значить более, как открывающий ряд будущих, совершенных творений, это будущее он любит в невнятице его первого появления на своем поэтическом горизонте.

Этим определяется разность в подборе стихов у автора и у критика; автор имеет тенденцию подобрать свои стихотворения во *внутренние циклы*, руководствуясь воспоминанием о том, что их породило; критик выбирает из всего написанного лучшее в формальном, техническом смысле. Но в душе каждого поэта живут одновременно и творец, и критик.

Приступая к выбору из своих стихотворений тех, которые попали в эту книгу, я руководствовался не голосом самокритики, а воспоминанием о лейтмотивах, звучащих мне в ряде лет и диктовавших те или иные отрывки. Иные из них (часто менее совершенные) значили для меня более, нежели другие (технически совершенные); и это биографическое значение для меня отдельных стихотворений и сделал я критерием выбора. Кроме того, я расположил высказанные отрывки в отдельные циклы, выражающие крупные линии, слагающие лик моей Музы; здесь хронологические циклы порой совпадают с внутренними, порой же нет; так, в 1902—1903 гг. прозвучала мне тема «Золото в лазури», и я соответствующую часть стихов так и озаглавил; но поскольку тема «Золото в лазури», заслоненная потом «Пеплом», все-таки продолжала звучать, постольку я присоединил к стихотворениям более раннего периода некоторые стихотворения, появившиеся потом в «Пепле». И — обратно.

Внутренне зная, что все, мной написанное, вырастало во мне из внутреннего ядра, проросшего немногими ветвями и лишь на периферии разветвившегося на множество отдельных листков (стихов),— зная то, я постарался объединить стихи в циклы и расположить эти циклы в их взаимной последовательности так, чтобы все, здесь собранное, явило вид стройного дерева: поэмы души, поэтической идеологии. Все, мной написанное,— роман в стихах: содержание же романа — *мое искание правды*, с его достижениями и падениями. Пусть читатель откроет сам содержание частей моего *романа*. Я даю ему в руки целое; понять, что представляет собою оно,— дело читателя.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Берлин, 1922 года 21 сентября

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

В этот отдел объединены стихотворения периода «Золото в лазури»; и — некоторые из более поздних, но — родственных им по духу; стихотворения эти естественно распадаются на три цикла: в одном цикле преобладают стихотворения наиболее раннего периода; они преисполнены светлого и радостного ожидания; автор назвал этот цикл *«В полях»* на том основании, что большинство стихотворений

слагались автором в полях. При составлении этого цикла автор руководствовался не принципом эстетического совершенства, а характерностью настроения; цикл *«В полях»* характеризует доминирующий лейтмотив внутренних тем автора периода 1902—1903 годов. Во втором отделе лейтмотив религиозного ожидания сменяется сказочным экстазом; мистическая нота топится в экстазе образности: и — пробуждается люциферическая тема; заглавие этого отдела *«В горах»* соответствует переживанию превознесенности над миром. Из этого переживания рождается и тема 3-го отдела *«Не тот»*, в котором главенствующий лейтмотив — разочарование в чувстве предызбранности; ощущение горней озаренности рассеивается; автор ощущает себя в «трезвой действительности», как в тюрьме.

Во всех трех отделах принцип выбора стихов — не чисто эстетический, а идейный; эволюцию идей автора должен он живописать; если бы автор руководился принципом формального совершенства, то многие из стихотворений не попали бы в три цикла *«Золото в лазури»;* и — наоборот, многие не включенные стихотворения нашли бы здесь свое место.

Три отдела «Золото в лазури» рисуют эволюцию поэтической имагинации от *«Золото в лазури»* к темам *«Пепла»;* от мистической экстатичности сквозь фантазию, порожденную экстазом, к окружающей, реальной действительности, пред лицом которой образы, порожденные экстазом, сгорают в *Пепел*.

ПЕПЕЛ

Глухая Россия

В этот отдел автором собран ряд стихотворений из *«Пепла»;* автор подобрал разбросанные стихотворения в естественные циклы; собственно говоря, все стихотворения *«Пепла»* периода 1904—1908 годов — одна поэма, гласящая о глухих, непробудных пространствах Земли Русской; в этой поэме одинаково переплетаются темы реакции 1907 и 1908 годов с темами разочарования автора в достижении прежних, светлых путей. Принцип выбора стихотворений в этом отделе, как и в предыдущих,— не чисто эстетический; здесь представлены стихотворения, типичные для поэтической идеологии; может быть, иные из более совершенных в формальном смысле стихотворений и не попали в этот отдел; но зато попали характернейшие.

Прежде и теперь

Стихотворения этого отдела обнимают ряд лет (от 1903 до 1916 г.); но я объединяю их вокруг темы *«Пепла»*. Доминирующий лейтмотив этого цикла — взгляд на действительность, как на стилизованную картину; прошлое и настоящее кажутся одинаково далеки для себя потерявшей души; все только — маски; появление среди масок умершей действительности *«домино»* есть явление рока, отряхивающего пепел прошлого. Лирический субъект этого отдела — постепенно себя сознающий мертвец.

УРНА

Стихотворения этого отдела объединены автором вокруг поэтической темы 1908 года, представленной сборником *«Урна»*, хотя автор включил в этот период и несколько более поздних отрывков из поэмы *«Первое Свидание»*, а также и несколько более ранних стихотворений. Общая идея этого отдела: поэт собирает в урну пепел сожженного своего восторга, вспыхнувшего ему когда-то *«Золотом»* и *«Лазурью»*. Сосредоточенная грусть, то сгущающаяся в отчаяние, то просветленная философским раздумьем, доминирует в этом деле. Отдел распадается на четыре подотдела.

Снежная Дева

В *«Снежной Деве»* собраны стихотворения, живописующие разочарование в любви; эта любовь, подмененная страстью, развеивается пургою; воспоминания об утраченном посещают субъекта поэзии; и он находит исход страданиям в философической грусти. Лейтмотив, аккомпанирующий его настроениям,— лейтмотив метели: если *«она»* — только холодная, снежная дева, то и вся жизнь лишь снежный, сквозной водоворот; в эпоху написания большинства стихотворений этого отдела автор работал над своей симфонией *«Кубок Метели»*.

Лето забвения

В отделе *«Лето забвения»* объединены стихотворения, смежные по настроению со стихотворениями предыдущего отдела; но пейзаж стихотворений — летний, тогда как пейзаж предыдущего отдела — зимний; лето способствует философскому раздумью; и нота философского раздумья здесь доминирует; кроме того, в эпоху написания стихотворений этого периода автор находился под сильным влиянием поэзии Тютчева, Баратынского и отчасти Батюшкова; отсюда явное влияние этих поэтов слышится на многих строках и строфах; отсюда же — непроизвольный архаизм иных выражений.

Искуситель

Стихотворения этого отдела автор объединил вокруг одной темы; и эта тема — философия; отдаваясь усиленному занятию философией в 1904—1908 годах, автор все более и более приходил к осознанию гибельных последствий переоценки неокантианской литературы; философия Когена, Наторпа, Ласка влияет на мироощущение, производя разрыв в человеке на *черствость* и *чувствительность;* черствая чувственность — вот итог, к которому приходит философствующий гносеолог; и ему открывается в выспренных полетах мысли лик Люцифера. Отсюда влияние Врубеля в предлагаемых строках. Автор объединил стихотворения одного настроения в цикл, являющий собою как бы поэму, живописующую действие абстракции на жизнь; эта абстракция действует как тонкий и обольстительный яд, оставляя все существо человека неутоленным и голодным.

Мертвец

Хотя время написания поэмы *«Мертвец»* объединяет поэму с эпохой написания *«Пепла»* (1906—1907 года), однако эта поэма в общей архитектонике целого вытекает как следствие и из настроений *«Пепла»*, и из настроений *«Урны»*. «Я», разочарованное в религиозном и этических устремлениях (*«Золото в лазури»*), придавленное косными пространствами политической и моральной реакции (*«Пепел»*), разочарованное в личной любви (*«Урна»*) и в философском, сверхличном пути (*«Искуситель»*), становится живым мертвецом, заживо похороненным; и эти переживания прижизненной смерти (*«Ты подвиг свой свершила прежде тела — безумная душа»*) приводят к кощунственным выкрикам боли; тема *«кощунства»* от боли — тема поэмы.

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Поэма

Переживания прижизненной смерти поэмы *«Мертвец»* осмысливаются в поэме *«Христос Воскрес»*, как переживания Голгофы самосознания:

В прежней бездне
Безверия
Мы,—

Не понимая,
Что именно в эти дни и часы —
Совершается,
Мировая
Мистерия...

Здесь *«дни»* и *«часы»* взяты не только в смысле *«дней»* и *«часов»* 1918 года, но в смысле метафорическом: в смысле *«дней»* и *«часов»* встречи переживающего бездны ужасов индивидуального «Я» или «Я» коллектива (души народа, души человечества) с роком, со стражем порога духовного мира; и этот порог — крест; и — висящий на кресте; приятие распятия пресуществляет тему смерти в тему воскресения; в этой теме каждое «Я» или ich становится I. Ch.— монограммой божественного «Я».

Подчеркиваю: мотивы индивидуальной мистерии преобладают в этой поэме над мотивами политическими; обстановка написания поэмы заслонила от критиков основной момент поэмы: она живописует событие индивидуальной духовной жизни; точка зрения автора: события социальной действительности подготовляются в движениях индивидуальной духовной жизни; они — оплотнения, осадки, выпадающие вовне.

Поэма была написана приблизительно в эпоху написания *«Двенадцати»* Блока; вместе с *«Двенадцатью»* она подвергалась кривотолкам; автора обвиняли чуть ли не в присоединении к коммунистической партии. На этот *«вздор»* автор даже не мог печатно ответить (по условиям времени), но для него было ясно, что появись *«Нагорная проповедь»* в 1918 году, то и она рассматривалась бы с точки зрения *«большевизма»* или *«антибольшевизма»*. Что представитель духовного сознания и антропософ *не может* так просто присоединиться к политическим лозунгам,— никто не подумал (все влипли в стадные переживания); между тем тема поэмы — интимнейшие, индивидуальные переживания, независимые от страны, партии, астрономического времени. То, о чем я пишу, знавал еще мейстер Экхарт; о том писал апостол Павел. Современность — лишь внешний покров поэмы. Ее внутреннее ядро не знает времени.

КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ

Сказки

Этот цикл стихов за исключением стихотворения, посвященного М. Бауэру, является для меня переходом от мрачного отчаянья *«Урны»* к сознательности *«Звезды»*. Пробуждающемуся от бессознательности могилы к живой жизни эта жизнь звучит сказкою. И оттого стихи цикла суть сказки о прошлом.

Свет, освещающий прошлое, т. е. 1905—1908 гг., был денницей будущих лет (1912—1915), ставших прошлым.

Стихотворения написаны в периоде от 1909 до 1915 года.

ЗВЕЗДА

Стихотворения цикла *«Звезда»* обнимают период 1914—1918 годов. Этот период окрашен для автора встречей с духовной наукой, осветившей ему его былые идейные странствия; оттого-то здесь — синтез поэтической идеологии автора; темы *«Золото в лазури»* встречаются здесь с темами *«Урны»*, пресуществляемой по-новому антропософией; и снова проходит тема России (тема *«Пепла»*), но не глухой России, а России, мучительно ищущей своего духовного самоопределения. Автор считает, что этот отдел является наиболее сознательным. *«Звезда»* — *«звезда»* самосознания.

ПОСЛЕ ЗВЕЗДЫ

Стихотворения этого периода заключают книгу: они написаны недавно, и я ничего не сумею сказать о них: знаю лишь, что они — не *«Звезда»* и что они после *«Звезды»*.

Меня влечет теперь к иным темам: музыка «пути посвящения» сменилась для меня музыкой фокстрота, бостона и джимми; хороший джаз-банд предпочитаю я колоколам Парсифаля; я хотел бы в будущем писать соответствующие фокстроту стихи.

ПРЕДИСЛОВИЕ

(к сборнику *«Пепел»*, 1925)

Предлагая вниманию читателей переработанное издание сборника *«Пепел»*, я полагаю, что художественные произведения, отразившие эпоху, хотя бы и прошлую, имеют право на внимание: мы и доселе читаем Некрасова, Тютчева, Лермонтова; автор не в тех годах, чтобы предъявлялось требование быть животрепещущим.

Перепечатывая *«Пепел»*, я руководствуюсь еще следующим: в 1908 году, в год выхода сборника, критика обошла вниманием изображение тогдашнего маразма русской жизни; изображение это не могло удовлетворить вкусы, устремленные к произведениям Арцыбашева, Пшибышевского, Оскара Уайльда и Ведекинда; автора печатно называли *«старым слюнтяем»* за обращение к нотам гражданской поэзии *, хотя автору не было еще тридцати лет.

Сообразно новому осознанию тем *«Пепла»* я в настоящем издании 1) изменил порядок; 2) сократил число их; 3) переработал некоторые из них; 4) присоединил несколько стихотворений, не бывших в *«Пепле»*, но родственных ему по духу.

Стихотворения обнимают в общем период 1904—1908 годов. В них не могла не отразиться революция и, главным образом,— за ней последовавшая реакция, поскольку это было возможно в суровых тисках тогдашней цензуры.

Лейтмотив *«Пепла»* — исход из мертвой, кулацкой, мещанской, царской России, и к этой России обращены слова: *«Исчезни, исчезни в пространство!..»* Эта Россия ощущалась автором *«помойной ямой»;* автор вслед за героем *«Пепла»* бежал из России, в которой было нечем дышать; проживая с 1912 года главным образом за границей.

«Пепел» — лирическая поэма; стихотворения естественно складываются в рассказ о бегуне, страннике, бунтаре; но субъект лирической поэмы — не личность автора; он — рупор коллектива; «Я» героя *«Пепла»* есть синтез каких-то «мы», за поступки героя *«Пепла»* личность автора не отвечает.

Этот герой — шатун; он в непрестанном движении, перебегая *«по полям, по кустам, по лихим местам»*.

В первом отделе встает образ пустого поля, куда бежит вырвавшийся из городской тюрьмы бунтарь; город кидается за ним вдогонку пылью и грохотом; перед ним — шоссе; он ищет *«свободную волю»*, огибая жилье; и не находя *«воли»* — прячется в пустом поле: *«Поле — дом мой; песок — мое ложе»;* отсюда он подглядывает мимо текущую жизнь: слышит рассказ каторжника, самоубийцы, телеграфиста, железнодорожника и т. д.; жизнь порабощенных масс предстает ему в образе громадного пространства, разъединяющего сынов своих голодом, болезнью и пьянством.

Во втором отделе рисуется попытка героя *«Пепла»* отдохнуть, успокоиться, выйти из своей полевой норы, чтобы осесть в деревне: возникают образы пахаря, деревни, крестьянской молодежи, поповны, тройки; попутно мельтешит жизнь обращенных в прошлое усадеб. Из более близкого знакомства с кулацкой деревней вырастают образы целовальника, насильников и убийц; все погружается в пьянство; герой *«Пепла»* бежит из деревни; белая горячка гонится за ним бредами: лихою осинкой, бурьяном и виселицей, тень *«чучела-горохового»*, кулака,— покрывает деревню.

В третьем отделе герой возвращается в город сознательным борцом; но город — сломан борьбою; в нем царит маразм; паук самодержавия пухнет; в привилегированном классе — *«Пир во время чумы»;* крепнет желание мести; но месть — бессильна; и вырывается крик отчаяния: «Рухни, российский народ!» Индивидуальный террор встает маской красного домино, разящего кинжалом; но *«домино»* — уже сошедший с ума; его эпопея кончается: бредом, тюрьмой, смертью. Из тюрьмы в тюрьму

* Смотрите рецензию писательницы Тэффи в тогдашней *«Речи»* (ныне берлинского «Руля»).

ломаным зигзагом бегства сквозь города, деревни, поля за отысканием *«воли»* — вот тема *«Пепла»*. Неприятие царски-кулацкой России кончается индивидуальным бунтом: *«Все к чертовой матери — все!»* Но этот бунт — сумасшествие отчаяния.

Такова судьба многих русских эпохи 1904—1908 годов. Отражением этой судьбы оправдана лирика *«Пепла»;* оправдан и историко-литературный к ней интерес.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Кучино, 3 октября 1925

ПРЕДИСЛОВИЕ

(к сборнику *«Пепел»*, 1929)

Темы *«Пепла»* рождались в сознании автора в эпоху 1904—1906 годов, когда перед его художественным оком стояла картина тогдашней России; и тема эта завершалась лирически в 1907—1908 годах. Через 20 с лишним лет, возвращаясь к пересмотру материала стихов, автор впервые увидел, до чего его лирическое «я» отразило политические моменты эпохи 1904—1908 годов; эти моменты: революционный взрыв, его внешний слом, распыление революционных энергий, отчасти перерождение и вырождение их в отчаяние и субъективизм; с 1907 года уже выступают на поверхности разгромленной жизни темы огарочничества, крайнего субъективизма, индивидуального террора; это эпоха переживаемого отчаяния с решительным «нет» видимо оправившемуся царизму и буржуазии.

Художественные произведения, отразившие момент, изучаемы; признавая за *«Пеплом»* ряд художественных недочетов, я тем не менее вижу и ряд оснований, заставляющих меня возобновить издание.

Во-первых, книга, отпечатанная в 1908 году в ограниченном количестве экземпляров, была вскоре же распродана, а вопрос о возобновлении издания с 1910 года мало меня интересовал; с 1917 года вступают в силу трудности переиздания (бумажный кризис и т. д.). Книга современному читателю неизвестна; а она заслуживает некоторого внимания; неспроста первое издание посвящено Некрасову; *«Пепел»* — не подражание Некрасову, а созвучие органическое (разумеется, 1905 года, не 60-х годов).

«Пепел» — не только исторический документ, но и право мое ожидать некоторого внимания к стихам, написанным скоро тому назад четверть века; и если в некоем разрезе Некрасов не устарел, то и *«Пепел»* не вовсе устарел.

«Пепел» я переиздаю с некоторым видоизменением; я его сильно сокращаю; я прилагаю к нему 2—3 стихотворения, написанных гораздо позднее *«Пепла»*, но в теме *«Пепла»;* я прилагаю несколько стихотворений, черновик которых был написан в эпоху *«Пепла»;* они не появились в печати или по цензурным соображениям, или потому, что после *«Пепла»* я отдавал в печать стихотворения *«Урны»* и других сборников; лирические эмбрионы, пережитые и недописанные, остались ненапечатанными (к этому изданию я их доработал), таковы: *«Декабрь»*, *«Помойная яма»*, *«Японец возьми»* и т. д.; они лишь дорисовывают уже данную в 1908 году основную линию *«Пепла»*. Наконец, ряд стихотворений я то слегка, то существенней ретушировал в техническом отношении; но это — право автора с более зрелой техникой по отношению к технике еще не окрепшей; пришить пуговицу к толстовке — право носящего эту толстовку (при ее наличии). Стихотворения с правкой помечаю двумя годами: годом написания и годом ретуши; например, 07 (25) (правлено в 1925-м, написано в 1907-м).

Композиция стихов в отделы являет самую тему *«Пепла»* в виде лирической поэмы в 4 частях: герой *«Пепла»* — шатун, бродяга, люмпен-пролетарий; нарисована его судьба; в *«Глухой России»* он ищет свободы и воли, а перед ним встают «Лихие места», «Глухая Россия» — лихое место.

Город? Но город 1908 года — *«Мертвый город»;* этот город рисует 2-й отдел; в отделе *«В полях»* — попытка отдаться деревенский природе: попытка к *«Во*

здравие»; но она оканчивается в отделе *«Злая деревня»* полным *«Заупокоем»;* Россия 1904—1908 годов — кошмар; и *«Бобыли», «Бродяги»* именно потому, что *«Бобыли»* — сходят с ума: ноты безумия и анархического субъективизма правомерно отражены в этой «Драме» моего «Бродяги».

Прошу читателей не смешивать с ним меня: лирическое «я» есть «мы» зарисовываемых сознаний, а вовсе не «я» Б. Н. Бугаева (Андрея Белого), в 1908 году *не бегавшего по полям,* но изучавшего проблемы логики и стиховедения.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Кучино, 1928. Ноябрь

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(к неизданному тому стихов *«Зовы времен»*)

Мысль о двухтомном переиздании своих стихов преследует меня в ряде лет; под переизданием не разумею я выхода в свет; не мне судить, достойны ли мои стихи такого выхода. Под переизданием разумел я критический пересмотр инвентаря мной написанного и переработку тех из стихотворений, которые казались поправимыми. Особенность моих стихов — их рыхлость; всё, мной написанное в стихах, в разгляде лет стоит как черновики, с опубликованием которых я поторопился; стихи писались залпами; *«Золото в лазури»* я в общем написал за два месяца; *«Пепел»* явился на свет в итоге усиленного писания стихов летом 1907 года. *«После разлуки»* написана в две недели. Между «запоями» стихами годами я не писал ни одной строчки.

«Запой» отразился рыхлой, подчас ужасной формой; вставала мысль об отказе от себя, как «поэта»; если бы я мог собрать иные из моих стихов, я бы их сжег; этого я не мог технически выполнить. Книги мои, находящиеся в чьих-то руках, уличили б меня.

Отсюда и мысль о переиздании, т. е. о редактировании, правке, переложении, переделке.

Особенно беспокоило меня «Золото в лазури» нищенскою формой стихов; но нашлись любители поэтического дневника юноши, выброшенного в свет за несколько лет до срока. Отсюда: нечеткость ритмов, безвкусие образов; натянутость рифм. Между тем задание было оригинально; любители моих стихов этого периода поверили мне «в кредит», расслышав намерение сквозь тяжелые кляксы пера, его заляпавшие; раздвой между ритмами в становлении и ставшими строками был мне мучителен.

Брюсов безмерно пощадил меня, назвал *«Золото в лазури»* рубищем с вкрапленными в него драгоценностями; рубище осталось рубищем, драгоценности увиделись стекляшками. Вернее определил «Золото в лазури» мой, в свое время, гонитель Анатолий Бурнакин, назвав книгу «сусалом в синьке».

Уже в 1909 году сознание неудачи с первою книгой стихов вызвало признание: «Еще «Золото в лазури» далеко от меня» (см. предисловие к «Урне»). Далеко — значит: в будущем; была надежда: когда-нибудь да сумею я одушевить тяжелую *«глазурь»* книги в воздушную ритмами лазурь; ужасы рифм вроде «Валькирия» и «Бросаю гири я» приводили меня в бешенство; меня раздражало чахоточное хныканье сутулого интеллигента, разлитое в книге: «надсоновщина», подновленная стилем нуво, часто сбивающаяся на тяжелое безвкусие полотен Штука и Беклина,— вот чем оказалась книга.

В 1914-м я наспех ретушировал текст; в связи с ретушью из ритмов 903 года выветрилось несколько новых стихотворений, как-то: «Архангел», «Чаша»; в 1916-м я переработал текст книги; рукопись пропала. В 1921 году в Ленинграде я сызнова принимаюсь за правку; и вместе с правкой прикосновение к образам и ритмам прошлого извлекает из него «новые» почти стихи; и поэму «Первое свиданье»;

в 1922 году в Цоссене я пытаюсь продолжить правку, но вместо нее из передвижения строк и слов вырастает часть стихов, напечатанная в «После разлуки» («Любовь», «А мне другая», «Полярное море» и т. д.). Только в 1929 году я серьезно взялся за искоренение «ужасов» первого издания «Золота в лазури»; и вместе с тем возникла мысль сделать новое «Золото в лазури» первым томом стихов, присоединив к нему стихи, написанные позднее в «золотолазурном» стиле (из «Пепла», «Звезды», «После разлуки», «Королевна и рыцари»), и вынеся стихи, по стилю близкие к другим книгам; как-то: весь отдел «Прежде и теперь» в заново отработанном виде (пока он не отработан) отнести к отделу «Урна», в котором стилизация более уместна, ибо ряд стихов «Урны» возник из увлечения и изучения Батюшкова, Баратынского, Тютчева, как воспроизведение стиля классиков. В 1931 году я мог окончить редактирование первого тома своих стихов. Разумеется, я не вполне доволен предлагаемой редакцией; и все же она удовлетворительнее редакции «Золота в лазури» 1903 года, тексты которого я использовал как утильсырье; ряд стихотворений оказался неиспользованным, или по ничтожности, или потому, что они ненужный повтор более удачно выраженных тем; теперь, предлагая взамен «Золота в лазури», первого сборника стихов, «Золото в лазури» как первый том, в который влилась переработка текстов 1900—1903 годов, я могу сказать со спокойной совестью, что я отказываюсь от «Золота в лазури» 1903 года, вычеркивая его из списка живых моих книг.

Любители сверять тексты воскликнут: «Разве это — переработка? Это — новая книга». На что я отвечу: предлагаемая книга, отступая от текста «Золота», тем не менее верней отражает ритмы и образы 1903 года, заляпанные, точно глиной, технической беспомощностью юноши; пятидесятилетний автор, расплавив материю книги, внырнув, так сказать, в кипящие первообразы и ритмы, которые смутно когда-то услышал юноша «Белый», более опытной рукой их вернул форме.

Автор 1929—1931 годов — имеющий голос интерпретатор еще безголосого юноши, а не себя; если бы он писал, исходя из современности, он не вписал бы ни одной строчки, подобной вписанным в новой редакции.

Редко ограничивался я легким ретушем (хотя есть несколько нетронутых стихотворений); дело происходило так: тронешь два беспомощных слова,— не увязывается четыре, их обстающие; меняешь четыре — передвигаются 16 слов; в каждой строфе старого текста есть такая пара никчемных слов, и, стало быть, строфа за строфой, пропущенные сквозь строй, менялись; стихотворение начинало выглядеть переложением; но это — не так: имело место высвобождение потенции, жившей в юноше; иные краски, иные слова, иные модуляции: но смысл, сюжет, свет красок, звук темы те же.

С лирическим волнением, диктовавшим в 1903 году стихи, произошло то же, что с воспоминаниями детства, осознанными 35-летним мужем; итог этого осознания — «Котик Летаев», муж омолодился воспоминанием; в переживаниях детства, ярких, но слепых, открылись глаза. Особый род работы над памятью, связанный с изменением объектов памяти, присущ мне (и прозаику и лирику); допускаю: не всякому присуща способность живо нырять в прошлое с тем, чтобы приобщить его к настоящему; мне — присуща; отсюда же закономерно мне считать, что влитое в первый том «Золото в лазури» — более «Золото в лазури», чем забракованное; то — неживой труп, это — действует в первом томе.

И автор ценит потенции «Золота в лазури», что он и доказал, тщательно редактируя текст; он отвертывается лишь от «кокона», из которого вылетела бабочка; бабочка — не самый текст переработки, а — протянутость к будущему; и в этой редакции он — Тредьяковский будущего Пушкина, но и Тредьяковский — шаг вперед от Кантемира.

В чем моя цель?

Я силюсь разбить канон такой-то строки, такой-то строфы, заменяя его каноном живого, звучащего слова в сплетении его с целым. Звуковое целое (инструментовка, обилие внутренних рифм) аннулирует конечную рифму, заменяя ее рифмической тканью целого; рифма, отбивающая ударом конец строки перед междустрочной

паузой,— суррогат эврифмичности всей ткани; эта последняя — качественное выражение высвобождаемого ритма; качество звука в звуковом толчке — такая же особенность ритма, как и количественность звукового удара.

Понятие строка, строфа в будущем сменится понятием интонационного целого качественно звучащих слов; строка, строфа — подобна арии (в итальянском смысле); эвфоническое целое — непрерывная мелодия, подобная вагнеровской, где роль замкнутой отдельности (мелодии) заменена вязью лейтмотивов.

В первом отделе я контрастирую стихи, написанные принципом итальянской песни, стихами, написанными, собственно говоря, внестрочно, внестрофно, в принципе вагнеровской непрерывной мелодии (рунически, а не метрически); первое стихотворение первого отдела «Сердце» — показ, от чего я отправляюсь; это мелодичное «лалалалала»; второе, «Ветерок»,— интонационный речитатив, собственно, не имеющий строф и строк в каноническом смысле; канонический смысл — горизонтальное положение строки — я пытаюсь порой заменить перпендикулярной цепочкой слов, расположенных интонационными изломами, соответствующими мной слышимым акцентам и паузам.

То же проделываю я с прозой романа «Маски», ибо проза и метр, два позднейших расщепа некоторой давней речитативной напевности (периода тезы), которые в третьем периоде (в синтезе) должны по-новому сочетаться, чтобы явить новую форму, в отношении к которой мы, современники, бьющиеся в расщепе между поэзией и художественной прозой (периода антитезы), еще жалкие предтечи; отсюда кажущийся разлом «прозы» в сторону напева и кажущийся разлом узаконенного напева, ставшего метром, и кажущейся прозаической речитативности.

В связи с вышесказанным проблема расположения слов становится впервые «проблемой». Строка есть ритмическое целое; она, так сказать, вырезана двумя интонационными паузами; кроме того, в рифмованных стихах она вырезана двумя голосовыми ударами, падающими на рифмы; рифма подчеркивает аксентуацию; проведите в пятистопном ямбе правильную рифмовку вторых стоп (перед цезурою), и строчка пятистопного ямба превратится в двухстрочие (комбинация двухстопной с трехстопной строками); внутренняя рифма подчеркивает цезуру до значимости междустрочной паузы.

Один и тот же комплекс слов, расставленный по-разному, выявит разные дыхания; в каждом расставе — своя интонация; интонация в лирике — всё; она подобна выражению лица, жестикуляции; интонация, жестикуляция — меняют смысл слова; союз «и» может растянуться до «иии», может слизнуться до проклитики: «и я», может прозвучать и как «ия», и как «иии — я». «И» может подчеркнуться до строки; метрика не знает интонационно-ударного «я»; в ней «и» всегда неударно; метрический закон зачастую стягивает лирическую выразительность в корсет условностей, подобных жестам и позам оперных певцов, породивших «вампуку».

Расстановка слов, творчество строк в пределах метрономической «стопорубки» (раз, два, три, четыре — рифма, пауза; раз, два, три, четыре — рифма, пауза и т. д.) есть подлинно творчество, ибо от него зависит рельеф ритма (в одной расстановке — один, в другой — другой).

Повышая звуковую выразительность орнаментом внутренних рифм, аллитераций и т. д., мы, во-первых, аннулируем значимость конечной рифмы; если каждое слово рифмично с другим, то и сама рифма, как таковая, падает; можно прорифмовать «вихрь» и «стих», если сочетание «ихр» связано (например, «вихр-астый вихрь»), а сочетание «стих» («их») имеет точку опоры в «л-их-о» и в «их»; я рифмую «северный» и «серны» не потому, что не умею рифмовать, а потому что ассонанс «-ерн» в переплете слов, снимающих смысл рифмического удара, звучит правильной рифмой. Вместо измерения масштабом (четыре стопы, три стопы), вместо забот о правильности рифм («суров — вет-ров», а не «вет-ров — светля-ков»), вместо усилий к нахождению изысканных рифм («ветер — сетер»), выдвигается забота о расставе звучащего целого; если каждое слово созвучит с другим, неважно, рифмуем ли мы «ветер — сетер» или «твердит — стучит»; и «бедные» рифмы могут оказаться богатыми, если они врощены звуком в обстание слов.

Вопрос о строке, что она есть, выдвигаем по-новому в напевно-речитативном строе в отличие от «итальянщины» зализанных, друг другу равных, друг от друга отделенных пятистопий или четырехстопий. Строка, так взятая, напоминает мне одинаково у всех сформированный мускул конечности, например бицепс; у силача он развит, у ребенка рудиментарен; но форма его одинакова. Не то лицевые мускулы: их обилие, рудиментарность при рождении превращается в течение всей жизни в метаморфозу; у каждого человека свои лицевые мускулы, над которыми работает всю жизнь лицо; это — факт анатомии; выразительность лица, его характер от проработки тех или иных мускулов; проработка длится всю жизнь; никогда целое лицевых мускулов не готово, как бицепс, ибо оно — текучее и вечно развивающееся многообразие.

Строка, взятая в метрическом корсете, напоминает мне односторонне развивающийся бицепс; в ней интонация предопределена. Строка в том строе, который я называю непрерывной мелодией, подчинена лишь интонационному целому ритма, а не, скажем, четырехстопному отмеру; целое ритма — ухо лирика, от которого зависит распределение слов в строку: в четырехстопном каноне ухо может услышать и семистопные и одностопные строки; ритм, голова здесь берет в руки свои руки (бицепсы); хорошо выжимать 10 пудов; но еще лучше движениями рук отражать лицо; о выжимающей 10 пудов строке мы скажем: «Она скульптурна»; про строку, ставшую строкой велением выражения целого, мы скажем: «Она пленяет своим невыразимым в правиле выражением».

От поэта зависит найти должное выражение среди многих возможных; и его отразить в словесной расстановке, не стесняясь метрической формой.

В предлагаемой редакции я ищу особенности выражения для иных из стихов в расстановке, отражающей мной осознанную интонацию; я не говорю, что — нашел способы выразить особенности интонации; я их ищу; в каждом стихотворении надо увидеть после его метрического оформления его ритмический акцент; и — отразить его расставом.

Приведу пример: стихотворение «Мотылек» — танка (говоря метрически), т. е. оно — пятистрочие, в котором первая половина дает образ, а последние две строки раскрывают мысль, влагаемую в образ. Расстановка таночная такова:

1. Над травой мотылек —
2. Самолетный цветок...
3. Так и я: в ветер — смерть —
4. Над собой, стебельком,
5. Пролечу мотыльком.

Строки 1, 2 дают образ, а 4, 5 его раскрывают.

Но то же стихотворение может иметь иную интонацию, придаваемую мной нижеследующим расставом:

Над травой
Мотылек —
Самолетный
Цветок...—

— Так
И я: —

В ветер —
Смерть —

Над собой,
Стебельком,—

Пролечу
Мотыльком.

Чем отлична интонация второго расстава от первой? Вынесение 3-й строки таночного расстава в иной перпендикулярный ряд, и разбиение ее на два двухстрочия, не только удвояет, учетверяет акцент третьей строки, т. е. «Так и я»; этим акцент танки переносится с конца в середину: танка перестает быть танкой: распад

двух первых строк на двустишия: 1) подчеркивает антиномию «мотылек — цветок», 2) подчеркивает парадоксальность цветка: «летающий цветок»; а распад двух последних строк подчеркивает антиномию между «стеблем» — телом и «венчиком» — мотыльком — духом. Но две антиномии «мотылек — цветок» и «стебелек — венчик» соответствуют друг другу, что выражено тем, что обе антиномии попали в ту же линию перпендикуляра. Обоим противопоставлено «Так и я». Расстав образует интонационный угол.

В таночном расставе смысловая интонация смазана; в ней подчеркнута порхающая легкость; во втором расставе сорван покров с этой легкости; в первом расставе зрю быстрый порх мотылька, во втором зрю философическую углубленность порха; первый расстав — «allegretto», второй — «andante». Перед расставом я задумался над тем, что́ мне важнее подчеркнуть, и увидел — важнее подчеркнуть мысль, а не образ (иногда — обратно — важнее мысль утопить в образе); в расстановке слов поэт — композитор ритма; он сочиняет мелодию, вернее, ищет внешним ухом отразить свой внутренний стих.

Уже в первой редакции «Золота в лазури» я инстинктивно искал интонации в разбиении равностопных строк на короткие неравностопные; но смысл проблемы расстава не был осознан. Во второй редакции эта проблема встала для ряда стихотворений, неделимых в обычно понимаемых единицах (как ни дели,— непрерывная дробь). Для таких стихотворений я искал начертания; так, стихотворение «Летний лепет» (1-й отдел) — единая, неделимая речитативная фраза; если ее прочесть «строчно»,— стихотворение — чепуха; фразу берет единое дыхание речитатива, в котором подымается интонация, как зыбь перебивающих друг друга волн; два удара «как» «так» подымают каждый свою волну, внутри которой слышу поднятие и расплеск удара падения (на словах «небо» и «от света слов»); во второй волне, как завиток пены, подобное трели сочетание — ассонанс, «розовую розу — росами», слышимый как скороговорка.

Сказанным объясняются особенности расстава в иных стихотворениях.

В этом издании я особенно продумал отделы, понятые как единый цикл; стихотворение вытекает из стихотворения; выхваченное из цикла, оно теряет; отдел — этап настроения в целом книги; это целое — лирически переживаемый некий строй отношения к жизни юного лирика 1903 года; более поздние стихи лишь дописывают то, что было вписано некогда в лирика; «Христос воскресе» коренилось в Белом еще в 1903 году; оно лишь подчеркивает отдел «Молнии лет» (из 1918 года).

«Летние блески» — еще не омраченная ничем легкость, юность в восприятии природы и жизни; «Трепетень» вносит первые тени разъяда, разочарования и бегства к иллюзиям вымысла: «Возврат» — вымысел, которым, как плащом, закрывается уязвленный жизнью; «Белые стихи» — разъяд самого вымысла; жизнь — носорог, втыкающий рог в мудреца; «Черч теней» — страх, упадок, разочарование, тема смерти; «Исход» — исход из смертного к природе, к зову духа; «Молнии лет» — осознание зова, ведущее к теме «Христос воскресе».

Это — лейтмотив, звучавший и в «Золоте в лазури», но там он заляпан кляксами технической беспомощности, задымлен туманом неосознанности; в 1931 году старик интерпретирует юношу, как бы говоря: «Вот в чем было дело в 1903 году».

«Андрей Белый» 1903 года жалко уронил свои лирические задания; старик пытается новой редакцией хоть отчасти исправить «грехи молодости» простым повышением качества продукции (недостатки ее все равно не сотрешь); повышение качества продукции, конечно, компромисс; может быть, лучше было уничтожить вовсе юношеские тексты; повторяю: они не уничтожены ввиду любителей копаться и щупать дефекты молодых авторов. Дав «Золото в лазури» вторично и зная, что при моей жизни вряд ли оно будет напечатано, я взываю, так сказать, из гроба: *«Со всею силой убеждения прошу не перепечатывать дрянь первой редакции, это — посмертная воля автора; он ее подкрепляет тем, что дает собственную редакцию; отбросам из утильсырья место — помойка, а не печатный лист».*

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Кучино, 27 февраля 1931 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕИЗДАННОМУ ТОМУ СТИХОВ «ЗОВЫ ВРЕМЕН»

Настоящий сборник «Зовы времен» мною приготовлен в качестве 1-го тома посмертного издания заново переработанных стихов, а также и таких, которые появляются впервые.

Ядром материала является юношеская книга стихов «Золото в лазури» (год издания 1904), беспомощная по технике; этой редакцией стихов, взятых из «Золота в лазури», я считаю свою юношескую книгу уничтоженной автором. Автором задуманы три тома стихов как посмертное собрание стихотворений; всё, что останется вне этого трехтомия, автор считает уничтоженным.

В издании перераспределены материалы; каждый том задуман цельно; в первом томе основной тон — по сюжетам, романтике, темам — юношеская лирика, но как бы оркестрованная зрелым техником; будучи весьма далек от настроений «Золота в лазури», я стараюсь, однако, в воспоминании их пропустить сквозь себя; и даже для цельности циклов написан ряд стихов в юношеских тонах.

Композиция циклов, имея ядром *«Золото в лазури»*, однако, берет ряд стихов из *«Пепла»* (1908), *«Урны»* (1909), *«Королевна и рыцари»*, *«Звезды»*, *«После разлуки»* (издана в Берлине в 1922 году).

Из 193 стихотворений, заключенных в «Зовы времен», 48 номеров (в том числе и поэма *«Христос воскресе»)*, остались в нетронутом виде или попали в сборник с минимальной правкой; 30 номеров исправлены, но так, что возможно их сличить с первоначальным текстом; 61 номер являет стихотворения настолько переработанные, что они являют собой как бы новые стихотворения (часто изменены и заглавия); сличить их с их юношескими прототипами нельзя; они скорее — импровизации на тему: *«воспоминания о юношеской лирике»*, наконец, 54 стихотворения появляются впервые; они написаны или для архитектоники целого первого тома, или еще не появлялись в печати и лежали в юношеских набросках, *впервые написанных в 1921—1931 годах*, или написаны недавно и включены в первый том.

Некоторые стихотворения в прозе из «Золота в лазури» переделаны и поданы в «Зовах времен» в белом стихе.

Стихотворения, впервые появляющиеся в печати, отмечены в оглавлении тремя звездочками; стихотворения, радикально исправленные (до неузнаваемости) — двумя; стихотворения с умеренной правкой — одной.

1932 года 24 мая

Вероятней всего, что при жизни моей этот том не появится в печати.

КОММЕНТАРИИ

В архиве Андрея Белого сохранилась неозаглавленная записка, датированная 21 февраля 1925 г., получившая условное название «План посмертного издания Собрания сочинений Андрея Белого». Этот план, обращенный к будущим поколениям, начинается такими «тяжелыми» словами: «В случае моей смерти хотел бы я, чтобы эти слова прочел кто-нибудь из друзей, которому было бы интересно знать сумму мной написанного. Я, конечно, не придаю слишком глубокого значения моим работам; вообще, книгами я интересуюсь постольку, поскольку сквозь все их пишется одна Книга книг; и это — Книга духовного развития человечества, его культуры; но исследователей этого мучительного становления культуры может интересовать тот или иной период развития культуры в любой из стран; могут быть люди, интересующиеся «н а ч а л о м в е к а» в России, деятелями разных течений этого времени; с точки зрения этой и символизм может оказаться «с и м п т о м а т и ч е н», и в н е м «с и м п т о м а т и ч е н» могу быть и я со всеми моими малыми достижениями и великими падениями. Ради этой «с и м п т о м а т и к и», как атом истории великой русской литературы, я готов дать ответ перед читателями...» (цит. по кн.: Литературное наследство. Символизм. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 27—28. С. 576—577). Собрание сочинений писателя и есть его ответ будущим поколениям читателей.

Настоящее Собрание сочинений является, по сути, первым. Оно открывается томом стихотворений и поэм Андрея Белого. Это «свод» классических образцов поэзии Андрея Белого из сборников «Золото в лазури», «Пепел», «Урна», «Звезда», «После разлуки», из книги сказок «Королевна и рыцари». Отдельными разделами представлены стихи, не вошедшие в основные сборники, а также переработанные стихи. «Свод» поэзии завершается поэмами «Христос воскрес» и «Первое свидание».

При составлении комментария были использованы комментарии Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко к изданию «Стихотворения и поэмы», М.; Л., 1966, Джона Э. Мальмстада к «Стихотворениям» в 3 т., А. В. Лаврова к «Стихотворениям (1923)», обзор К. Бугаевой, А. Петровского (Д. Пинеса) «Литературное наследство Андрея Белого», «Хронологическая канва жизни и творчества Андрея Белого», составленная А. В. Лавровым (см.: Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Сов. писатель, 1988), а также библиография Андрея Белого, составленная Н. Г. Захаренко и В. В. Серебряковой (в кн.: Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. М.: Книга, 1979. Т. 1. Ч. 1.) и продолженная М. А. Бениной, которая охватывает в своем библиографическом обзоре десятилетие — с 1976 по август 1986 г. (в сб.: Андрей Белый. Проблемы творчества, 1988). Комментарий — и в этом, и в последующих томах — носит по преимуществу историко-литературный и биографический характер, куда включаются также ссылки на наиболее значительные исследования, посвященные различным сторонам жизни и творчества Белого.

Сноски в тексте — авторские (кроме особо оговоренных случаев).

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В КОММЕНТАРИЯХ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ

Арабески — Белый Андрей. Арабески. Книга статей. М.: Мусагет, 1911.

Армения — Белый Андрей. Армения. Ереван: Советикан грох, 1985.

Белый — Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Советский писатель, 1988.

Бугаева — Бугаева К. Н. Воспоминания о Белом. Berkeley, 1981.

Ветер с Кавказа — Белый Андрей. Ветер с Кавказа. Впечатления. М.: Федерация — Круг, 1928.

Воспоминания — Белый Андрей. Воспоминания о А. А. Блоке. München, 1969.

Гибель сенатора — Белый Андрей. Гибель сенатора (Петербург). Историческая драма. Berkeley, 1986.

ГЛМ — Архив Государственного Литературного музея.

Глоссолалия — Белый Андрей. Глоссолалия (в заглавии опечатка — Глоссалолия). Поэма о звуке. Берлин: Эпоха, 1922.

Долгополов — Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Советский писатель, 1988.

ЗЛ — Белый Андрей. Золото в лазури. М.: Скорпион, 1904.

КР — Белый Андрей. Королевна и рыцари. Сказки. Пб.: Алконост, 1919.

ЛН — Литературное наследство. Т. 27—28. Символизм. М.: Журнально-газетное объединение, 1937.

Луг зеленый — Белый Андрей. Луг зеленый. М.: Альциона, 1910.

Мастер — Белый Андрей. Мастер слова — искусства — мысли. Istituto Universitario di Bergamo. 1991.

Мастерство — Белый Андрей. Мастерство Гоголя. М.; Л.: ОГИЗ ГИХЛ, 1934.

МБ — Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора. ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3.

Между двух революций — Белый Андрей. Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990.

Мочульский — Мочульский К. Андрей Белый. Париж: Ymka-Press, 1955.

На рубеже — Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М.: Художественная литература, 1989.

Начало века — Белый Андрей. Начало века. М.: Художественная литература, 1990.

Пепел — Белый Андрей. Пепел. Стихи. Спб.: Шиповник, 1909.

Пепел (1929) — Белый Андрей. Пепел. Стихи. Изд. 2-е, перераб. М.: Никитинские субботники, 1929.

Переписка — Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М.: изд. Гослитмузея, 1940.

Петербург — Белый Андрей. Петербург. Л.: Наука, 1981.

Петербург (1978) — Белый Андрей. Петербург. М.: Художественная литература, 1978.

По Москве — По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1917.

Почему я стал символистом — Белый Андрей. Почему я стал символистом и почему я не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития. В кн.: Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.

ПР — Белый Андрей. После разлуки. Берлинский песенник. Пб; Берлин: Эпоха, 1922.

Путевые заметки — Белый Андрей. Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. М.; Берлин: Геликон, 1922.

Ракурс — Белый Андрей. Ракурс к дневнику. ЦГАЛИ, ф. 53, оп. I, ед. хр. 100.

РГБ — Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки.

Ритм — Белый Андрей. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М.: Федерация, 1929.

Серебряный голубь — Белый Андрей. Серебряный голубь. М.: Художественная литература, 1989.

Символизм — Белый Андрей. Символизм. Книга статей. М.: Мусагет, 1910.

Симфонии — Белый Андрей. Симфонии. Л.: Художественная литература, 1991.

Сочинения — Белый Андрей. Соч.: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990.

Стихотворения (1923) — Белый Андрей. Стихотворения. Репринтное воспроизведение сборника 1923 г. М.: Книга, 1988.

Стихотворения (1940) — Белый Андрей. Стихотворения. Библиотека поэта (Малая серия). Л.: Советский писатель, 1940.

Стихотворения и поэмы — Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта (Большая серия). М.; Л.: Советский писатель, 1966.

Стихотворения — Белый Андрей. Стихотворения: В 3 т. München: Wilhelm Fink Verlag, 1982—1984.

Урна — Белый Андрей. Урна. Стихотворения. М.: Гриф, 1909.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

Штейнер и Гете — Белый Андрей. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. М.: Духовное знание, 1917.

ABCR — Bely Andrey. A Critical Review, Lexington, The University Press of Kentucky, 1978.

BCP — Bely Andrey. Amsterdam: Century Papers, 1980.

Newsletter — The Andrej Belyj Society Newsletter, nn. 1—5. Riverside, University of California, 1982—1986; nn. 6—11, Texas A. and M. University Press, 1983—1990.

Pro et Contra — Belyj Andrej — Pro et Contra. Milano: Unicopli, 1986.

Spirit — Bely Andrey. Spirit of Symbolism. Ithaca and London Cornell University Press, 1987.

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

Книга стихов и лирической прозы «Золото в лазури» вышла в московском издательстве «Скорпион» в апреле 1904 г. (цензурное разрешение — 14 марта) в обложке работы Н. Фсофилактова с посвящением: «Дорогой матери». «Почти весь том «Золото в лазури» написан в лето 1903 г., проведенное в имении отца Серебряный Колодезь»,— засвидетельствовано в МБ. Книга вызвала полярные суждения и оценки, будучи воспринята как программный документ нового художественного направления — символизма «второй волны». Одним из самых восторженных читателей «Золота в лазури» был П. Флоренский, который считал творчество Белого «замечательным и ни с чем не сравнимым примером нового мифотворения», о «Золоте в лазури» писал Белому в письме от 18 июля 1904 г.: «Ваш сборник по своему характеру (не по качеству, а по сути) знаменье перелома, перевала сознания; новые виды раскрываются, хотя многое еще подернуто дымкой. Об этом новом (теургизм) надо сказать достойно Вашего сборника. Может быть, Вы,— простите за смелое предположение,— сами и половины в своих стихах не понимаете, не понимаете ценностей. С некоторыми вещами можно богослужение совершать. Не знаю уж, я ли так сжился с Вашими стихами, или они действительно так многообразны, как мне кажется, но на всякий момент жизни находится несколько стихов, и когда остаешься один, то невольно незаметно для себя напеваешь или шепчешь что-нибудь из Вашего» (Переписка П. Флоренского с Андреем Белым «Контекст, 1991». М.:

Наука, 1991. С. 34). Сам Белый значительно более критически относился к своей первой поэтической книге, даже во время ее печатания подчеркивал, что смотрит на сборник «как на свое прошлое, а не теперешнее». Позже, в предисловии к «Урне», помеченном 14 января 1909 г. (см. настоящий том), он писал: «Озаглавливая свою первую книгу стихов, я вовсе не соединял с этой юношеской, во многом несовершенной книгой того символического смысла, который носит ее заглавие». Имелось в виду, что оба слова, стоящие в названии сборника, являются цветообразующими, что обусловлено особой ролью ц в е т а в эстетике символизма и в творчестве Андрея Белого, в частности (О символике цвета у Белого см.: Cioran S. A. Prism for the absolute. The symbolic Colors of Andrey Bely.— ABCR).

Цветовая символика привлекала внимание писателя на всем протяжении его творчества. Об этом свидетельствует уже ранняя, написанная в 1903 г., то есть одновременно с созданием книги «Золото в лазури», статья «Священные цвета», которая позднее вошла в А р а б е с к и. Цветовой код для Белого — автора «Золота в лазури» — одно из главных средств передачи переживаний тех лет: ощущения всеобщей связанности бытия (каждый цвет относителен по отношению к другому, сопряжен с той или иной предметно-бытовой сферой, с определенной культурной и поэтической традицией, вызывает ассоциации с тем или иным звуком, жестом и т. д.); предчувствия приближающегося Апокалипсиса (Откровение св. Иоанна Богослова также не случайно очень насыщено цветовой символикой); надежд на скорое воцарение на земле Софии — Вечной Любви и высшей Мудрости, символического воплощения утопии «всеединства» Вл. Соловьева. Именно с цветами — атрибутами Софии и соотнесено название книги Андрея Белого. «Золото в лазури»,— писал он,— иконописные краски Софии; иконное изображение Софии сопровождает те краски; и у Владимира Соловьева: *Она* — пронизана *лазурью золотистой*... Она опускается с неба на землю, перенося свое *золото и лазурь* к нам, сюда...» (В о с п о м и н а н и я. С. 170). В контексте рассуждений Белого «лазурь» является не столько обозначением голубого цвета, сколько синонимом «света», «лучезарности». Цветовая символика у Белого тесно связана с «теургической», жизнестроительной установкой его творчества, с ритуальными корнями его эстетики: ритуал еще на заре человеческой истории как бы воплотил собой символистский идеал слияния искусства и жизни, символистские чаяния, откровения, обнаружения высшей Тайны бытия. Ведь и в древнем ритуале, имеющем ярко выраженную жизнесозидательную функцию, «священное» открывает себя участникам, пишет В. Топоров, отмечая при этом, что в ритуале «существует бесспорная связь «священного», святости с блеском, сиянием в их предельном проявлении, с золотым и пурпурным цветом» (Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику.— В кн.: Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 36—37). «Пурпур» — после «золота» и «лазури» — один из трех основных «священных цветов», встречающихся в первом стихотворном сб. Белого, который посвящен матери поэта — Александре Дмитриевне Бугаевой (1858—1922).

Золото в лазури

Бальмонту (с. 22).— Этот поэтический цикл в трех частях впервые опубликован в ЗЛ. С. 3—6. Белый познакомился с Константином Дмитриевичем Бальмонтом (1867—1942) в 1903 г., а его стихами увлекся еще будучи гимназистом. «Моим любимым поэтом,— вспоминал Белый, характеризуя собственное мирочувствование 1897 г.,— делается Бальмонт, которого книга «В безбрежность» становится моей любимой книгою; с этого времени я уже не пропускаю ни одной строки Бальмонта» (М Б. Л. 8). Белый писал о сборнике Бальмонта «Будем как солнце» (1903), непосредственно вдохновившем его на создание сборника «Золото в лазури»: «Нас книга дразнила; в ней — блеск овладенья приемами, краски, эффекты — и ритм...» (Н а ч а л о в е к а. С. 239). Т ы с к а з а л: О к е а н г о л у б о й//е щ е

с нами, о братья!» — по-видимому, намек на стих. Бальмонта «Воззвание к океану», в котором океан символизирует столь близкую Белому идею цельности («Ты никем не скованная цельность...») и Вечности («Дай мне быть твоей пылинкой влажной // Каплей в вечном... Вечность! Океан!)... священной весны//все задумчиво грустные дети.— Возможно, именно к этим широко известным строкам Белого восходит название балета И. Стравинского «Весна священная» (1913), построенного на теме возрождения мира, связанного с ритуальным жертвоприношением. Древний хаос, как встарь,//в душу крался смятеньем неясным.— Образ «древнего хаоса», проходящий через весь сб., также указывает на теснейшую связь поэзии Белого с ритуалом и его «двойником» — космогоническим мифом, основное содержание которого состоит в «борьбе упорядочивающего космического начала с деструктивной хаотической стихией» (В. Топоров. Указ. соч. С. 9). О космологизме мироощущения Белого, близком мифопоэтическому мировоззрению «космологической эпохи» — эпохи расцвета архаического ритуала,— пишут многие современные исследователи. Л. К. Долгополов, в частности, считает, что главным среди всех открытий Белого было «новое понимание человека — не только как представителя «среды и обстоятельств времени», но и как величины космологического плана, как части единого мирового природного целого» (Долгополов. С. 13). Сам Белый глубоко ощущал родственную связь между миссией современного художника и миссией древнего заклинателя хаоса. «Доисторическое человечество,— писал он в статье «Пророк безличия» (1909),— верно видело хаос: оно плавало в хаосе... хаос расстилался над головой человека густою ночью, шумом деревьев, перекликаясь с ночными голосами человеческой души: в душе копошился хаос стихийной жизни, над душой нависал бездной ночи. И дикарь... побеждал рок... В борьбе с роком блеснул свет... свет ширился... Материк жизни вышел из хаоса; началась история» (Арабески. С. 12). Опираясь на авторитет Ф. Ницше, Белый призывает современных художников «идти на ночь дорической фалангой», «вернуть искусству Аполлонов свет» (Там же. С. 16). И луна, как фонарь,//озаряла нас отсветом красным.— Красный цвет в системе символов Белого, в отличие от однозначно «священного» пурпурного, многозначен: «В красном цвете сосредоточены ужас огня и тернии страданий» (Арабески. С. 121), красный соединяет в себе демоническое начало, «всепожирающую страсть», полную «темных чар и злого, земного огня» (Там же. С. 120), гибель в огне и жертвенность: он — цвет крови, проливаемой ради победы добра над злом, жизни над смертью (в этом своем качестве красное отождествляется с багрянцем). Здесь «красный» выступает в своей негативной сущности, что подчеркнуто его соединением с образами «луны» — древнейшего мифопоэтического символа смерти — и «фонаря» — аналогии луны в заново творимой символистами городской «мифологии» (ср. у Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека...»).

Золотое руно (с. 24).— Цикл в двух частях, впервые опубликованный в журнале «Мир искусства» (1904, № 5. С. 186) в статье А. Белого «Символизм как миропонимание» без названия, посвящения и даты, с пропуском последней строфы в 1-м стих. и второй — третьей, пятой — седьмой во 2-м. Адресат цикла — Эмилий Карлович Метнер (1872—1936) — музыковед, философ, литератор, до 1913 г. близкий друг А. Белого, участник кружка «аргонавтов», руководитель символистского издательства «Мусагет». Этот цикл стал программным для символистов-«аргонавтов», сгруппировавшихся в 1903—1905 гг. вокруг Белого. «... Кружок в очень условном смысле, выросший совершенно естественно; впоследствии Эллис назвал кружком «аргонавтов» его, приурочив к древнему мифу, повествующему о путешествии на корабле «Арго» группы героев в мифическую страну (по предположению, в Колхиду) за золотым руном; я написал стихотворение под заглавием «Золотое руно», назвав солнце руном. Эллис, прицепившись к нему, назвал нас аргонавтами...» — свидетельствует Белый (Начало века. С. 123). Ср. с его же словами из письма Э. К. Метнеру от 26 марта 1903 г.: «... я и один молодой человек (Л. Л. Кобылинский) собираемся учредить некоторое публичное общество (союз) во имя Ницше — Союз аргонавтов (...), цель эзотерическая — путешествие сквозь Ницше в надежде

отыскать з о л о т о е р у н о» (см. Лавров А. В. Мифотворчество «аргонавтов» — Миф — фольклор — литература». Л., 1978. С. 141). Обращает внимание, что без «посвящения» не обходится почти ни одно стих. З Л. Это своего рода дань р и т у а л у п о с в я щ е н и я в братство «аргонавтов», символ признания «аргонавтического» духа того, кому посвящено стихотворение. Потому-то среди адресатов стихотворений З Л не только постоянно меняющиеся участники кружка, но и Бальмонт, и Брюсов, и Балтрушайтисы, и почившая к тому времени чета М. С. и О. М. Соловьевых, и даже Бетховен... Все они — «аргонавты», жители Будущего. З е м л я о т л е т а е т...//В и н о//м и р о в о е//п ы л а е т//п о ж а р о м//о п я т ь...— расположение отдельных слов стихотворной строфы в «столбик» — одна из новаций Белого-поэта, усвоенная многими русскими поэтами XX в., в частности В. Маяковским. Со «столбиком» связано и другое нововведение Белого — исчезновение заглавной буквы в начале стиховой строки.

Солнце (с. 25) — З Л. С. 11. С е р е б р я н ы й К о л о д е з ь — имение, купленное отцом Белого в Ефремовском уезде Тульской губ. в 1898 г. В нем Белый бывал с 1899 по 1907 г. (последний раз — в июне 1908 г., после чего мать продала имение). Этому месту — старинному дому, стоящему на холме над рекой и окруженному тополями, темной липовой аллее, саду, упирающемуся в каменное плато, полям золотой ржи окрест — Белый придавал особое значение, связывал с ним периоды самых больших поэтических взлетов.

Закаты (с. 26).— Первые два стихотворения опубликованы в альм. «Северные цветы» (М., 1903. С. 28—30) в цикле «Призывы». Полностью цикл «Закаты» — в З Л. С. 12. И в р е м е н а с в и в а ю т с я, к а к с в и т о к...— парафраза из Откровения Иоанна Богослова: «Небо скрылось, свившись как свиток...» (4, 14).

За Солнцем (с. 28).— З Л, С. 16.

Вечный зов (с. 28).— Цикл в трех частях. Впервые — З Л. С. 17—20. Дмитрий Сергеевич М е р е ж к о в с к и й (1865—1941) — прозаик, поэт, философ, публицист, одна из центральных фигур первого поколения русских символистов. Восторженное, хотя и не лишенное иронического подтрунивания отношение молодого Белого к Мережковскому позднее сменилось более сложным, отмеченным внутренней полемикой со многими идеями автора исторической трилогии «Христос и Антихрист», эссе «Гоголь и черт», «Толстой и Достоевский»... Однако образ Мережковского, чуткого улавливателя «вечного зова», навсегда остался в сознании Белого. «К далям прошлого обернулся потом Мережковский, и заяснели приближающиеся дали,— писал Белый в критическом очерке «Мережковский» (1908).— Старые образы как-то по-новому заговорили с нами, и мы причастились причастием жизни неведомой... Кто-то стоял и звал нас из прошлого, но и будущее донесло к нам голос...» (А р а б е с к и). ...П о б л е д н е в ш и й у т и х а р л е к и н.— «В русской культуре начала века,— пишет венгерская исследовательница Л. Силард,— маска шута, скомороха, арлекина... возникала поразительно часто, достаточно вспомнить картины К. Сомова, поэзию М. Волошина, М. Кузмина или, наконец, «Балаганчик» и связанные с ним стихи А. Блока... Андрей Белый тоже имел отношение к этой тенденции, недаром арлекин, паяц, Полишинель в роли alter ego художника возникает в стихах Андрея Белого, пожалуй, даже чаще, чем у А. Блока. Но если у Блока эти балаганные воплощения представляют собой закономерные маски артиста, которые художник признает за собой как неизбежное трагическое бремя... и которые не могут быть смешиваемы с атрибутами Христа, то и у Андрея Белого картина выглядит совсем иначе: шут у него во всех своих ипостасях выступает как опасный двойник Христа, и это возможно... потому, что образ Христа в мире Андрея Белого отождествляется с юродивым... В поэзии Андрея Белого личины шута порождают проблемы «невоскресшего Христа», «лже-Христа» и острую потребность отъединиться от их мира» (Силард Лена. От «Бесов» к «Петербургу»: между полюсами юродства и шутовства (набросок темы).— Studies in 20-th Certury Russian Prose. Stockholm: 1982.

Гроза на закате (с. 30) — альм. «Гриф» (М., 1903. С. 43) под названием «Гроза на западе».

Три стихотворения (с. 30).— Цикл в трех частях впервые опубликован в альм. «Северные цветы» (М.: изд. «Скорпион», 1903. С. 26—27) в виде первой части цикла «Призывы».

Путь к невозможному (с. 32) — З Л. С. 26.

Не тот... (с. 33) — стих. в шести частях. З Л. С. 27—34.

Во храме (с. 36) — З Л. С. 35. «Свете тихий» — начальные слова всенощной молитвы.

Старец (с. 37) — З Л. С. 36—37.

Образ Вечности (с. 38) — альм. «Гриф» (М., 1903. С. 50—51) без посвящения.

Усмиренный (с. 38) — З Л. С. 45.

Последнее свидание (с. 39) — З Л. С. 46—47.

Таинство (с. 39) — З Л. С. 48. По поводу этого стих. П. Флоренский, делавший наброски к рецензии на сб. З Л, которая так и не была завершена, писал: «Таинство» это под влиянием Фета «С бородою...» (имеется в виду стих. Фета «С бородою седою верховный жрец...» (1884) — С. П., В. П.). Сопоставив далее бе́ловскую «Осень» («Огромное стекло...») с фетовским «На Днепре и в половодье» (1853), Флоренский приходит к выводу: «Андрей Белый, родной сын Афанасия Афанасьевича Фета, по справедливости должен именоваться Андреем Афанасьевичем Белым» («Контекст 1991». С. 65).

Вестники (с. 40) — З Л. С. 49—50.

В полях (с. 40) — З Л. С. 51—52. ...все земное нам снится//утомительным сном».— Последние строки стих., очевидно, навеяны рассуждениями А. Шопенгауэра, содержащимися в настольной книге молодого Белого — «Мир как воля и представление» (1818, рус. перев. 1880), в которой, опираясь на древнеиндийскую философию веданты и используя ее центральное понятие — мифологему Майя (божественная причина «кажимости» сущего), Шопенгауэр пишет: «Весь этот воспринимаемый мир есть ткань Майи, которая, как покрывало, наброшена на глаза всех смертных и позволяет им видеть лишь такой мир, о котором нельзя сказать ни что он существует, ни что он не существует, ибо он подобен сну, подобен солнечному блеску на песке, который путник издали принимает за воду, или же брошенному обрывку веревки, который кажется ему змеей (Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. СПб., 1880. С. 6).

Священный рыцарь (с. 41) — З Л. С. 53. Бедным рыцарям — аллюзия на стих. А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный» (1829), получившая широкое распространение в русской литературе, в частности «рыцарем бедным» назван князь Мышкин у Ф. Достоевского.

Душа мира (с. 42) — З Л. С. 57—59. ...мировая душа — основополагающая мифологема соловьевской теории космического процесса (иногда отождествляемая философом с Софией — Премудростью Божией), которая выступает как своего рода посредник между божеством и природой. В неортодоксальной космогонии Вл. Соловьева, восходящей к веданте, гностицизму, неоплатонизму, каббале, европейскому пантеизму XVII—XVIII вв., возникновение природного, материального мира, а тем самым начала зла и страдания связано с актом отпадения мировой души от божества, от Единого, восстановление которого в новом качестве и является целью развития человечества. Ср., напр., «...в той же материальной природе эти мыслители — поэты (гностики.— С. П., В. П.) узнавали проявление небесной Премудрости, ниспавшей из высших сфер; так, видимый свет нашего мира был для них улыбкой Софии, вспоминающей нездешнее сияние покинутой Плеромы (полноты абсолютного бытия)» — Соловьев Вл. Оправдание добра. Нравственная философия. В кн.: Соловьев В. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 137.

Прежде и теперь

Опала (с. 44) — З Л. С. 63—65. Временщик — возможно, Эрнст Иоганн Бирон (1690—1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, арестованный и сосланный после дворцового переворота 1740 г. Андреевский орден —

орден Св. апостола Андрея Первозванного, высший орден Российской империи, учрежденный в 1698 г. Василий Никитич Татищев (1686—1750) — историк и государственный деятель, автор «Истории российской с самых древнейших времен». Петр Иванович Шувалов (1710—1762) — вельможа, генерал-фельдмаршал, фактический руководитель правительства при императрице Елизавете Петровне (годы правления 1741—1762). Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693—1766) — государственный деятель и дипломат, генерал-фельдмаршал, влиятельное лицо при дворе Анны Иоанновны.

Объяснение в любви (с. 45) — З Л. С. 66—67. Это и ряд других стих. раздела навеяны живописью художников-«мирискусников», прежде всего К. А. Сомова и В. Э. Борисова-Мусатова. Стилизация под XVIII в. особенно характерна для картин Сомова, которому Белый первоначально и хотел посвятить стих. «Объяснение в любви» и «Променад», но «Сомов подделки отверг, тогда как Борисов-Мусатов весьма одобряет подобного рода стихи...» (Начало века. С. 229). См. ст.: Каухчишвили Нина. Борисов-Мусатов живописец и А. Белый. В кн.: Мастер. С. 179—202.

Менуэт (с. 46) — З Л. С. 68—69.

Прощание (с. 47) — З Л. С. 70—71. Эллис — литературный псевдоним Льва Львовича Кобылинского (1879—1947) — поэта-символиста, переводчика, критика, публициста, одного из активнейших создателей «аргонавтического мифа», в 900-е гг. близкого друга Белого (см.: С. С. Гречишкин и А. В. Лавров. Эллис — поэт-символист, теоретик и критик. В кн.: «XXV Герценовские чтения. Литературоведение. Краткое содержание докладов». Л.: Наука, 1972).

Полунощницы (с. 48) — З Л. С. 72—75. Калиостро — Джузеппе Бальзамо (1743—1795), известный авантюрист и шарлатан. В 1780 г. приезжал в Россию. Графиня гадает...— этот образ и ситуация подсказаны пушкинской «Пиковой дамой» (1833), произведением, оставившим глубокий след в творчестве Белого, в частности в романах «Серебряный голубь» и «Петербург».

Променад (с. 50) — З Л. С. 76—77. Эгретка — перо или другое украшение на женском головном уборе. Здесь: украшение лошадиной гривы.

Ссора (с. 50) — З Л. С. 78—79. Мария Ивановна Балтрушайтис (1878—1948) — жена поэта Ю. К. Балтрушайтиса. «Стонет сизый голубочек» — популярный романс на слова поэта Н. И. Дмитриева (1760—1837).

Заброшенный дом (с. 51) — З Л. С. 80—81.

Сельская картина (с. 52) — З Л. С. 82—85. Михаил Александрович Эртель (ум. в начале 20-х гг.) — историк, теософ, участник кружка «аргонавтов».

Воспоминание (с. 54) — З Л. С. 86—88. Любовь Дмитриевна Блок (урожд. Менделеева, 1881—1939) — жена А. А. Блока. Знакомство Белого с Блоками произошло в Москве в январе 1904 г. Вначале Белый (как и его друг С. Соловьев) был охвачен мистико-платоническим чувством поклонения Прекрасной Даме стихов Блока, но постепенно самым «вульгарным» образом влюбляется в жену друга, открывается ей в любви, а та посвящает в происшедшее мужа и его мать. «Началась длинная, трехлетняя изнурительная неразбериха, в ходе которой Любовь Дмитриевна то принимала, то отвергала любовь Андрея Белого и совершенно замучила и его, и себя»,— пишет Вл. Орлов во вступительной статье к книге «Александр Блок. Письма к жене». «Свойственная Белому душевная неуравновешенность,— продолжает Вл. Орлов,— сильнейшим образом осложнила жизнь всех трех втянутых в неразбериху лиц. Он попеременно то ссорился, то мирился с Блоками, клялся в любви и в дружбе, упрекал и обвинял, требовал сочувствия, унижался, угрожал самоубийством» (Литературное наследство. Т. 89. «Александр Блок. Письма к жене». М., 1978. С. 22). В итоге — после бесконечных колебаний — Л. Д. Блок осталась с мужем, но их общая жизнь, и без того не слишком удачная, оказалась полностью расшатанной. В свою очередь, и в судьбе Белого остался след едва ли не на всю жизнь.

Отставной военный (с. 55) — З Л. С. 89—91. Приехали в Яссы...— генерал вспоминает о своем участии в одной из русско-турецких войн XIX в. Яссы — город в восточной Румынии.

Незнакомый друг (с. 57) — стих. в четырех частях, впервые опубликованное в З Л. С. 92—99. Павел Николаевич Батюшков (1864 — ок. 1930) — внук поэта К. Н. Батюшкова, теософ, один из участников кружка «аргонавтов», друживший с Андреем Белым в 1901—1906 гг. «Китаец дерется с японцем...» (имеется в виду японско-китайская война 1894—1895 гг., которая велась ради установления японского контроля над Кореей и проникновения в Китай).

Весна (с. 58) — З Л. С. 95.

Из окна (с. 59) — З Л. С. 97—98. «Шум на Марица...» — популярная историческая песня, посвященная событиям Марицкой битвы 1371 г., в которой турецкие войска разгромили ополчение сербов, болгар, боснийцев, валахов и захватили их земли. Марица — река в Болгарии, впадающая в Эгейское море. Из вечно плаксивой Травьяты...— имеется в виду опера Д. Верди «Травиата» (1853), написанная на сюжет романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями».

Свидание (с. 59) — З Л. С. 99—100. Навеяно стих. В. Брюсова «Фабричная» («Есть улица в нашей столице...», 1901). Дуля — род груш.

Кошмар среди бела дня (с. 60) — З Л. С. 101—102. Пепиньерка — воспитанница учебного заведения, готовящаяся стать наставницей.

На окраине города (с. 61) — З Л. С. 103.

Образы

Великан (с. 62) — стихотв. цикл в пяти частях. 1-е и 2-е стих. входило в состав цикла «Призывы» и были опубликованы в альм. «Северные цветы» (М., 1903. С. 33). Полностью — З Л. С. 107—112. «Великан появился как воплощение ницшеанства в древние сказки,— писал Белый Э. К. Метнеру в 1903 г.— Сам я вижу рождение великана и кентавра у себя под влиянием Ницше (менее Беклин)» (РГБ, ф. 167, карт. 1, ед. хр. 7). Сергей Михайлович Соловьев (1885—1942) — поэт-символист, литературный критик и переводчик, сын М. С. и О. М. Соловьевых (см. комм. к стих. «Знаю»). Близкий друг А. Белого. «Считаю значение Сережи в моей интимной, а также общественной жизни незаменимым, огромным»,— писал Белый (На рубеже. С. 358). О С. Соловьеве см. «Материалы к биографии С. М. Соловьева» и «Из воспоминаний сестры Марии» в кн.: Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977.

Не страшно (с. 65) — З Л. С. 113—114.

Поединок (с. 66) — стих. в двух частях, впервые в альм. «Гриф» (М., 1904. С. 3—4). Тор (герм.- сканд. миф.) — бог грома, бури и плодородия, вооруженный тяжелым молотом, защитник людей и богов от великанов и чудовищ. Валькирия (герм.-сканд. миф.) — дева-воительница, парящая над воином-викингом в бою и в случае его гибели уносящая его в пиршественную залу богов — Вальгаллу.

Битва (с. 67) — альм. «Гриф». М., 1904. С. 2 (под назв. «Битва исполинов»).

Пригвожденный ужас (с. 67) — З Л. С. 118—119. Автограф в письме Э. К. Метнеру, датированном 9 апреля 1903 г. Посылая стих., Белый предваряет его следующим комментарием: «А вот стихотворение, которое я написал под влиянием одной струйки в жизни, которую заметил; а через несколько дней зашел ко мне знакомый из «з н а ю щ и х» и говорил, что ему казалось эти дни, будто неведомый вампир подстерегает его. Не затемняло ли в продолжение этих нескольких дней крыло вампира я с н о с т ь астральных горизонтов? Стихотворения, говоря откровенно, я побаиваюсь как приключения для меня странного, посылаемого для испытания» (Р Г Б, ф. 167, карт. I, ед. хр. 16).

На горах (с. 68) — З Л. С. 120—121. Л. Долгополов (Долгополов. С. 117) находит в этом стих. отголосок «программной» для Белого книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883—1884) и подтверждает это статьей Белого «Круговое движение», в которой тот вновь возвращается к образам «Золота в лазури», прямо соотнося их с образностью философской прозы Ницше: «Из синеватой дали на Базель уставились великаны. Ницше странствовал по горам. Попирал их тела.

Видел гнома и Саламандру. Глухонемая громада открывала певцу свои земляные зияния: обрывала песню головокружением склона. А по склону ползла злая тень Заратустры...» (Труды и дни. 1912. № 4—5. С. 52). В уже цитировавшейся неоконченной статье П. Флоренского по поводу З Л об этом стих. сказано: «Ананас — экзамен эстетический» («Контекст, 1991». С. 65), а Вл. Маяковский, вспоминая в автобиографии «Я сам» впечатления от З Л, писал: «Ведь вот лучше Белого я все-таки не могу написать. Он про свое весело — «в небеса запустил ананасом», а я про свое пою — «сотни томительных дней...» (Маяковский Владимир. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. I. С. 18). Анализ стих. «На горах» в контексте З Л и всего поэтического творчества Белого см. в ст. хорватского исследователя А. Флакера «Победа шута над теургом» («На горах» и «Ананас» Андрея Белого) — Pro et Contra. С. 87—98.

Вечность (с. 69) — альм. «Северные цветы». М., 1903. С. 30 (под названием «Загадка» как третья часть цикла «Призывы»).

Маг (с. 70) — альм. «Гриф». М., 1903. С. 44 (под названием «В. Я. Брюсову»). Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) — поэт и прозаик, один из основоположников русского символизма, сыгравший огромную роль в жизни и творческой биографии Андрея Белого (о характере их взаимоотношений см. в комм. к сборнику «Урна»). По поводу данного стих. Белый писал Э. К. Метнеру в июле 1903 г.: «Вы все еще вспоминаете мне, что я назвал «магом» Валерия Брюсова, но ведь «магизм» я понимаю в широком смысле... Брюсов среди магов выделяющийся, умный, знающий маг, к которому термин «пророк безвременной весны» подходит, ибо надвременность очень характерна в Брюсове. Может быть, это у него только игра, но он великолепный в таком случае актер, когда в обществе «застывше» и «надвременно» — относится к окружающему... Среди официальных выразителей магизма, с сознательным актерством ретуширующих себя перед обществом, пальма первенства принадлежит, конечно, Брюсову, который «играет роль» с чувством, с пафосом исполняя свою миссию... перед целой Россией, и, конечно, заслуживает уважения и признания за это, ибо он же громоотвод — принимающий львиную долю грязи, оскорблений на себя, приучающий нашу мужиковато удивляющуюся толпу не удивляться... В своем стихотворении я постарался дать изображение идей и прототипа Брюсова» (РГБ, ф. 167, карт. I, ед. хр. 19).

Кентавр (с. 70) — альм. «Северные цветы». М., 1903. С. 31 (под названием «Кентавр I», без посвящения, в цикле «Призывы»). О пристрастии молодого Белого к бытовому и творческому обыгрыванию фантастических персонажей засвидетельствовано в Дневнике В. Я. Брюсова за 1903 г.: «Бугаев заходил ко мне несколько раз. Мы много говорили. Конечно, о Христе, христовом чувстве... Потом о кентаврах, силенах, о их бытии. Рассказывал, как ходил искать кентавров за Девичий монастырь, по ту сторону Москвы-реки. Как единорог ходил по его комнате... Потом А. Белый разослал знакомым карточки (визитные), будто бы от единорогов, силенов etc... Сам Белый смутился и стал уверять, что это «шутка». Но прежде для него это было не шуткой, а желанием создать «атмосферу»,— делать все так, как если бы эти единороги существовали» (Брюсов В. Я. Дневники. М., 1927. С. 134). О серьезности этой «атмосферы» пишет и сам Белый: «Фавны, кентавры и прочая фауна — для романтической реставрации красок и линий сюжетных художественного примитива; в стихах хотел выразить нечто подобное Дюреру: «Рыцарь и Смерть», но написанное в красках мастеров ранних; краски Грюневальда особенно долго еще волновали «поэта» во мне; занимала меня стилизационная техника; выбор метафор и прочая; В. В. Владимиров, его беседа, его одобрение стиль тот питали» (Начало века. С. 229). Василий Васильевич Владимиров (1880—1931) — художник, участник кружка «аргонавтов», бывший в числе ближайших друзей Белого.

Игры кентавров (с. 71) — З Л. С. 126—127.

Битва кентавров (с. 72) — альм. «Северные цветы» (М., 1903. С. 32—33) под названием «Кентавр 2» с посвящением Ф. Штуку. Влияние немецкого живописца и скульптора Франца фон Штука (1863—1928), работавшего в стиле «модерн»,

автора «ницшеанских» картин на мифологические сюжеты («Борющиеся фавны», «Битва кентавров» и др.), заметно ощутимо как в этом, так и в ряде других стих. раздела «Образы».

Песнь кентавра (с. 73) — З Л. С. 131—132.

Утро (с. 74) — стихотв. цикл в двух частях. 2-я часть была опубликована в альм. «Северные цветы» (М., 1903. С. 36) под заглавием «Знамение» в цикле «Призывы». Целиком напечатан в З Л. С. 133—135.

Пир (с. 75) — З Л. С. 136—137. На мшистой лужайке танцуют скелеты // в могильных покровах неистовый танец.— Не исключено, что эти строки, равно как и стих. в целом, навеяны живописью швейцарского художника-символиста Арнольда Беклина (1827—1901), автора фантастических полотен, в том числе «Острова мертвых» (1880).

Старинный друг (с. 76) — стихотв. цикл в пяти частях, впервые опубликованный полностью в З Л. С. 138—144 с посвящением Э. К. Метнеру (см. комм. к стихотв. циклу «Золотое руно»). Метнер был одним из первых, кто высоко оценил юношеские сочинения Белого. Ср. его дневниковые записи от 16 сентября 1902 г.: «Борис Бугаев — единственный человек из ныне живущих и мне лично знакомых, который понимает меня до конца... Борис Бугаев по своему духу — самый близкий мне человек, начиная с общих вопросов и кончая интимнейшими настроениями, убеждениями, созерцаниями — у нас одинаково... Бугаев — это для меня пробный камень русского человека... Так сильно, как он, никто из русских, кроме Пушкина и Лермонтова, не начинал» (РГБ, ф. 167, карт. 23, ед. хр. 51 об., 55 об.).

Возврат (с. 79) — стихотв. цикл в трех частях, впервые опубликованный полностью в З Л. С. 145—149. Первая часть — «Я вознесен, судьбе своей покорный...» — печаталась до этого в альм. «Гриф» М., 1903. С. 48—49. Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) — музеевед, переводчик, в студенческие годы член кружка «аргонавтов», один из ближайших друзей Белого, «мой вечный спутник в жизни», как назвал его Белый в «автобиографическом» письме Р. Иванову-Разумнику от 1—2 марта 1927 г. После смерти Белого активно помогал К. Н. Бугаевой (о ней см. комм. к стих. «Сестре») систематизировать архив умершего друга, принимал участие в подготовке тома Л Н, посвященного символизму.

Уж этот сон мне снился... (с. 81) — альм. «Гриф». М., 1903. С. 47—48 (без посвящения как третья часть цикла «Возврат»). Александр Петрович Печковский — студент-химик, переводчик, участник кружка «аргонавтов».

Преданье (с. 81) — стих. в пяти частях, впервые — в альм. «Гриф». М., 1904. С. 5—8 (с эпиграфом из «Цыган» (1824) Пушкина: «Меж нами есть одно преданье»). Сергей Алексеевич Соколов, псевдоним — Сергей Кречетов (1878—1936), поэт-символист, редактор журнала «Перевал», основатель изд-ва «Гриф». Сибилла (сивилла — греч. миф.) — жрица-прорицательница. Стикс — в древнегреческой мифологии река в подземном царстве Аида, через которую бог Харон переправлял души умерших. Оникс — минерал, разновидность агата. Sanctus amor (Священная любовь — *лат.*) — сборник рассказов Нины Ивановны Петровской (1884—1928) — писательницы символистского круга, отношениями с которой навеяно это стих. Осенью 1903 г. Белый переживает «мистериальную» влюбленность в Петровскую («Моя тяга к Петровской окончательно определяется; она становится мне самым близким человеком (...) я самое чувство влюбленности в меня стараюсь претворить в мистерию» — М Б, л. 42). Но как и позднее с Л. Д. Блок, эта влюбленность недолго продержалась на высоте «мистериальных» переживаний и вскоре обернулась обыкновенным «романом». Образуется традиционный любовный «треугольник», третьей стороной которого оказывается В. Брюсов. «Мифологизация» их отношений в эпоху 1904—1905 гг. осуществлена, по свидетельству Белого, в романе В. Брюсова «Огненный ангел» (1908). См. ст.: С. Гречишкин, А. В. Лавров. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» — Wiener Slavistischer Almanach.— 1978. № 1, 2. О судьбе Нины Петровской («Ренаты» брюсовского романа) см. в публикации Э. Гаретто. Жизнь и смерть Нины Петровской (Минувшее. № 8. Париж, 1990).

Гном (с. 84) — стих. в двух частях, опубликовано в альм. «Гриф» (М., 1903. С. 45—46) как первая часть цикла «Возврат». В автографе, хранящемся в РГБ, сверху имеется помета: «немецки-подмигивающее».

Серенада (с. 85) — З Л. С. 163—164. Лоэнгрин — легендарный герой средневекового немецкого сказания, воодушевившего Р. Вагнера на написание одноименной оперы (1848). Согласно сказанию, рыцарь Лоэнгрин, сын Парсифаля, приплывает из замка Грааля на ладье, влекомой лебедем, ради того, чтобы защитить Эльзу Брабантскую.

Одиночество (с. 86) — З Л. С. 165.

Утешение (с. 87) — З Л. С. 166.

Жизнь (с. 87) — стих. в трех частях, впервые опубликованное в З Л. С. 167—168. Георгий (Юргис) Казимирович Балтрушайтис (1873—1944) — сотрудник журн. «Весы» и изд-ва «Скорпион», поэт-символист и переводчик, классик литовской поэзии XX в. В 1921—1939 гг. был полномочным представителем Литвы в СССР.

Тоска (с. 88) — в альм. «Гриф». М., 1903. С. 50.

Один (с. 89) — З Л. С. 170. Сергей Львович Кобылинский (1882—?) — студент историко-философского факультета Московского университета, брат Л. Л. Кобылинского (Эллиса).

Осень (с. 89) — З Л. С. 171.

Грезы (с. 90) — З Л. С. 172.

Северный марш (с. 90) — З Л. С. 173.

Кладбище (с. 91) — З Л. С. 174.

Багряница в терниях

Название раздела — аллюзия на евангельское повествование о страстях Христовых: «Тогда воины правителя, взявши Иисуса... // И, раздевши Его, надели на Него багряницу; // И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову; и, становясь перед Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! // ...И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу и одели Его в одежды Его и повели Его на распятие» (Матф., 27, 27—29, 31). Очевидно также, что использование мотивов «багряницы» и «терний» для отождествления поэта и распинаемого Христа имеет литературную традицию (см., напр., лермонтовскую «На смерть поэта»). Исследовательница Белого Н. Кожевникова с полным основанием относит образ «багряницы» — торжественной пышной одежды ярко-красного цвета — к числу «центральных образов Белого», отмечает его широкое употребление в поэзии Белого и в прямом, и в непрямом значении, говорит, что он часто «становится источником метафор, относящихся к разноплановым реалиям» (Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М., 1992. С. 144).

Разлука (с. 92) — З Л. С. 213—225. Стихотворный цикл в трех частях написан в связи со смертью отца поэта Николая Васильевича Бугаева, последовавшей 29 мая 1903 г. (род. в 1837). Белый вспоминал: «Никогда не забуду этой тишины у изголовья покойника, моей молитвы над ним. Появившийся М. В. Попов констатировал смерть от паралича сердца; это было в начале восьмого» (М Б, л. 38 об.). Об отце поэта см.: Юшкевич А. П. История математики в России до 1917 года. М., 1968, а также краткое обозрение ученых трудов профессора Н. В. Бугаева (составленное им самим) — Историко-математич. исследования. Вып. XII. М., 1959.

Могилу их украсили венками (с. 93) — З Л. С. 216. Стих. посвящено памяти Михаила Сергеевича Соловьева (1862—1903) — педагога и переводчика, брата философа Вл. Соловьева, отца С. М. Соловьева — и его жены, О. М. Соловьевой, добровольно ушедшей из жизни в день смерти мужа. Познакомившись с Соловьевыми в конце 1895 г., Белый стал завсегдатаем их дома, испытал огромное идейное и культурное влияние этой семьи. О взаимоотношениях с Соловьевыми рассказано на страницах автобиографических книг «На рубеже...» и «Начало века». Стих. навеяно впечатлением от похорон Соловьевых. «Когда хоронили

Соловьевых,— писал Белый Э. К. Метнеру 19 марта 1903 г.,— была метель... Недалеко торчала сосна. Два раза она взревела, махнув руками. В Соловьевых я потерял одних из самых близких людей себе» (РГБ, ф. 167, карт. 1, ед. хр. 11). Памяти Соловьевых посвящено также стих. А. Блока «Отшедшим» (1903). См. некрологическую заметку о Соловьевых в журн. «Новый путь». 1903. № 2. С. 202—203.

Св. Серафим (с. 94) — З Л. С. 217—218. Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин, 1760—1833) — один из самых почитаемых русских православных святых, канонизированный церковью в 1903 г. Его учение о смысле и исполнении христианской жизни («Дух вселяется в душе человеческой и претворяет ее в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования», цит. по кн.: Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: Ymka Press, 1937. С. 392) произвело на Белого глубокое впечатление. Прочитав в октябре 1901 г. книгу Л. М. Чичагова «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», содержащую жизнеописание преподобного Серафима и повествующую о его подвижнических деяниях, Белый писал: «...с той поры эта книга становится моей настольною книгою; образ Серафима, весь чин молитв его оживает в душе моей; с той поры я начинаю молиться Серафиму; и мне кажется, что Он — тайно ведет меня» (М Б, л. 25 об.). Интерес к Серафиму Саровскому носил у Белого устойчивый характер. Ср. его письмо Э. К. Метнеру от 3 марта 1903 г.: «Все чаще и чаще мне начинает казаться, что старец Серафим — единственно несокрушимоважная и нужная для России скала в наш исторический момент» (Р Г Б, ф. 167, карт. 1, ед. хр. 10). Об отношении Белого к Серафиму Саровскому см.: J. Malmstad. Andrej Belyj and Serafim of Sarov.— Schottish Slavonic Review, 1990, n. 14.

Владимир Соловьев (с. 94) — З Л. С. 219—220. Владимир Соловьев (1853—1900) — религиозный философ, поэт, публицист и критик, предпринявший наиболее значительную в истории русской философии попытку объединить в «великом синтезе» христианский платонизм, немецкий классический идеализм и научный эмпиризм. Своей философской доктриной «Всеединства», религиозно-поэтическим учением о Софии — «Вечной Женственности», своими стихами «софийного цикла», а также эстетическими концепциями оказал заметное воздействие на поэзию и теорию русского символизма, в особенности представителей его «младшего» поколения, к которому принадлежал и Белый. «Стихотворение «Три свидания» и учение Вл. Соловьева о Софии стало предметом нашей мысли,— вспоминал Белый о вечерах, проведенных в семье Соловьевых,— с того времени я начинаю упорнейше изучать философию Соловьева». И далее: «Я часто бываю на могиле Вл. Соловьева (в Новодевичьем монастыре); под впечатлением одного из посещений пишу я стихи, посвященные философу...» (М Б, л. 27). К образу Вл. Соловьева Белый возвращается на всем протяжении своего творчества: он — в числе героев 2-й симфонии, его стихотворный портрет дан в поэме «Первое свидание», ему посвящены очерки в «Арабесках», «Воспоминаниях о Блоке», «Записках чудака»... А в письме П. Флоренскому от 12 августа 1904 г. Белый признается: «Иной раз мне кажется, что Соловьев — посланник Божий не в переносном, а в буквальном смысле...» («Контекст 1991». С. 35).

Ожидание (с. 95) — З Л. С. 221—222.

Призыв (с. 96) — альм. «Северные цветы». М.: Скорпион, 1903. С. 35 (без названия и посвящения, как шестая часть цикла «Призывы»).

Знаю (с. 96) — З Л. С. 226—227. Биограф Блока М. А. Бекетова пишет в письме своей сестре — матери поэта — об обстоятельствах появления этого стих.: «Милая Аля, мне хотелось сообщить тебе одну приятную вещь: Сашины стихи произвели необыкновенное, трудноописуемое, удивительное, громадное впечатление на Борю Бугаева (Андрей Белый), мнением которого мы все очень дорожим и которого считаем самым понимающим из всех, кого мы знаем. Что говорил по поводу стихов Боря,— лучше не передавать, потому что звучит слишком преувеличенно, но мне это приятно и тебе, я думаю, тоже... Боря сейчас же написал по поводу Сашиных стихов стихи, которые посвятил Сергею» (Бекетова М. Александр Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л.; М., 1925. С. 76—77). Б е л ы е к с е р д ц у ц в е т ы я //

вновь прижимаю невольно.— Имеются в виду «белые колокольчики», любимые цветы Вл. Соловьева, воспетые в его стихах, которые стали для Белого и его друзей «символом белых, мистических устремлений к грядущему» (Воспоминания. С. 31).

Возмездие (с. 97) — стих. в четырех частях, впервые в альм. «Северные цветы». М.: Скорпион, 1903. С. 36—38 (под названием «Четыре отрывка» без посвящения, как восьмая часть цикла «Призывы»). «Имманýил грядет!» — Имануил по-древнееврейски звучит «Имануэль» и означает «С нами Бог!». В Новом завете — один из образов Христа: Христос юный. Этот образ возник у Белого под явным воздействием стихов Вл. Соловьева «Имману — Эль» (1892).

Безумец (с. 99) — стих. в трех частях, впервые опубликовано в З Л. С. 231—235. Белый связывает настроения, определившие это стих., с крушением «аргонавтического мифа» и изменой прежних друзей «аргонавтическим» идеалам. «Я переживаю: надлом — непомерный, усталость — смертельную; и у меня вырывается вскрик: стихотворение «Безумец»...» — сказано в автобиографическом эссе «Почему я стал символистом...» (с. 437). Александр Сергеевич Челищев (1880—?) — математик и композитор, один из «аргонавтов».

Жертва вечерняя (с. 101) — З Л. С. 236—237. К моменту написания этого стих. «аргонавтический» миф в сознании Белого начинает рушиться. Белый убеждается в невозможности отличить подлинного Мессию от лжемессии, от Антихриста, пришествие которого на землю предсказано в Апокалипсисе. Соответственно и поэт, отождествляющий себя с Христом, пророком, может оказаться всего лишь одураченным безумцем, жертвой провокации. «...роль Юродивого, анархиста, декадента, шута мне послана свыше,— писал Белый Блоку 14 июля 1903 г.— С покорностью принимаю ее» (Переписка. С. 37). Известную роль в этих настроениях сыграл роман Белого с Н. И. Петровской. Вельзевул (древнеевр.) — в Новом завете имя сатаны, «князя бесов».

Мания (с. 102) — З Л. С. 238—239. Гряди же, гряди — одна из заключительных фраз Апокалипсиса: «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе» (Откр., 22, 20).

Забота (с. 102) — стих. в двух частях, впервые опубликовано в З Л. С. 240—242.

Блоку (с. 104) — стихотв. цикл в трех частях. Впервые — З Л. С. 243—246. Об отношениях Белого с Блоком см. во вступительной статье. История их многолетней «дружбы-вражды» образует также сюжет Переписки, запечатлена в Воспоминаниях, сквозным мотивом проходит через все три тома автобиографической трилогии Белого. Душа моя скорбит смертельно — цитата из Евангелия (Матф., 26, 38).

Одиночество (с. 106) — З Л. С. 247—248. Тому, кто пил из кубка огневого // не избежать безмолвия ночного.— Аллюзия на евангельское сказание о чаше, поднятой Иисусом на Тайной Вечере: «И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; // Ибо есть сие Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Матф., 26, 27—28).

Осень (с. 106) — стих. в двух частях, впервые в альм. «Гриф». М., 1904. С. 9—10.

Священные дни (с. 107) — З Л. С. 251—252. Павел Александрович Флоренский (1882—1937) — богослов, философ, искусствовед, математик, предвосхитивший многие идеи семиотики, инженер, поэт. Будучи учеником проф. Н. В. Бугаева (отца Андрея Белого) по физико-математическому факультету Московского университета, испытал глубокое воздействие его аритмологических идей, которые сыграли первостепенную роль в учении Флоренского о развитии как процессе прерывности. Флоренский с Белым познакомились осенью 1903 г., будучи студентами Московского университета. Пик их отношений, основанных на общности идей и интересов, пришелся на 1904 г.: «...интенсивные и частые свидания с Флоренским; долгие, философские, нас самоопределяющие беседы...» (Ракурс. Л. 21). Вот как описывает свое впечатление от Белого Флоренский в письме матери, датированном 24 января 1904 г.: «Чем больше я узнаю его, тем более понимаю, что это замечательная

личность, глубокая и совершенно не имеющая в себе той вульгарности «практической жизни», которая в большей или меньшей степени почти у всех, по крайней мере, у очень многих... Видел я его как-то на вечере, среди разных знаменитостей, людей во всяком случае талантливых и оригинальных более или менее. И все мне перед Бугаевым казались такими жалкими и ничтожными, хотя он почти ничего не говорил» («Контекст 1991». С. 8). Флоренский написал ненапечатанную рецензию на сб. З Л, который он высоко ценил (впервые она появилась в сб. «Контекст 1991». С. 52—61), опубликовал критическую статью о «Северной симфонии» «Спиритизм как антихристианство» (Новый путь. 1904. № 3), посвятил Белому цикл стихов «Белый камень», испытал его влияние в вышедшей в 1907 г. книге стихов «В вечной лазури», что подчеркнуто ее названием, вступающим в прямую образную перекличку с З Л. Явное влияние Белого, его симфоний в частности, сказывается в поэме Флоренского «Эсхатологическая мозаика» (1905, ее вторая часть, непосредственно отразившая отношения обоих, опубликована в «Контексте 1991». С. 68—92). Об отношениях Белого и Флоренского см.: Силард Лена. Андрей Белый и П. Флоренский. Budapest, Studia Slavica Hungari. 1987. N 33. P. 227—228; Из наследия П. А. Флоренского («Контекст 1991». С. 3—100).

На закате (с. 108) — З Л. С. 253.

Подражание Вл. Соловьеву (с. 109) — З Л. С. 254.

Любовь (с. 109) — З Л. С. 255.

Ясновидение (с. 110) — З Л. С. 256.

Мои слова (с. 110) — З Л. С. 257. «В слове дано первородное творчество,— писал А. Белый в статье «Магия слов»,— слово связывает бессловный, незримый мир, который роится в подсознательной глубине моего личного сознания, с бессловесным, бессмысленным миром, который роится вне моей личности. Слово создает новый, третий мир — мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключенные» (Символизм. С. 430). Таким образом, символист-символотворец творит, повинуясь голосу своего подсознания, стихийным импульсам, живущим в его душе, интуитивным прозрениям — всему тому, что Белый называл одним словом переживание. Реальность, возникающая под знаком того или иного переживания, и есть символическая реальность, этот третий — по отношению к хаотическому миру мертвой предметности и к стихийному миру подсознания — мир. Мир игры, культуры, словесно оформленных переживаний. Поэтому символизм до конца и не вписывается в «двоемирную» модель бытия, родившуюся в эпоху романтизма и основанную на постоянной игре противоположностями: иллюзии и реальности, материи и духа, «горнего» и «дольнего», быта и бытия, времени Вечности, художника и толпы, «я» и мира, искусства и жизни. Символизм многое у романтизма перенял, в том числе и ряд романтических оппозиций, но последнюю — искусство и жизнь — решительно отмел, тем самым перестроив и всю романтическую вселенную, достроив ее «третьим миром» — жизнью как сферой символотворчества, в которой гармонически сливаются дух и материя, быт и бытие, время и Вечность, «я» и мир, жизнь индивидуума и жизнь космоса.

С. М. Соловьеву (с. 111) — З Л. С. 259. Ах, восстанут из тьмы два пророка. Имеются в виду Вл. Соловьев и Ф. Ницше. «Вечное проявляется в линии времени зарей восходящего века,— описывал Белый свое умонастроение наступившего столетия.— Туманы тоски вдруг разорваны зорями совершенно новых дней... Срыв старых путей переживается Концом Мира, весть о новой эпохе — Вторым Пришествием. К Началу мы устремляемся сквозь Конец» (Воспоминания. С. 9). Как провозвестников столь оптимистически истолковываемого «Конца» Белый в эти годы и «па́рил», по сути, принципиально противоположных мыслителей — Ницше и Вл. Соловьева, «па́рил» языческий миф о «вечном возвращении», возрожденный Ницше, и христианство, отвергшее циклическую концепцию времени, «па́рил» Диониса — главного персонажа мифо-философии Ницше — и Христа, круг и крест... «Пытаюсь я соединить в своем сердце два полюса (Соловьева и Ницше)» (Воспоминания. С. 37) — воистину Белый был «эклектиком». Но именно этот

«эклектизм» и питал его художественное творчество, вырастающее из борения лейтмотивных содержательно непримиримых «тем», примиряемых-таки в художественном целом его «симфоний», стихов, романов.

Раздумье (с. 111) — З Л. С. 260.

ПЕПЕЛ

Книга «Пепел. Стихи» впервые выходит в свет в Спб., изд-ве «Шиповник» в 1909 г. Первоначально Белый замышлял объединить во втором сборнике стихов, который должен был называться «Закатные прахи», стихотворения, впоследствии составившие два сборника — «Пепел» и «Урна». На решение издать два сборника вместо одного не в последнюю очередь повлияло письмо С. Соловьева (оно не датировано, но, вероятно, относится к 1908 г.): «Ты непременно должен разделить сборник стихов на два. Пусть первый будет большой, издан «Шиповником». Второй, стихотворений в 30, издай хоть у Паффф (пренебрежительное наименование владельца издательства «Гриф» А. С. Соколова.— С. П., В. П.). Нельзя совать в одну книгу и Тоску о воле и державинский стих. Тут резкая межа. Если бы ты знал, как важно в опасности войны с Петербургом появление в будущем сезоне двух твоих книг. Ведь количество книг (если это не книги Городецкого) много, много значит» (Р Г Б, ф. 25, карт. 26, № 7). Эпиграф — из стих. Н. А. Некрасова «Что ни год — уменьшаются силы...» (1861). В ответ на анкету К. И. Чуковского об отношении современных писателей к Некрасову Белый писал 12 августа 1919 г.: «Считаю, что книга «Пепел» вся навеяна Некрасовым» (Дружба народов, 1972. № 6. С. 286).

Россия

В разделе «Россия» и следующем за ним «Деревня» помещены стихотворения, в своем большинстве написанные в усадьбе Серебряный Колодезь летом 1908 г. Далее — по разделам — следуют стих., датированные 1905—1908, 1904—1907, 1905—1906, 1904—1906 гг. Таким образом, расположение стихов в сборнике «зеркально» — инвертированно отражает последовательность их написания. По-видимому, это объясняется тем, что книга стихов — а символисты принципиально мыслили подобную книгу как некое художественное единство, а не простой сборник случайно соседствующих стихов — построена по линии все большего и большего просветления «горизонта» (недаром один из последних ее разделов называется «Просветы»), а среди созданного поэтом в 1907—1908 гг. и впрямь не было ничего «просветленного», на что обращено внимание в кн. М о ч у л ь с к о г о: «В одном и том же году и Блок, и Белый пишут стихи о России; лирические темы их схожи: темная, нищая, роковая страна, бескрайние просторы, убогие избы, бродяжническая и скитальческая стихия. Пути двух поэтов опять таинственно скрещиваются: оба от «зорь» Соловьева переходят к «стону» Некрасова; народничеству Блока откликается народничество Белого. Еще раз обнаруживается их мистическая связанность. И снова, в этой близости, какая чуждость. Стихи о России Белого, быть может, лучшие из его поэтических созданий: формально и мастерством — ритмическим разнообразием, словесной изобретательностью, звуковым богатством — они, пожалуй, превосходят стихи Блока. А между тем художественно они с ними несоизмеримы. У Блока во тьме светит свет, сияет прекрасное лицо родины-жены; у Белого родина-мать лежит в гробу...» (с. 126—127).

Отчаянье (с. 116) — П е п е л. С. 13—14. Характеризуя мироощущение, запечатленное в этом стих., Белый писал позднее в эссе «Почему я стал символистом...»: в «Отчаянье» «рифмуется: «к а м е р» и «з а м е р»; «я» в моих усилиях и чаяниях замер средь камер сумасшедшего дома» (с. 437). Зинаида Николаевна Г и п п и у с (1869—1945) — поэт, критик, прозаик, один из ведущих деятелей русского символизма, жена Д. С. Мережковского. Белый познакомился с Мережковскими в декабре 1901 г. в доме Соловьевых, а после отъезда Мережковских из Москвы в Петербург вступил с ними в оживленную переписку. Бывая в Петербурге, подолгу

гостил в доме Мережковских, которые вводят его в литературно-художественный мир «первой столицы», привлекают к деятельности возглавляемой ими «религиозной общины». Особый период их отношений — Париж января 1907 г., когда Белый всячески опекается Мережковскими после перенесенной операции по поводу флегмоны, угрожавшей заражением крови. Затем пути Белого и Мережковских расходятся не только в силу житейских обстоятельств, но и по идеологическим причинам: антропософские увлечения Белого и «религиозная общественность» Мережковских мало согласовывались между собой. Особо острыми отношения стали в связи с непримиримо враждебной позицией, занятой Мережковскими по отношению к революции (тема Белый и З. Гиппиус рассмотрена в ст.: Pachmuss T. Zinaida Hippius and Andrey Bely.— В С Р. Р. 52—62). И с ч е з н и в п р о с т р а н с т в о, и с ч е з н и, // Р о с с и я, Р о с с и я м о я! — имея в виду эти финальные строки стихотворения, а также общую тональность сб. «Пепел», Иванов-Разумник писал о Белом в книге «Вершины»: «...он пробовал подойти к России, к народу, найти в нем путь своего спасения, пытался подойти, полюбить, но не «дошел», испугался и отшатнулся» (Указ. соч. Пг., 1923. С. 58—59). Об отношении Белого к России см.: Пискунов В. Тема о России. Глава «На гребне волны мировых событий». М.: Советский писатель, 1983; Николеску Т. Андрей Белый и «тема о России» — М а с т е р. С. 99—124.

Деревня (с. 116) — П е п е л. С. 15—16. Григорий Алексеевич Р а ч и н с к и й (1853—1939) — литератор, философ, председатель московского Религиозно-философского общества, дружески общавшийся с Белым и оказавший на него большое влияние. П л е щ у т о б л а к о м к о с м а т ы м...— Эпитет «косматый» — лейтмотивное слово «Пепла», стоящее в ряду образов-символов воплощенного хаоса, таких, как бурьян, сухорукий куст, лоскут, взмывающий «с огородов на поля», «ледяные клоки» облаков, осенний бурелом, «едва прозябающий день», лихая пурга и т. д. П е р с т ь — пыль, прах, земля.

Шоссе (с. 118) — альм. «Гриф». М., 1905. С. 13—14 (в цикле «Тоска о воле», без посвящения). Дмитрий Владимирович Ф и л о с о ф о в — литературный критик и публицист, редактор журн. «Новый путь», один из руководителей петербургского Религиозно-философского общества. Белый, разорвавший только что отношения с Н. И. Петровской, определяет лейтмотив стихов как «разрыв с прошлым» (М Б). Е ф р е м о в — уездный город в Тульской губернии, близ которого находилось село Серебряный Колодезь.

На вольном просторе (с. 118) — альм. «Гриф». М., 1905. С. 17 (в цикле «Тоска о воле», без посвящения под заглавием «Воля»). М у н и — литературный псевдоним поэта Самуила Викторовича К и с с и н а (1888—1916).

На рельсах (с. 119) — альм. «Гриф». М., 1905. С. 18—19 в цикле «Тоска о воле», без посвящения. Александра Андреевна К у б л и ц к а я - П и о т т у х (1860—1923) — детская писательница и переводчица, мать А. А. Блока. Белый познакомился с нею при посещении Блоков в Петербурге в январе 1905 г. В В о с п о м и н а н и я х читаем: с Александрой Андреевной «все более... дружу; тема наших общений самостоятельная, разговоры, напоминающие бывалые бесконечные мои разговоры с О. М. Соловьевой; у Александры Андреевны тот же пытливый, скептический взгляд, наблюдающий подоснову душевных движений...» (с. 147).

Из окна вагона (с. 120) — П е п е л. С. 21. С у й д а — дачное место под Петербургом, где Белый гостил у Мережковских в августе 1908 г.

Телеграфист (с. 120) — журн. «Золотое руно». 1906. № 11—12. С. 45 (как вторая часть цикла «Обыденность», без посвящения). С. Н. В е л и ч к и н — друг молодости С. М. Соловьева, который и познакомил его с Белым.

В вагоне (с. 123) — П е п е л. С. 27—28. Татьяна Николаевна Г и п п и у с (1877—1957) — художница, сестра З. Н. Гиппиус, написавшая один из известных графических портретов Белого. С нею Белый был дружен в 1905—1906 гг., когда, приезжая в Петербург, часто бывал у Мережковских.

Станция (с. 124) — П е п е л. С. 29—31. Г р е н а д и н — прохладительный напиток красного цвета.

Каторжник (с. 126) — журн. «Золотое руно». 1906. № 1. С. 50—51 (как вторая часть цикла «Горемыки»). Николай Николаевич Русов (1883—1930-е гг.) — писатель и публицист, автор книги «О нищем, безумном и боговдохновенном искусстве» (М., 1910), в которой содержится отзыв о книге «Пепел». «Пепел» вообще произвел сильное впечатление на окружающих и породил множество отзывов. Широко известно, в частности, воспоминание поэта и мемуариста В. Пяста о чтении Белым стихов «Каторжник» на квартире Мережковских в январе 1905 г.: «Андрей Белый запевал: «Вчера он простился с конвоем...». И вдруг все исчезло... Раскрывалась безбрежная равнина над крутым левым берегом Волги, пахло комьями свежей земли, а вовсе не этим, несколько приторным и тяжелым воздухом салона, затканного портьерами, продушенного серией духов в огромных склянках... Иллюзия была полная. Власть художника слова в данном случае проявлялась и закреплялась несравненною властью художника звучащего слова, каким был в пору своей молодости Андрей Белый» (Пяст В. Встречи. М., 1929, С. 25—26). Впечатление мемуариста полностью совпадает с позднейшим высказыванием самого Белого. «В этот период,— писал он о Москве начала века,— измеритель моих переживаний — единственно лирика, не статьи; стихи же писал я редко; они, вошедшие в книгу «Пепел», не соответствовали ничему из того, что окружало меня; в них не отразились: ни Мережковские, ни салон Морозовой, ни кружок «аргонавтов»; но в них отразилось мое подлинное «я»; тема «Пепла» — мое бегство из города в виде всклокоченного бродяги, грозящего кулаком городам, или воспевание каторжника; этот каторжник — я» (Начало века. С. 510). Хоботья — охвостья, мякина.

Вечерком (с. 128) — Пепел. С. 36—37.

Бурьяи (с. 129) — в журн. «Золотое руно». 1906. № 1 (как первая часть цикла «Горемыки», без посвящения). Густав Густавович Шпет (1879—1940) — русский философ-феноменалист. Мергель — осадочная горная порода.

Арестанты (с. 130) — альм. «Гриф», 1905. С. 14—15 в составе цикла «Тоска о воле». Владимир Павлович Поливанов (1881—?) — участник кружка «аргонавтов», в советское время — детский писатель. О тональности стихов «Пепла», и в частности стих. «Бурьян», Белый писал в М Б: «Вместо «мистиков», «аргонавтов» я тянусь к арестантам, к бывшим людям: «самозванец-пророк», осознавший свою арлекинаду, становится полевым бродягою, бунтарем, революционером; здесь перелом в личных переживаниях совпадает с переломом в общественном настроении России, уже потрясенной неудачами войны...» (л. 47).

Веселье на Руси (с. 131) — Пепел. С. 43—44. Гомилетика — часть риторики, излагающая правила построения церковной проповеди. Каноника — собрание церковных канонов.

Осинка (с. 133) — стих. в четырех частях, впервые опубликовано в журн. «Перевал». 1906. № 2. С. 4—5 (без посвящения, в цикле «Горемыки»). Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) — писатель, сыгравший крупную роль в развитии русской орнаментальной прозы. Белому принадлежит рецензия на отдельное издание ремизовского романа «Пруд» (Арабески. С. 475—477). Дедово — подмосковное село, в котором было расположено поместье бабушки С. М. Соловьева А. Г. Коваленской (ст. Крюково Николаевской ж. д.), где Белый часто гостил. Дедово и другие места Клинского района были средоточием русской культуры рубежа веков: дальше от Москвы — за Крюково — от станции Подсолнечная шла дорога в Шахматово, имение Бекетовых, родовое гнездо А. А. Блока; по дороге на Шахматово, в трех верстах от Клина, находилось Демьяново, где семья Бугаевых, когда Белый был еще ребенком, в течение восьми лет снимала дачу у адвоката В. И. Танеева (1840—1921) — крупного русского общественного деятеля, брата композитора С. И. Танеева. Природа района Крюково — Подсолнечная для Белого была запечатлением двух ликов России: «Меня поразило различие пейзажей под Крюковым и под Подсолнечной; один стиль пейзажа до Крюкова: стиль ковровых лугов, очень ровных, пересеченных лесами, всегда белоствольными, с ма-

лой неровностью почвы, с обилием деревень; от Поварова до Подсолнечной стиль изменяется: пейзажи становятся резче, красивей и явно дичают; лугов уже меньше; леса отовсюду; больше гатей, оврагов и рытвин; деревни — беднее; их — меньше... Русью Тверской уже веет...— той Русью, которая подлинная» (Воспоминания. С. 123—124).

Песенка комаринская (с. 137) — Пепел. С. 54—56. Петровское — имение кн. Голицына, в котором Белый с С. М. Соловьевым летом 1907 г. снимали домик, расположенный недалеко от подмосковного села Дедово.

На скате (с. 138) — Пепел. С. 57—58. Стих. навеяно переживаниями, связанными с любовью к Л. Д. Блок и ревностью к А. А. Блоку.

Пустыня (с. 139) — Пепел. С. 59—61. Владимир Францевич Эрн (1881—1917) — религиозный философ, публицист.

Горе (с. 140) — журн. «Перевал». 1906. № 2. С. 5 (как вторая часть цикла «Горемыки»).

Русь (с. 142) — Пепел. С. 66.

Родина (с. 143) — Пепел. С. 67. Валентин Павлович Свентицкий (Свенцицкий, 1879—1931) — религиозный философ и публицист, впоследствии — священник.

Деревня

Все стихотворения раздела написаны от лица персонажей «поэмы» (в основательно переработанном сборнике «Стихотворения» (1923). Белый предпринял-таки попытку объединить большинство стихов этого раздела в поэму «Деревня»), само сознание которых оказывается предметом авторского изображения, то есть предпринимается попытка посмотреть на мир чужими глазами, глазами человека иной культуры, иного социального статуса.

Купец (с. 144) — Пепел. С. 71—72.

Свидание (с. 145) — Пепел. С. 73—74.

Стар (с. 146) — Пепел. С. 75—77. Куколь — сорная трава с темно-розовыми цветами.

На откосе (с. 147) — журн. «Весы». 1906. № 8. С. 11—12 (как первая часть стих. «Убийца»). Саров (прав. Сарово) — село Нижегородской губ. Темниковского уезда, где находился знаменитый на всю Россию мужской монастырь, прославленный именем Серафима Саровского.

Предчувствие (с. 148) — Пепел. С. 80—81.

Убийство (с. 149) — Пепел. С. 82—84. Стоит обратить внимание на близость сцены убийства в этом стих. и в поэме Блока «Двенадцать» (1918).

Бегство (с. 150) — журн. «Весы». 1906. № 8. С. 12 (как вторая часть стих. «Убийца»).

В городке (с. 151) — строфы I и IX опубликованы в составе второй части стих. «Убийца». Полностью — Пепел. С. 86—88.

В деревне (с. 152) — Пепел. С. 89—90.

Виселица (с. 153) — Пепел. С. 91—93. В рецензии С. М. Соловьева на «Пепел» о настоящем стих. сказано: «Быть может, самое сильное стихотворение книги, где звучат ноты некрасовского «Огородника» («Весы». 1909. № 1. С. 84).

С высоты (с. 154) — Пепел. С. 94. «Распрямись ты, рожь высокая...» — цитата из поэмы Некрасова «Коробейники» (1861).

Паутина

Калека (с. 155) — в ранней редакции опубликовано в журн. «Вопросы жизни». 1905. № 7. С. 47.

Весенняя грусть (с. 156) — альм. «Свободная совесть». М., 1906. Кн. 1. С. 159 (под названием «Весенняя элегия»).

Предчувствие (с. 157) — П е п е л. С. 102.

Паук (с. 157) — в ранней редакции опубликовано в журн. «Золотое руно». 1906. № 3. С. 43—44 (как первая часть стих. «Калека» с посвящением Александре Григорьевне Коваленской).

Мать (с. 159) — П е п е л. С. 107—108.

Судьба (с. 160) — П е п е л. С. 109—111.

Свадьба (с. 162) — в ранней редакции опубликовано в журн. «Золотое руно». 1906. № 3. С. 44—45 (как вторая часть стих. «Калека»). Р е г е н т — дирижер церковного хора.

После венца (с. 163) — П е п е л. С. 115—116.

Город

Старинный дом (с. 165) — П е п е л. С. 119—122 с посвящением В. Ф. Ходасевичу. Владислав Фелицианович Х о д а с е в и ч (1886—1939) — поэт, критик, переводчик, историк литературы, один из самых ярких представителей того литературного поколения, которое пришло следом за символистами и самоопределялось по отношению к наследию символистов. Белый познакомился с Ходасевичем в 1904 г., когда оба были студентами историко-филологического факультета Московского университета. Стихи Ходасевича вызывали постоянный творческий интерес Белого, о чем свидетельствует и настоящее стих., перекликающееся со стихами первого сборника Ходасевича «Молодость» (1907). Впоследствии, в берлинский свой период, Белый, особенно сблизившийся тогда с Ходасевичем, напишет две восторженные рецензии на стихи: «Рембрандтова правда в поэзии наших дней» (Записки мечтателей, 1922, № 5) и «Тяжелая лира и русская лирика» (Современные записки, 1923. Кн. XV / II). В свою очередь, воспоминания, написанные после смерти Белого, Ходасевич откроет следующими словами: «...девятнадцать лет судьба нас сталкивала на разных путях: идейных, литературных, житейских. Я далеко не разделяю всех воззрений Белого, но он повлиял на меня сильнее кого бы то ни было из людей, которых я знал» (Ходасевич В. Ф. Некрополь. Воспоминания. Брюссель, 1939). Взаимоотношения двух поэтов проанализированы в ст.: Хьюз Роберт. Белый и Ходасевич: к истории отношений (Вестник русского христианского движения, 1987. № 151). К е н к е т — старинная масляная лампа. Д э р и к о э (Дерикой) — селение в окрестностях Ялты. У ч а н - С у — водопад близ Ялты, одна из достопримечательностей Крыма. Характеризуя настоящее стих., Белый писал в Н а ч а л е в е к а: «Разложившийся быт производит чудовищ, не снившихся кисти Иеронима Босха, изобразителя ужасов; произрастая на ситчике кресел, вполне благодушном, «чудовища» мимикрируют пыльный ковер какого-нибудь домика, например Мертвого переулка Москвы, сохраняющего ритуал обыденности; окружающие и не замечают ужаса» (с. 76).

Маскарад (с. 167) — П е п е л. С. 123—126. Образный строй этого стих., по свидетельству самого Белого, связан с трагическим мирочувствованием лета 1906 г.: «...я был ненормален в те дни; я нашел среди старых вещей маскарадную черную маску; надел на себя, и неделю сидел с утра до ночи в маске (...) мне хотелось одеться в кровавое домино; и — так бегать по улицам; переживания этих дней отразились впоследствии темою м а с к и и д о м и н о в произведениях моих» (Э п о п е я. 1923. № 3. С. 187). М. Ф. Л и к и а р д о п у л о (1883—1925) — псевдоним Михаила Федоровича Попандопуло, критика и переводчика, секретаря журн. «Весы». П а д' э с п а н ь от фр. pas d'espagne — «испанский шаг», модный танец начала века. К о т и л ь о н — бальный танец. ...в ь е т с я в в а л ь с е д о м и н о.— Это домино, с окровавленным кинжалом, роковой вестник смерти, вновь возникает в романе «Петербург» в эпизоде появления Николая Аполлоновича Аблеухова на маскараде. В свою очередь, образ «красного домино» ассоциируется у Белого с красной свиткой из «Сорочинской ярмарки» и восходит к рассказу американского писателя-романтика Эдгара По «Маска красной смерти» (1842).

Меланхолия (с. 170) — в ранней редакции опубликовано в альм. «Гриф». М., 1905. С. 10—11 (как третья часть цикла «Тоска о воле»). Максимилиан Яковлевич Ш и к (1884—1968) — переводчик, сотрудник журн. «Весы».

Отчаянье (с. 170) — альм. «Гриф». М., 1905. С. 9 (без названия, как первая часть цикла «Тоска о воле»). Елизавета Павловна Б е з о б р а з о в а (ум. в конце 10-х гг. XX в.) — дочь профессора П. В. Безобразова, племянница Вл. С. и М. С. Соловьевых.

Праздник (с. 171) — П е п е л. С. 130. Виктор Викторович Г о ф м а н (1884—1911) — поэт-символист, сотрудник «Весов». А д ж и о р н о (a giorno) — искусственное освещение. К о н т р е д а н с, chinoise — фигуры кадрили. Т а л ь м а — женская длинная накидка без рукавов. Г р и - д е - п е р л ь — жемчужно-серый цвет.

Пир (с. 172) — опубликовано в ранней редакции в журн. «Вопросы жизни». 1905. № 7. С. 48—49. Сергей Александрович П о л я к о в (1874—1943) — математик, переводчик, владелец изд-ва «Скорпион», редактор и издатель журн. «Весы». История взаимоотношений Белого и Полякова прослежена в ст.: Malmstad J. From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Polakov.— Stanford Slavic Studies, 1987, n. 1. «Aquarium» — «Аквариум» — увеселительный сад с рестораном в Москве. К а ч у ч а — испанский танец, исполняемый в стремительном ритме в сопровождении кастаньет. П л я с а л б е з у м н ы й к э к - у о к...— танец американских негров, ставший модным в Европе в начале века, был для Белого символом варварства, разлагающего европейскую цивилизацию, «дикарства XX века». Со стих. «Пир» прямо перекликаются строки из статьи Белого «Штемпелеванная калоша» (1907): «Когда Москва обливалась кровью в декабре и красное зарево пожаров сияло над городом,— у Палкина красные неаполитанцы бренчали кэк-уок: это был кэк-уок над бездной» (А р а б е с к и. С. 343—344). Позднее Белый вновь вернется к этой теме: «...танцевали мы — кэк-уок, негрский танец»; и «кэк-уоком» прошли мы по жизни» (На перевале. I. Кризис жизни. Пг., 1918. С. 83).

Укор (с. 174) — П е п е л. С. 135. В а л а н с ь е н ы — тонкие французские кружева из гор. Валанс.

Поджог (с. 174) — «Золотое руно». 1906. № 1. С. 51—52.

На улице (с. 175) — «Гриф». М., 1905. С. 9—10 (как вторая часть цикла «Тоска о воле»).

Вакханалия (с. 175) — П е п е л. С. 138—139.

Арлекинада (с. 176) — П е п е л. С. 140—142.

Преследование (с. 178) — журн. «Весы». 1907. № 6. С. 12—13.

Похороны (с. 178) — альм. «Факелы». Кн. I. Спб., 1906. С. 35—36 (без названия). Есть основание полагать, что стих. написано под впечатлением похорон Н. Э. Баумана (30 октября 1905 г.), участником которых был Белый. Описание этих похорон см. в гл. «Всеобщая забастовка» (М е ж д у д в у х р е в о л ю ц и й).

Пока над мертвыми людьми (с. 179) — журн. «Перевал». 1907. № 10. С. 20 (под названием «Народный вождь»).

В Летнем саду (с. 180) — журн. «Весы». 1906. № 8. С. 9—10 (под названием «Тревога» в цикле «Одинокие»). «В лирике моей,— писал Белый, имея в виду как это, так и другие стихи «Пепла»,— появился символ восстания: к р а с н о е д о м и н о, оно бегает по строчкам стихов:

С кинжала отирая кровь,
Плеща крылом атласной маски.

«Маска» — мои сидения в академических салонах; под ней — нарастающий протест, который стихийно вырвался осенью 1905 года в дни всеобщей забастовки...» (Н а ч а л о в е к а. С. 524).

На площади (с. 181) — П е п е л. С. 150—151.

Прохождение (с. 182) — П е п е л. С. 152—153.

Безумие

В полях (с. 183) — журн. «Перевал». 1907. С. 20—21 (как первая часть цикла «Безумный»).

Матери (с. 183) — журн. «Весы». 1907. № 6. С. 14 (как девятая часть поэмы «Панихида»).

Полевой пророк (с. 184) — журн. «Перевал». 1907. № 6 (как вторая часть цикла «Безумный», без посвящения).

На буграх (с. 185) — Пепел. С. 161—162.

Полевое священнодействие (с. 185) — Пепел. С. 163—165.

Последний язычник (с. 187) — Пепел. С. 166—167. Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — писатель-реалист, основавший в Москве в 1906 г. литературную группу «Зори», которая выпускала журнал под тем же названием. В нем сотрудничал и Белый, высоко ценимый Зайцевым. Уже в эмигрантские годы написал очерк «Андрей Белый», вошедший в мемуарную книгу Зайцева «Далекое» (Вашингтон, 1965). Кинови я — общежительный монастырь.

Успокоение (с. 187) — в ранней редакции опубликовано в альм. «Гриф». М., 1905. С. 11—12 (как четвертая часть цикла «Тоска о воле», с подзаголовком: «Из воспоминаний помешанного»). «Посылаю Вам стихотворение,— писал Белый Э. К. Метнеру в мае 1904 г., имея в виду «Успокоение»,— написанное в один из дней ужаса». Эти ужасы — «сначала мистические, потом психические и, наконец, печальные» — были, как отмечает Белый, не пропускавший случая подчеркнуть пророческий характер творчества символистов,— почти у всех «аргонавтов» в одно и то же время (Р Г Б, ф. 167, ед. хр. 27).

Угроза (с. 189) — альм. «Шиповник». Кн. 6. Спб, 1908. С. 155 (как вторая часть цикла «Голоса в полях»).

В темнице (с. 189) — строфы I и II впервые опубликованы в составе стих. «Успокоение» в альм. «Гриф». М., 1905. С. 11—12. Полностью в Пепле. С. 173—174. ...облак семиглавый — аллюзия на строки Апокалипсиса, в которых рассказывается о явлении Иоанну Богослову Господа («Се грядет с облаками...»), окруженного семью светильниками и держащего «в деснице Своей семь звезд» (Откр., 1, 16). Дикирий — двусвечник.

Утро (с. 190) — Пепел. С. 175. Это стих., считал Иванов-Разумник, завершает весь «мессианский цикл» дореволюционной поэзии Белого: «Это чудесное, мастерское стихотворение — последняя точка над былыми мессианскими чаяниями; компресс на лоб — вот чем кончились былые пламенные ожидания Мессии» (Иванов-Разумник. Александр Блок. Андрей Белый. С.-Петербург: Алконост, 1919. С. 65).

Отпевание (с. 190) — опубликовано без названия в составе третьей и четвертой части «лирической поэмы» «Панихида» в журн. «Весы». 1907. № 6. С. 7—9.

У гроба (с. 192) — опубликовано там же (с. 7—8) в составе третьей части поэмы «Панихида».

Вынос (с. 193) — опубликовано там же (с. 9—11), как первая часть лирической поэмы «Панихида».

Друзьям (с. 194) — журн. «Золотое руно». 1907. № 3. С. 40 (без названия, как четвертая часть цикла «Эпитафия»). В Начале века это стих. названо «Эпитафией себе». Оценивая четвертый отдел «Пепла» — «Безумие» — и сопоставляя его с симфонией «Кубок метелей», Мочульский обращает внимание, что лейтмотивом творчества Белого в эпоху его трагической любви к жене Блока является тема смерти и погребения: «Из похоронного цикла выделяется стих. «Друзьям», которое нельзя читать без мучительной жалости. Столько в нем искреннего горя и тоски по любви, что мы забываем о безумиях и кощунстве и видим только несчастное человеческое лицо» (с. 131—132).

Туда (с. 195) — журн. «Вопросы жизни». 1905. № 3. С. 99 (под названием «Воздушный путь»).

Я в струе воздушного тока... (с. 196) — журн. «Перевал». 1907. № 12. С. 7 (под названием «В воздухе»).

Просветы

Поповна (с. 197) — журн. «Золотое руно». 1906. № 4. С. 33—34, под названием «Поповна и семинарист», с посвящением Татьяне Антоновне Рачинской (урожд. Мамонтова, 1864—1920) — жене Г. А. Рачинского. Баска — широкая оборка, пришиваемая по линии талии к лифу платья или кофты.

Город (с. 200) — Пепел. С. 196—197, в отделе «Просветы».

Тройка (с. 200) — Журнал для всех. 1904. № 7. С. 387.

Странники (с. 201) — альм. «Гриф». М., 1905. С. 16 (без посвящения, как восьмая часть цикла «Тоска о воле»).

В лодке (с. 202) — приложение к газ. «Киевские вести». 1908. 15 мая. № 20. С. 1.

Жизнь (с. 202) — журн. «Весы». 1906. № 8. С. 15—16 (как седьмая часть цикла «Одинокие»). Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) — поэт-символист, теоретик и историк культуры, переводчик и драматург (см. также комм. к стих. «Вячеславу Иванову» из сб. «Звезда»). Знакомство Белого и В. Иванова состоялось в апреле 1904 г. и вскоре перешло в тесную дружбу, омрачаемую, как это всегда случалось с Белым, бурными ссорами и полемикой. О характере их отношений см.: Nivat G. Prospero et Ariel. Esquisse des rapports d'Andrej Belyj et Vjačeslav Ivanov.— Cahiers du monde russe et sovietique, 1984, n 25.

Вечер (с. 203) — в детском журн. «Тропинка». Спб., 1906. № 18. 15 сентября. С. 812—813 (под названием «Вечер в лесу», с посвящением С. М. Соловьеву).

Тень (с. 203) — Пепел. С. 205, в отделе «Просветы».

Работа (с. 204) — альм. «Гриф». М., 1905. С. 20—21 (как первая часть цикла «Идиллия»). Павел Иванович Астров (1866— ?) — член Московского окружного суда, на квартире которого собирался кружок либеральных интеллигентов для чтения и обсуждения лекций, докладов, рефератов и т. д. С 1904 г. тон на этих собраниях стали задавать «аргонавты» во главе с Белым и Эллисом.

Всё забыл (с. 205) — «Корабли. Сборник стихов и прозы». М., 1907. С. 107. Иоганнес фон Гюнтер (1886—1973) — немецкий поэт и переводчик русских писателей, пропагандировавший, в частности, символистов.

Кроткий отдых (с. 206) — журн. «Вопросы жизни». 1905. № 3. С. 97 (с посвящением Л. Д. Блок).

Прогулка (с. 206) — альм. «Гриф». М., 1905. С. 21—22 (без названия, как вторая часть цикла «Идиллия»).

Обручальное кольцо (с. 207) — альм. «Шиповник». Кн. 6. Спб., 1908. С. 153—154 (под названием «Обручальное кольцо /Заклинание/», как первая часть цикла «Голоса в полях»).

Память (с. 207) — Пепел. С. 213 (в разделе «Просветы»).

Ты (с. 208) — журн. «Золотое руно». 1906. № 7—9. С. 104 (под названием «С. М. Соловьеву»).

Приходи (с. 209) — Пепел. С. 216, в разделе «Просветы».

Свидание (с. 209) — журн. «Весы». 1907. № 6. С. 13 (как восьмая часть «лирической поэмы» «Панихида»).

Обет (с. 210) — журн. «Перевал». 1907. № 12. С. 7 (под названием «Вознесение»).

Горемыки

Изгнанник (с. 211) — альм. «Гриф». М., 1905. С. 17—18 (в составе цикла «Тоска о воле»). Михаил Иванович Сизов (1884—1956) — критик и переводчик (псевдоним М. Седлов), член кружка «Мусагет».

Бегство (с. 211) — журн. «Перевал». 1906. № 2. С. 3. «Зачем ты, безумная, губишь?» — слова цыганского романса. Малевка — ж.-д. станция близ г. Ефремова Тульской губ.

В полях (с. 213) — журн. «Русский артист». 1907. № 9. С. 129 (с подзаголовком «Из цикла «Тоска о воле»).

Хулиганская песенка (с. 214) — сб. «Корабли». 1907. С. 108.

Путь (с. 214) — журн. «Весы». 1906. № 8. С. 13—14 (в составе цикла «Одинокие»).

Вспомни! (с. 215) — Пепел. С. 232—233.

Побег (с. 216) — журн. «Весы». 1906. № 8. С. 7—8 (как третья часть цикла «Одинокие»).

Осень (с. 216).— В собрании стихов А. Белого, составленном и прокомментированном Мальмстадом, публикация данного стих. сопровождена примечанием следующего рода: «В оглавлении к «Пеплу» стихотворение помечено звездочкой, означающей, что оно печатается в измененном виде. Но А. Белый нередко в оглавлении делал ошибки, и, по нашему мнению, стихотворение публикуется в Пепле впервые... Если оно было опубликовано до Пепла, установить где именно — не удалось» (Стихотворения. Т. III. С. 193).

Время (с. 217) — стих. в четырех частях. В издании Стихотворения оно сопровождено тем же комментарием, что и предыдущее (с. 194). В Пепле расположено на с. 237—240.

Успокоение (с. 219) — стих. в трех частях. Впервые опубликовано в ранней редакции в журн. «Весы». 1906. № 8. С. 1—3 (под названием «Заключение» как первая часть цикла «Одинокие», без посвящения).

УРНА

Посвящаю эту книгу Валерию Брюсову — посвящение книги В. Я. Брюсову — свидетельство очередного сближения поэтов после возвращения Белого из Парижа весной 1907 г. «Париж — перевал, разделяющий четырехлетье,— свидетельствовал Белый.— Двухлетье, к нему подводившее,— бури: страстей, рост отчаянья; взмахом ножа, отворяющего кровь, это все пролилось на меня: обескровленный, серым, как пепел, лицом я два года вперялся в себя и в обстанье, которое виделось мне балаганом: союз, заключенный с Валерием Брюсовым против Иванова, Блока, Чулкова и прочих недавних друзей,— вот что вез из Парижа в Москву...» (Между двух революций. С. 171). Союз с недавним соперником Брюсовым выразился в активном творческом участии Белого в издании журнала «Весы», на страницах которого публикует свои важнейшие критико-эстетические труды 1907—1909 гг., а также многие стихотворения. Брюсов был в числе первых, кто поддержал молодого Белого на литературном пути. Но «отношение нас, молодежи, к поэзии Брюсова было двусмысленно,— писал позднее Белый,— ведь вожаком признавали мы Брюсова; мы почитали слияние поэта с историком, с техником; был он единственным «мэтром», сознавшим значение поднимаемых в то время проблем» (Воспоминания. С. 142). Вместе с тем Белый отмечал, что уже тогда в облике Брюсова было нечто от сурового «мага», а в его творчестве чувствовалась «притаившаяся магия», начало, враждебное аргонавтическому «мистицизму». «Борьба с Брюсовым,— писал далее Белый,— мне далась нелегко: передо мною порой раскрывался «маг» Брюсов, не брезгующий гипнотизмом и рыщущий по сомнительным оккультистским книжкам... за отысканием приемов весьма подозрительного психологического эксперимента. Мне был чужд, неприятен, отвратителен этот «Брюсов», сидящий в Валерии Брюсове...» (Там же. С. 213—214). Двойственное отношение Белого к Брюсову вполне выразилось в двухчастном стих. «Одинокий», посвященном Брюсову и опубликованном в «Весах» (1904. № 8. С. 4—6) — как часть цикла «Одинокие». К этому циклу и восходят три из четырех стих. раздела «В. Брюсову», открывающих книгу «Урна». О многолетних, проходящих едва ли не через всю жизнь сложных отношениях поэтов см. в их переписке («Лит. наследство». Валерий Брюсов. М., 1976. Т. 85. С. 327—427).

Эпиграф — из стих. Е. Баратынского «Разуверение» (1821), по поводу которого у Мочульского сказано: «Этой меланхолической сентенцией точно определяет-

ся содержание книги. «Урна» — поэма о несчастной любви поэта к Л. Д. Блок; в ней воспоминания, жалобы, упреки, печальные раздумья, философские убеждения... Период озлобления и бешеного бунта прошел; осталась томная меланхолия и тихая примиренность» (с. 151).

В. Брюсову

Поэт (с. 225) — Весы. 1904. № 8. С. 4. «Застывший, серьезный, строгий, стоит одиноко Валерий Брюсов среди современной пляски декаданса» — таким было восприятие Белым Брюсова в годы написания стихов (Арабески. С. 451).

Созидатель (с. 225) — Весы. 1904. № 8. С. 5.

Маг (с. 227) — Весы. 1904. № 8. С. 6. «Ты шел путем непримиренья — Люциферическим путем». То есть путем гордыни: падший ангел Люцифер воплощал для Белого дух гордый и «человекобожеское» начало. В стих., следовательно, продолжение темы «магизма» Брюсова, начата еще в «Золоте в лазури» (см. комм. к стих. «Маг» «Я в свисте временных потоков...»). Комментаторы сборника Стихотворения и поэмы справедливо замечают по поводу этого стих., что в нем использованы своеобразно интерпретированные образы брюсовской поэзии, и приводят ссылку на Белого: «Суровое величие круговорота, спиральные пути вонзающихся планет в мировую пустоту — вот что открывается очарованному взору в звенящих, металлических строках Брюсова» (Новый путь. 1904. № 7. С. 135).

Встреча (с. 228) — Урна. С. 20, под заглавием «Ответ на посвящение», с подзаголовком: В. Брюсову, с эпиграфом из стих. Брюсова «Андрею Белому» (1909):

Дарю тебе мой жезл змеиный.
Беру твой посох костяной...

«Встреча» — ответ на это брюсовское стих. По поводу этого эпизода Белый вспоминает в Начале века: «В девятьсот девятом году он мне напомнил ненужное прошлое наше в стихах, посвященных мне, где он описывал, как он свой жезл поднимал на меня, чтобы убить, и как выпал тот жезл из руки...» (с. 521). Имеется в виду роман Белого с Н. И. Петровской, закончившийся ее уходом к Брюсову, что едва не привело к дуэли вчерашних друзей. Бобровка — имение Рачинских в Тверской губернии.

Зима

Как написанная одновременно 4-я симфония «Кубок метелей» (1908), весь сборник «Урна» пронизан образами пурги, холода, льда, метели, которые прямо ассоциируются с хаосом, смертью, безумием. Но тот же образ зимы — не только символ разрушительной стихии, омертвения живого, скованного стужей. На «снежных» стихотворениях Белого лежит явный отпечаток классики — прозрачной пушкинской поэзии о зиме. Как раз на годы создания «Урны» приходится увлечение Белого русской классической поэзией, написание целого ряда исследований о Пушкине, Тютчеве, Баратынском, Жуковском, собранных в книге статей Символизм. В «Урне» не раз слышатся отголоски пушкинских, тютчевских, лермонтовских строк (см., напр., «Вдали от зависти и злобы // Мне жизнь окончить суждено...», «...Где бьет с разбегу ток лиственый // о брег лазурный и пустой...», «Ночь — отчизна» и т. д.

Зима (с. 230) — журн. «В мире искусства». 1907. № 11—12. С. 5 (без посвящения). Максимилиан Александрович Волошин (1878—1932) — поэт и художник, с которым Белый познакомился весной 1903 г. С тех пор между ними установились дружеские отношения. Начиная с лета 1924 г. Белый с женой часто гостил в доме Волошина в Коктебеле. «Как ни странно, судьба меняет людей,— писал Белый Иванову-Разумнику 17 июля 1924 г. из Коктебеля,— я не узнаю Макс. Алекс.; за пять лет революции он удивительно изменился, много и серьезно пережил и теперь естественно перекликается в темах России со мною, «в точках любви к современной

России мы встречаемся, о чем свидетельствуют его изумительные стихи» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 27). Об отношениях Белого и Волошина см. ст. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова «Максимилиан Волошин и Андрей Белый» в сб. Волошинские чтения. М., 1981.

Ссора (с. 231) — стих. в двух частях. Впервые — в журн. «Весы». 1908. № 5. С. 7—8 (как первая часть цикла «Стансы»).

Я это знал (с. 233) — журн. «Весы». 1908. № 5. С. 9—10 (как вторая часть цикла «Стансы»).

Весна (с. 234) — журн. «Русская мысль». 1909. № 1. С. 87 (под заглавием «Сумерки»).

Воспоминание (с. 234) — У р н а. С. 32. Франц Йозеф Г а й д н (1732—1809) — австрийский композитор, один из основоположников венской классической школы музыки.

В поле (с. 235) — У р н а. С. 33—34. Это стих., как и следующее — «Совесть»,— навеяно отношениями Белого с Л. Д. Блок и А. А. Блоком. Связь обоих стих. наглядно подчеркнута повторением одной и той же поэтической строки.

Совесть (с. 236) — журн. «Золотое руно». 1907. № 3. С. 38 (без названия, как вторая часть цикла «Эпитафия»).

Раздумье (с. 237) — У р н а. С. 37.

Ночь (с. 237) — журн. «Золотое руно». 1907. № 3. С. 39 (без названия, как третья часть цикла «Эпитафия»).

Смерть (с. 238) — журн. «Весы». 1908. № 5. С. 18 (в составе цикла «Стансы»).

Разуверенья

Когда (с. 240) — журн. «Весы». 1908. № 5. С. 13, в цикле «Стансы». Л е т е й с к а я п у с т о т а — обозначение загробного мира, по названию в древнегреческой мифологии реки забвения Леты, отведав воду из которой души умерших забывали о своей земной жизни.

Ночь (с. 241) — альм. «Корона». М.: книгоизд-во В. М. Саблина, 1908. Вып. 1. С. 38 (под названием «Элегия», без посвящения).

Прости (с. 241) — стих. в четырех частях.— У р н а. С. 53—55.

«Да, не в суд или во осуждение...» (с. 243) — журн. «Весы». 1908. № 5. С. 16 (в цикле «Стансы»).

Философическая грусть

В философские «штудии» Белый погрузился в годы изживания трагической любви к Л. Д. Блок и разрыва с А. А. Блоком (а заодно и со всеми почти «петербуржцами»). Особенно его привлекало неокантианство, делавшее упор на исследование логики «чистого», конструирующего объекта, развивающегося мышления (познание мира, таким образом, приравнивается неокантианцами к познанию «познающего мышления», исходным условием которого становится отождествление «субъекта» и «объекта»). В России особой популярностью пользовалась «марбургская школа» неокантианства, во главе которой стоял Г. Коген (1842—1918). Влияние этой школы, насчитывающей в своих рядах таких мыслителей, как Г. Наторп, Э. Кассирер, испытывали на себе М. Бахтин, Б. Пастернак. С неокантианской философией Белый познакомился еще в 1904 г., будучи студентом Московского университета и посещая семинары ученика Когена профессора Бориса Александровича Фохта (1875—1946): «...руководитель студентов, приверженный Канту, Б. А. Фохт, дал очень мне много своими прекрасными указаниями, советами и разъяснениями некоторых для меня спорных пунктов кантианской литературы» (В о с п о м и н а н и я. С. 216). Но пик увлечений Кантом и неокантианцами приходится на 1907—1908 гг. Вместе с тем, погрузившись в философские разыскания, Белый почувствовал, что начинает утрачивать непосредственность переживания, контакт с личным душевным опытом (качество, которое он особо ценил в А. А. Блоке). Неоканти-

анство не могло объяснить Белому его «здесь» и «теперь», объяснить ему его самого (что с успехом осуществил Р. Штейнер). Белый освобождается от неокантианского «наваждения» своим обычным способом — сочинением иронических стихов, в которых звучит «высокий» смех над «учением» и над его адептами (в том числе над самим собой). О роли неокантианства в жизни и творчестве Белого см.: Сиклари А. Д. Неокантианство в мышлении Белого (Pro et Contra. С. 75—86).

Премудрость (с. 244) — журн. «Золотое руно». 1908. № 3—4. С. 46—47. N. N.— имеется в виду Борис Александрович Фохт. См. его характеристику в «Начале века» (с. 383—384), едва ли не дословно совпадающую с образом Фохта в стих. «Премудрость» и «Мой друг». И «Критикой» благословит — основы мироучения родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта (1724—1804) изложены в его трех «Критиках» — «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790).

Мой друг (с. 245) — Урна. С. 65—66. Марбургский философ — выпускник марбургской школы неокантианства Б. А. Фохт.

К ней (с. 246) — Урна. С. 67.

Ночью на кладбище (с. 246) — Урна. С. 68.

Под окном (с. 247) — Урна. С. 69. ...Вспоминаю я // Об иллюзорности пространства.— Согласно учению Канта, пространство и время перестают быть формами существования самих вещей и становятся только априорными формами чувственности.

Искуситель (с. 247) — журн. «Золотое руно». 1908. № 3—4. С. 44—45 (без посвящения, как первая часть цикла «Меланхолия»). Врубель — живопись Михаила Александровича Врубеля (1856—1910) буквально потрясла молодого Белого (см. его письмо Э. К. Метнеру от 17 ноября 1903 г. после посещения выставки «Мира искусства»: «Впервые я увидел Врубеля, полно представленного (...) Это в буквальном смысле гигант: впечатление от его картин — подавляющее» (РГБ, ф. 167, карт. 1, ед. хр. 2). Белый не раз обращался к образам и краскам — «священным цветам» врубелевских картин, таких, как «Сирень», «Фауст и Маргарита», «Демон», обыгрывая врубелевский колорит (желто-сиренево-сине-серебристо-жемчужный), врубелевское пристрастие к лилово-зеленым тонам, которые в сознании Белого были неизменно связаны с демонизмом, дьявольским искушением, соблазном. Образ-галлюцинация «двойника», возникающая в «Искусителе», получает дальнейшее развитие в романе «Петербург» в видениях Дудкина.

Признание (с. 249) — журн. «Золотое руно». 1908. № 3—4. С. 47 (под названием «Любитель мудрости» в цикле «Меланхолия»). Хариты — богини красоты, изящества и радости в древнегреческой мифологии (в римской им соответствуют Грации).

Эпитафия (с. 250) — Урна. С. 79. Изумрудный Поселок — подмосковное имение братьев Метнеров.

Буря (с. 251) — Урна. С. 81—82.

Демон (с. 251) — Урна. С. 81—82. Белый писал по поводу этого стих. в автобиографической книге Между двух революций: «Когда я лежал на диване, вперяясь в наклонно висевшее зеркало против меня, я упирался глазами в себя самого: это «я», оттененный, зеленый, простертый, как труп на диване, смотрел на меня так угрюмо, неласково, с угрожающим порицанием; и курил, курил, соря пеплом, мутнея за клубами дыма, которые не защищали меня от его укоризненных глаз; я его называл своим «демоном»; и о нем написал я, когда он, меня пощадив, отлетел от меня...» (с. 287).

Я (с. 252).— В ранней редакции впервые опубликовано в газ. «Столичная молва». № 20. 6 октября 1908 г. Газетная редакция перепечатана в альм. издательства «Шиповник», кн. 6, Спб., 1908. С. 158 159 в составе цикла «Голоса в полях». Полностью в Урне. С. 83—84. Белый следующим образом характери-

зует мирочувствование времени: «...реакция додавливала все лучшее; ряд личных горестных переживаний, ползших из прошлого (в частности, новые неприятности с Блоками), усугубляли душевный мрак; господствовал скепсис; в уединении я сочинял стихи, потом вошедшие в «Урну»... «Не превозмочь» — лозунг дней, не превозмочь прошлого; чувство уныния...» (Между двух революций. С. 249).

Тристии

Раздел назван в подражание «Тристиям» («Скорбным элегиям») римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э.— ок. 18 г. после н. э.).

Алмазный напиток (с. 254) — Урна. С. 87.

Волна (с. 254) — журн. «Весы». 1908. № 5. С. 17 (без посвящения, в цикле «Стансы»). Илья Николаевич Бороздин (1873—1959) — историк, профессор Воронежского университета, знакомый Белого с детских лет.

Разлука (с. 255) — Урна. С. 92.

Вольный ток (с. 255) — альм. «Корона». М.: книгоизд-во В. М. Саблина, 1908. Вып. 1. С. 34 (под названием «Просветление», в цикле «Усталость»).

Ночь (с. 256) — альм. «Корона». С. 35. Вып. 1 (в цикле «Усталость»). Борей — в греческой мифологии бог северного ветра. Здесь — порывистый холодный ветер.

Кольцо (с. 257) — альм. «Корона». Вып. 1. С. 37 (в цикле «Усталость»).

Прошлому (с. 258) — там же, с. 32—33, в цикле «Усталость».

Жалоба (с. 259) — Урна. С. 104. Коцит — в греч. мифологии одна из рек подземного царства, где обитали души умерших. Аврора — в римской мифологии богиня утренней зари. Белый видел в этом стихотворении «отстой ряда перенесенных страданий, разрыва с друзьями, тяжелых отношений с Щ.» (под этой буквой в автобиографической трилогии зашифрована Л. Д. Блок.— С. П., В. П.) (Между двух революций. С. 323).

Думы

Жизнь (с. 260) — Урна. С. 107—108. Юрий Ананьевич Сидоров (1887—1909) — поэт.

Ночь и утро (с. 260) — Урна. С. 109. Борис Александрович Садовской (наст. фам. Садовский; 1881—1945) — поэт, беллетрист, критик и историк литературы, в молодости сотрудничал в символистских изданиях.

Ночь-отчизна (с. 261) — Урна. С. 110.

Вечер (с. 261) — Урна. С. 111.

Перед грозой (с. 262) — Урна. С. 112.

Рок (с. 262) — Урна. С. 113.

Просветление (с. 263) — журн. «Золотое руно». 1907. № 3. С. 37 (без названия, как первая часть цикла «Эпитафия»).

Время (с. 264) — альм. «Корона». Вып. 1. С. 29 (как первая часть цикла «Усталость»).

Посвящения

Льву Толстому (с. 266) — Урна. С. 123—124. Лев Толстой занимал творческое воображение Белого на протяжении всей жизни, он часто ссылался на Толстого, написал даже специальное исследование «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (М.: Мусагет, 1911). «Я поклонялся ему, как великому художнику,— писал Белый А. Б. Гольденвейзеру в апреле 1926 г.— я чтил... его, как одного из самых больших мудрецов и воистину учителей жизни» (Цит. по кн.: Стихотворения и поэмы. С. 612). Кого когда-то зрел и я. В книге «На рубеже двух столетий» Белый приводит детские воспоминания

о посещениях Толстым дома Бугаевых, а также рассказывает о собственных посещениях Толстовского дома в Хамовниках в октябре — декабре 1895 г. (с. 328—333).

Сергею Соловьеву (с. 266) — Урна. С. 125—127. Из тьмы могильной вызывали // мы дорогого мертвеца... Белый вспоминает о «ритуальных» хождениях его с Соловьевым — племянником философа на могилу Вл. Соловьева на Новодевичьем кладбище. Японская война — русско-японская война 1904—1905 гг., закончившаяся поражением русской армии и подписанием Портсмутского мирного договора (1905). Артурское пленение.— Имеется в виду сдача 2 января 1905 г. японцам крепости Порт-Артур и пленение его гарнизона, выдержавшего восьмимесячную осаду. Народное волненье.— Речь идет о революционных событиях 1905—1907 гг., приближение которых было ускорено поражением в русско-японской войне. Холера — холерная эпидемия 1907 г. Землетрясенье.— Имеется в виду землетрясение 1908 г. в Калабрии и Мессине, которое было воспринято в символистских кругах как знак грядущего светопредставления (см., например, статью А. Блока «Землетрясение в Мессине»). Покой воспоминаний сладок.— Имеются в виду посещения могил Вл. С., М. С. и О. М. Соловьевых на Новодевичьем кладбище. Аполлион (греч.) — древнеевр. Аваддон, библейский ангел бездны, синоним смерти. ...Дивеева заветный сон // И сосны грозные Сарова. Женский Серафимо-Дивеевский монастырь и находящийся поблизости мужской монастырь в селе Сарово (Нижегородской губ.) для молодого Белого и его окружения были связаны с культом Серафима Саровского. В сентябре 1904 г. Белый с матерью предпринимает поездку к «соснам Сарова, к источнику Серафима» в Дивеево, где жила монахиней сестра А. С. Петровского, приобщившая брата и его друзей к любви и почитанию преп. Серафима. «Зачитывались мы записками Серафимо-Дивеевского монастыря,— вспоминал Белый,— и живые традиции Серафима влагались в душу; прообразом чаемой жизни звучал мне Саров, этот явленный многим паломникам Китеж» (Воспоминания. С. 163). Свидетельством подлинности этих воспоминаний могут служить строки из беловского письма Блоку от 19 августа 1903 г.: «Конечно, центр дела не в петербургских мистиках-символистах, подчас остроумно-талантливо передергивающих тексты и на передержках строящих замки. Конечно, не здесь центр дела. А в народно-воплощенном деле суть. И оно незаметно началось. Суть не в стремлении воспользоваться нищетою духа современных официальных представителей церкви суть в незамутненном главном русле церкви — в событиях грядущих, носящихся над Саровом и Дивеевом, где почиет он — Серафим, склонявшийся всю жизнь у иконы матери божией умиления — «Всех Радостей Радости», «как он ее всегда называл, перед которой на коленочках во время молитвы и отошел, словно будто и не умер» (Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря, с. 207). Стоит только узнать, какими великанами духа был окружен этот великан — маленький и тихий старичок, убогий Серафим, чтобы центр исканий перенести от религиозно-философской болтовни в центр воплощения — к судьбам Ее Последней обители (к Дивееву). Тут встают образы людей — то как огненный столб горящих, то как вознесенное веселье мчащихся в жизнь бесконечную. Тут дела» (Переписка. С. 48).

Э. К. Метнеру (с. 268) — Урна. С. 128—129. Э. К. Метнер — см. комм. к стих. «Золотое руно». На стогнах шумного Берлина.— В 1909 г. Э. К. Метнер совершает поездку в Германию. Помню наши встречи.— Белый вспоминает о вечерах на квартире Метнеров в 1902 г., описанных позднее в книге «Начало века», гл. «Эмилий Метнер». И Гете на стене портрет...— Метнер был убежденным гетеанцем, немало способствовавшим приобщению Белого к культу Гете. Позднее во многом на почве разного отношения к Гете произойдет их разрыв: Метнер написал книгу «Размышления о Гете» (М.: Мусагет, 1914), содержащую критику трудов Р. Штейнера о Гете, на которую Белый полемически ответил книгой «Штейнер о Гете». Алексей Сергеич.— Имеется в виду А. С. Петровский (см. о нем комм. к стих. «Возврат» (3 Л). Твой брат — Николай Карлович

Метнер (1879—1951) — композитор и пианист, с 1921 г.— в эмиграции. «Я совершенно влюблен в его музыку,— писал Белый Э. К. Метнеру в ноябре 1902 г.— Здесь — высший покой, высший и желанный, желанная, в о п р о ш а ю щ а я тишина, после того, как в с е совершилось,— ничего уж нет, кроме вечных водопадов, в о д о п а д о в Вечности...» (Р Г Б, ф. 167, карт. 1, ед. хр. 2). См. также статью Белого 1906 г. «Николай Метнер» (А р а б е с к и. С. 372—375). К о д а — заключительный раздел музыкального произведения, закрепляющий главную тональность и обобщающий предшествующее музыкальное развитие.

КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ.
С к а з к и

Стихотворения, вошедшие в книгу, были написаны на протяжении 1909—1915 гг. Их вдохновительница — первая жена Белого, художница Анна Алексеевна Тургенева (1890—1966) — Ася, с которой Белый встретился в 1909 г., после возвращения в Москву из Бобровки (имение Рачинских в Тверской губ.), куда он был увезен друзьями после очередного литературного скандала и тяжелейшего нервного срыва. «...Пять недель, проведенных в уединении,— вспоминал Белый,— стоят в памяти нереальной точкой, после которой линия жизни моей начинает медленно подниматься на протяжении целого семилетия; равновесие медленно восстанавливается из самопознания и связанной с ним работы...» (М е ж д у д в у х р е в о л ю ц и й. С. 314). Встреча с Асей — важнейший фактор восстановления этого равновесия. «В первые дни по приезде в Москву из Бобровки,— вспоминал годы спустя Белый,— я встретился с Асей Тургеневой, приехавшей к тетке из Брюсселя, где она училась у мастера гравюры Данса... Она стала явно со мною дружить; этой девушке стал неожиданно для себя я выкладывать многое; с нею делалось легко, точно в сказке... Она мне предстала живою весною... Под впечатлением встреч я написал первое стихотворение цикла «Королевна и рыцари», вышедшего отдельною книгой позднее... Розовый куст — распространяемая от нее атмосфера» (М е ж д у д в у х р е в о л ю ц и й. С. 323). «На подъеме» Белый завершил начатый в Бобровке роман «Серебряный голубь», самый светлый образ которого — невеста Дарьяльского Катя — «списан» с Аси. В конце 1910 г. Белый и А. А. Тургенева уезжают в заграничное путешествие (см. о нем П у т е в ы е з а м е т к и, а также «Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого». В кн.: Восток и Запад. М., 1988). В 1912 г. после знакомства с Р. Штейнером они решают вместе стать на путь антропософского «ученичества» и следуют за Доктором из одной европейской страны в другую, слушая его лекционные курсы, пока не «оседают» в 1914 г. в швейцарском местечке Дорнахе (близ Базеля), где принимают участие в строительстве антропософского храма Гетеанума. Формально брак Б. Н. Бугаева и А. А. Тургеневой был зарегистрирован в Швейцарии в 1914 г., когда их отношения, однако, уже перешли в кризисное состояние. «Ася объявляет мне, что в антропософии она окончательно осознала свой путь, как аскетизм, что ей трудно быть мне женой, что мы отныне будем лишь братом и сестрой... Я ощущаю, что в точке священнейшей Ася покидает меня, отъединяется, ускользает (М Б). Когда в августе 1916 г. Белый — в связи с призывом на военную службу — отъезжает в Россию, Тургенева отказывается следовать за ним и остается в Дорнахе. По возвращении же Белого в Берлин в ноябре 1921 г. решительно уклоняется от возобновления прежней совместной жизни с ним. Белый бурно переживает это ее решение, что во многом предопределяет атмосферу его берлинского периода жизни. Асе посвящены многие стихи сборников «Звезда» и «После разлуки». Об их отношениях см.: Струве Г. К биографии Андрея Белого: А. Белый и А. А. Тургенева.— Annali dell'Instituto universitario orientale, sezione slava, 13, Naples, 1970.

Перед старой картиной (с. 272) — Антология. М.: Мусагет, 1911. С. 29—31.

Шут (с. 275) — баллада в пяти частях опубликована в Литературном альманахе. Спб., 1912. С. 23—27. А р к а д а — ряд одинаковых арок, опирающихся на

колонны или столбы. Применяются главным образом при устройстве открытых галерей. Боголюбы — имение отчима А. А. Тургеневой В. К. Кампиони и ее матери С. Н. Кампиони близ г. Луцка Волынской губ., где произошло сближение Белого с будущей первой женой.

И опять, и опять, и опять (с. 281) — журн. «Аполлон». 1911. № 6. С. 32 (под названием «День в Боголюбах»).

Голос прошлого (с. 281) — стих. в двух частях. Первая часть опубликована в журн. «Аполлон». 1911. № 6. С. 30 (под названием «Барбарусса»). Вторая — в альм. «Гриф, 1903—1913». М., 1914. С. 48—49 (без названия). Впервые опубликовано как одно стих. в К Р. С. 36—40.

Близкой (с. 283) — стих. в двух частях опубликовано в журн. «Аполлон» (1911. № 6. С. 31—32) с эпиграфом-цитатой из стих. А. Блока «Погружался я в море клевера...» (1903):

В К Р блоковская цитата была искажена.

Родина (с. 285) — журн. «Остров». /1911/. № 2. С. 93. В кн. Между двух революций засвидетельствовано: «Стихотворение написано в 1909 г.; оно — первое в цикле, противопоставленном только что вышедшей «Урне»: тематикою и романтикой настроения» (с. 323).

Вы — зори, зори! Ясно огневые... (с. 286) — опубликовано в ранней редакции в журн. «Остров» /1911/. № 2. С. 10 (под названием «Змея»). Окончательная редакция — К Р. С. 49—50.

Вещий сон (с. 287) — опубликовано в ранней редакции в «Антологии книгоиздательства «Мусагет» (М.: 1911. С. 32—33). Окончательная редакция — К Р. С. 51—52.

Вечер (с. 287) — К Р. С. 53—54.

ЗВЕЗДА

В сборник, изданный в 1922 г. в Петрограде, были включены стихи, написанные А. Белым в 1913—1914 гг. в России.

Христиану Моргенштерну (с. 290) — Звезда. С. 5—6. Кристиан Моргенштерн (1871—1914) — немецкий поэт-антропософ, один из ближайших сподвижников Р. Штейнера. Его знакомство с Белым произошло в декабре 1913 г. на лекции Штейнера (см.: Лавров А. В. Андрей Белый и Кристиан Моргенштерн. В сб.: Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 466—472).

Звезда (с. 290) — Скифы. Сб. I. Спб., 1917. С. 1 (без названия, как первая часть цикла «Из дневника»). Алмазная, алмазная Венера. — Планета Венера играла особую роль и в языческой, и в библейской символике. Древние семитские культы отождествляли ее с богиней плодородия, а в Апокалипсисе «звезда утренняя» символизирует собою мистическую награду верующему и даже самого Христа. В более поздней христианской традиции «звезде утренней» уподобляют Деву Марию, предвозвестившую явление Христа, подобно тому как Венера предвозвещает явление Солнца. Арлесгейм — небольшой городок близ Базеля (Швейцария).

Самосознание (с. 291) — журн. «Заветы». 1914. № 5 (май). С. 1—2 (без названия). Характеризуя время создания стих., Белый писал в М Б: «...особенно тоскливы были мне дни сидения в Базеле (имеется в виду февраль 1914 г., время некоторого разочарования в антропософии и в первую очередь в антропософах.— С. П., В.П.); Ася с утра уезжала в Дорнах, а я оставался дома; я тоскливо бродил по улицам, заходил в зоологический сад и обедал в убогом вегетарианском ресторанчике. В эти дни я написал стихотворение «Самосознание»; в нем отразилась грусть этих дней» (л. 87).

Карма (с. 292) — стих. в пяти частях, впервые опубликовано в сб. «Эпоха». Кн. I. М., 1918. С. 11—13 (без посвящения). Карма — в индийской философии — особая мистическая сила, непреложнейший «закон возмездия» за совокупность поступков, намерений, страданий, определяющий судьбу живого существа в последующих

перевоплощениях. Учение о перевоплощении и карме и многие мифологемы древнеиндийской философии, брахманизма и индуизма вошли составной частью в антропософию. Надежда Афанасьевна Григорова (1885—1964) — врач, жена экономиста Б.П.Григорова, одного из членов кружка «Молодой Мусагет», а впоследствии главы московского отделения Русского антропософского общества. На квартире Григоровых происходили собрания московских антропософов. Парка (древнегреч. миф.) — богиня судьбы. Орифламма — в средневековой Европе — воинское знамя. Поваровка — имение Григоровых под Москвой (Николаевская ж.д.)

Современникам (с. 294) — Эпоха, 1918. № 1. С. 7—8. Толчками рухнувших Мессин — см. комм. к стих. «Сергею Соловьеву». Провалом грешной Мартиники.— В 1902 г. произошло катастрофическое извержение вулкана на о-ве Мартиника в Вест-Индии.

Война (с. 295) — Скифы. Сб. 2. Спб., 1918. С. 35. «Все постыло. Война? Но вот мое отношение к ней»,— писал Белый М. К. Морозовой в 1916 г., посылая ей настоящее стих. (ЦГАЛИ, ф. 25, карт. 20, ед. хр. 17).

А. М. Поццо (с. 295) — газ. «Биржевые ведомости». 1916. 29 мая (без названия). Александр Михайлович Поццо (1882—1941) — юрист, редактор московского журн. «Северное сияние», участвовавший вместе со своей женой (сестрой жены Белого) в строительстве антропософского храма Гетеанума. В основу этого и следующего стихотворного послания Поццо положены переживания Белого, охваченного в связи с войной патриотическими чувствами и готовящегося — вместе с Поццо — покинуть Дорнах и отправиться на военную службу. В воспоминаниях М.Волошиной «Die grüne Schlange» сохранилось следующее описание, связанное с отъездом Белого в Россию в августе 1916 г.: «Перед его отъездом я нарисовала его и его жену так, как они часто шли вдвоем слушать лекцию, рука в руку — подобно двум фигурам с египетских гробниц. Через несколько дней после его отъезда Рудольф Штейнер увидел эту картину в моем ателье и сказал: «Как жаль, что он уехал, он как раз был на пути, чтобы достичь равновесия». Но, отвечала я, он так связан с Россией, не должен ли он в такое критическое время быть со своим народом? Он сможет там тоже работать в антропософском смысле. «В России нельзя будет работать,— ответил Штейнер.— В России можно будет только пережить хаос и чистилище» (Мосты. № 11. С. 364).

А. М. Поццо (с. 295) — газ. «Биржевые ведомости». 1916. 14 августа (под названием «Товарищу»). Вогезы — горы на северо-востоке Франции, где шли ожесточенные бои между французской и немецкой армиями. Митральеза — французская скорострельная пушка для стрельбы картечью.

Асе (с. 296) — Скифы. Сб. 1. Спб. 1917. С. 2 (без названия, как вторая часть цикла «Из дневника»).

Развалы (с. 296) — Скифы. Сб. 1. С. 3, без названия, как третья часть цикла «Из дневника».

Вячеславу Иванову (с. 297) — Скифы. Сб. 1. С. 7—8 (без названия, с подзаголовком «Шутка», как шестая часть цикла «Из дневника»). Стих. как бы подводит итог сложному развитию отношений Белого и Вячеслава Иванова, самого близкого (наряду с Блоком) Белому представителя русского символизма. Отношения эти сам Белый характеризует как сложные, запутанные, «в которых момент яркой ярости чередовался с моментом сердечнейшей нежности» (Начало века. С. 518). Самый напряженный момент в отношениях Белого с Вяч. Ивановым — 1907 г., когда Белый начинает полемику с «мистическим анархизмом» Г.И.Чулкова, считая В.И.Иванова подлинным его вдохновителем. Подспудно же нападки Белого на Вяч. Иванова и всех петербуржцев были обусловлены драматическим разрывом с Блоками. «Расход между мною и Блоком его влек к Иванову», с горечью замечает Белый (Воспоминания, с. 403). Несомненно также, что Белого — «вечного странника» — раздражал утонченно-благополучный уклад жизни Вяч. Иванова. «В. Иванов,— вспоминает Белый о своем приезде в Петербург в 1905 г.,— тогда только въехал (возвратился из-за границы.— С.П., В.П.).

ознакомился с петербуржцами...; очень вежливо обволакивал он собеседника удивительным пониманием всякого, необыкновенной начитанностью, которую умел мягко стлать собеседнику под ноги, часто казалось, что он заплетает идейную паутину, соединяя несоединимых людей и очаровывая их всех; я бывал у Иванова; он тогда поселился почти над Таврическим старым Дворцом...; и квартира его располагалась в выступе дома, высоко под крышею; этот выступ прозвали впоследствии «башнею»; обстановка квартиры (старинные итальянские кресла и книги, ковры) располагала к фантастике...; ощущалось, что скоро квартира Иванова явится умственным центром, оспаривая дом Мурузи (квартира Мережковских.— С. П., В. П.) и розановские воскресенья». (О «башне» Вяч. Иванова, укладе жизни в ней и ее посетителях см.: O. Deschartes. Биография Вячеслава Иванова.— Oxford Slavonic Papers. Oxford, 1954.) «П р о з р а ч н о с т и» — заглавие сб. стихотворений (М., 1904) Вяч. Иванова, вышедшего в один год с «Золотом в лазури». П е н т а г р а м м а — магический знак (в форме пятиугольника, на каждой стороне которого построен треугольник), изображавшийся на амулетах.

Асе (с. 298) — сб. «Скрижаль». Пг., 1918. Сб. 1. С. 58.

С и ц и л и я, П а л е р м о, М о н р е а л ь (городок по соседству с Палермо.— С. П., В. П.), Р а д е с — места совместного путешествия Белого с женой в 1910—1911 гг. Д е м ь я н о в о — имение В.И.Танеева в Клинском уезде Московской губ.

Шутка (с. 298) — сб. «Явь. Стихи». М., 1919. С.22—23 (под названием «Паяц»). З о д и а к — совокупность созвездий, расположенных вдоль эклиптики — большого круга небесной сферы, по которому солнце совершает свой видимый путь в течение года. П у т ь П о с в я щ е н и я — краеугольное понятие антропософской «духовной науки»; путь внутреннего самосовершенствования и самопознания.

Тела (с. 300) — альм. «Ветвь». М., 1917. С. 13, под названием «Зачем, за что?». Тела в антропософии — видимый (тело физическое) и невидимый — тело астральное (сфера страстей), тело ментальное (сфера сознания) — состав человека.

Асе (с. 300) — Скифы. Сб. 1. 1917. С. 5—6 (без названия, как пятая часть цикла «Из дневника»).

Россия (с. 301) — альм. «Ветвь». 1917. С. 14.

Декабрь 1916 года (с. 302) — Там же. С. 15 (без названия). Как указывает Мальмстадт (С т и х о т в о р е н и я, с. 274), два автографа этого стихотворения, хранящиеся соответственно в Р Г Б и в Ц Г А Л И, носят название «С праздником!». Имелось в виду, что в ночь с 17 на 18 декабря в Петрограде был убит Г. Е. Распутин (Новых, 1872—1916), с чем у многих, в том числе у Белого, связывались надежды на возрождение России. К у п и н а н е о п а л и м а я.— В библейской мифологии горящий, но не сгорающий терновый куст, в котором явился Бог к Моисею и призвал его вывести народ израильский из египетского плена в землю обетованную.

А. М. Поццо (с. 302) — Эпоха. М., 1918. Кн. 1. С. 9—10 (без названия, с посвящением А. М. Поццо).

Слово (с. 303) — газ. «Знамя труда». 1918. № 168, 31 (18) марта.

К России (с. 304) — газ. «Жизнь». 1918. № 4, 26 (13) апреля.

Антропософии (с. 304) — газ. «Жизнь». М., 1918. № 49. 23 (10) июня (под названием «Над ливнем лет»). О месте антропософии в собственной жизни и судьбе Белый развернуто высказался в письме П.Флоренскому от 17 февраля 1914 г., навеянном прочтением книги «Столп и утверждение истины»: «А н т р о п о с о ф с к и й путь, преобразуя ум, развивая в нем крылья, не т о п и т его в сердце, а заставляет свободно с л е т а т ь в сердце (...), чтобы на крыльях своих вознести сердце в мозг: в уме зажечь солнце: «Свет Христос просвещает всех...» И «все» прибавил бы я... Просвещает и науку: может быть, Христова наука не только как й о г а молитв, но и как астрономия, химия, физика; вот об этой возможной науке (просветленной з е м л и нашего знания) пытается говорить Geheimweissenschaft («тайное знание» (нем.) — С. П., В. П.), соглашаясь со многими положениями в о с т о ч н о й ш к о л ы о п ы т а (имеется в виду историческое православие.— С. П., В. П.), но отвергаемая и синодальным спящим сознанием, и мозгологией, и рационалисти-

ческими (безопытными) разглагольствованиями неоправославных, произведения которых я читать не могу, нетерпимость которых отчасти выгнала меня из Москвы (умственно выгнала), ибо не словами о «благодати», «ведении», «опыте» можешь жить, а ведением «ведения»; ведения «ведением» у них нет; я ушел от них навсегда; на мои искания и просьбы дать хлеба жизни, научить, как жить в мире, как провести день Борису Бугаеву, проживающему на Арбате и вынужденному ради хлеба насущного строчить фельетоны, бежать в Редакцию, сорить словами и пеплом,— на все эти слова я встречал ответы о благодати вообще, добре вообще, даже... о Христе вообще (?!): никто не услышал моего немого крика: умираю, не хочу жить мертвой жизнью... Умираем мы все, и не произносящие имя Христа, но алчущие света Христова, и произносящие всуе имя Христово между «водкой и селедкой», и даже чаще — спьяну: пьяного Христианства, словесного Христианства, как и мертвого Христианства, я испугался, бежал, ряд лет завешивался от мертвых или пьяных слов словами «о Канте»...

И вот: встретил людей, свет, ответ на то, как мне жить, и подлинное имя Христово — у немца, д-ра Штейнера. Натосковавшись 10 лет в пустыне эстетического и философского бесплодия, ну, конечно, я остался у ног учителя» («Контекст, 1991». С. 49—50). Тема «Белый и антропософия» наиболее тщательно рассмотрена в исследовании: F.G.Kozlik. D'influence de l'antroposophie sur l'oeuvre d'Andrej Bielyj. 3 volumes. F a/M. 1981; см. также: Turgeneff A. Erinnerungen an Rudolf Steiner. Stuttgart. 1972 и публикацию Д.Мальмстада «Андрей Белый и антропософия» (Минувшее. Paris: Atheneum, № 6, 8, 9).

Асе (с. 305) — журн. «Знамя труда. Временник литературы, искусств и политики». М., 1918. № 2. С.10 (под названием «Близкой»). Мрежа — рыболовная сеть.

Дух (с. 305) — альм. «Строфа». Кн. 2. 1917. С. 84 (под названием «Искра»). Иерархи — высшие церковные священнослужители. В православии — архиереи.

«Я» (с. 306) — газ. «Знамя труда». 1918. № 171. 4 (IV) 22 (III). С. 2. «...Ты Еси на небеси» — слова молитвы «Отче наш».

Воспоминание (с. 306) — газ. «Биржевые ведомости» (утр. вып.). 1916, 21 августа (3 сентября) (без названия).

Сестре Антропософии (с. 307) — Звезда. С. 44.

Тело стихий (с. 307) — Звезда. С. 45.

Встречный взгляд (с. 307) — газ. «Жизнь». М., 1918, 27 (14) июня. № 52 (без названия, как вторая часть цикла «Две танки»). Танки — жанр японской поэзии: нерифмованное пятистишие, состоящее из 31 слога.

Крылатая душа (с. 307) — газ. «Жизнь». М., 1918, № 27(без названия, как первая часть цикла «Две танки»).

Вода (с. 308) — Звезда. С. 48.

Жизнь (с. 308) — сб. «Автографы». М., 1921(без названия, в цикле «Танки»).

Лазури (с. 308) — альм. «Весенний салон поэтов». М., Зерна, 1918. С. 59 (под названием «Танка»). Надежда Александровна Залшупина — сотрудница изд-ва З.Н.Гржебина.

Асе (с. 308) — альм. «Гриф». 1913 (без названия).

Утро (с. 309) — газ. «Знамя труда». 1918, 21 января (8 февраля). № 124 (без названия).

Асе (с. 309) — Звезда. С. 54.

Асе (с. 310) — Звезда. С. 55. Один из автографов стих., хранящийся в ГЛМ, имеет подзаголовок: «На получение телеграммы от Нее...»

«Я» и «Ты» (с. 310) — Звезда. С. 56.

Зов (с. 311) — журн. «Северные записки». 1916, декабрь, с. 39 (без названия).

Родине (с. 311) — Скифы. Сб. 1. Пг., 1917. С. 4 (без названия, в цикле «Из дневника»). В уже цитировавшейся книге Иванова-Разумника «Вершины» сказано: «Война вновь остро поставила вечный вопрос о России и Европе. А когда из войны

родилась революция, и прежде всего революция русская,— снова прежний вопрос стал о Европе и России, неотвратио стал перед сознанием. Но до чего же переменился облик этого вопроса, до чего сместились его грани, до чего перевернулось его содержание» (с. 193—194). Современный исследователь творчества Белого Т.Николеску следующим образом раскрывает содержание этих перемен: «От трагического и отчаянного рыдания «исчезни в пространство, исчезни, // Россия, Россия моя!» поэт перебрасывает резкий, неожиданный интонационный мост: «Россия, Россия, Россия, // Мессия грядущего дня!..» В условиях нового революционного взрыва и новых испытаний Белый возвращается к сходным звучаниям 1905 г. «Луга зеленого». И возвращается по спирали, на новом витке, более возвышенном, более пафосном. Россия определяется теперь как «Священная Россия». И система метафор носит тот же отпечаток — романтический и монументальный» (Мастер. С. 112).

Инспирация (с. 312) — книга А.Белого «Кризис мысли». Пг.: Алконост, 1918. С. 93 (без названия). Инспирация — наряду с имагинацией и интуицией, согласно учению Р.Штейнера, являются этапами становления самосознания. Белый определяет их «как состояние восприятия существа содержания в отображении образом (имагинация), в лицезрении (инспирация) и в слиянии с существом (интуиция) (Штейнер и Гете. С. 109).

Антропософам (с. 313) — газ. «Знамя труда». 1918, 22 (9) марта (без названия). Маргарита Васильевна Сабашникова (Волошина) (1882—1973) — художница, племянница издателей М. и С. Сабашниковых. Первая жена М.А.Волошина. Автор книги о Серафиме Саровском (1913) и книги воспоминаний «Die grüne Schlange» (1954). Одна из первых русских учениц Штейнера, участница постройки Гетеанума, активный член Московского антропософского общества.

Младенцу (с. 313) — Наш путь. 1918. № 1. С. 14.

Родине (с. 314) — Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 36 (под заглавием «Россия»). Пусть в небе — и кольца Сатурна...— Здесь Сатурн, согласно теософскому и антропософскому учению, стадия развития мира, через которую прошла Земля, ее первоначальный период развития, когда она была «тепловым телом». «... Времена истекли из Начал. Протекал первый день: назывался Сатурном»,— пишет Белый в поэме о звуке «Глоссолалия» (с. 35). Таким образом, революционная Россия в представлении Белого отождествляется с временами первотворения.

Голубь (с. 314) — Наш путь. 1918. № 1 (без заглавия).

Чаша времен (с. 315) — Русская литература XX века под ред. С.А.Венгерова. Кн. VII. С. 63 (без названия).

Антропософии (с. 315) — Скрижаль. Пг., 1918. Сб. 1. С. 55—56. Межнами — Он, Неузнанный и Третий — имеется в виду евангельский эпизод явления воскресшего Христа двум путникам на дороге из Иерусалима в Эммаус (Лука, 24, 15—16).

Христиану Моргенштерну (с. 316) — Новая жизнь. М., 1922, № 2. С. 3—4. Мерцаешь мне... из кубового грота.— Кубовый ярко-синий густого оттенка. Можно допустить, что в данном случае речь идет о небесном своде (предположение высказано А.В.Лавровым в комм. к кн. Стихотворения (1923). С. 572).

После разлуки

Стихи, составившие эту поэтическую книгу, написаны в Берлине в мае — июне 1922 г. после окончательной разлуки с А.Тургеневой, отказавшейся продолжать совместную жизнь с Белым, который приехал в Германию из России. Мочульский имел основание сказать о них: «...не песни, а вопли, страшный надрывный вой насмерть раненного зверя» (с. 250). В названии бе́ловской книги содержится также отсылка к поэтическому сборнику М. Цветаевой «Разлука»

(Берлин. 1922), чтение которого пробудило в Белом поэтическое вдохновение. «Ведь я после Вашей «Разлуки» опять стихи пишу,— признавался Белый Цветаевой летом 1922 г. в Берлине.— Я думаю — я не поэт. Я могу — годами не писать стихов. Значит, не поэт. А тут, после Вашей «Разлуки» — хлынуло. Остановить не могу. Я пишу Вас — дальше. Это будет целая книга: «После Разлуки»,— после разлуки — с нею, и «Разлуки» — Вашей. Я мысленно посвящаю ее Вам и если не проставляю посвящения, то только потому, что она Ваша, из Вас, я не могу дарить Вам Вашего, это было бы — нескромно» (см. Цветаева Марина. Соч.: В 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 2. С. 271). О встрече двух поэтов см.: Гаспаров М.Л. Слово между мелодией и ритмом; Русская речь. 1989. № 4. С. 3—10. Литературной встрече предшествовала встреча в жизни, сыгравшая немалую роль в судьбе обоих. См. Саакянц Анна. Встреча поэтов — Белый (с.367—385). Познакомились Белый и Цветаева, как явствует из текста цветаевских воспоминаний «Пленный дух» (Современные записки. 1934. № 55), еще в юные годы Цветаевой, однако подлинная — и человеческая, и творческая — близость установилась в Берлине в 1922 г. «Моя милая, милая, милая, милая Марина Ивановна,— сказано в бе́ловском письме Цветаевой от 24 июня 1922г.,— в эти последние особенно тяжелые дни Вы о п я т ь прозвучали мне: ласковой, ласковой, удивительной нотой: доверия... Бывают ведь чудеса. И чудо, что ныне веют на других благодатно-радостно... Опять повеяло вдруг, неожиданно от Вас: щебетом ласточек, и милой, милой, милой вестью, что какая-то родина — есть и что ничего не погибло» (там же, с. 480). Действительно, Цветаева проявила огромное участие и сострадание к мятущемуся, душевно смятенному неустроенному «берлинскому» Белому. Впрочем, все перипетии их отношений воспроизведены в уже названном литературном портрете «Пленный дух», поводом к написанию которого послужило известие о смерти Андрея Белого.

Вечер (с. 324) — П о с л е Р а з л у к и. С. 31—40.

Поется под гитару (с. 324) — П о с л е Р а з л у к и. С. 45—47.

Опять гитара (с. 325) — П о с л е Р а з л у к и. С. 48—50.

Нет (с. 326) — П о с л е Р а з л у к и. С. 51—53. Стих. представляет собою вариацию на тему стих. «На закате», впервые напечатанного в ЗЛ.

Пророк (с. 327) — П о с л е Р а з л у к и. С. 54—56.

Бессонница (с. 328) — журн. «Записки мечтателей». 1922. № 5. С. 47.

Больница (с. 329) — журн. «Эпопея». 1922. № 1. С. 25 (под названием «Асе»). В декабре 1920 г. с Белым произошел несчастный случай, он до марта 1921 г. лежал в московских больницах. Подробности больничной «одиссеи» Белого см. в его письме А.Тургеневой от 11 ноября 1921 г. (Воздушные пути. Альманах У. Нью-Йорк, 1967. С. 306).

Ты — тень теней (с. 330) — журн. «Эпопея», 1922. № 1. С. 26 (под названием «Асе»).

Маленький балаган на маленькой планете «Земля» (с. 331) — стих. в двадцати частях впервые опубликовано — П о с л е Р а з л у к и. С. 65—94. Ц о с с е н — пригород Берлина, поселок-новостройка, где в мае — июне 1922 г. Белый снимал комнату. «Пустынно,— описывает это место М.Цветаева.— Неуют новорожденного поселка. Новосотворенного, а не рожденного. Весь неуют муниципальной преднамеренности. Была равнина, решили — стройтесь. И построились, как солдаты. Дома одинаковые, заселенно-нежилые. Постройки, а не дома. Сюда можно приезжать и отсюда можно — и нужно — уезжать, жить здесь нельзя» (Цветаева Марина. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 267).

В горах (с. 339) — стих. в четырех частях (с. 339). Впервые — в журн. «Эпопея». 1922. № 2. С. 12—15. С к а л ь д — поэт в Исландии, Норвегии 9—13 вв.

«Я» (с. 341) — стих. в четырнадцати частях. Впервые — П о с л е Р а з л у к и. С. 102—122. Н а з а р е т — город в Галилее (Палестина). Согласно евангельскому преданию, место рождения и проживания Христа до 30-летнего возраста.

М. И. Цветаевой (с. 347) — журн. «Эпоха». 1922. № 2. С. 11 (под названием «Марине Цветаевой»).

СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНЫЕ СБОРНИКИ

Гимн Солнцу (с. 350) — по автографу в Р Г Б — опубликовано: С т и х о т в о р е н и я. Т. 2. С. 57—58. Д а н и л о в к а — имение Усовых (Петровский уезд Саратовской губ.), в котором Белый с матерью проводил лето 1897 г.

Подражание Гейне (с. 350) — по автографу в Р Г Б — напечатано: С т и х о т в о р е н и я. Т. 2. С. 60—61. Генрих Г е й н е (1797—1856) — немецкий поэт-романтик, прозаик, публицист. Вспоминая свои детские годы и любимую гувернантку Р. И. Рапопорт, Белый делает запись, характеризующую конец 1884 г.: «Раиса Ивановна мне читает Уланда, Гете, Гейне и Эйхендорфа. Немецкие романтики окрашивают мир в новый цвет» (М Б, л.1 об.).

Подражание Бодлеру (с. 351) — по автографу Р Г Б — в кн.: С т и х о т в о р е н и я. Т. 2. С. 63. Шарль Б о д л е р (1821—1867) — французский поэт, как предшественник символизма, высоко чтимый русскими симьолистами и сыгравший серьезную роль в их творческом становлении. В автобиографической трилогии Белый неоднократно ссылается на Бодлера, в особенности на его сонет «Соответствия» и его статью «Всемирная выставка 1855 года», в которых обоснована мысль о закономерной связи между чувственными явлениями и скрытыми сущностями. Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что ближайший друг Белого Эллис сделал перевод и выпустил двумя изданиями бодлеровские «Цветы зла», а В. Брюсов написал предисловие ко 2-му из них (М., 1908).

В лодке (с. 352) —по автографу в Р Г Б — опубликовано в кн.: С т и х о т в о р е н и я и п о э м ы. С. 463.

Идеал (с. 352) — С т и х о т в о р е н и я и п о э м ы. С. 583—584 (где оно ошибочно названо автографом стих. «Кентавр»).

На границе между Перимской и Феотирской церковью (с. 353). Стих. в четырех частях. Впервые — по автографу в Р Г Б — опубликовано в кн.: С т и х о т в о р е н и я. Т. 2. С. 69—70. В Откровении св. Иоанна Богослова повествуется о вручении Иисусом Христом Иоанну послания «семи церквам в Асии» о том, что «надлежит быть вскоре». В числе этих церквей названы Пергамская (у Белого — Перимская) и Фиатирская (у Белого — Феотирская) церкви, на границе между обращениями к той и другой идут слова, аллюзия на которые заключена, на наш взгляд, в стих. Белого: «Имеющий ухо (слышать), да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр., 2, 17).

«Знание» (с. 354) — по автографу письма Э.К.Метнеру от 26 марта 1903 г., хранящемуся в Р Г Б,— в кн.: С т и х о т в о р е н и я и п о э м ы. С. 365. Белый писал, посылая это стих.: «Я уходил за смерть (имелись в виду смерть М. С. Соловьева и самоубийство О. М. Соловьевой.— С. П., В. П.) — и вернулся. Я возратился. И это de facto не путем теософских размышлений. Теперь мне звучит совершенно в ином свете ницшевское: «Я н а ш е л с а м о г о с е б я — теперь, когда я в т о р и ч н о живу, п о в т о р я ю с ь не умирая — мне смешно» (РГБ, ф. 167, карт.I, ед. хр. 5).

Попрошайка (с. 355) — альм. «Гриф». М., 1905. С. 12 (в цикле «Тоска о воле»). По поводу этого стихотворения Белый пишет Блоку 15 апреля 1904 г.: «Признаюсь Тебе, что я написал стихотворение, в котором встречаются Твои рифмы: т о в а р и щ у и п о ж а р и щ у» (П е р е п и с к а, с. 89).

Старинному врагу (с. 356) — журн. «Вопросы жизни», 1905. № 3. С. 100. В. Б.— Валерий Брюсов. Наст. стих. знаменует кульминацию враждебных отношений Белого и Брюсова, их поединка, обусловленного общим увлечением Н.Петровской. «Старинному врагу» — ответ на стих. Брюсова «Бальдеру Локи» (1904), в котором их отношения представлены в мифологизированном виде с использованием образов скандинавского эпоса, почерпнутых из «Младшей Эдды» (XIII в.) Снорри Стурлусона: Белый соотнесен со светлым богом Бальдером, сыном Одина, себя же Брюсов сравнивает с демоническим многоликим Локи, сеющим вражду между

богами. Стих. было передано Белому на листе бумаги, сложенном в виде стрелы. Свой ответ Белый писал в состоянии крайнего эмоционального напряжения: «Пока писал, чувствовал: через меня протекает нездешняя сила; и знал: на клочке посылаю заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии — раз навсегда, грохотала во мне сила света» (Литературное наследство. Т. 85. С. 337).

Гроза в горах (с. 356) — журн. «Вопросы жизни». 1905. № 3. С. 98.

Злая страсть (с. 357) — сб. «Свободная совесть». 1906. Кн. 2. С. 150—151.

Месть (с. 358) — Пепел. С. 73—74.

Любовники (с. 359) — журн. «Золотое руно». 1906. № 11—12. С. 44 (как первая часть цикла «Обыденность»). Александр Антонович Курсинский (1873—1919) — поэт, знакомый Белого по Литературно-художественному кружку (см. о нем Начало века, с. 231—239). Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) — революционер, публицист, теоретик анархизма, один из идеологов народовольческого движения.

Вместо письма (с. 360) — Впервые — Стихотворения. Т. 2. С. 76—78. Стих. не окончено. Здесь все в лучах, здесь дышат розы...— Стих. писалось в Мюнхене, где в октябре — ноябре 1906 г. находился Белый. Пинакотека — имеется в виду Старая Пинакотека, всемирно известная Мюнхенская картинная галерея. «Каждый день я сюда,— свидетельствовал Белый в Между двух революций,— достоять перед тем или иным старым немцем; неделями я изучаю полотна их, краски впивая, читая труды, посвященные им... Старая Пинакотека становится лабораторией мысли» (с. 100). Макс Кингер (1857—1920) — немецкий живописец, график и скульптор. Kalbsbraten (нем.) — жаркое из телятины. Breierei (нем.) — пивная в Мюнхене. Василий Васильевич Владимиров (1880—1931) — художник, близкий друг Белого, знакомивший его с художественным Мюнхеном. Türkenstrasse (нем.) — Турецкая улица. Kathy Cobus — хозяйка кафе Simplicissimus (нем.), места встречи художественной богемы Мюнхена. Хронос (прав.: Кронос) — в греч. мифологии титан, сын Урана и Геи; оскопив отца, стал верховным богом; заглатывал своих детей, так как, согласно предсказанию, один из сыновей должен был лишить его власти. Низвергнут сыном Зевсом в Тартар. В народной этимологии имя Кроноса было сближено с наименованием времени — Хроносом. Ему соответствует римский Сатурн. Шолом Аш (1880—1975) — еврейский писатель, с которым Белый дружески общался в Мюнхене. Позднее был написан очерк «Шолом Аш. Силуэт» (газ. «Час», 1907, № 28, 16 сентября). Fraulein Ann — официантка в кафе «Симплициссимус».

Опять он здесь, в рядах борцов... (с. 362) — сб. «Факелы», 1906. Кн. 1. С. 33. Автограф ЦГАЛИ под заглавием «Революционер».

А. А. Блоку (с. 363) — Переписка. С. 181—182.

В голубые, священные дни (с. 364) — Впервые опубликовано в драме З.Гиппиус, Д.Мережковского и Д. Философова «Маков цвет» (Спб.: изд. Пирожкова, 1908, с. 3). В Ракурсе сделана запись под датой «январь 1907»: «Пишу Гиппиус стихи для драмы «Красные маки».

Теневой демон (с. 364) — альм. «Шиповник» (Спб., 1908. Кн. 6. С. 156—157).

Пусть в верху холодно-резком... (с. 365) — альм. «Кристалл» (Харьков, 1908. С. 47—48).

Светлая смерть (с. 366) — журн. «Весы», 1909. № 10—11. С. 131—132.

В альбом В. К. Ивановой (с. 366) — Стихотворения и поэмы. С. 466—467. Вера Константиновна Иванова (урожд. Шварсалон, 1890—1920) — падчерица Вяч. Иванова, ставшая после смерти матери его женой.

Людские предрассудки (с. 367) — Стихотворения и поэмы. С. 472. Зрю пафосские розы...— см. стих. Пушкина «На розу Пафосскую...».

Посвящение (с. 367) — Стихотворения и поэмы. С. 472.

Пришла... И в нечаемый час... (с. 368) — «Скрижаль». Сб. I. Пг., 1918. С. 57 (как вторая часть цикла «К антропософии»).

Цветок струит росу... (с. 368) — Стихотворения и поэмы. С. 473.

Своему двойнику (Леониду Ледяному) (с. 368) — Стихотворения и поэмы. С. 285. Леонид Ледяной — герой автобиографической повести «Записки чудака», которая, по словам автора, есть «сатира на самого себя, на пережитое лично» (Записки чудака. М.; Берлин: «Геликон», 1922. Т. 2. С. 236). Harlequin Jaloux — Арлекин Жалю (франц.) — нарицательный образ ревнивца, завистника. Корней Иванович Чуковский (1882—1969) — писатель, поэт, литературовед, переводчик. Юлий Исаевич Айхенвальд (1872—1928) — критик. Владимир Максимович Фриче (1870—1929) — историк литературы и искусствовед. Полишинель — персонаж французского народного театра.

Первое мая (с. 369) — газ. «Жизнь». М., 1918. № 8. 1 мая. Александра Третьего раздутая, литая // Голова! — Имеется в виду монументальный памятник Александру III, созданный по проекту архитектора А. А. Померанцева и скульптора А. М. Опекушина. Открыт весной 1912 г., снесен в 1918 г. вместе с Храмом Христа Спасителя, у стен которого был расположен.

Июльский день: сверкает строго... (с. 370) — антология «Поэты наших дней». М., 1924. С. 11.

Асе (с. 370) — Стихотворения. Т. 2. С. 92.

Пробуждение (с. 371) — Белый Андрей. Стихотворения (Берлин; Пг.; М., 1923. С. 477—478). Нелли — под этим именем жена писателя А.А.Тургенева фигурирует также в кн. «Записки чудака» и «Путевые заметки». Ковно — в тогдашней столице Литвы Белый провел с 23 октября по 15 ноября 1923 г., ожидая от литовских властей получения визы на выезд в Германию.

Жди меня (с. 372) — «День поэзии» (М., 1965. С. 219).

Марш (с. 372) — Стихотворения и поэмы. С. 475.

Сестре (с. 373) — Стихотворения (1940). С. 227. Клавдия Николаевна Бугаева, урожденная Алексеева, по первому мужу А.Васильева (1886—1970) — вторая жена Белого (их брак был официально зарегистрирован в Москве в 1931 г.). Активная деятельница русских антропософских кружков и обществ. В письме Иванову-Разумнику (от 23 октября 1927 г.) Белый писал: «Она — первая меня поняла в моей антропософии... Она одна из всех москвичей с невероятной чуткостью поняла, в какой мрак я ушел (я в те дни уже решил ехать за границу); и она нашла слова... И я — вернулся в Москву с решением: мне быть в России» (Бугаева, с. 11). 30 мая 1931 г. К. Н. Бугаева, а вместе с нею и многие другие члены антропософского общества (в том числе ближайший друг Белого А. С. Петровский, его сестра, первый муж Клавдии Николаевны — врач П. Н. Васильев) были арестованы и препровождены на Лубянку. Этот арест пришелся на вторую волну преследований антропософов (первая была связана с убийством Войкова в 1927 г.). Эти волны обысков, преследований и арестов рассеяли большинство антропософов «по ссыльным местам Советского Союза, немногие вернулись оттуда» (предисл. Д. Мальмстада к публикации: Жемчужникова М. Н. Воспоминания о московском антропософском обществе — «Минувшее». 1988. № 6. С. 8). Среди этих немногих оказались также перечисленные выше лица, выпущенные из-под ареста 3 июля того же 1931 г. в известном смысле благодаря письменным обращениям Белого к Сталину, в Совнарком и на имя ведущего следствие прокурора с просьбой об освобождении арестованных (все эти материалы опубликованы в «Новом журнале». 1976. № 124). После освобождения П. Н. Васильев дал наконец согласие на расторжение своего давно фактически не существующего брака. В 1924—1934 гг. К.Н. Бугаева выполняла для Белого всю работу литературного секретаря, была посвящена во все его творческие замыслы, могла наблюдать процесс их реализации. Ее ум и большая культура помогли ей глубоко осмыслить логику творчества Белого, стиль его бытового и литературного поведения, что вполне отразилось в книге воспоминаний о муже, написанных вскоре после его смерти (одновременно К. Н. Бугаева вместе с А. С. Петровским и Дм. Пинесом проделала, как уже отмечалось, титаническую работу по систематизации архива Белого, созданию библиографии трудов писателя и критических статей и книг, посвященных ему). Последние семнадцать лет жизни вдова Белого, живущая на небольшую пенсию,

пролежала парализованной, почти в полном одиночестве, опекаемая старой подругой-антропософкой, школьной учительницей Е. В. Невьяновой. Вместе с тем она продолжала активно интересоваться судьбой литературного наследства Белого, поддерживать контакты с исследователями его творчества, в том числе с профессором Гарвардского университета (США) Дж. Э. Мальмстадом, опубликовавшим переданный ему Клавдией Николаевной текст ее мемуаров. Геба (древнегреч. миф.) — богиня молодости. Кучино — в этом подмосковном поселке (Николаевская ж.д.) Белый с женой прожили с небольшими перерывами с 1925 г. по декабрь 1931 г., снимая комнаты из-за отсутствия собственного московского жилья.

Мигнет медовой желтизною скатов... (с. 374) — Стихотворения (1940). С. 228—229.

Снег — в вычернь севшая, слезеющая мякоть (с. 373) — Новые стихи. Сб. 2. М., 1927. Туск — краткая форма существительного «тусклость».

Я — отстрадал; и — жив... Еще заморыш навий... (с. 375) — Новые стихи. Сб. 2. М., 1927. С. 8. Навий (устар.) — умерший. Ср. название романа Ф. Сологуба «Навьи чары».

Демон (с. 375) — Стихотворения и поэмы. С. 478.

Рождество (с. 376) — Стихотворения и поэмы. С. 479.

Старый бард (с. 377) — Стихотворения. Т. 2. С. 176.

Тимпан (с. 378) — Стихотворения (1940). С. 232—233. Пан — в древнегреч. мифологии бог стад, лесов и полей. Сафо — древнегреч. поэтесса, жившая в конце 7—6 вв. до. н.э.

Пещерный житель (с. 378) — Стихотворения. Т. 2. С. 324—325.

Пародия (с. 380) — Стихотворения и поэмы. С. 481—482. Николай Степанович Гумилев (1886—1921) — поэт, критик, переводчик, теоретик акмеизма. Пирсо Памбра, дон Баран, Гуссейн, Хавеи-Хумзи — имена, вымышленные Белым по образцу имен героев Гумилева. Альгамбра — позднемавританский дворцовый комплекс (середина XIII — конец XIV в.) на восточной окраине Гранады.

Трус городов (с. 381) — Стихотворения. Т. 2. С. 331—332.

Подъем (с. 381) — Стихотворения и поэмы. С. 482.

День (с. 382) — Стихотворения и поэмы. С. 483.

Лес (с. 383) — Стихотворения и поэмы. С. 483—484. И днем, и ночью кот ученый — эпиграф из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» (1817—1820).

Король (с. 384) — Стихотворения. Т. 2. С. 237—238.

Андрон (с. 384) — Стихотворения и поэмы. С. 485.

Берлин (с. 385) — Стихотворения и поэмы. С. 485—487. В те же годы Белый задумывает роман «Германия» и заключает даже в декабре 1931 г. договор на его издание.

Кольцо (с. 386) — Стихотворения и поэмы. С. 487—488.

ПЕРЕРАБОТАННЫЕ СТИХИ

Белый много раз возвращался к переработке собственных стихов, порою меняя их до неузнаваемости. К.Н.Бугаева в своих воспоминаниях о муже приобщает нас к этому неустанному творческому труду, на убедительных примерах показывает, как Белый создавал все новые и новые варианты старых стихов, так что от них не оставалось и следов прежнего, как он переставлял стихи в циклах, тасовал целые поэтические книги, как он разбивал одно прежнее стихотворение на несколько новых или, наоборот, объединял несколько прежних в одно новое, не говоря уже о постоянных изменениях «расстава» слов и строк, размеров, словесной инструментовки темы. Эта страсть к переделкам принимала столь угрожающие размеры, что, по воспоминаниям В. Пяста, друзья поэта даже «собирались учредить

Общество Защиты Творений Андрея Белого от жестокого его с ними обращения» (Пяст. Вл. Встречи. 1929. С. 155). В своих бесконечных перекраиваниях стихов Белый исходил из того, что хронология стихов, время их написания не играют первостепенной роли и ими можно пренебрегать во имя наиболее полного и адекватного выражения сквозных лейтмотивов, проходящих через всю жизнь поэта. «Андрей Белый» 1903 года жалко уронил свои лирические задания; старик пытается новой редакцией хоть отчасти исправить «грехи молодости»...— читаем мы в Предисловии к предполагавшемуся тому стихов «Зовы времени» (см. Приложения к настоящему тому). И хотя, действительно, Белому удавалось преодолеть формальное несовершенство некоторых ранних стихов (особенно основательно были переделаны стихи «золотолазурного» периода), но достигалось это сплошь и рядом за счет утраты свежести и непосредственности впечатлений, вытеснения живой мелодии пресловутым «мелодизмом», за счет отказа от действительной духовной биографии поэта во имя непрестанно творимого им мифа о собственной жизни, за счет отказа от поэтического чувства ради словесного эксперимента. Трудно не согласиться с Т. Ю. Хмельницкой — автором предисловия к кн. Стихотворения и поэмы: «...ранние стихи жили жизнью своего времени, а новые, построенные на отходах старых вещей, оголенно решают формальную задачу» (с. 52). Поэтому нам — вслед за другими издателями поэзии Белого — приходится пренебречь последней волей поэта, выраженной — с присущим Белому категоризмом — в уже цитировавшемся Предисловии к «Зову времен»: «Со всею силой убеждения прошу не перепечатывать дрянь первой редакции, это — посмертная воля автора; он ее подкрепляет тем, что дает собственную редакцию; отбросам и утильсырью место — помойка, а не печатный лист». Буквальное следование воле Белого лишило бы поколения читателей одного из самых значительных и оригинальных русских поэтов XX в., взятого в его действительной сложности и творческом развитии. Вместе с тем мы сочли целесообразным выделить переработанные стихи в особый раздел, чтобы дать представление еще об одной — и очень важной — стороне творчества Белого-поэта.

Лира (с. 390) — Стихотворения и поэмы. С. 492 по З В (раздел «Летние блески»).

Шорохи (с. 390) — Там же. С. 493 по З В (раздел «Черч теней»).

Восток побледневший (с. 392) — Там же. С. 494—495. Восходит к стих. «Знаю» (ЗЛ).

Россия (с. 392) — Пепел (1929). С. 13—14. Переработано из стих. «Родина» (Пепел).

Любовь (с. 393) — Стихотворения и поэмы. С. 495—496. Переработано из стих. «Любовь» («Был тихий час, у ног шумел прибой») (ЗЛ).

О полярном покое (с. 394) — стих. в пяти частях. После разлуки. С. 31—40. Восходит к стих. «Жизнь» (Сияя перстами, заря расцветала...) (ЗЛ).

Мути (с. 396) — Стихотворения и поэмы. С. 499—500 по ЗЛ (раздел «Трепетень»).

Страх (с. 397) — Стихотворения и поэмы. С. 500 (ЗЛ) (раздел «Черч теней»).

Волны зари (с. 397) — Пепел (1929). С. 111. Переработано из 2-го и 3-го стиха цикла «Три стихотворения» (ЗЛ). Нард — индийское пахучее растение.

Дорога (И тот же шатается // Колос) (с. 398) — Стихотворения и поэмы. С. 502—503. Переработано из 3-го стиха цикла «Закаты» (ЗЛ).

Овес (с. 399) — День поэзии. М., 1965. С. 220. Переработано из 1-го стиха цикла «Закаты» (ЗЛ).

Н. В. Бугаеву (с. 400) — стих. в двух частях. Стихотворения (1923). С. 37—38. Переработано из 1-го и 3-го стихов цикла «Разлука» (ЗЛ). Монада — понятие, обозначающее в различных философских учениях основополагающие элементы бытия. У немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646—1716) монада становится ключевым понятием всего учения и означает психически

активную инстанцию, воспринимающую и отражающую другие монады и весь мир. Отец Белого — математик Н. В. Бугаев, автор книги «Основы эволюционной монадологии», в которой, ориентируясь на Лейбница, он обосновывает философско-математическую теорию эволюционной монадологии, согласно которой весь мировой процесс есть постепенное целесообразное перераспределение монад. Эон — термин древнегреч. философии, означающий вечность, время, как некую целостную самозамкнутую структуру. В учении гностиков, оказавших воздействие на теософию, утверждается идея иерархического множества эонов как посредников между непостижимым и изначальным верховным богом и материальным миром (см. комм. к поэме «Первое свидание», часть 3).

Прошумит ветерок (с. 401) — Стихотворения (1923). Переработанная редакция 2-го стих. из цикла «Разлука» (З В).

Церковь (с. 401) — Стихотворения и поэмы. С. 507. Переработано из стих. «Во храме» (ЗЛ). Рака — гробница с мощами святого угодника. Киот — застекленный ящик или шкафчик для икон.

Кладбище (с. 402) — После разлуки. С. 41—44. Переработано из стих. «Призыв» (ЗЛ).

Усадьба (с. 403) — Пепел (1929). Парки — богини судьбы в римской мифологии.

Поэт (с. 403) — Стихотворения и поэмы. С. 509—510. Восходит ко 2-му стиху цикла «Бальмонту» (ЗЛ).

Аргонавты (с. 404) — Стихотворения и поэмы. С. 510—512. Восходит к стих. «Золотое руно» (ЗЛ). Лал — рубин.

Тело (с. 406) — Стихотворения и поэмы. С. 512—513. Переработано из стих. «Солнце» (ЗЛ).

Брюсов (с. 407) — сюита в семи частях полностью опубликована в кн.: Стихотворения. Т. 2. С. 273—280. Часть 1-я восходит к стих. «Маг» (ЗЛ), часть 2-я относится к стих. «Созидатель» (Урна), часть 3-я переработана из стих. «Маг» (Урна), часть 4-я печатается по З В (раздел «Черч теней»), часть 5-я — там же, часть 6-я относится к стих. «Встреча» (Урна), часть 7-я переработана из стих. «Поэт» (Урна). Жегло — каленое железо. Страз — подделка под драгоценный камень, изготовляемая из хрусталя с примесью свинца.

Землетрясение (с. 414) — Стихотворения и поэмы. С. 519—520, печатается по З В (раздел «Черч теней»).

Леопардовая лапа (с. 416) — Стихотворения и поэмы. С. 520. Восходит к 1-му стих. цикла «Вечный зов» (ЗЛ). Потир — литургический сосуд для освящения вина и принятия причастия.

Сумасшедший (с. 416) — Стихотворения и поэмы. С. 521. Переработано из стих. «Жертва вечерняя» (ЗЛ).

Могилы их (с. 417) — Стихотворения и поэмы. С. 524—525. Восходит к стих. «Могилу их украсили венками» (ЗЛ).

Владимиру Соловьеву (с. 417) — Стихотворения и поэмы. С. 525—526. Переработано из стих. «Владимир Соловьев» (ЗЛ). Синай — гора на Синайском полуострове, с которой связано библейское предание о вручении пророку Моисею скрижалей с десятью заповедями Господними.

Лето (с. 418) — стих. в четырех частях. Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 44—45.

Петел (с. 419) — стих. в трех частях. Стихотворения и поэмы. С. 528—529. Восходит к стих. «Безумец» (ЗЛ) и «Утро» (Рой отблесков. Утро: опять я свободен и волен) (Пепел). Психа (психе, психея) — в древнегреч. миф. олицетворение души, дыхания. Изображалась в образе бабочки или девушки.

В окне тюрьмы (с. 421) — Пепел (1929). С. 58. Восходит к стих. «Успокоение» (Вижу скорбные дали зимы...) (Пепел).

Разуверенье (с. 421) — Стихотворения (1923). С. 275—276. Переработано из стих. «Разуверенье» (Урна).

Солнечный дождь (с. 422) — День поэзии. М., 1965. С. 18. Переработано из стих. «Короткий отдых» (Пепел).

Помойная яма (с. 424) — Пепел (1929). С. 64—65. Бросила красная Пресня // В ветер свои головни. Пресня стала символом Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. Именно в этом рабочем районе Москвы проходили самые ожесточенные бои между восставшими и правительственными войсками.

Японец возьми (с. 424) — Пепел (1929). С. 70. Желтая рожа японца // Выступит скоро из тьмы. Аллюзия на соловьевскую теорию панмонголизма, согласно которой христианской Европе грозит азиатское нашествие. Русско-японская война 1904—1905 гг. как раз и была воспринята в символистских кругах как знак близящегося воплощения этого пророчества. Ивао Ояма (1842—1916) — японский маршал, главнокомандующий сухопутной армией во время русско-японской войны.

Вставай (с. 425) — Пепел (1929). С. 64.

Город (с. 425) — Пепел (1929). С. 64.

Пустой простор (с. 425) — Пепел. С. 65.

Декабрь (с. 427) — Пепел. С. 66.

Алмазный напиток (с. 427) — Стихотворения и поэмы. С. 537—538. Переработано из стих. «Алмазный напиток» (Урна).

Старое вино (с. 428) — Стихотворения и поэмы. С. 538—540. Переработано из стих. «Вы — зори, зори! Ясно огневые...» (КР).

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Поэма

Поэма написана в апреле 1918 г. и опубликована в газ. «Знамя труда» 12 мая 1918 г. (№ 199) и одновременно в журн. «Наш путь» № 1 за тот же год. Прямо перекликается с поэмой «Двенадцать» Блока, написанной в январе того же 1918 г. и напечатанной в той же газете «Знамя труда» и одновременно в том же № 1 журн. «Наш путь». По поводу этого «совпадения» Мочульский замечает: «Поэма «Христос Воскрес», созданная в одну неделю апреля 1918 г.,— ответ Белого на поэму Блока «Двенадцать», появившуюся в январе того же года. У Блока — черная ночь революции, зимняя вьюга на темных улицах Петербурга, в которой проносятся зловеще-уродливые призраки гибнущего мира — буржуй, барышня в каракуле, писатель, старуха, проститутки, «революционным шагом» идут двенадцать красногвардейцев-разбойников. И перед ними — в «белом венчике... Христос».

Белый подхватывает мысль Блока, обводит углем его тонкий рисунок, подчеркивает контрасты, усиливает эмоциональное напряжение. Россия переживает распятие на кресте — после него наступит воскресение» (с. 212). Несколько выпрямляя и революционизируя — по обыкновению — свой творческий путь, Белый писал позднее в предисловии к ненапечатанному тому «Зовы времен»: «Христос воскрес» коренился в Белом еще в 1903 г.».

Сын, // Возлюбленный — // Ты! — Свидетельство Бога-Отца об Иисусе: «И глас был с небес: «Ты Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Марк, 1, 11). Толпы народа // На Иордане // Увидели явственно: два // Крыла.— В реке Иордане (Палестина) был крещен Иисус. Вот свидетельство об этом событии: «И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем» (Иоанн, 1, 32). Или... Савахфани!» (древнеевр.) — возглас распятого Христа. «А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: «Или, Или! лама савахфани?», то есть: Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Матф., 27, 46). Третий Интернационал — международное объединение коммунистических и рабочих партий, учрежденное в Москве в 1919 г. и распущенное во время войны в 1943 г. Слова // О значении // Константинополя.— По предположению А. В. Лаврова — комментатора книги Стихотворения (1923),— в этих словах заключен намек

на выступления председателя ЦК кадетской партии П. Н. Милюкова (окрещенного прессой «Милюковым-Дарданельским»), в которых обосновывались завоевательные планы России в первой мировой войне, в том числе — захвата Константинополя и проливов, соединяющих Черное и Средиземное моря (с. 567). Облеченная солнцем Жена.— Апокалипсический образ (Откр. 12, 1—2), необычайно значимый для символистов-соловьевцев. В «Краткой повести об Антихристе» (1900) Вл. Соловьева этот образ символизирует победу над антихристом и соединение христианских церквей.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Поэма

Поэма написана в мае 1921 г., вызвана к жизни прикосновением к «образам и ритмам прошлого», как сказано в предисловии к «Зовам времен». Впервые опубликована в журн. «Знамя. Временник литературы и политики» (Берлин, 1921. № 2. С. 1—12), в редакции, существенно отличающейся от окончательного текста. Отдельное, переработанное издание — «Первое свидание». Поэма (Спб.: изд. «Алконост», 1921). Своеобразный поэтический отзыв на поэму Вл. Соловьева «Три свидания», попытка вслед за учителем «в шутливой поэме описать самое значительное, что случилось с ним в жизни». По справедливой оценке Мочульского, «самое очаровательное из всех поэтических произведений Белого... в «Первом свидании» изысканность редко переходит в манерность, стилистические тонкости почти всегда удачны, а легкая «божественная» игра с образами, словами и ритмами поражает своей виртуозностью» (с. 228).

Предисловие. В предисловии заявлена основная тема — «сотворение мира в полноте звучащего слова» (Стихотворения и поэмы. С. 60). В этом контексте друг к другу приравниваются жизнетворчество и словотворчество, становление самосознающего «я» (в данном случае — «я» лирического героя поэмы в оправе фактов его биографии) и рождение языка в его звуковой и понятийной оформленности, самое «я» и языковые формы («Я — стилистический прием.// Языковые идиомы...»), жест и звук и т. д. «Воплощение соединений всех букв — человек — существует как целостность многоразличия звуков; мы созданы словом; и словом своим создаем, нарицая все вещи; наименование — творение; именование — алхимический опыт соединения звуков»,— писал Белый в «поэме о звуках» «Глоссолалии», созданной четырьмя годами раньше «Первого свидания» в том же Царском Селе (с. 101). Оценивая роль символистов (и не в последнюю очередь Белого, конечно) в истории русской культуры, П. Флоренский писал дочери 23—25 июня 1935 г. из заключения, что они имеют значение «очень большое, гораздо большее, чем обычно думают» и что значение это было трояким: «в области общественной, языковой и собственно поэтической». Флоренский конкретизирует свою мысль: «В области языковой: вопреки давно выясненному двойственному строению языка, одновременно живой деятельности говорящего и готовой вещи, даваемой ему обществом и историей, язык стал у нас только вещью, системою условных знаков в раз навсегда отлитых, мертвых и лишенных собственной жизни, собственного движения, собственной силы, собственной ценности формах. Вследствие этого речь стала формальной, штампованной: безжизненной, нетворческой, скучной. Символисты преувеличенным жестом указали на творческую стихию речи, на воссоздание слова в каждом единичном акте говорения, на законность словотворчества, поскольку оно формируется согласно общему стилю и природе данного языка. Не вдаваясь в теоретическое обоснование, символисты провели начало творчества в языке явочным порядком, хотя и не без скандала. Для многих с тех пор открылась жизнь слова, его красота, его ценность. Слово перестало быть только внешним знаком сообщения, сигналом, а приобрело характер художественного произведения («каждое слово есть художественное произведение» — А. Потебня) («Контекст 1991». С. 93).

Киркою рудокопный гном//Согласных хрусты рушит в томы...— Глоссолалия была построена на традиционном отождествлении «микрокосмоса» и «макрокосмоса», полости рта и вселенной, дыхательных и других процессов, происходящих в организме человека, и жизни космоса. Первое свидание продолжает тему Глоссолалии: возникновение «мира согласных» описывается как процесс «оплотневания» изначальной теплоты вселенной, «жара жизни», по мере продвижения струи жара из гортани к выходу из полости рта, то есть как бы в процессе сотворения земной коры, пластов земных пород, в толще которых обитают сказочные гномы. При этом особенно тесно с омертвевшей корой «жара жизни» соотнесен форсированно звучащий в первой строфе поэмы звук «К»: «К» — толщи их (минералов.— С. П., В. П.); «к» — удушение, смерть, стылость, холод, непроницаемость массы, инертность; и «к» — бессознательность, насильственность в прерывании воздушного тока — убийство; и оттого «к» — убийца; «к» — камень, кристалл, кремень, кварц и скелет, «к» — слепые потуги космических волнений, кашель (Глоссолалия. С. 113). Таким образом, первые же строки поэмы, помимо описания процессов рождения языка, символизируют и то безнадежно-угнетенное состояние поэта, которое далее описывается в категориях быта («Давно поломанная вещь...» и т. д.). Поэма и сотворяется как попытка выхода из состояния бессознательности, окаменелости и смерти, знаменует собою надежду на возрождение. Духов день — церковный, «переходный» (т. е. календарно не фиксированный) праздник, следует за Троицей. Именно в этот день — 20 июня 1921 г.— Белый приступает к работе над поэмой. Как бык, обрадуй зыком плоти...— В этой и последующих строках поэмы Белый обращается к образам евангелистов Марка, Луки, Иоанна, символами которых в христианской традиции стали «животные» из ветхозаветного видения Иезекииля (Иезекииль, 1 и 10): Лев, Телец — Бык, Орел (Лев — Марк, Телец — Лука, Орел — Иоанн). Милоть — овечья шкура, традиционное одеяние Иоанна Крестителя, который в поэме соотносится с образом Иоанна Богослова, самого родственного Белому по духу из евангелистов («Орел: тобой пересекусь...»): ведь именно Евангелие от Иоанна начинается программными для автора поэмы словами «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог // Оно было в начале у Бога // Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (1, 1, 2, 3). Евангелие от Иоанна резко отличается от трех других, так называемых «синоптических» Евангелий своим эзотерическим стилем, переосмыслением повествования о Христе в духе мифологического символизма. Русские философы и художники рубежа столетий с их тяготением к поиску конечного смысла бытия, с их идеализацией Изначального Единого не без влияния Вл. Соловьева испытывали особый интерес к Евангелию от Иоанна. «Х а» с «И» в «Ж е» — «Ж и з н ь...» — пересечение двух первых букв образует так называемую «хризму» — монограмму Иисуса Христа. Осанна (древнеевр.) — «Спаси же!» — молитвенный возглас: в данном случае — благословение. Святой огонь взвивает блеск — то есть Святой Дух: отождествление духа и огня традиционно для Белого.

Часть 1. Взойди, звезда воспоминанья...— см. комм. к стих. «Звезда» (Звезда). Поэма — первое свиданье; // Поэма — первая любовь...— Не исключено, что название и замысел поэмы восходят не только к «Трем свиданиям» Вл. Соловьева (см. вступит. ст.), но и к словам, с которыми в «Откровении св. Иоанна Богослова» Господь обращается к Ангелу Ефесской церкви: «Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь свою // итак, вспомни, откуда ты ниспал, и покайся...» (12, 4—5). Гильберт Гент (прав. Уильям Холмен Гент (1827—1910) — английский художник-прерафаэлит, интерес к которому в Белом пробудила О. М. Соловьева. И я — не гимназист: студент...— Окончив в 1899 г. гимназию Л. И. Поливанова, Белый осенью того же года поступает на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Котильон — бальный танец, возникший во Франции; объединяет в себе вальс, мазурку, польку и др. Упанишады — философские фрагменты древнейших индийских текстов — Вед (сер. II — сер. I тысячелетия до н. э.). Еще будучи

гимназистом, Белый читал «Отрывки из Упанишад», печатавшиеся в журн. «Вопросы философии и психологии». Роберт Бойль (1627—1691) — английский химик и физик, установивший закон соотношения объема и давления газа. Ян Дидерик Ван-дер-Ваальс (1837—1923) — голландский физик, объяснивший явление перехода вещества из газообразного в жидкое состояние и обратно. Рассердится товарищ наш...— Имеется в виду А. С. Петровский (см. комм. к стих. «Возврат», ЗЛ), с которым Белый подружился еще в университетские годы. Иван Михайлович Гревс (1860—1941) — историк-медиевист, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов, затем Петербургского университета. И ненароком Брюсов адит; // И гадость сделает Гадес — намек на увлечение Брюсова оккультизмом, на его связь с подземными, хтоническими стихиями (Гадес — Аид в древнегреч. миф.— бог подземного царства). «Нам „математика“ Брюсова,— писал Белый,— виделась символом жути, звериной души, обнажающей «гадость», романтика Гада (апокалипсического) вставала отсюда, он раз защищал от меня мировую, гнетущую «гадость». «Ах, скучно, Борис Николаевич: вы — со Христом, против Гада; вы — с Сильным; а Гад — победится; так сказано в Апокалипсисе; против Гада, слабейшего, выступать — не по-рыцарски; я — буду с Гадом; жаль Гада, ах, бедный Гад!» Споры с В. Я. возникали повсюду, где мы ни встречались; раз я, приподнявши бокал, возгласил: «Пью за свет». В. Я. Брюсов, усевшийся рядом со мной, вскочил как ужаленный; он, поднимая бокал, прогортанил: «За тьму» (Воспоминания. С. 147). ...символов дремучий лес...— намек на образ «леса символов» из сонета Ш. Бодлера «Соответствия» (1852), ставшего программным для символистов. К образу «леса символов» Белый не раз обращается и в литературно-философских статьях. Огромных космосов волна...— см. комм. к слову «эоны» (часть 3). «Дар Валдая» — слова из стих. Ф. Глинки «Тройка» (1824). И мой отец, декан Летаев... — Под такой фамилией Н. В. Бугаев изображен и в повести «Котик Летаев» (1922). И строгой физикой мой ум// Переполнял: профессор Умов...— Николай Алексеевич Умов (1846—1915) — выдающийся русский физик, у которого учился Белый-студент. «Лекции Умова по механике напоминали мне космогонию; ход физической мысли делался воочию зримым; формулы вылеплялись и выгранивались, как почти произведения искусства. Огромная область физики была им высечена перед нами, как художественное произведение, единообразное по стилю; мы почти видели, как из хаоса молекулярных биений сваивалась предметность обставшей физики» (На рубеже. С. 82). Джемс Клерк Максвелл (1831—1879). Энтропия — однозначная функция состояния термодинамической системы. Уильям Томсон, барон Кельвин (1824—1907). Пьер Кюри (1859—1906) — французский физик и химик, занимавшийся изучением радиоактивности. Интерес к позднейшим достижениям физики и химии проходит через всю жизнь Белого, любившего называть себя «естественником». Об этом интересе свидетельствует в своих воспоминаниях К. Н. Бугаева: «Он любил факты, опыт и точное знание. Физика, химия, их достижения интересовали его до конца. Он говорил о Боре и Резерфорде, когда о них знали еще узкие специалисты. И упоминал об атомной энергии уже в «Первом свидании» (К. Бугаева. С. 277). Гекатомба — массовое жертвоприношение, одновременная насильственная гибель многих людей. Далай-лама — первосвященник ламаистской церкви в Тибете. Лазулитовая (лень) — от «лазулита», минерала породы топазов. Меланитовые (очи) — от «меланита» (мелинита) — взрывчатого вещества ярко-желтого цвета. В мои строфические дни//И в симфонические игры...— то есть в годы написания первых стихов из ЗЛ и «симфоний», иначе говоря, «на рубеже столетий». Дионисические тигры — зд.: страсти; для создания этой метафоры Белый обращается к образному и понятийному строю книги Ф. Ницше („Рождение трагедии из духа музыки“), в которой древнегреч. бог живой силы природы Дионис — Вакх, погибающий и воскресающий (обряд жертвоприношения Диониса и составляет содержание древнейших мистерий), противопоставлен как символ хаоса, «ночной» стороны души, темных, влекущих человека к гибели страстей, богу света Аполлону. Как

струи слова Заратустр...— В имени легендарного основателя одной из древнейших восточных религий зороастризма (VII в. до н. э.), ставшего героем книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», Белый — автор Глоссолалии — усматривает символико-звуковое запечатление «воспоминаний солнечной жизни»: «Zoraastra» — звезда утра, где «Zor» есть ядро: оно — солнечный взор; «str» — лучи во все стороны... «Заратустра» есть распростертый лучами на все из духовного света — жара души» (Глоссолалия. С. 61).

Часть 2. «Бискр» (бистр) — темно-коричневая краска. Ангелология Фомы — учение одного из крупнейших средневековых богословов Фомы Аквинского (1225—1274) об ангельской иерархии. Инкунабулы — первопечатные книги. «Навек одно» — из стих. Вл. Соловьева «Знамение» (1898). Четьи-Минеи («чтения ежедневные») — уже упоминавшиеся сборники житий святых, составленные по месяцам в соответствии с днями чествования церковью памяти каждого святого. Альфред де Виньи (1797—1863) — французский поэт-романтик. Кармен — героиня одноименной новеллы П. Мериме (1845). Жюль Амедей Барбье д'Оревильи (1808—1889) — французский писатель, автор очерков «О дендизме и Джордже Бреммеле» (1845). Аля — Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух (см. комм. к стих. «На рельсах» (Пепел). Сережа — С. М. Соловьев (см. комм. к стих. «Великан» (З Л). О Логосе мы спорим с ним, // Не соглашаясь с Трубецким...— Логос — Христос — центральное понятие гностицизма — религиозно-философского учения, возникшего по всему Средиземноморью и Передней Азии в течение двух первых веков новой эры и соединившего христианство с элементами языческих религий и греческой философии. Гностицизм исходил из представления о человеке как продукте пленения души в материи вследствие космического грехопадения. Идеал гностицизма — слияние человека с Богом в процессе самопознания. Гностицизмом глубоко интересовались и Вл. Соловьев, написавший статью «Гностицизм» для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, и философ Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1905) — автор трудов по истории философии, в том числе книги «Учение о Логосе в его истории» (1900). Он встречен был, как Моисей... — то есть как пророк и спаситель. Моисей — в Ветхом завете вождь еврейского народа, имевший откровение от Бога и избавивший свой народ от египетского плена. Две бабушки, четыре дяди // и, кажется, шестнадцать тетьи...— Вспоминая семью Соловьевых, Белый писал в своих мемуарах: «Из лиц, с которыми пришлось встречаться за круглым столом в эпоху 1895—1899 годов (эпоха гимназическая), отмечу стаи родственников, потрясавших количеством; мне впоследствии Сережа представляется несчастным бегуном, ежедневно мчавшимся по квартирам родных...» (На рубеже. С. 364). Григорий Назианзин Богослов (ок. 329 — ок. 389) — видный деятель восточно-римской церкви, патриарх Константинополя, сыграл большую роль в оформлении догматов христианского вероучения, один из первых христианских поэтов. Соня Н-а — Софья Владимировна Гиацинтова (1895—1982) — в те годы гимназистка, в будущем знаменитая актриса. Надежда Львовна Зарина — под этим именем в поэме изображена Маргарита Кирилловна Морозова. В 1901 г. Белый нередко встречал Морозову на симфонических концертах, она и стала для юного последователя Вл. Соловьева первым в его жизни воплощением Софии Премудрости. Белый пишет Морозовой письма, подписывая их «Ваш рыцарь». Содержание этих писем объясняет и происхождение фамилии «Зарина»: «...зоревая грусть,— только она вызвала это письмо... Вы — моя заря будущего. В Вас — грядущие события. Вы — философия новой эпохи...» (цит. по изд.: Стихотворения и поэмы. С. 623). М. К. Морозова изображена Белым как Сказка в «Симфонии» (2-й, драматической). В 1905 г., давно исцелившись от юношеской влюбленности и изжив «зоревые» фантазии, Белый знакомится с Морозовой, становится частым посетителем ее собраний в особняке на Смоленском бульваре. «М. К.— оказалась большим человеком, она повлияла на многих из деятелей того времени... В ней встречаю редчайшее сочетание непосредственности с совсем исключительным пониманием Ницше и музыкальной культуры; она имела

способность объединить музыкантов, философов, символистов, профессоров, общественников, религиозных философов; нас, символистов, влекло к ней ее понимание зорь 901—902 годов; она зори видела: воспринимала конкретно... Я ей обязан в жизни бесконечно многим» (Воспоминания. С. 290—291). В свою очередь М. К. Морозова оставила очень интересные воспоминания об Андрее Белом, которые опубликованы в кн.: Белый. С. 522—545. Лев — символический, Иудин...— «Лев от колена Иудина» снимает в Апокалипсисе печать с книги, в которой заключено откровение о грядущей гибели старого мира. Серапис или Апис-бык...— главное божество эллинистического Египта, возникшее в результате объединения в одно лицо древнеегипетского бога плодородия Осириса и священного быка древнеегипетской мифологии Аписа. Брама (Брахма) — в индуизме творец мира и всего сущего. «Мир — представление мое!» — одно из центральных положений учения немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788—1860), творчеством которого Белый увлекался с гимназических лет. «...от Упанишад к Шопенгауэру — отрезок пути от 1896 года к весне 1897»,— читаем мы в «Почему я стал символистом (с. 428). Воанергес (греч.) — в Евангелии «сыны громовы», ученики Иисуса Христа. Амиант — минерал, разновидность асбеста. Рясофорный — послушник, получивший благословение от настоятеля носить рясу и клобук без пострижения. Куколь — монашеский головной убор, капюшон. Василий Осипович Ключевский (1841—1911) — историк, автор «Курса русской истории», профессор Московского университета. Александр Борисович Гольденвейзер (1875—1961).— Белый встречался с ним в доме Метнеров и состоял в переписке. Сердит, убит и возмущен//Тем, что природа не воскресла.— Белый присутствовал на чтении Вл. Соловьевым в доме его брата «Краткой повести об Антихристе» в мае 1900 г., которое описано в очерке «Владимир Соловьев» (см. Арабески). То было последнее посещение Москвы неизлечимо больным философом. Но и мир, по диагнозу, поставленному Вл. Соловьевым в его последней книге «Три разговора» (1900; «Повесть об Антихристе» была ее частью), тоже неизлечимо болен, а человечество обречено; от прежних радужных надежд и оптимистических прогнозов теперь не осталось и следа. Вот как об этом повествует ближайший друг Соловьева философ Е. Н. Трубецкой: «Мы знаем, что уже «Три разговора» были написаны в преддверии не так уж далекой смерти самого их автора. Это предчувствие близкого собственного конца в связи с изданием книги, повествующей о непосредственно предстоящем всеобщем конце, не есть результат простой случайности. Что-то оборвалось в Соловьеве, когда он задумал эту книгу: ее мог написать только человек, всем существом своим предваривший как свой, так и всеобщий конец» (Трубецкой Е. П. Миросозерцание Вл. Соловьева. М., 1913. Т. 2. С. 304—305). ...над Россией — тайный враг...— Белый вновь возвращается к соловьевской идее панмонголизма (см. комм. к стих. «Японец возьми»). ...земли портящий овраг//Грызет юго-восток Европы...— В статье «Враг с Востока» Вл. Соловьев писал об угрожающей русскому земледелию эрозии почвы. В свою очередь Белый, учась в университете, написал кандидатское сочинение «Об оврагах» (1902). И в «Новом времени» о том//Демчинский знает, но не пишет...— Н. А. Демчинский вел в газ. «Новое время», выходившей в Петербурге с 1868 по 1917 г., календарь природы. Свечений зорь нельзя никак//Понять с научной точки зрения...— Белый вновь возвращается к поразившему современников «свечению зорь» во время извержения вулкана Мартиники в 1902 г., в чем Соловьев и соловьевцы видели один из знаков грядущей мировой катастрофы (см. комм. к стих. «Современникам» (Звезда). Агни — в древнеиндийской мифологии бог огня.

Часть 3. Град Гелиополь — город в Нижнем Египте, средоточие культа солнечных божеств и жреческой учености. В Библии (Бытие 41, 45) — родина невесты Иосифа. Отис — вымышленное Белым имя, стилизованное под древнеегипетские имена. Миозотис — незабудка. Загрей — в древнегреческой мифологии одна из архаических ипостасей бога Диониса, сына Зевса и богини Персефоны. Образ Загрея вошел в интересовавшую Белого теогонию орфиков — целую систему

философско-мифологических идей, возникшую на основе аполлоно-дионисийского синтеза в Аттике. Войтех Иванович Главач (1849—1911). Василий Ильич Сафонов (1852—1918) — пианист, дирижер, педагог и музыкальный общественный деятель. Каста «фонов» — новообразование Белого, производное от приставки «фон», употребляемой при дворянских фамилиях немецкого происхождения. Звукоряд — последовательное расположение звуков музыкальной системы, лада. Эреб (древнегреч. миф.) — самая мрачная часть подземного царства, ад. Эоны — гностический термин. В философии Валентина (ум. ок. 161 г.), самого популярного в окружении Белого представителя «гносиса», «вечное бытие» есть «мир эонов, из которого происходит и к которому возвращается все способное к восприятию истины» (см.: Соловьев Владимир. Валентин и валентиане//В кн.: Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Спб., 1881. Т. V. Полутом 9. С. 406—407). 30 эонов составляют выраженную полноту бытия — Плерому, которую венчает тридцатый эон — София. Понятие эона использовалось в теософии для интерпретации древнеиндийской космогонии. В комм. к статье «Эмблематика смысла», излагая отдельные положения теософии, Белый пишет о том, что «время Манвантарайи (одного из двух состояний мира) делится на семь периодов или Эонов, обнимающих период в 311 триллионов лет» (Символизм. С. 491—492). Описывая падение Софии в доначальную Глубину — «в бездну, где нет еще мира, но где будет он», Белый отмечал, что «вся мировая история — часть биографии этой Софии, падение, распаденье ее, возвращенье, смешение сфер, разделение...» (Воспоминания. С. 228—229). Ореады (древнегреч. миф.) — нимфы гор и пещер. Алексей Сергеич П-овский — А. С. Петровский. Владимир Васильевич Марковников (1837—1904) — химик, основатель научной школы. Софья Андреевна Толстая (1844—1919) — жена Льва Николаевича Толстого. Эмануэль Сведенборг (1688—1772) — шведский ученый-натуралист, мистик и теософ, создавший учение о «потусторонней» жизни и о поведении бесплотных духов. И я, как гиблый гибеллин//У гвельфов ног...— В Италии XII—XV вв.— две партии, боровшиеся за власть. Гибеллины — сторонники императора Священной Римской империи, гвельфы — папства. Рафаэль Санти (1483—1520). Смеясь без мысли и без речи — измененная строка из стих. А. Блока «Я, отрок, зажигаю свечи...» (1902). Норны (древнегреч. миф.) — три девы, богини судьбы. Вотан (древнегерм. миф.) — бог войны, на каждом плече которого сидело по ворону, ежедневно облетавшему мир и сообщавшему ему обо всем виденном. Василий Ильич —Сафонов (1852—1918) — пианист, дирижер, педагог и музыкально-общественный деятель. По всей России известный Ф. Трепов. — Ошибка памяти Белого. Петербургский градоначальник Федор Федорович Трепов скончался задолго до событий, описываемых в поэме,— в 1889 г. Речь идет о его сыне Дмитрии Федоровиче Трепове (1855—1906), московском обер-полицмейстере, с 1905 г. — петербургском генерал-губернаторе, возглавившем вооруженное подавление восстания 1905—1907 гг. Иван Войтехович Гржимали (1844—1915). С'кон'апель (от фр. ce qu'on appelle) — то, что называется. Михаил Абрамович Морозов (1870—1903) — московский фабрикант, автор исторических и литературных произведений, художественный критик. Муж М. К. Морозовой. Фиоритура — орнаментальный пассаж, украшающий мелодию. Александр Николаевич Скрябин (1872—1915) — композитор и пианист, музыкальное новаторство которого пользовалось особым вниманием в среде символистов. Мышиный жеребчик — «старый худощавый щеголь и волокита» (Даль. Т. I. С. 534). Виеголовый — прилагательное-неологизм, образованное Белым от имени персонажа повести Гоголя «Вий». ...Марию зрящей Марфы — Мария и Марфа, сестры Лазаря в евангельском предании (Лука, 10, 38—42), воплощают: первая — духовное, вторая — суетное начала. Сетаккорд — аккорд из 4 звуков, которые могут быть расположены по терциям. Аллилуйя (древнеевр.— «хвалите Господа») — возглас, прославляющий Бога. В христианском богослужении припев церковного песнопения, обращенный ко всем ипостасям божественной троицы. Цевница — многоствольная флейта. Денница — утренняя заря. Огонь Сент-Эльма — электрические раз-

ряды в виде языков пламени, наблюдаемые в естественных условиях. Названы по имени церкви Святого Эльма, на башне которой они часто возникали. Дамасский свет — свет с неба, осиявший язычника Савла, гонителя христиан, на дороге к Дамаску, после чего тот уверовал в Иисуса Христа и стал ревностным его последователем — апостолом Павлом (Деяния Апостолов, 9). Владимир Владимирович Каллаш (1866—1919). Дмитрий Федорович Егоров (1869—1931) — профессор Московского университета. Иван Алексеевич Каблуков (1857—1942). Владимир Иванович Шенрок (1853—1910) — историк литературы, автор исследований о Гоголе.

Часть 4. Ротонда — длинная женская накидка без рукавов. Лемуры (римск. миф.) — замогильные призраки, души умерших, обладавшие диким и беспокойным нравом, в отличие от мирных призраков — ларов. Осанна (древнеевр.— «Помоги нам!» — молитвенное восклицание в иудейском и христианском богослужении. Орфическая цевница — здесь: лира Орфея, фракийского певца, сына музы Каллиопы, укрощавшего своим пением дикие силы природы, очаровывавшего богов и людей. Пречистенка — одна из центральных улиц Москвы, на которой помещалась первая частная мужская гимназия Л. И. Поливанова (1895—1899 гг. в ней учился Белый). Церковь Неопалимой Купины в Неопалимовском переулке...— Обратимся к известному справочнику «По Москве»: «Далее тянется тенистый Смоленский бульвар, замыкавшийся Зубовской площадью. Второй переулок с правой стороны бульвара — Неопалимовский, Новая Государева Конюшенная слобода. Церковь ее... была строена царскими конюхами в 1680 г.» (с. 284). Здесь, в Неопалимовском переулке, жил в 1919 г. бесприютный Белый в семье Васильевых (жена доктора Васильева через несколько лет станет второй женой Белого).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Авторские предисловия к сборникам стихотворений

Вместо предисловия (к Собранию стихотворений изд. «Сирин», 1914). В мае — июне 1914 г., находясь в Швейцарии (Дорнах — Арлесгейм), Белый приступает к работе по подготовке двухтомного собрания стихов, которые предполагалось опубликовать в петербургском издательстве «Сирин», незадолго перед этим издавшем в своих сборниках (№ 1—3. 1913—1914) роман «Петербург». В это собрание стихов, построенное по хронологическому принципу, должны были войти стихи 1901—1907 гг., отобранные автором из сборников «Золото в лазури», «Пепел» и «Урна», согласно сформулированному в предисловии принципу (не художественная значимость, а симптоматичность произведений). Однако задуманное издание не было осуществлено: из-за военных событий владелец «Сирина» М. И. Терещенко прекратил свою книгоиздательскую деятельность. ...Юношеский отрывок из ненаписанной мистерии «Пришедший».— Весной 1898 г., будучи гимназистом седьмого класса, Белый составляет план и делает первые наброски мистерии-драмы «Антихрист», над которой продолжает работать зимой 1899 г. Тема мистерии — пришествие антихриста под маской Христа, что многократно будет варьироваться в дальнейшем в поэзии и прозе писателя. Мистерия остается незавершенной, но в 1900 г. Белый перерабатывает один из фрагментов «Антихриста» и дает ему название «Пришедший». Впервые этот драматический отрывок был напечатан в 1903 г. в третьем альманахе «Северные цветы» изд. «Скорпион».

Предисловия в сборнике «Стихотворения» — 1923, Берлин. Однотомник «Стихотворения» (1923), предисловия к которому приводятся нами, готовился автором в сентябре — октябре 1922 г. во время его пребывания в Берлине. Так же как и подготовленный в 1920 г. для издательства Гржебина том стихов, это издание строилось вне хронологии, представляло собою вариативное объединение сборников З Л, «Пепел» и «Урна» с добавлением поэм и сборников К Р, «Звезда» и П Р. «Мейстер Эккарт» — Иоганн Экхарт (ок. 1260—1327) — немецкий мыслитель, представитель философской мистики позднего средневековья, приближавшийся

к пантеизму. Михаэль Бауэр (1871—1929) — один из первых учеников Штейнера и самых активных деятелей антропософского движения, автор религиозно-философских и педагогических сочинений. Белый посвятил ему стих. «Речь твоя — пророческие взрывы» (К Р). Ср.: «...с 1915 года я удостоился счастья ближе узнать Михаила Бауэра, бывать у него и пользоваться его советами (...) беседы с ним, его умудренное бездонно-глубокое слово, поднесенное иной раз под формой грубоватого народного афоризма, с «солью и перцем», но сквозящее внутренним теплом и добротой,— незаменимо; то, что я получил от Бауэра, доктор сам мне не мог бы дать. Я разумею — «тональность», совершенно индивидуальную, «бауэровскую» (Белый Андрей. Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982. С. 159).

Предисловие (к сборнику «Пепел», 1925). Правка первого издания книги стихов «Пепел» была осуществлена впервые для издательства В. Пашуканиса, где сборник должен был выйти в 1917 г. под названием «Россия». «Но подобно «Золоту в лазури»,— пишет Белый,— текст был утерян, а копии текста у автора не было», и для планируемого нового издания (изд. Гржебина, 1920) «с прискорбием возвращается автор к старой редакции: злой рок преследует все авторские начинания; рукописи его затериваются, между тем у него нет ни времени, ни сил восстанавливать потерянное» (предисловие, написанное в июле 1920 г. к 4-му тому неосуществленного Собрания сочинений. Цит. по Л Н. С. 589). В 1922 г. подготовляя к печати однотомник стихов издательства Гржебина, Белый вновь подверг «Пепел» переделке и перестройке. Вся эта правка была учтена для планируемого в 1925 г. издательством «Круг» переиздания «Пепла». Рукопись была подготовлена автором, но издание и на этот раз не осуществилось. В сохранившемся отрывке плана 1925 г. «О томе стихов» есть указание, что пятым и шестым отделами этого тома должны быть «Пепел» и «Прежде и теперь», данные по тексту сборника 1923 г. Михаил Петрович Арцыбашев (1878—1927) — прозаик, драматург, имя которого часто упоминается в произведениях Белого как синоним низменного вкуса и морального разложения. Станислав Пшибышевский (1868—1927) — польский прозаик, драматург символистского направления. Белый посвятил ему специальную статью «Пророк безличия», опубликованную в «книге статей» Арабески. Оскар Уайльд (1854—1900) — английский прозаик, поэт, драматург, эссеист. Франк Ведекинд (1864—1918) — немецкий писатель (см. главу о нем в кн. «Между двух революций», с. 121—125). ...проживая с 1912 года главным образом за границей».— В марте 1912 г. Белый с первой женой А. Тургеневой живет по преимуществу за границей, лишь наездами бывая в России. На родину Белый возвращается лишь в августе 1916 г.

Предисловие (к сборнику «Пепел», 1929). Второе, композиционно и стилистически совершенно переработанное издание «Пепла» вышло в 1929 г. в изд. «Никитинские субботники». В приводимом ниже предисловии автор пишет, что книга заслуживает внимания человека новой эпохи, так как является художественным документом 1905—1908 гг. и, кроме того, посвящена памяти неустаревшего Некрасова. Это — «лирическая поэма в четырех частях», ее части — «Глухая Россия», «Мертвый город», «В полях», «Злая деревня». Вместо 101 стих. старого «Пепла» в новом было 78, из них 16 новых. Второе издание «Пепла» оказалось последней прижизненной книгой стихов Белого, хотя планов и проектов возникало еще великое множество (о чем свидетельствуют хотя бы публикуемые ниже предисловия к несостоявшимся сборникам стихов). ...книга, отпечатанная в 1908 году в ограниченном количестве экземпляров.— Тираж первого издания «Пепла» был 1000 экземпляров.

Вместо предисловия (к неизданному тому стихов «Зовы времен»). План издания стихов 1931 г.— последний в ряду многочисленных планов Белого и выражение его последней авторской воли. Согласно этому плану все стихотворное наследие Белого должно быть распределено по двум томам, каждый из которых разбит на разделы и завершается поэмой: том первый — «Зовы времен» состоит из разделов: 1. Летние блески. 2. Трепетень. 3. Возврат. 4. Белые стихи. 5. Черч теней. 6. Исход. 7. Молнии лет. 8. Христос воскрес. Том второй — «Звезды над

урной»: 1. Россия. 2. Деревня. 3. Пепел. 4. В полях. 5. Стилизации. Прежде и теперь. 6. Урна. 7. Выздоровление. 8. Звезда. 9. Первое свидание. В составе отделов обоих томов намечено новое перераспределение содержания прежних сборников, с преобладанием, однако, в первом томе «Золота в лазури», а во втором «Пепла». «Трудная моральная» работа над первым томом была в основном завершена, тогда как второй том не был проработан и остался в виде набросанной автором «условной схемы» (см. Л Н, с. 598). План издания «Зовов времен» оставался неосуществленным ни при жизни Белого, ни долгие годы спустя после его смерти. Впервые напечатаны в кн.: Стихотворения, т. 2. Брюсов безмерно пощадил меня, назвав «Золото в лазури» рубищем с вкрапленными в него драгоценностями... Имеется в виду брюсовская рецензия: Андрей Белый. Золото в лазури. Вячеслав Иванов. Прозрачность (Весы. 1904. № 4. С. 60—62). Вернее определил «Золото в лазури» мой, в свое время, гонитель Анатолий Бурнакин...— Анатолий Андреевич Бурнакин (?—1932) — поэт, критик, журналист, имеется в виду его статья «Литературная современность II. Сезонная ложь» (Русская жизнь. 1910. № 2. С. 41, 42). Подпись: Однодум. ...«надсоновщина» — настроения бессилия, разочарования, сомнения, связанные с творчеством поэта Семена Яковлевича Надсона (1862—1887) — кумира русской интеллигентской молодежи в эпоху кризиса революционного народничества.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ БЕЛОГО

1880

14 октября (26 октября н. с.) Борис Николаевич Бугаев родился в Москве. Отец — Николай Васильевич Бугаев (1837—1903) — математик, профессор Московского университета. Мать — Александра Дмитриевна Бугаева, урожд. Егорова (1858—1922).

1891

Сентябрь. Поступление в московскую частную гимназию Л. И. Поливанова (окончание — 1899 г.).

1899

Сентябрь. Поступление на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (окончание — 1903 г.).

1902

Апрель. Под псевдонимом «Андрей Белый» выходит в свет «Симфония (2-я, драматическая)» — первое опубликованное произведение писателя.

1903

Октябрь. Выход «Северной симфонии (1-й, героической)».

1904

10 января. Первая встреча с А. А. Блоком.
Март. Выход в свет книги стихов и лирической прозы «Золото в лазури».
Сентябрь. Поступление на историко-филологический факультет Московского университета, учеба была прервана в 1906 г. в связи с отъездом за границу.
Ноябрь. Выход в свет книги «Возврат. III симфония».

1906

Сентябрь. Отъезд за границу (Мюнхен, Париж). Возвращение в Москву — март 1907 г.

1908

Апрель. Выход в свет книги «Кубок метелей. Четвертая симфония».
Декабрь. Опубликована книга «Пепел. Стихи».

1909

Март. Выход книги «Урна. Стихотворения».

---

* Подробнее см.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества. Составитель А. В. Лавров (Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988).

1910

Апрель. Выходит в свет «Символизм. Книга статей».
Май. Выходит в свет «Серебряный голубь. Повесть в 7 главах».
Июль. Публикация книги статей «Луг зеленый».
Ноябрь. Отъезд в заграничное путешествие (Италия, Тунис, Египет, Палестина).

1911

Март. Выход в свет «Арабески. Книга статей».
Апрель. Возвращение на родину.

1912

Март. Отъезд из Москвы за границу, где с короткими перерывами Белый проживет до 1916 г.
Май. Встреча в Германии с доктором Р. Штейнером.

1913

Октябрь. Выходят в свет 1—3 главы романа «Петербург».
Декабрь. Выходят в свет 4 и 5 главы романа «Петербург».

1914

Март. Выходят в свет 6—8 главы и эпилог романа «Петербург».

1916

Апрель. Выходит в свет отдельное издание романа «Петербург».
Август. В связи с призывом на военную службу выезжает из Дорнаха на родину.
Ноябрь. Выходит в свет исследование «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности».

1917

В течение года выходят в свет два тома «Собрания эпических поэм» Андрея Белого. Издание на этом прекращается.

1918

Январь. Закончено печатание романа «Котик Летаев» (начало — в августе 1917 г.).
Май. Опубликована поэма «Христос воскрес».

1919

В течение года выходят книги: «Звезда. Новые стихи», «Королевна и рыцари. Сказки».

1921

Май. Последняя встреча с Блоком.
Октябрь. Выходит поэма «Первое свидание». Отъезд из Москвы в Берлин.

1922

Февраль. Выходит в свет «Офейра. Путевые заметки. Ч. I».
Март. Выходит в свет «Возвращение на родину (отрывки из повести)».
Апрель. Выходит в свет «Звезда. Новые стихи».
Июнь. Выходит в свет «Котик Летаев».

В течение года выходят в свет книги: «Возврат. Повесть», «Глоссолалия. Поэма о звуке», «Записки чудака» (т. 1—2), «Стихи о России», «После разлуки. Берлинский песенник», «Путевые заметки. Сицилия и Тунис».

1923

Первая половина года. Выходят в свет книги: «На перевале», «Стихотворения», «Воспоминания о Блоке».
Октябрь. Отъезд из Берлина в Москву.

1925

Ноябрь. Премьера пьесы «Петербург» во МХАТ-2.

1926

Июнь — август. Выходят в свет первая и вторая части романа «Москва».

1927

Апрель — июль. Поездка по Грузии.

1928

Май — август. Поездка по Грузии и Армении.
Август. Выходит в свет книга «Ветер с Кавказа. Впечатления».

1929

Январь. Заканчивает воспоминания «Рудольф Штейнер» (опубликованы в Париже в 1982 г.).
Апрель — август. Поездка по Армении и Грузии.
Май. Выходит в свет «Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование».

1930

Январь. Выходят в свет воспоминания «На рубеже двух столетий».

1933

Январь. Выход в свет романа «Маски».
Ноябрь. Выходят в свет воспоминания «Начало века».

1934

8 января. Смерть Андрея Белого.
Апрель. Выходит в свет книга «Мастерство Гоголя. Исследование».

1935

Апрель. Посмертно опубликованы воспоминания «Между двух революций».

СОДЕРЖАНИЕ

В. Пискунов. Лики поэзии Андрея Белого 5

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ 21

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ 22

Бальмонту . . . . . —
Золотое руно 24
Солнце 25
Закаты 26
За Солнцем 28
Вечный зов . . . . . —
Гроза на закате 30
Три стихотворения . . . . . —
Путь к невозможному 32
Не тот. 33
Во храме 36
Старец 37
Образ Вечности 38
Усмиренный . . . . . —
Последнее свидание 39
Таинство . . . . . —
Вестники 40
В полях 41
Священный рыцарь . . . . . —
Душа мира 42

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ 44

Опала . . . . . —
Объяснение в любви 45
Менуэт 46
Прощание 47
Полуночницы 48
Променад 50
Ссора . . . . . —
Заброшенный дом 51
Сельская картина 52
Воспоминание (Задумчивый вид...) 54
Отставной военный 55

Незнакомый друг 57
Весна (Всё подсохло. И почки уж есть...) 58
Из окна 59
Свидание (Время плетется лениво...) . . . . . —
Кошмар среди бела дня 60
На окраине города 61

ОБРАЗЫ 62

Великан . . . . . —
Не страшно 65
Поединок 66
Битва 67
Пригвожденный ужас . . . . . —
На горах 68
Вечность 69
Маг (Я в свите временных потоков...) 70
Кентавр . . . . . —
Игры кентавров 71
Битва кентавров 72
Песнь кентавра 73
Утро 74
Пир (Поставил вина изумрудного кубки...) 75
Старинный друг 76
Возврат 79

Уж этот сон мне снился... 81
Преданье . . . . . —
Гном 84
Серенада 85
Одиночество 86
Утешение 87
Жизнь . . . . . —
Тоска 88
Один 89
Осень (Пролетела весна...) . . . . . —
Грезы 90
Северный марш . . . . . —
Кладбище 91

БАГРЯНИЦА В ТЕРНИЯХ 92

Разлука . . . . . —
Могилу их украсили венками... 93
Св. Серафим 94
Владимир Соловьев . . . . . —
Ожидание 95
Призыв 96

Знаю . . . 96
Возмездие . . . 97
Безумец . . . 99
Жертва вечерняя . . . 101
Мания . . . 102
Забота . . . —
Блоку . . . 104
Одиночество . . . 106
Осень . . . —
Священные дни . . . 107
На закате . . . 108
Подражание Вл. Соловьеву . . . 109
Любовь (Был тихий час. У ног шумел прибой...) . . . —
Ясновидение . . . 110
Мои слова . . . —
С. М. Соловьеву (Сердце вещее радостно чует...) . . . 111
Раздумье . . . —

ПЕПЕЛ . . . 113
Вместо предисловия . . . 114

РОССИЯ . . . 116
Отчаянье (Довольно: не жди, не надейся...) . . . —
Деревня (Снова в поле, обвеваем...) . . . —
Шоссе . . . 118
На вольном просторе . . . —
На рельсах . . . 119
Из окна вагона . . . 120
Телеграфист . . . —
В вагоне . . . 123
Станция . . . 124
Каторжник . . . 126
Вечерком . . . 128
Бурьян . . . 129
Арестанты . . . 130
Веселье на Руси . . . 131
Осинка . . . 133
Песенка комаринская . . . 137
На скате . . . 138
Пустыня (Укройся в пустыне...) . . . 139
Горе . . . 140
Русь . . . 142
Родина (Те же росы, откосы, туманы...) . . . 143

ДЕРЕВНЯ 144
Купец . . . . . —
Свидание (Ряд соломой крытых хижин...) 145
Стар 146
На откосе 147
Предчувствие (Паренек плетется в волость...) 148
Убийство 149
Бегство (Ноет грудь в тоске неясной...) 150
В городке 151
В деревне 152
Виселица 153
С высоты 154
ПАУТИНА 155
Калека . . . . . —
Весенняя грусть 156
Предчувствие (Чего мне, одинокой, ждать?..) 157
Паук . . . . . —
Мать 159
Судьба 160
Свадьба 162
После венца 163
ГОРОД 165
Старинный дом . . . . . —
Маскарад 167
Меланхолия 170
Отчаянье (Веселый, искрометный лед...) . . . . . —
Праздник 171
Пир 172
Укор 174
Поджог . . . . . —
На улице 175
Вакханалия . . . . . —
Арлекинада 176
Преследование 178
Похороны . . . . . —
Пока над мертвыми людьми... 179
В Летнем саду 180
На площади 181
Прохождение 182
БЕЗУМИЕ 183
В полях . . . . . —
Матери . . . . . —

Полевой пророк 184
На буграх 185
Полевое священнодействие . . . . . —
Последний язычник 187
Успокоение . . . . . —
Угроза 189
В темнице . . . . . —
Утро (Рой отблесков. Утро: опять я свободен и волен...) 190
Отпевание . . . . . —
У гроба 192
Вынос 193
Друзьям 194
Туда 195
Я в струе воздушного тока... 196

ПРОСВЕТЫ 197

Поповна . . . . . —
Город 200
Тройка . . . . . —
Странники 201
В лодке 202
Жизнь . . . . . —
Вечер (Вечер. Коса золотистая...) 203
Тень . . . . . —
Работа 204
Всё забыл 205
Кроткий отдых 206
Прогулка . . . . . —
Обручальное кольцо 207
Память . . . . . —
Ты 208
Приходи 209
Свидание . . . . . —
Обет 210

ГОРЕМЫКИ 211

Изгнанник . . . . . —
Бегство . . . . . —
В полях (В далях селенье...) 213
Хулиганская песенка 214
Путь . . . . . —
Вспомни! 215
Побег 216
Осень (Мои пальцы из рук твоих выпали...) . . . . . —
Время 217
Успокоение 219

УРНА 223
Вместо предисловия 224
В. БРЮСОВУ 225
Поэт (Ты одинок, И правишь бег...) . . . . . —
Созидатель . . . . . —
Маг (Упорный маг, постигший числа...) 227
Встреча 228
ЗИМА 230
Зима (Снега синей, снега туманней...) . . . . . —
Ссора 231
Я это знал 233
Весна (Уж оттепельный меркнет день...) 234
Воспоминание (Декабрь... Сугробы на дворе...) . . . . . —
В поле (Чернеют в далях снеговых...) 235
Совесть 236
Раздумье 237
Ночь (Хотя бы вздох людских речей...) . . . . . —
Смерть (Кругом крутые кручи...) 238
РАЗУВЕРЕНЬЯ 240
Когда... (Когда сквозных огней...) . . . . . —
Ночь (Как минул вешний пыл, так минул страстный зной...) 241
Прости . . . . . —
«Да, не в суд или во осуждение...» 243
ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ГРУСТЬ 244
Премудрость . . . . . —
Мой друг 245
К ней 246
Ночью на кладбище . . . . . —
Под окном 247
Искуситель . . . . . —
Признание 249
Эпитафия 250
Буря 251
Демон (Из снежных тающих смерчей...) . . . . . —
Я (Далек твой путь: далек, суров...) 252
ТРИСТИИ 254
Алмазный напиток . . . . . —
Волна . . . . . —
Разлука (Ночь, цветы, но ты...) 255
Вольный ток . . . . . —

Ночь (О ночь, молю...) . . . 256
Кольцо . . . 257
Прошлому . . . 258
Жалоба . . . 259

ДУМЫ . . . 260
Жизнь . . . —
Ночь и утро . . . —
Ночь-отчизна . . . 261
Вечер (Там золотым зари закатом) . . . —
Перед грозой . . . 262
Рок . . . —
Просветление . . . 263
Время (Еще прохладу струй студеных...) . . . 264

ПОСВЯЩЕНИЯ . . . 266
Льву Толстому . . . —
Сергею Соловьеву . . . —
Э. К. Метнеру (П и с ь м о) . . . 268

КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ. Сказки . . . 271

Перед старой картиной . . . 272
Шут (Баллада) . . . 275
«И опять, и опять, и опять...» . . . 281
Голос прошлого . . . —
Близкой . . . 283
Родина (Наскучили старые годы...) . . . 285
«Вы — зори, зори! Ясно огневые...» . . . 286
Вещий сон . . . 287
Вечер (На небе прордели багрянцы...) . . . —

ЗВЕЗДА . . . 289

Христиану Моргенштерну. Старшему брату в Антропософии . . . 290
Звезда . . . —
Самосознание . . . 291
Карма . . . 292
Современникам . . . 294
Война . . . 295
А. М. Поццо (Пойдем и мы: медлительным покоем...) . . . —
А. М. Поццо (Я слышал те медлительные зовы...) . . . —
Асе (Едва яснеют огоньки...) . . . 296
Развалы . . . —
Вячеславу Иванову . . . 297

Асе (В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге...) . . . 298
Шутка . . . —
Тела . . . 300
Асе (Уже бледней в настенных тенях...) . . . —
Россия (Луна двурога...) . . . 301
Декабрь 1916 года . . . 302
А. М. Поццо (Глухой зимы глухие ураганы...) . . . —
Слово . . . 303
К России . . . 304
Антропософии (Над ливнем лет...) . . . —
Асе (Те же — приречные мрежи...) . . . 305
Дух . . . —
«Я» (В себе,— собой объятый...) . . . 306
Воспоминание . . . —
Сестре Антропософии . . . 307
Тело стихий . . . —
Встречный взгляд. Танка. . . . —
Крылатая душа. Танка. . . . —
Вода. Танка. . . . 308
Жизнь. Танка. . . . —
Лазури. Танка. . . . —
Асе (а-о) (Снеговая блистает роса...) . . . —
Утро (и-е-а-о-у) (Над долиной мглистой в выси синей...) . . . 309
Асе (При прощании с ней) (Лазурь бледна: глядятся в тень...) . . . —
Асе (Опять — золотеющий волос...) . . . 310
«Я» и «Ты» . . . —
Зов . . . 311
Родине (В годины праздных испытаний...) . . . —
Инспирация . . . 312
Антропософам . . . 313
Младенцу . . . —
Родине (Рыдай, буревая стихия...) . . . 314
Голубь . . . —
Чаша времен . . . 315
Антропософии (Из родников проговорившей ночи...) . . . —
Христиану Моргенштерну (От Ницше — Ты, от Соловьева — Я) . . . 316

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ. Берлинский песенник . . . 319

Будем искать мелодии . . . 320
Вечер . . . 324
Поется под гитару . . . —
Опять гитара . . . 325
Нет . . . 326
Пророк . . . 327

Бессонница 328
Больница 329
Ты — тень теней 330
Маленький балаган на маленькой планете «Земля» 331
В горах 339
«Я». Поется с балалайкой 341
М. И. Цветаевой 347

СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНЫЕ СБОРНИКИ 349

Гимн Солнцу 350
Подражание Гейне . . . . . —
Подражание Бодлеру 351
В лодке 352
Идеал . . . . . —
На границе между Перимской и Феотирской церковью 353
«Знание» 354
Попрошайка 355
Старинному врагу 356
Гроза в горах . . . . . —
Злая страсть 357
Месть 358
Любовники 359
Вместо письма 360
Опять он здесь, в рядах борцов 362
А. А. Блоку 363
В голубые, священные дни... 364
Теневой демон . . . . . —
Пусть в верху холодно-резком... 365
Светлая смерть 366
В альбом В. К. Ивановой . . . . . —
Людские предрассудки 367
Посвящение . . . . . —
Пришла... И в нечаемый час... 368
Цветок струит росу . . . . . —
Своему двойнику (Леониду Ледяному) . . . . . —
Первое мая 369
Июльский день: сверкает строго... 370
Асе (Ни «да», ни «нет»!..) . . . . . —
Пробуждение 371
Жди меня 372
Марш . . . . . —
Сестре (Не лепет лоз, не плеск воды печальный...) 373
Мигнет медовой желтизною скатов... 374
Снег — в вычернь севшая, слезеющая мякоть . . . . . —

Я — отстрадал; и — жив... Еще заморыш навий... 375
Демон . . . . . —
Рождество 376
Старый бард 377
Тимпан 378
Пещерный житель . . . . . —
Пародия 380
Трус городов 381
Подъем . . . . . —
День 382
Лес 383
Король 384
Андрон . . . . . —
Берлин 385
Кольцо 386

ПЕРЕРАБОТАННЫЕ СТИХИ 389

Лира 390
Шорохи . . . . . —
Восток побледневший 392
Россия . . . . . —
Любовь (— «Да, может быть, сказала ты...») 393
О полярном покое (Говорит виолончель) 394
Мути 396
Страх 397
Волны зари . . . . . —
Дорога 398
Овес 399
Н. В. Бугаеву 400
Прошумит ветерок 401
Церковь . . . . . —
Кладбище 402
Усадьба 403
Поэт . . . . . —
Аргонавты 404
Тело 406
Брюсов. Сюита 407
Землетрясение 414
Леопардовая лапа 416
Сумасшедший . . . . . —
Могилы их 417
Владимиру Соловьеву . . . . . —
Лето 418
Петел 419

В окне тюрьмы 421
Разуверенье . . . . . —
Солнечный дождь 422
Помойная яма 424
Японец возьми . . . . . —
Вставай 425
Город (Выпали желтые пятна...) . . . . . —
Пустой простор . . . . . —
Декабрь 427
Алмазный напиток (В серебряный//Расплёск...) . . . . . —
Старое вино 428

ХРИСТОС ВОСКРЕС. Поэма 431

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ. Поэма 447

ПРИЛОЖЕНИЯ

АВТОРСКИЕ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКАМ СТИХОТВОРЕНИЙ 480
Вместо предисловия (к Собранию стихотворений изд. «Сирин», 1914) . . . . . —
Предисловия в сборнике «Стихотворения» — 1923. Берлин. . . . . . —
Предисловие к сборнику «Пепел», 1925 486
Предисловие к сборнику «Пепел», 1929 487
Вместо предисловия к неизданному тому стихов «Зовы времен» 488
Предисловие к неизданному тому стихов «Зовы времен» 493

КОММЕНТАРИИ 494

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ БЕЛОГО 546

Андрей Белый

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Заведующий редакцией *В. Е. Вучетич*
Редактор *С. А. Куртинова*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 9788

ЛР № 010273 от 10.12.92.
Сдано в набор 22.03.94. Подписано в печать 23.06.94.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Бодони».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,55. Уч.-изд. л. 34,67.
Тираж 25000 экз. Заказ № 4483. С 054.

Российский государственный
информационно-издательский Центр «Республика»
Комитета Российской Федерации по печати.
Издательство «Республика». 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

А.П. 94г.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ **АНДРЕЙ БЕЛЫЙ**

А.П.93г.